

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ.

SCIENTIFIC JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2023. Том 50, № 2

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

2023. Том 50, № 2

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.6.1 – Отечественная история, 5.6.2 – Всеобщая история, 5.5.1 – История и теория политики, 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии, 5.5.4 – Международные отношения). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ» Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О.Н. Полухин, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы института экономики и управления НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Литовченко, заведующий кафедрой всеобщей истории педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, доцент

И.Т. Шатохин, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Галушко, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

С. Аглагич, доктор политических наук факультета политических наук Белградского государственного университета (Белград, Сербия)

И.Ю. Ващева, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижегород, Россия)

А.В. Глухова, доктор политических наук, заведующий кафедрой социологии и политологии, профессор Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Москва, Россия)

Г.Д. Гумба, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, этнологии и археологии Абхазии Абхазского государственного университета (Сухум, Республика Абхазия)

М. Казански, доктор истории Центра изучения византийской цивилизации (Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии, профессор политологии Университета штата Теннесси (Мерфрисборо, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук профессор кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина (Белгород, Россия)

М.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

ISSN 2687-0967

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Ивахненко. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.В. Литовченко. E-mail: galushko@bsu.edu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 27,5. Дата выхода 30.06.2023. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- 299 **Худавердян А.Ю.**
Длина тела в древних и современных популяциях Армении
- 315 **Клименко Р.В.**
От Нумистрона до Канузия: погоня Марцелла за Ганнибалом
- 323 **Веретенникова Е.П., Пашкова А.Ю.**
Роль климатических колебаний в развитии и сокращении сельского хозяйства в Малой Азии с IV по VII века н. э.
- 330 **Стржалковская А.Д.**
Краткий историографический обзор по вопросам изучения распространения оригенизма в IV–VI вв. в Византии
- 335 **Владимиров К.А.**
«Благожелательный деспотизм, смягчаемый милосердием»: социально-политические особенности галльского епископата в историографии XIX – нач. XX вв.
- 344 **Гудков Н.А.**
Принципы передачи императорской власти в позднеантичном обществе
- 355 **Третьякова М.В.**
Советы Томаса Хилла садоводам Англии XVI – начала XVII века: трактат «The arte of gardening»
- 364 **Шумаков А.А.**
Орлеанское восстание рабов 1811 г. в американской историографии
- 377 **Мишнев С.Н., Черномурова А.Н.**
Иллиризм как основа становления хорватской национальной идентичности
- 385 **Родович Ю.В.**
США – Европейский союз: история и перспективы взаимоотношений

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- 395 **Хлапонин А.В.**
Славянская и древнерусская пехота VI–XI вв.: эволюция тактики и вооружения
- 406 **Соломин В.А.**
Роль Византийской империи в церковной политике Древнерусского государства в середине XI века: на примере поставления митрополита Илариона
- 414 **Лупанова Е.М.**
«Кружала» – циркули XVI–XVIII вв. в собраниях Музея М.В. Ломоносова МАЭ (Кунсткамера) РАН
- 429 **Никишин Б.А.**
Переворот 11–12 марта 1801 года: современные подходы к изучению вопроса
- 442 **Шатохин И.Т., Шатохина С.Б.**
Эволюция правовой регламентации определения на гражданскую государственную службу в Российской империи в 30–90-е годы XIX века
- 453 **Журавлёв С.С., Тимошинова Т.С.**
Крестьянская кооперация в кредитно-коммерческой и производственной сферах в начале XX века (по материалам Воронежской губернии)
- 462 **Калдузова Л.П.**
Обеспечение краеведческим материалом комплексных школьных программ в школах Оренбуржья в 1923–1927 гг.
- 470 **Стрельников М.А.**
Специфика оперативно-служебной деятельности органов НКВД в Сталинградской битве
- 484 **Буряк Ю.Ю., Шаповалов В.А.**
Эксплуатация Советским Союзом железных дорог Польши в 1944–1945 гг.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- 495 **Пашковский П.И.**
Специфика принятия внешнеполитических решений в СССР
- 503 **Фоминых А.Е.**
«Икс-15» против «Спутника»: тема космоса в советской и американской выставочной дипломатии 1959 г.
- 515 **Старкин С.В., Приписнова Е.С., Гнездова Е.В.**
Изоляционизм в современной внешнеполитической мысли США: коалиция Куинси
- 526 **Прасов А.А.**
Технократизм как политическая технология мифотворчества в государственном управлении России
- 537 **Хенес В.А.**
Взаимодействие государства и бизнеса как стратегия региональной интеграции в Южной Америке
- 547 **Усачев С.В.**
Эволюция экономической элиты Гондураса и особенности её взаимодействия с государством

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2023. Volume 50, No. 2

Until 2020, the magazine was published with the name «Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political science»

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1 – Russian History, 5.6.2 – World History, 5.5.1 – History and policy theory, 5.5.2 – Political institutions, processes and technologies, 5.5.4 – International relations). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИИЛ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Poluhin, professor of the department of social technologies and public service, doctor of political sciences, professor (Belgorod National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, professor of the russian history and records management department, doctor of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief:

E.V. Litovchenko, Head of the Department of World History, doctor of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

I.T. Shatohin, professor of the russian history and records management department, candidate of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

L.S. Polovneva, associate professor of the russian history and records management department, candidate of political sciences (Belgorod National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Galushko, associate professor of the russian history and records management department, candidate of historical sciences (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, doctor of historical sciences, professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, doctor of historical sciences, professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, doctor of political sciences (Belgrade State University, Serbia)

I.Yu. Vashcheva, doctor of historical sciences, associate professor, professor (Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Russia)

A.V. Glukhova, doctor of political sciences, professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, doctor of historical sciences; corresponding member of Russian Academy of sciences; Director of the Museum of anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstkammer) Russian Academy of Sciences

G.D. Gumba, doctor of historical sciences, associate professor (Abkhaz State University, Republic of Abkhazia)

M. Kazanski, PhD in history (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in political science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, doctor of political sciences, associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

M.M. Marasanova, doctor of historical sciences, professor (Yaroslavl state University after P.G. Demidova)

V.A. Perepelitsyn, doctor of historical sciences, professor (Voronezh State Pedagogical University)

I.M. Pushkareva, doctor of historical sciences, leading scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

ISSN 2687-0967

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Publication frequency: 4/year

Commissioning Editor Yu.V. Ivakhnenko. Pag Proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.V. Litovchenko. E-mail: galushko@bsu.edu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Publisher's signature 27,5. Date of publishing: 30.06.2023. Dummy layout is replicated at Publishing House «BelSU» Belgorod National Research University. Address: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

- 299 **Khudaverdyan A.Yu.**
Body Length in Ancient and Modern Populations of Armenia
- 315 **Klimenko R.V.**
From Numistro to Canusium: Marcellus in Chase of Hannibal
- 323 **Veretennikova E.P., Pashkova A.Yu.**
The Role of Climatic Fluctuations in the Development and Reduction of Agriculture in Asia Minor from the 4-th to the 7-th Century A.D.
- 330 **Strzhalkovskaya A.D.**
A Brief Historiographical Review of the Study of the Spread of Origenism in the 4-th – 6-th Centuries in Byzantium
- 335 **Vladimirov K.A.**
«Benevolent Despotism, Softened by Charity»: Socio-Political Features of the Gallic Episcopate in the Historiography of the XIX – Beginning of XX Centuries
- 344 **Gudkov N.A.**
Principles of the Transfer of Imperial Power in Late Antique Society
- 355 **Tretyakova M.V.**
Thomas Hill's Advices to Gardeners in England of the XVI – Early XVII Century: a Treatise «The Arte of Gardening»
- 364 **Shumakov A.A.**
Orleans Slave Revolt of 1811 in American Historiography
- 377 **Mishnev S.N., Chernomurova A.N.**
The Illyrian Movement as the Basis of Genesis of the Croatian National Identity
- 385 **Rodovich Yu.V.**
USA – European Union: History and Prospects of Relations

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

- 395 **Khlaponin A.V.**
Slavic and Ancient Russian Infantry of the VI–XI Centuries: the Evolution of Tactics and Weapons
- 406 **Solomin V.A.**
The Role of the Byzantine Empire in the Church Policy of the Old Russian State in the Middle of the 11th Century: on the Example of Enthronement of Metropolitan Hilarion
- 414 **Lupanova Ye.M.**
Compasses of 16-th – 18-th Centuries in M.V. Lomonosov's Museum MAE (Kunstkamera) RAS
- 429 **Nikishin B.A.**
The Coup of March 11–12, 1801: Modern Approaches to the Study of the Issue
- 442 **Shatokhin I.T., Shatokhina S.B.**
Evolution of the Legal Regulation of the Definition of Civil Service in the Russian Empire in the 30–90s of the XIX Century
- 453 **Zhuravlev S.S., Timoshinova T.S.**
Peasant Cooperation in the Credit, Commercial and Industrial Spheres at the Beginning of the XX Century (Based on the Materials of the Voronezh Province)
- 462 **Kalduzova L.P.**
Providing Local History Material for Comprehensive School Programs in the Schools of the Orenburg Region in 1923–1927
- 470 **Strelnikov M.A.**
The Specifics of the Operational-Service Activities of the NKVD in the Battle of Stalingrad
- 484 **Buryak Yu.Yu., Shapovalov V.A.**
Operation of the Polish Railways by the Soviet Union in 1944–1945

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

- 495 **Pashkovsky P.I.**
The Specifics of Making Foreign Policy Decisions in the USSR
- 503 **Fominykh A.E.**
X-15 vs Sputnik: The Space Theme in the U.S. and Soviet Exhibit Diplomacy of 1959
- 515 **Starkin S.V., Pripisnova E.S., Gnezdova E.V.**
Isolationism in Contemporary US Foreign Policy Thought: The Quincy Coalition
- 526 **Prasov A.A.**
Technocratism as a Political Technology of Myth-Making in the State Administration of Russia
- 537 **Genes V.A.**
The Interaction Between Government and Business as a Strategy for Regional Integration in South America
- 547 **Usachev S.V.**
The Evolution of Economic Elite in Honduras and Characteristics of its Interaction with the State

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 902.3; 94(395.5): 393–057.36

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-299-314

Оригинальное исследование

Длина тела в древних и современных популяциях Армении

Худавердян А.Ю.

Институт археологии и этнографии Национальной Академии наук Республики Армения,
Республика Армения, 0025, Ереван, ул. Чаренци, 15
E-mail: akhudaverdyan@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются эпохальные изменения остеометрических признаков в Армении. В I и II периодах большая часть мужских скелетов характеризуются крепким телосложением, развитие их костно-мышечного рельефа связано со стрельбой из лука и верховой ездой. В III периоде население неоднородное, прослеживается некоторое отличие в физическом развитии. Длина тела в женских группах стабильна. Наблюдается сходство мужской группы I и V периодов, к ним примыкают группы II и IV периодов. Максимальные различия фиксируются с характеристиками III периода. Женская группа II периода имеет сходство с индивидами III периода, к ним близки группы I и V периодов. Максимальные различия фиксируются с характеристиками IV периода. Эпохальные колебания длины тела определяют уровень межпопуляционной изменчивости и являются проявлением микроэволюционного процесса, происходящего в популяциях человека.

Ключевые слова: Армения, длина тела, эпохальная динамика, остеометрия

Для цитирования: Худавердян А.Ю. 2023. Длина тела в древних и современных популяциях Армении. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 299–314. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-299-314

Body Length in Ancient and Modern Populations of Armenia

Anahit Yu. Khudaverdyan

Institute of Archaeology and Ethnography of National Academy of Science of Republic of Armenia,
15 Charenci St., Yerevan 0025, Republic of Armenia
E-mail: akhudaverdyan@mail.ru

Abstract. This article studies with the epoch-making changes in osteometric features on the territory of Armenia. In the I and II periods, most of the individuals are characterized by a strong physique, the development of their musculoskeletal relief is associated with archery and horse riding. In the III period, the population of the ancient period is heterogeneous, some differences in physical development are traced. It is possibly due to the existence in populations of different directions in contacts. The results of the canonical and cluster analyzes demonstrate a certain similarity of the male group of the I period with modern Armenians. The population of the II and IV periods show a certain similarity with the above groups. The maximum differences are fixed with the characteristics of the III period. And the female group of the II period has a certain similarity with the individuals of the III period. The population of I and V periods show a certain similarity with the above groups. The maximum differences are fixed with the characteristics of the IV period. Epochal fluctuations in body

length largely determine the level of inter-population variability and, obviously, are a manifestation of the microevolution process occurring in human populations.

Keywords: Armenia, body length, epochal dynamics, osteometry

For citation: Khudaverdyan A.Yu. 2023. Body Length in Ancient and Modern Populations of Armenia. *Via in tempore. History and political science*, 50 (2): 299–314 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-299-314

Введение

Длина тела – важнейший морфологический показатель, обнаруживающий большую индивидуальную изменчивость, возрастные, половые, этнотерриториальные, групповые различия. Карта распределения размеров длины тела в мировом масштабе характеризуется большой пестротой и не демонстрирует отчетливой связи с географическим положением и климатом [Roser et al., 2019]. Так, малые размеры длины тела характерны для крайнего Севера Европы, Азии, Америки (манси, ханты, лопари, палеоазиаты, эскимосы), Восточной, Юго-Восточной Азии (японцы, народы Индии, п-ва Индокитая, Индонезии), Центральной и Южной Америки. Низкорослыми группами являются негрилли бассейна р. Конго, пигмеи Центральной Африки, Юго-Восточной Азии, бушмены Южной Африки. Наиболее высокорослые – некоторые группы темнокожего населения к северу от границ тропических лесов, шотландцы, полинезийцы Маркизских островов. Кроме указанных групп, большие величины роста наблюдаются на Севере и Северо-Западе Европы (шведы, норвежцы, нидерландцы), на Балканском полуострове, на Кавказе, в Северо-Западной Индии, Восточной Африке (масаи, турканы) и в Северной Америке [Рогинский, Левин, 1978; Little, 1980; Little et al., 1983; Gerhards, 2005; Schönbeck et al., 2013; Grasgruber et al., 2017].

На протяжении всей истории человечества отдельные популяции сталкивались со спектром различных факторов, влиявших на темпы онтогенеза и приводившие к изменению механизмов, регулирующих рост и развитие. Как известно, эпохальные изменения обусловлены ходом популяционной истории. И на каждую популяцию, помимо общих причин, определяющих эпохальный процесс, влияет множество разнообразных факторов, обуславливающих неравномерность его динамики. Эта цикличность эпохальной морфологической динамики имела место на одних и тех же территориях с почти полной, судя по археологическим данным, преемственностью населения, на что особенно обращает внимание В.Г. Властовский [1976] в монографии по акцелерации.

В последнее столетие во многих странах отмечается ускорение соматического развития. Акселерация развития является одной из составляющих секулярного тренда (secular trend). Наряду с группами, в которых отмечаются значительные акселерационные сдвиги (многие европейские популяции; монголоидные группы, в том числе эскимосы, бушмены Южной Африки, папуа Новой Гвинеи и др.), отмечены и более «консервативные», без зримых проявлений такого ускорения.

Одновременно с фактами акцелерации популяций по длине тела антропология предоставляет и прямо противоположные – ретардация по длине тела. Биоархеологи считают, что при большой скученности населения резко возрастало в палеопопуляциях число инфекционных заболеваний, особенно среди детей. В довольно многочисленных палеоэпидемиологических исследованиях выявлена связь ретардации по длине тела детей 2–5 лет с повышенной частотой инфекционных заболеваний на костях и зубах [Goodman, 2000]. Вероятно, в связи с указанными фактами акцелерации и ретардации населения по длине тела, следует говорить об умеренном антропогенном стрессе

как ускорителе процессов метаболизма и завышенном их ингибиторе [Федотова, Дерябин, 2009].

Возвращаясь к задачам данного исследования, можно отметить, что на территории Армении происходили весьма сложные процессы эпохальной трансформации, в силу чего необходимо провести многосторонний статистический анализ, сутью которого является рассмотрение и описание системных взаимосвязей между основными остеометрическими размерами скелета у представителей обоих полов. Специфика антропологического материала позволяет выявить эпохальную изменчивость на более высоком иерархическом уровне, нежели отдельные популяции, т. е. в качественно ином аспекте рассмотреть историческую динамику. Принцип организации палеоантропологического материала, положенный в основу данного исследования, заключается в использовании для диахронного сопоставления усредненных характеристик (по эпохам) населения Армении на различных этапах от эпохи ранней бронзы до современности (табл. 1).

Таблица 1

Table 1

Список серий, привлеченных к сравнительному анализу
List of series involved in comparative analysis

Эпоха, период	могильники	количество скелетов ♂	количество скелетов ♀
I период: от эпохи ранней бронзы до раннего железного века	Арени I (1), Пиджут (2), Черная Крепость (3), Калаван 2 (4), Карашамб (5), Мастара (6), Кучак (7), Арагацаван (8), Арцваник (9), Талин (10), Лернакерт (11), Саснашен (12), Лчашен (13)	27	17
II период: поздний железный век	Лори Берд (14), Бовер II (15), Нор Армавир (16), Джрапи (17)	26	25
III период: античность	Бениамин (18), Вардбах (19), Черная Крепость I (20), Ервандашат (21), Мастара (22)	20	29
IV период: средневековье	Агарак (23), Гетап (24), Дзоригех (25), Уши (26), Двин (27), Мирак (28), Зарни Эр (29), Срашен (30), Ором (32), Эчмиадзинский кафедральный собор (31)	36	15
V период: современность	Данные М.Г. Абдушелишвили (1963); Социологические материалы середины XX вв.	1 005	1 000

Объект и методы исследования

Источником для исследования послужили костные останки 195 индивидов из могильников с территории Армении начиная с эпохи ранней бронзы до позднего средневековья (рис. 1, табл. 1). Речь идет о 4 суммарных сериях, представляющих в своей совокупности диахронный срез. Они сгруппированы в соответствии с рубриками археологических классификаций по культурам, а внутри их – по могильникам. Данные о современных армянах взяты из работ М.Г. Абдушелишвили [1963] и этносоциологических опросов середины XX вв.

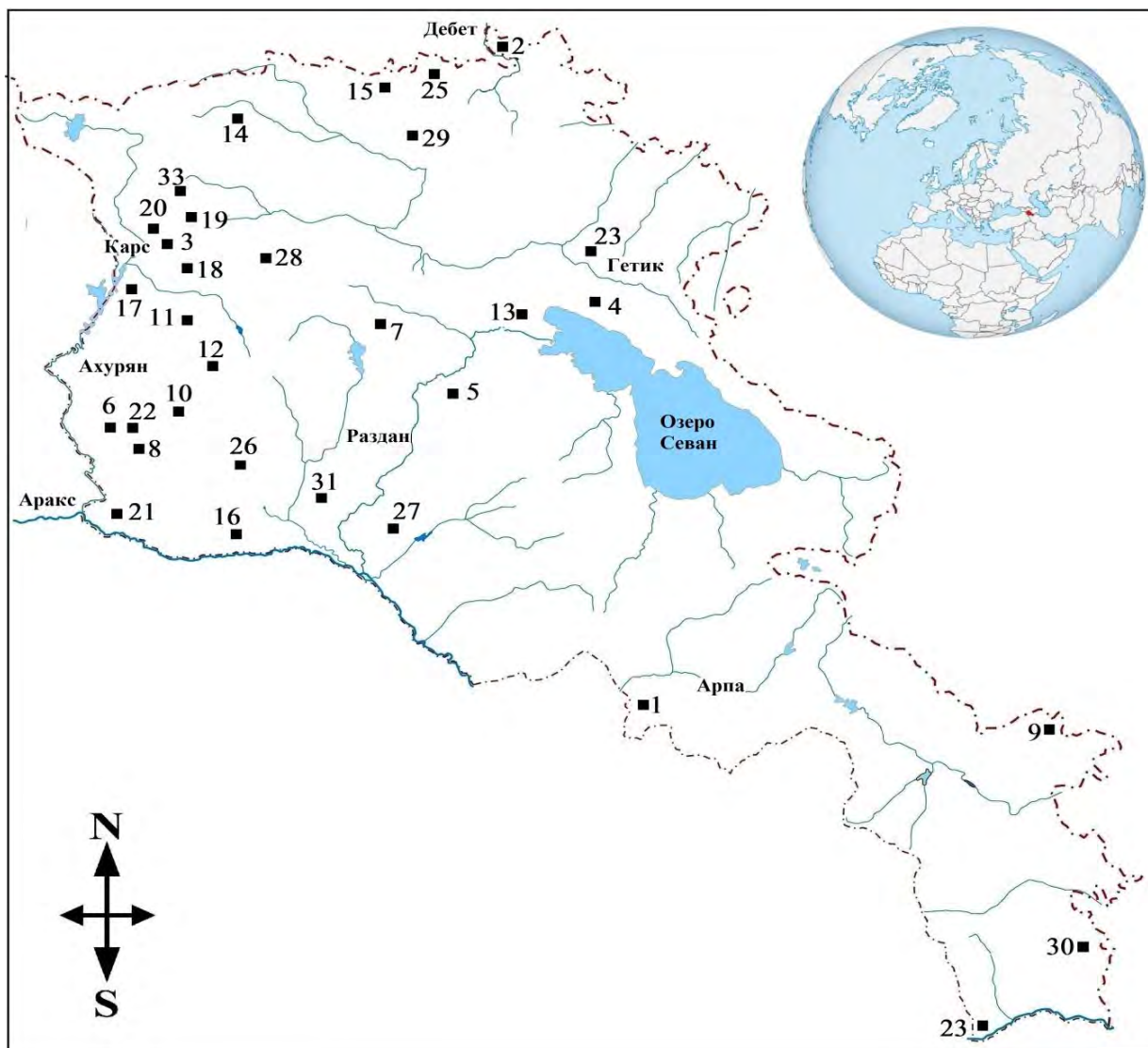

Рис. 1. Локализация серий с территории Армении
Fig. 1. Localization of series from the territory of Armenia

После реставрации кости посткраниального скелета были изучены по классической для российской антропологии программе [Алексеев, 1966]. Реконструкция длины тела производилась по наибольшим размерам длины бедренной, большеберцовой, плечевой, локтевой костей (формулы Пирсона – Ли и Троттер – Глезер). Оценка абсолютных значений признаков в общемировом масштабе осуществлялась с опорой на методические разработки и рубрики В.В. Бунака [Мамонова, 1986], Я.Я. Рогинского и М.Г. Левина [Рогинский, Левин, 1978].

Для статистического анализа выбраны канонический и кластерный анализы, позволяющие выявить градиенты межгрупповой изменчивости по комплексам признаков с помощью пакета статистических программ Stat Soft STATISTICA 5.0.

В анализ не вошли скелеты из могильников с территории Армении, у которых зафиксированы следы ростовых нарушений [Худавердян и др., 2017; Худавердян и др., 2019; Khudaverdyan, 2015].

Результаты и их обсуждение

Перечислим вкратце основные направления эпохальных изменений остеологических признаков у древнего населения Армении (табл. 2).

Таблица 2
Table 2

 Средние значения и индексы для мужских и женских скелетов
Mean values and indices for male and female skeletons

	От эпохи ранней бронзы до раннего железного века					
	♂			♀		
	n	x	s	n	x	s
Плечевая кость (Humerus)						
1. Наибольшая длина	8	323,8	24,1	4	308,0	18,3
2. Общая длина	7	321,9	26,4	4	304,8	18,1
7:1 Индекс массивности	8	19,8	1,4	4	19,1	1,6
6:5 Указатель поперечного сечения	18	88,1	8,2	14	84,1	9,6
Лучевая кость (radius)						
1. Наибольшая длина	7	242,5	23,6	2	241,0	-
2. Физиологическая длина	8	235,4	24,0	3	221,7	6,5
3:2 Указатель массивности	8	16,7	2,6	3	18,4	0,6
5:4 Указатель поперечного сечения	14	84,4	25,6	7	104,2	27,3
Локтевая кость (ulna)						
1. Наибольшая длина	5	267,2	28,5	2	242,0	-
2. Физиологическая длина	8	230,8	19,8	2	213,1	-
3:2 Указатель массивности	8	15,4	2,8	2	19,95	-
11:12 Указатель поперечного сечения	15	81,4	12,0	10	81,9	19,2
13:14 Указатель платолении	16	86,8	10,5	11	89,97	7,6
Бедренная кость (femur)						
1. Наибольшая длина	11	449,0	24,7	4	418,5	29,0
2. Длина в естественном положении	12	440,3	22,4	5	397,6	33,7
8:2 Указатель массивности	12	20,1	1,8	5	19,1	1,7
6:7 Указатель пиллярности	23	104,5	10,9	16	97,89	7,2
10:9 Указатель платиметрии	23	77,09	11,0	15	74,6	13,4
Большеберцовая кость (tibia)						
1. Полная длина	11	366,3	22,2	3	337,7	10,6
2. Мышечно-таранная длина	12	342,8	38,4	3	302,4	1,2
1a Наибольшая длина	11	375,9	23,5	3	341,4	8,5
9:8 Указатель сечения	23	77,1	20,7	14	80,92	26,7
10b:1 Указатель прочности	11	21,4	1,4	3	19,9	1,0
9a:8a Указатель сечения	21	73,9	16,1	13	80,4	29,3
10:1 Указатель прочности	11	23,09	1,9	3	21,1	0,9
Малоберцовая кость (fibula)						
1 Наибольшая длина	5	326,6	21,2	1	316,0	-
Длина тела						
	14	166,1	5,8	6	154,6	4,6
Поздний железный век						
♂			♀			
	n	x	s	n	x	s
Плечевая кость (Humerus)						
1. Наибольшая длина	3	312	11,0	6	295,8	16,1
2. Общая длина	2	310	-	5	291,7	15,9
7:1 Индекс массивности	3	19,94	0,6	6	19,4	1,6
6:5 Указатель поперечного сечения	17	79,8	6,3	21	77,7	7,1
Лучевая кость (radius)						
1. Наибольшая длина	3	234,9	15,5	7	216,7	13,8
2. Физиологическая длина	2	221,8	-	8	210,8	15,5
3:2 Указатель массивности	3	18,2	1,2	8	18,6	1,7
5:4 Указатель поперечного сечения	12	97,2	26,7	15	95,09	30,5

Продолжение табл. 2

Локтевая кость (ulna)						
1. Наибольшая длина	6	253,5	15,5	6	237,3	10,7
2. Физиологическая длина	7	227,93	12,1	7	209,8	10,2
3:2 Указатель массивности	7	17,7	4,0	7	16,94	2,0
11:12 Указатель поперечного сечения	17	88,2	22,4	14	86,4	22,5
13:14 Указатель платолении	15	85,1	14,9	17	83,7	12,1
Бедренная кость (femur)						
1. Наибольшая длина	4	447,0	15,9	5	416,2	33,5
2. Длина в естественном положении	6	427,5	27,8	6	402,2	32,3
8:2 Указатель массивности	6	20,9	0,5	6	20,2	1,3
6:7 Указатель пилястрии	21	101,3	10,4	22	103,7	6,8
10:9 Указатель платиметрии	18	76,9	7,9	22	75,8	8,6
Большеберцовая кость (tibia)						
1. Полная длина	5	358,6	28,5	8	341,5	23,5
2. Мышечково-таранная длина	4	348,2	30,3	9	312,8	22,8
1а Наибольшая длина	3	382,4	16,7	7	347,9	23,5
9:8 Указатель сечения	13	86,3	27,8	18	72,6	6,9
10b:1 Указатель прочности	4	21,8	1,0	7	20,9	1,8
9a:8a Указатель сечения	13	74,5	13,9	17	65,1	5,8
10:1 Указатель прочности	3	22,96	0,2	7	22,9	1,8
Малоберцовая кость (fibula)						
1. Наибольшая длина	1	380	-	1	333,5	-
Длина тела						
	11	163,4	7,1	13	154,7	5,0
Эпоха античности						
	♂ ♀					
	n	x	s	n	x	s
Плечевая кость (Humerus)						
1. Наибольшая длина	14	313,6	14,8	24	297,6	17,6
2. Общая длина	14	308,6	14,6	24	293,8	17,7
7:1 Индекс массивности	13	19,9	1,1	24	18,8	1,5
6:5 Указатель поперечного сечения	14	86,2	9,0	26	79,7	9,0
Лучевая кость (radius)						
1. Наибольшая длина	16	234,1	13,3	24	226,7	18,5
2. Физиологическая длина	16	220,7	10,4	24	213,3	18,0
3:2 Указатель массивности	16	18,4	2,0	24	17,8	2,1
5:4 Указатель поперечного сечения	18	72,98	7,1	25	75,6	7,3
Локтевая кость (ulna)						
1. Наибольшая длина	13	256,4	10,3	19	244,5	17,3
2. Физиологическая длина	13	222,9	9,0	19	214,2	17,2
3:2 Указатель массивности	13	16,97	3,5	19	15,8	1,1
11:12 Указатель поперечного сечения	16	82,4	8,7	25	75,8	7,2
13:14 Указатель платолении	16	89,9	8,8	25	90,1	6,1
Бедренная кость (femur)						
1. Наибольшая длина	14	421,9	27,7	15	413,6	29,4
2. Длина в естественном положении	14	415,3	27,8	15	409,1	29,4
8:2 Указатель массивности	14	18,7	2,0	15	18,9	1,2
6:7 Указатель пилястрии	18	92,1	6,4	25	95,4	4,9
10:9 Указатель платиметрии	18	81,5	8,8	26	76,4	8,4

Окончание табл. 2

Большеберцовая кость (tibia)						
1. Полная длина	13	351,5	21,0	22	340,2	27,0
2. Мышелково-таранная длина	13	331,7	29,1	22	318,7	28,3
1a Наибольшая длина	13	341,1	16,4	21	343,5	27,6
9:8 Указатель сечения	15	85,1	15,0	27	75,8	10,3
10b:1 Указатель прочности	12	21,1	1,5	22	21,5	1,6
9a:8a Указатель сечения	15	75,7	4,9	26	73,1	9,2
10:1 Указатель прочности	13	22,5	16,5	22	21,8	1,6
Малоберцовая кость (fibula)						
1 Наибольшая длина	12	347,0	19,9	17	334,2	22,7
Длина тела						
	20	161,96	4,0	29	154,8	5,4
Средневековье						
			♂ ♀			
	n	x	s	n	x	s
Плечевая кость (Humerus)						
1. Наибольшая длина	14	326,9	13,8	12	288,1	11,1.
2. Общая длина	12	322,7	13,9	12	285,2	11,6
7:1 Индекс массивности	12	20,8	1,9	12	18,8	1,2
6:5 Указатель поперечного сечения	26	86,6	6,1	13	84,5	7,1
Лучевая кость (radius)						
1. Наибольшая длина	13	247,7	10,7	11	216,1	8,6
2. Физиологическая длина	13	233,8	11,3	11	207,8	10,0
3:2 Указатель массивности	13	19,7	2,2	11	18,5	2,0
5:4 Указатель поперечного сечения	20	89,1	46,7	12	90,5	29,3
Локтевая кость (ulna)						
1. Наибольшая длина	8	266,9	13,3	10	237,5	11,0
2. Физиологическая длина	9	230,8	10,9	10	209,4	13,4
3:2 Указатель массивности	9	16,92	2,1	10	15,8	2,2
11:12 Указатель поперечного сечения	16	83,5	14,9	12	81,7	9,7
13:14 Указатель платолении	24	85,4	13,2	14	87,96	9,1
Бедренная кость (femur)						
1. Наибольшая длина	17	450,95	17,5	11	400,8	16,9
2. Длина в естественном положении	17	440,6	16,9	11	391,8	17,2
8:2 Указатель массивности	17	21,2	1,7	11	19,91	1,0
6:7 Указатель пиястрии	29	106,8	11,1	14	103,8	8,2
10:9 Указатель платимерии	28	86,9	20,2	13	78,9	7,5
Большеберцовая кость (tibia)						
1. Полная длина	15	370,8	16,7	8	329,7	6,9
2. Мышелково-таранная длина	16	345,4	22,8	8	305,9	8,0
1a Наибольшая длина	15	375,6	16,2	8	333,8	7,8
9:8 Указатель сечения	26	82,3	17,3	11	76,3	5,4
10b:1 Указатель прочности	15	21,3	1,4	8	19,93	1,3
9a:8a Указатель сечения	24	79,5	18,4	11	72,5	4,5
10:1 Указатель прочности	15	23,4	1,6	8	21,6	1,5
Малоберцовая кость (fibula)						
1 Наибольшая длина	8	367,8	15,4	4	322,2	6,9
Длина тела						
	25	165,5	3,3	14	151,99	3,4

Плечевая кость. Относительно низкие размеры наибольшей длины плечевой кости (Н1) наблюдались у мужчин II периода, а высокие – у людей IV периода. У женщин небольшие размеры наибольшей длины плечевой кости отмечались в IV периоде, а высокие – у индивидов I периода. Небольшие размеры общей длины плечевой кости (Н2) наблюдались в мужской популяции III периода, высокие – у людей IV периода. Низкие размеры данного признака встречались у женщин IV периода, в I периоде фиксируются относительно высокие размеры. Индекс массивности был высоким у людей IV периода (♂) и I периода (♀).

Лучевая кость. Низкие размеры наибольшей длины лучевой кости (R1) наблюдались в мужской популяции III периода, высокие – у индивидов IV периода. В женской группе небольшие размеры наибольшей длины лучевой кости (R1) фиксируются в IV периоде, высокие – в I периоде. Относительно низкие размеры физиологической длины лучевой кости (R2) у мужчин III периода, высокие – у людей I периода. У женщин небольшие размеры признака (R1) наблюдались в IV периоде, высокие – в I периоде. Индекс массивности был высоким у людей IV периода (♂) и I периода (♀).

Локтевая кость. Наименьшие размеры наибольшей длины локтевой кости (U1) наблюдаются у мужчин и у женщин II периода. Люди IV (♂) и III (♀) периодов демонстрировали более высокие размеры. Относительно низкие размеры физиологической длины (U2) наблюдались в мужской группе II периода, высокие – у людей I и IV периодов. Низкие размеры физиологической длины в женской популяции IV периода, повышенные размеры наблюдаются в III периоде. Индекс массивности был высоким во II периоде (♂) и в I периоде (♀).

Бедренная кость. Относительно низкие размеры наибольшей длины бедренной кости (F1) наблюдались в мужской популяции III периода, повышенные – у людей IV периода. У женщин наименьшие размеры наибольшей длины бедренной кости наблюдались в IV периоде, высокие – у индивидов I периода. Небольшие размеры длины бедренной кости в естественном положении (F2) у мужчин III периода, повышенные – у людей IV периода. А в женских сериях прямо противоположная картина: в IV периоде размеры наименьшие, в III периоде – наибольшие. Индекс массивности был высоким в IV периоде (♂) и во II периоде (♀).

Большеберцовая кость. Небольшие размеры полной длины голени (T1) у мужчин в III периоде, повышенные – в IV периоде. У женщин IV периода размеры полной длины голени, наоборот, низкие, а повышенные наблюдаются во II периоде. Мышелково-таранная длина большеберцовой кости (T2) небольших размеров в мужских популяциях III периода, высокая – во II периоде. В женской группе I периода размер мышелково-таранной длины небольшой, повышенный – в III периоде. Наибольшая длина голени (T1a) была высокой у людей II периода (♂, ♀). Низкие размеры признака наблюдаются у индивидов III периода (♂) и IV периода (♀). Массивность скелетов (10b:1) в мужских группах была одинаковой. В женской популяции IV периода признак был сравнительно слабым, массивнее индивиды I периода.

Малоберцовая кость. Небольшие размеры наибольшей длины малоберцовой кости (F1) у мужчин I периода, повышенные – наблюдаются в IV периоде. В женской популяции III периода зафиксированы довольно высокие размеры.

Длина тела. В I периоде длина тела в мужских группах максимальная (рис. 2).

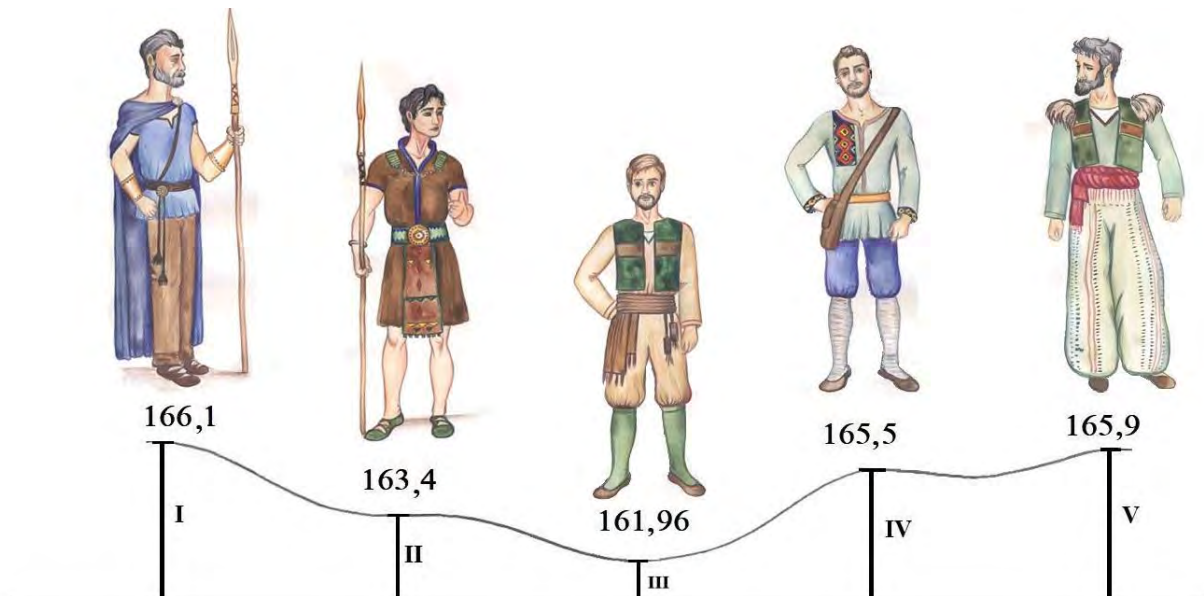

Рис. 2. Эпохальные изменения длины тела в мужских группах

Fig. 2. Epochal changes in body length in male groups

Во II периоде по сравнению с I уменьшается. Длина тела в III периоде сравнительно ниже, чем во всех других периодах. С IV периода идет увеличения длины тела. По сравнению с мужскими группами эпохальная разница в росте женщин была стабильна (рис. 3).

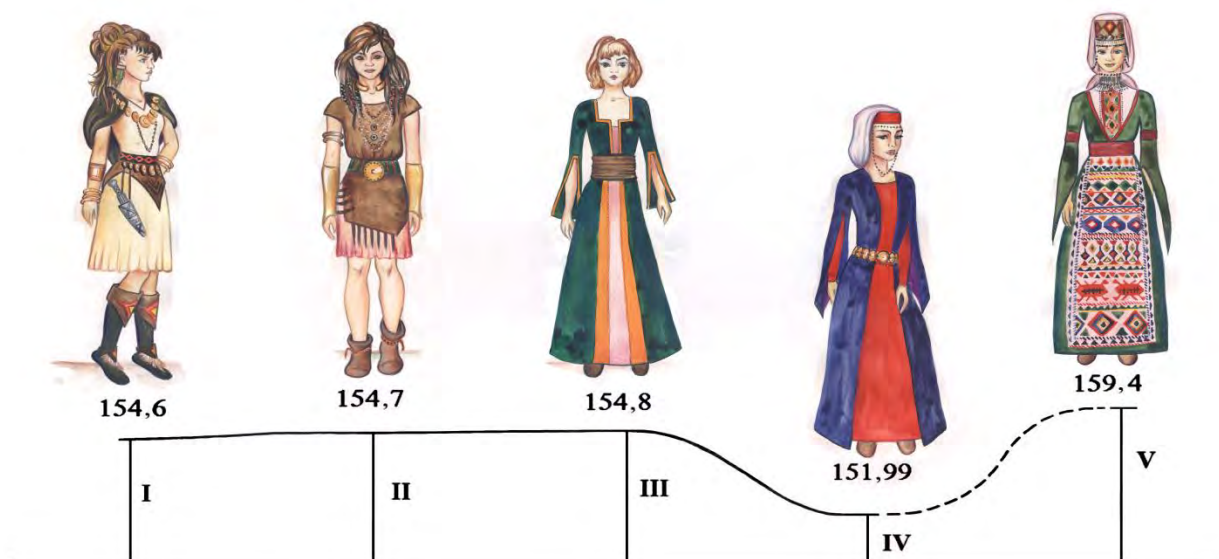

Рис. 3. Эпохальные изменения длины тела в женских группах

Fig. 3. Epochal changes in body length in women's groups

В среднем женщины почти на 12 см ниже мужчин. Женщины IV периода ниже, чем во всех других периодах, их средний рост составляет 151,99 см.

В целях более детальной характеристики степени различия между признаками на уровне вышеотмеченных хронологических срезов нами был проведен канонический и кластерный анализы. Сравнение проводилось по 11 признакам и индексам (длина тела, H1, H7:1, R1, R3:2, U1, U3:2, F1, F8:2, T1, T10b:1). В результате канонического анализа нагрузки на отдельные признаки и индексы у мужских и у женских групп распределились

по-разному, не одинаковы доли и их изменчивости (в сумме на два первых канонических вектора (КВ) падает 80,9 % и 68,3 % соответственно) (табл. 3).

Таблица 3
Table 3

Значение главных компонент для мужских и женских групп
Significance of principal components for male and female groups

	♂		♀	
	КВ1	КВ2	КВ1	КВ2
Длина тела	0,95	0,76	-0,87	0,52
H1	-0,74	0,50	0,58	-0,06
H7:1	-0,69	-0,89	-0,15	0,25
R1	0,37	0,42	0,08	-0,65
R3:2	-0,41	0,25	0,22	0,32
U1	0,38	-0,63	-0,56	0,78
U 3:2	-0,21	0,15	0,79	0,05
F1	0,78	0,88	-0,84	-0,80
F8:2	-0,57	0,72	0,77	0,45
T1	0,25	-0,56	0,88	0,34
T10b:1	0,01	0,33	0,12	-0,58
Доля в общ. дисп., %	58,7	22,2	47,7	20,6

На первом КВ (58,7 % совокупной изменчивости участвовавших в анализе признаков) наблюдается очень высокая корреляция длины тела, наибольшей длины бедренной кости (F1) (положительная) с наибольшей длиной плечевой кости (H1), индексом массивности (H7:1) (отрицательная). На втором КВ (22,2 % дисперсии признаков) наличествует наивысшая корреляция наибольшей длины бедренной кости (F1), индекса массивности (H7:1), длины тела (положительная) с индексом массивности плечевой кости (H7:1), наибольшей длиной локтевой кости (U1) (отрицательная).

В нашем материале, как видно из графика кластерного анализа, группа I периода имеет определенное сходство с современными армянами (V период) (рис. 4).

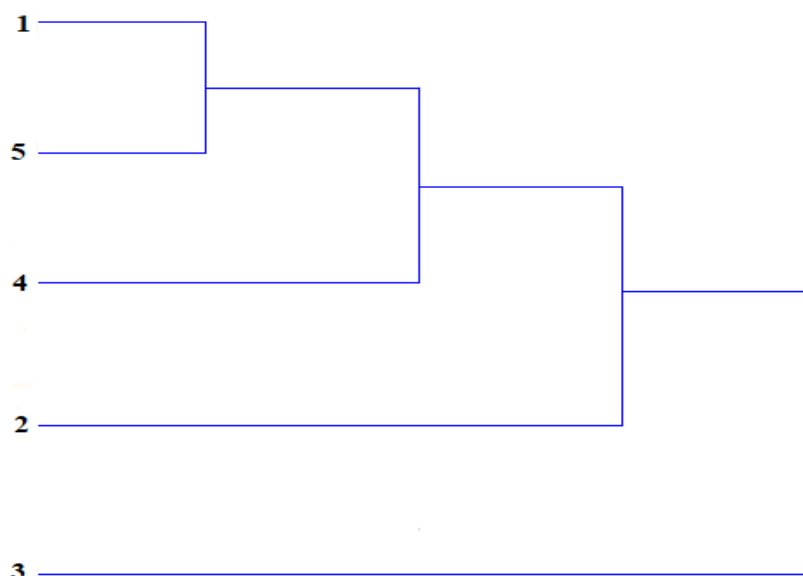

Рис. 4. Дендрограмма кластеризации мужских групп
(по сумме 11 остеометрических признаков и индексов)
Fig. 4. Dendrogram of clustering of male groups
(according to the sum of 11 osteometric features and indices)

В то же время население IV и II периодов проявляют определенное сходство с вышеуказанными группами. Максимальные различия фиксируются с характеристиками III периода (эпоха античности).

Результаты канонического анализа женских групп представлены в табл. 3. В составе первого КВ, на долю которого приходится 47,7 % общей изменчивости, максимально высокая положительная нагрузка падает на полную длину голени, индексов массивности бедренной, локтевой костей (F8:2, U3:2), длину тела, наибольшую длину бедренной кости (F1) (отрицательная). На втором КВ (20,6 % дисперсии признаков) наличествует наивысшая корреляция наибольшей длиной локтевой кости (U1) (положительная) с наибольшей длиной бедренной кости (F1), наибольшей длиной лучевой кости (R1) (отрицательная).

Так, группа II периода имеет определенное сходство с индивидами III периода. В то же время население I и V периодов проявляет определенное сходство с вышеуказанными группами (рис. 5). Максимальные различия фиксируются с характеристиками IV периода (средневековье).

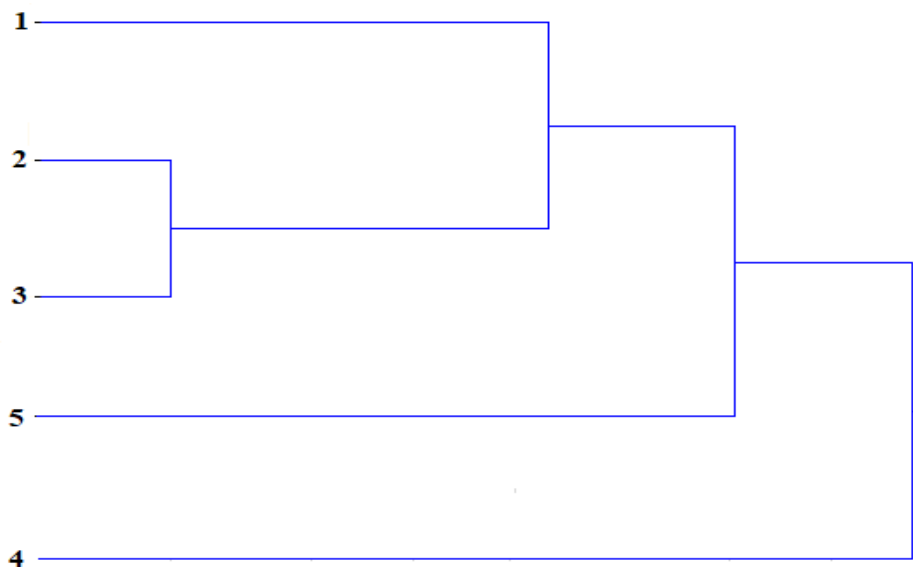

Рис. 5. Дендрограмма кластеризации женских групп (по сумме 11 остеометрических признаков и индексов)
Fig. 5. Dendrogram of clustering of female groups (according to the sum of 11 osteometric features and indices)

Для объяснения подобных сдвигов мы можем «подыскать» достойные истолкования, исходя из общих закономерностей развития и сопоставляя биологические изменения с событиями истории.

- В I и II периодах большая часть индивидов характеризуются крепким телосложением, развитие их костно-мышечного рельефа связано со стрельбой из лука и верховой ездой [Худавердян и др., 2015, 2021; Khudaverdyan, 2021]. Как известно, показатели, отображающие массивность скелета и более общие особенности телосложения, формируются при значительном воздействии факторов окружающей среды. Как известно, у аборигенов высокогорных районов наблюдаются замедление процессов роста и полового созревания детей, более хрупкое телосложение у взрослых [Baker, 1971]. В то же время развитие грудной клетки, особенно в продольном направлении, у обитателей высокогорья значительно выше, чем у равнинных жителей. Дж. Харрисон, наоборот, считает, что в южных, высокогорных регионах имеют распространение массивные варианты, характеризующиеся более крупными размерами тела, чем на равнине [Harrison et al., 1969]. В суммарных остеологических выборках первого (от эпохи ранней бронзы до раннего железного века) и

второго (поздний железный век) периодов отчетливо выделяются и более крупные, и более миниатюрные морфологические варианты. Фрагментарная сохранность останков не позволяет применить методы внутригруппового статистического анализа для описания морфологических вариантов внутри суммарных серий. Поэтому мы обратились к данным палеопатологии и археологии для выделения некоторых специфических категорий населения и описания их морфологических особенностей.

- В течение последних 150 лет в Армении были обнаружены многочисленные погребения с редкими материалами, которые в научной литературе относят к «воинским погребениям». В частности, эти погребения из могильников Карашамб, Саснашен, Мастара, Талин, Джрапи и др. Физическая нагрузка, наиболее характерная для данных индивидов, затрагивала пояс верхних и нижних конечностей. Палеопатологические исследования обнаружили отсутствие маркеров физиологического стресса (сribra orbitalia, гипоплазия эмали) у последних, что свидетельствует о благоприятных условиях жизнедеятельности и, вероятно, о занимаемом высоком социальном положении [Khudaverdyan, 2021]. Наличие зубного камня и отсутствие кариеса свидетельствуют о доминировании белкового компонента в рационе. Полноценность пищевой базы может быть отнесена к ряду реконструируемых компонентов жизнеобеспечения. Условия проживания (в частности, питание) были схожими для всей военной прослойки общества.

- В III и IV периодах население эпох античности и средневековья неоднородно, прослеживаются некоторые отличия в физическом развитии. Величина дисперсии достаточно велика для продольных размеров всех костей скелетов (верхней и нижней конечностей) [Худавердян и др., 2018, 2021]. Изменчивость поперечных и охватных размеров костей очень велика, указатели сечения представляют повышенную вариабельность, что указывает на отличия не в величинах поперечного комплекса, а в форме костей скелета. Наличие повышенной вариабельности продольных размеров в условиях сравнительно высокой изменчивости указателей сечения длинных костей разрешает утверждать о неоднородности античного и средневекового населения Армении.

- Обнаружено также в физическом типе сельских жителей Армении некоторое отличие от городских. Кости индивидов из сельских поселений более массивны и довольно рельефны, чем у городских жителей [Худавердян и др., 2021]. Морфологическим признаком повышения антропогенной плотности окружающего пространства является грацилизация телосложения и акцелерация по длине тела городского населения сравнительно с сельским [Федотова, Дерябин, 2009]. Эти явления и тенденции акцелерации и грацилизации фиксируются для населения средневековой Литвы и Новгорода [Бужилова, 2005; Gerhards, 2005].

- Следует отметить, что среди античного и средневекового населения Армении регистрируют маркеры физиологического стресса (сribra orbitalia, гипоплазия эмали) и различные инфекционные заболевания. В особенности среди более экочувствительной ее части – детей. Так, к примеру, только в детской выборке античного могильника Бениамин частота встречаемости сribra orbitalia составляет 48,79 % [Худавердян, 2000]. Известно, что для преодоления детских инфекций в отсутствие противоэпидемических мероприятий затрачивается большое количество ресурсов организма, в частности белков, некомпенсируемое впоследствии [Бужилова, 2005], что и приводит в дальнейшем к ретардации дефинитивной длины тела у взрослого населения популяции. Возможно, в связи с указанными фактами акцелерации и ретардации населения по длине тела, следует считать единой причиной явлений акцелерации и ретардации.

Заключение

Эпохальные микроэволюционные изменения представляют собой целую структуру явлений, включающих с разной интенсивностью соматическую акцелерацию популяции на

всех этапах онтогенеза, ускорение или замедление процессов созревания и т. д. Экологическая ниша дает возможность популяции «простор» для адаптации, поскольку параметры внешней среды – состав воды и почвы, температурный режим, уровень гипоксии – мало меняются на протяжении тысячелетий. Следовательно, эпохальные колебания длины тела во многом определяют уровень межпопуляционной изменчивости и являются проявлением микроэволюционного процесса, происходящего в популяциях человека. Мы солидарны с мнением Дж. Таннера, что рост является «зеркалом» протекающих в обществе процессов.

Список литературы

- Абдушелишвили М.Г. 1963. Об антропологическом составе современного населения Армении. Труды института этнографии им Н.Н. Митлухо-Маклая АН СССР. (8): 3–29.
- Алексеев В.П. 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., Наука, 251.
- Бужилова А.П. 2005. Homo sapiens: История болезни. М., Языки славянской культуры, 320.
- Властовский В.Г. 1976. Акцелерация роста и развития детей. М., Изд-во Моск. ун-та, 278.
- Мамонова Н.Н. 1986. Опыт применения таблиц В.В. Бунака при разработке остеометрических материалов. В: Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., Наука: 21–33.
- Рогинский Я.Я., Левин М.Г. 1978. Антропология. М., Высшая школа, 528.
- Федотова Т.К., Дерябин В.Е. 2009. Заметки об эпохальной динамике морфологического статуса. В: Homo sapiens. Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях: сборник научных статей. Отв. ред. А.В. Громов, В.И. Хартанович. СПб., МАЭ РАН: 191–204.
- Худавердян А.Ю. 2000. Население Армянского нагорья в античную эпоху (по антропологическим данным Бениаминского могильника). Ереван: Тигран Мец, 140.
- Худавердян А.Ю., Хачатрян А.А., Еганян Л.Г. 2015. Всадник из погребения VII–VI вв. до н. э.: история жизни и смерти по данным физической антропологии (экспертиза останков из памятника Ширакаван). Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 4 (4): 175–191.
- Худавердян А.Ю., Акопян Н.Г., Жамкочян А.С., Енгибарян А.А., Оганесян А.А. 2017. Антропологическая характеристика индивидов IX–XI вв. из памятника Двин (Армения) со следами ростовых нарушений. Вестник археологии, антропологии и этнографии. 3 (38): 73–99.
- Худавердян А.Ю., Жамкочян А.С., Акопян Н.Г., Енгибарян А.А., Хачатрян А.А., Еганян Л.Г. 2018. Антропологические особенности населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация на Южном Кавказе в эпоху средневековья. Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1 (40): 60–88.
- Худавердян А.Ю., Аветисян П.С., Меликян В.В., Арутюнян Т.Э., Енгибарян А.А., Оганесян А.А. 2019. Возможные причины неполного смыкания черепных швов у индивидов из могильников II–III вв. н.э. Мастара и Вардбах (Армения). Вестник археологии, антропологии и этнографии. 3 (46): 96–115.
- Худавердян А.Ю., Амаякян С.Г., Тирацян Н.Г., Амаякян М.С. 2020. Биоархеология костных останков из захоронений VII в. до н. э. из могильника Нор Армавир (Армения). Циркумпонтика. Вестник Московского государственного областного университета. 5: 180–219.
- Худавердян А.Ю., Енгибарян А.А., Матевосян Р.Ш., Алексанян Н.Г., Хачатрян А.А. 2021. Физический тип населения Армянского нагорья в эпоху античности (по остеометрическим материалам городских и сельских поселений). Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1 (52): 118–131.
- Baker P.T. 1971. Adaptation problems in Andean Human Populations. In: The ongoing evolution of Latin American Populations. USA: Springfield, Illinois: 475–508.
- Gerhards G. 2005. Secular variations in the body stature of the inhabitants of Latvia (7th millennium B. C. – 20th c. A. D). Acta Medica Lituanica, 12/1: 33–39.
- Grasgruber P., Popovic S., Bokuvka D., Davidovič I., Hřebičková S., Ingrová P., Potpara P., Prce S., Stračárová N. 2017. The mountains of giants: an anthropometric survey of male youths in Bosnia and Herzegovina. Royal Society open science. 4: 161054.
- Grasgruber P., Prce S., Stračárová N., Hradzira E., Cacek J., Popovic S. et al. 2019. A coast of giants: an anthropometric survey of high schoolers on the Adriatic coast of Croatia. Peer J. 7: e6598.

- Goodman A.H. 2000. Skeletal growth and time of agricultural intensification. In: The Cambridge Encyclopedia of Human growth and development. Cambridge: 387–389.
- Harrison G.A., Kuchemann C.F., Moore M.A.S., Boyce A.J., Bajju T., Mourant A.E., Marilyn, Godber J., Bridget, Glasgow G., Ada, Kopec C., Tills D., Clegg E.J. 1969. The effects of altitudinal variation in Ethiopian populations. *Philosophical Transactions. B* 256(805): 147–182.
- Khudaverdyan A.Yu. 2015. Dwarfs in ancient Armenia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 11 (8): 2201–2211.
- Khudaverdyan A.Yu. 2021. Bronze and Iron Ages Warriors from the Qarashamb burial ground: Anthropological and Paleopathological Perspective. *Bulletin of the International Association for Paleontology*. 15 (2): 83–97.
- Little M.A. 1980. Designs for human biology research of savanna pastoralists. *Human Ecology in Savanna Environments*. London: Academic Press: 479–503.
- Little M.A., Galvin K.A., Mugambi M. 1983. Cross-sectional growth of nomadic Turkana pastoralists. *Human Biology*. 55: 811–830.
- Roser M., Appel C., Ritchie H. 2019. Human Height Our World in Data. Available online at: <https://ourworldindata.org/human-height>.
- Schönbeck Y., Talma H., van Dommelen P., Bakker B., Buitendijk S.E., HiraSing R.A., van Buuren S. 2013. The world's tallest nation has stopped growing taller: the height of Dutch children from 1955 to 2009. *Pediatric Research*. 73: 371–377.

References

- Abdushelishvili M.G. 1963. Ob antropologicheskom sostave sovremennogo naseleniya Armenii [On the anthropological composition of the modern population of Armenia]. *Trudy instituta etnografii im N.N. Mitlukho-Maklaya AN SSSR*. (8): 3–29 (in Russian).
- Alekseev V.P. 1966. Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovanij [Osteometry. Anthropological research methodology]. M., Nauka, 251 (in Russian).
- Buzhilova A.P. 2005. Homo sapiens: Istoriya bolezni [Homo sapiens: Disease history]. M., Yazyki slavyanskoj kul'tury, 320 (in Russian).
- Vlastovskij V.G. 1976. Akceleraciya rosta i razvitiya detej [Acceleration of growth and development of children]. M., Izd-vo Mosk. un-ta, 278 (in Russian).
- Mamonova N.N. 1986. Opyt primeneniya tablic V.V. Bunaka pri razrabotke osteometricheskikh materialov [Experience in using tables V.V. Bunak in the development of osteometric materials]. Problemy evolyucionnoj morfologii cheloveka i ego ras [Problems of the evolutionary morphology of man and his races]. M., Nauka: 21–33 (in Russian).
- Roginskij Ya.Ya., Levin M.G. 1978. Antropologiya [Anthropology]. M., Vysshaya shkola, 528 (in Russian).
- Fedotova T.K., Deryabin V.E. 2009. Zametki ob epohal'noj dinamike morfologicheskogo statusa [Notes on the epochal dynamics of the morphological status]. Homo sapiens. Mikroevolyucionnye processy v chelovecheskih populyacijah: sbornik nauchnyh statej [Homo sapiens. Microevolutionary processes in human populations: collection of scientific articles]. Otv. red. A.V. Gromov, V.I. Hartanovich. SPb., MAE RAN: 191–204 (in Russian).
- Hudaverdyan A.Yu. 2000. Naselenie Armyanskogo nagor'ya v antichnuyu epohu (po antropologicheskim dannym Beniaminskogo mogil'nika) [Population of the Armenian Highlands in Antiquity (According to the Anthropological Data of the Benjamin Burial Ground)]. Erevan: Tigran Mec, 140 (in Russian).
- Hudaverdyan A.Yu., Hachatryan A.A., Eganyan L.G. 2015. Vsadnik iz pogrebeniya VII–VI vv. do n. e.: istoriya zhizni i smerti po dannym fizicheskoy antropologii (ekspertiza ostankov iz pamyatnika SHirakavan) [Horseman from the burial of the 7th – 6th centuries B. C.: the history of life and death according to physical anthropology (examination of the remains from the Shirakavan monument)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*. 4 (4): 175–191 (in Russian).
- Hudaverdyan A.Yu., Akopyan N.G., Zhamkochyan A.S., Engibaryan A.A., Oganesyanyan A.A. 2017. Antropologicheskaya harakteristika individov IX–XI vv. iz pamyatnika Dvin (Armeniya) so sledami rostovyh narushenij [Anthropological characteristics of individuals of the IX–XI centuries

- from the Dvin site (Armenia) with traces of growth disturbances]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*. 3 (38): 73–99 (in Russian).
- Hudaverdyan A.Yu., Zhamkochyan A.S., Akopyan N.G., Engibaryan A.A., Hachatryan A.A., Eganyan L.G. 2018. Antropologicheskie osobennosti naseleniya Armyanskogo nagor'ya i etnogene-ticheskaya situaciya na Yuzhnom Kavkaze v epohu srednevekov'ya [Anthropological Features of the Population of the Armenian Highlands and the Ethnogenetic Situation in the South Caucasus in the Middle Ages]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*. 1 (40): 60–88 (in Russian).
- Hudaverdyan A.Yu., Avetisyan P.S., Melikyan V.V., Arutyunyan T.E., Engibaryan A.A., Oganesyanyan A.A. 2019. Vozmozhnye prichiny nepolnogo smykaniya cherepnyh shvov u individov iz mogil'nikov II–III vv. n. e. Mastara i Vardbah (Armeniya) [Possible causes of incomplete closure of cranial sutures in individuals from cemeteries of the 2nd – 3rd centuries A. D. Mastara and Wardbach (Armenia)]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*. 3 (46): 96–115 (in Russian).
- Hudaverdyan A.Yu., Amayakyan S.G., Tiracyan N.G., Amayakyan M.S. 2020. Bioarheologiya kostnyh ostankov iz zahoroneniij VII v. do n. e. iz mogil'nika Nor Armavir (Armeniya) [Bioarchaeology of bone remains from burials of the 7th century. B. C. e. from Nor Armavir burial ground (Armenia)]. *Cirkumpontika [Circumpontic] Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 5: 180–219 (in Russian).
- Hudaverdyan A.Yu., Engibaryan A.A., Matevosyan R.Sh., Aleksanyan N.G., Hachatryan A.A. 2021. Fizicheskij tip naseleniya Armyanskogo nagor'ya v epohu antichnosti (po osteometricheskim materialam gorodskih i sel'skih poselenij) [Physical Type of the Population of the Armenian Highlands in Antiquity (Based on Osteometric Materials of Urban and Rural Settlements)]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*. 1 (52): 118–131 (in Russian).
- Baker P.T. 1971. Adaptation problems in Andean Human Populations. In: *The ongoing evolution of Latin American Populations*. USA: Springfield, Illinois: 475–508.
- Gerhards G. 2005. Secular variations in the body stature of the inhabitants of Latvia (7th millennium B. C. – 20th c. A. D). *Acta Medica Lituanica*, 12/1: 33–39.
- Grasgruber P., Popovic S., Bokuvka D., Davidovič I., Hrebičková S., Ingrová P., Potpara P., Prcce S., Stračárová N. 2017. The mountains of giants: an anthropometric survey of male youths in Bosnia and Herzegovina. *Royal Society open science*. 4: 161054.
- Grasgruber P., Prcce S., Stračárová N., Hradzira E., Cacek J., Popovic S. et al. 2019. A coast of giants: an anthropometric survey of high schoolers on the Adriatic coast of Croatia. *Peer J*. 7: e6598.
- Goodman A.H. 2000. Skeletal growth and time of agricultural intensification. In: *The Cambridge Encyclopedia of Human growth and development*. Cambridge: 387–389.
- Harrison G.A., Kuchemann C.F., Moore M.A.S., Boyce A.J., Baju T., Mourant A.E., Marilyn, Godber J., Bridget, Glasgow G., Ada, Kopec C., Tills D., Clegg E.J. 1969. The effects of altitudinal variation in Ethiopian populations. *Philosophical Transactions*. B 256(805): 147–182.
- Khudaverdyan A.Yu. 2015. Dwarfs in ancient Armenia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 11 (8): 2201–2211.
- Khudaverdyan A.Yu. 2021. Bronze and Iron Ages Warriors from the Qarashamb burial ground: Anthropological and Paleopathological Perspective. *Bulletin of the International Association for Paleontology*. 15 (2): 83–97.
- Little M.A. 1980. Designs for human biology research of savanna pastoralists. *Human Ecology in Savanna Environments*. London: Academic Press: 479–503.
- Little M.A., Galvin K.A., Mugambi M. 1983. Cross-sectional growth of nomadic Turkana pastoralists. *Human Biology*. 55: 811–830.
- Roser M., Appel C., Ritchie H. 2019. Human Height Our World in Data. Available online at: <https://ourworldindata.org/human-height>.
- Schönbeck Y., Talma H., van Dommelen P., Bakker B., Buitendijk S.E., HiraSing R.A., van Buuren S. 2013. The world's tallest nation has stopped growing taller: the height of Dutch children from 1955 to 2009. *Pediatric Research*. 73: 371–377.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.05.2022
Поступила после рецензирования 12.09.2022
Принята к публикации 12.09.2022

Received 15.05.2022
Revised 12.09.2022
Accepted 12.09.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Худавердян Анаит Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения, г. Ереван, Армения

 [ORCID: 0000-0002-1458-783X](https://orcid.org/0000-0002-1458-783X)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anahit Yu. Khudaverdyan, PhD in History, Senior Researcher at the Institute of Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia

УДК 94(37)

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-315-322

Оригинальное исследование

От Нумистрона до Канузия: погоня Марцелла за Ганнибалом

Клименко Р.В.

Воронежский государственный педагогический университет,
394043, Россия, г. Воронеж, ул. Ленина д. 86
E-mail: romanklimenko1488@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о значении действий полководца второй Пунической войны Марка Клавдия Марцелла в 210–209 гг. до н. э. В этот период происходят два заметных сражения между Марцеллом и Ганнибалом – при Нумистроне и при Канузии. Исследуются вопросы о результатах этих сражений, о значении их для войны, а также взгляд исследователей, в том числе делавших акцент на военную историю, на названные события. В ходе исследования автор выявляет большую значимость для хода войны сражений при Нумистроне и при Канузии, а также периода между ними – «погоней» Марцелла за Ганнибалом из Лукании в Апулию для взятия Тарента Квинтом Фабием Максимом. Значение названных событий заключается в том, что Марцелл длительным преследованием Ганнибала выиграл Фабию Максиму время, за которое последний успешно вернул Тарент на сторону Рима.

Ключевые слова: Марк Клавдий Марцелл, Ганнибал Барка, Нумистрон, Канузий, Квинт Фабий Максим, Тарент, Вторая Пуническая война

Для цитирования: Клименко Р.В. 2023. От Нумистрона до Канузия: погоня Марцелла за Ганнибалом. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 315–322. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-315-322

From Numistro to Canusium: Marcellus in Chase of Hannibal

Roman V. Klimenko

Voronezh State Pedagogical University,
86 Lenin St., Voronezh 394043, Russia
E-mail: romanklimenko1488@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the question of the significance of the actions of the commander of the Second Punic War – Marcus Claudius Marcellus – in 210–209 B.C. During this period, two notable battles between Marcellus and Hannibal took place – at Numistro and at Canusium. The author investigates the questions about the results of the battles of Numistro and of Canusium, their significance for the course of the war. At the same time the views of scientists-historians, including those who focused the attention on military history, on these events are considered. The author reveals the great significance of the battles of Numistro and Canusium for the war and the period between them – Marcellus' «chase» of Hannibal from Lucania to Apulia for the capture of Tarentum by Quintus Fabius Maximus. The significance of these events is in the fact that Marcellus, by prolonged persecution of Hannibal, gained the time for Fabius Maximus during which the latter successfully returned Tarentum to Rome.

Keywords: Marcus Claudius Marcellus, Hannibal, Numistro, Canusium, Quintus Fabius Maximus, Tarentum, the Second Punic War

For citation: Klimenko R.V. 2023. From Numistro to Canusium: Marcellus in Chase of Hannibal. *Via in tempore. History and political science*, 50 (2): 315–322 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-315-322

Введение

Обращаясь к истории второй Пунической войны 218–201 гг. до н. э., хочется подчеркнуть тот факт, что Сципион Африканский был не единственным, кто одерживал над Ганнибалом победу. Эта мысль прослеживается ещё в произведении Корнелия Непота, автора I в. до н. э., который так описывает Ганнибала Барку: «В самом деле, сколько ни сталкивался с ним [народом римским – *P. Клименко*] в Италии, всегда выходил с преимуществом» (*Nam quotiescumque cum eo congressus est in Italia, semper discessit superior*) (Nep. Hann. 1).

Однако Непот не является основателем идеи непобедимости Ганнибала на территории Италии. Вероятно, писатель мог использовать и использовал труд Полибия, в жизнеописании Ганнибала Непот его упоминает (Nep. Hann. 13). Именно в его «Всеобщей истории» мы видим тенденцию к возвеличиванию Сципиона Африканского в качестве единственного победителя Ганнибала. Это объясняется личной связью Полибия с домом Сципионов, под покровительством которого историк жил в Риме [Немировский, 1974, с. 88; Тыжов, 1994, с. 10–11]. Полибий был учителем Сципиона Эмилиана, приёмного внука того самого Сципиона Африканского, и даже, как предполагал П. Фрилэндер, выстраивал с ним отношения по образцу Сократа и Алкивиада [Frielander, 1945, с. 337–351] – на равных. Логично предположить, что, будучи protégé дома Сципиона Африканского, Полибий пытался возвысить его подвиг – победу при Заме. На фоне Сципиона, окончательно разгромившего Ганнибала, Марцелл, также его побеждавший, мог «померкнуть». Но, как отмечает А.В. Васильев, Марцелл даже стилем своей политической и военной деятельности был близок к Сципиону Африканскому [Васильев, 2012, с. 113].

Нельзя не отметить, что подобную несправедливость заметила при переводе Непота Н.Н. Трухина [Трухина, 1992, с. 96]. В самом деле, как отмечали некоторые исследователи [Низе, 1910; Трухина, 1992, с. 96; Клименко, 2020, с. 6; Astin et al., 2008], до битвы при Заме, в битвах при Ноле в 215 г. до н. э., а также при Нумистроне в 210 г. до н. э. и при Канузии в 209 г. до н. э. Марк Клавдий Марцелл не только не уступал, но и побеждал знаменитого карфагенянина. Битва при Ноле – первая победа римлян над Ганнибалом, столь необходимое после Канн событие для поддержания боевого духа квиритов – в этом её главное значение [Клименко, 2020, с. 5]. Но каково значение последующих столкновений пятикратного консула Марка Клавдия Марцелла с Ганнибалом, а именно – при Нумистроне и Канузии?

Объект и методы исследования

В статье рассматривается военная деятельность Марка Клавдия Марцелла в период с 210 по 209 гг. до н. э. и её отображение в источниках. Автор попытается дать ответ на вопрос о значении военных столкновений Марцелла с Ганнибалом для хода Второй Пунической войны. Методология настоящего исследования строится на общих методах исторического исследования, филологической критике, а также включает в себя сравнительный анализ источников.

Результаты и их обсуждение

О действиях Марка Клавдия Марцелла в 210–209 гг. до н. э. пишет в первую очередь Тит Ливий в XXVII книге. Важно отметить, что Ливий использовал широкий спектр источников при написании своего труда: Целия Антипатра (Liv. XXVI. 11. 11) и анналистов, начиная с Антиата и заканчивая Пизоном (Liv. XXV. 39. 12; 14; 15). Что особенно важно при освещении событий, связанных с Ганнибалом, Ливий использовал сочинения личного биографа карфагенянина – Силена (Liv. XXVI. 49. 3). Несмотря на это, по замечанию Е.А. Родионова, Ливий «ради того чтобы обелить своих соотечественников, мог и приукрасить действительность» [Родионов, 2017, с. 456]. Плутарх многое заимствовал у Ли-

вия, однако использовал и труды, до нас не дошедшие, например, Посидония (Plut. Fab. 19; Marc. 1; 9; 20; 30). О Марцелле Плутарх пишет в первую очередь в его жизнеописании, а также в биографии Квинта Фабия Максима. Правда, во втором случае автор не изобилует подробностями о Марке Клавдии. У Полибия же в сохранившихся текстах мы вовсе не находим упоминаний о Нумистроне или Канузии.

Благодаря Ливию и Плутарху мы можем восстановить хронологию событий 210–209 гг. до н. э. в Италии. Это важно, потому что позволяет правильно установить причинно-следственные связи и их значимость.

После битвы при Каннах война с Ганнибалом велась с переменным успехом. С одной стороны, от Рима массово отпадали италийские союзники, с другой – римская армия вела достаточно успешные боевые действия. Благодаря тактике Фабия Максима, избегавшего открытых столкновений с карфагенянином, удалось сохранить армию и авторитет среди оставшихся после Канн союзников. Военные успехи римлянами достигались в основном не в Италии: до 211 г. до н. э. в Испании, до гибели братьев Сципионов, в Сицилии в 212 г. до н. э., когда Марцелл захватил Сиракузы и т. д. Однако в самой Италии зверствовали войска Ганнибала.

В 210 г. до н. э. Ганнибал в очередной раз одержал победу над римлянами в лице проконсула Гнея Фульвия (Liv. XXVII. 1. 6–15; Plut. Marc. 24). Для квиритов это явилось «великой печалью» (*luctus ingens*) (Liv. XXVII. 2. 3), но ещё больше их волновало будущее и одолевал страх, вызванный рвением Марка Марцелла преследовать карфагенян (Liv. XXVII. 2. 5; Plut. Marc. 24). Марцелл каждый раз словно оправдывал своё прозвище (*cognomen*), как считали античные авторы (Plut. Marc. 1), и даже сам Ганнибал, по словам Ливия, выделял его из всех, с кем ему приходилось сражаться в Италии (Liv. XXVII. 14. 1; Plut. Marc. 30; Val. Max. 5.1.ext. 6). В то время как Ганнибал разбил Гнея Фульвия у Гердонии, Марцелл находился в землях самнитов и, бросившись за пунийцами в погоню, настиг их у города Нумистрон – на самом севере Лукании (Liv. XXVII. 2. 4; Plut. Marc. 24).

В историографии к событиям при Нумистроне и Канузии, как впрочем и ко всем действиям Марцелла в 210–209 гг. до н. э. – погоней за Ганнибалом, – относятся по-разному. Зачастую эти события лишены какой-либо оценки, и авторы монографий просто пересказывают Ливия [Кораблёв, 1976; Ревяко, 1988; де Бир, 2005; Родионов, 2005].

Категоричнее всего не только об этих, но и о всех сражениях между Каннами и Замой высказался Ганс Дельбрюк. Он отмечал, что большинство побед в 216–203 гг. до н. э. являются или «патриотическим вымыслом», или «хвастливыми выдумками» [Дельбрюк, 2005, с. 769–770]. Эту точку зрения разделяет и П. Коннолли в своей энциклопедии военного искусства: он так же, как и Дельбрюк, даёт категоричную оценку античным источникам. Коннолли пишет, что все победы Марцелла над Ганнибалом в 209–210 гг. до н. э. являются вымыслом [Коннолли, 2001, с. 196], однако автор никаким образом, в отличие от Дельбрюка, это не аргументирует. Последний в своих высказываниях ссылается на монографию В. Стрейта «К истории Второй Пунической войны в Италии после сражения при Каннах» [Дельбрюк, 2005, с. 769], в которой тезис о непобеждённости Ганнибала доказывается через подсчёты потерь карфагенян за время пребывания на чужбине. Данные о количестве солдат в войске Ганнибала, очевидно, взяты из тех же источников, что повествуют и о победах Марцелла.

Теодор Моммзен в своём фундаментальном труде конкретно никаких сражений рассматриваемого периода между Марцеллом и Ганнибалом не называет. Моммзен лишь говорит об отсутствии каких-либо решительных результатов в мелких стычках в ходе той самой погони от Нумистрона до Канузии [Моммзен, 1997, с. 505]. Однако опять же не называя само сражение, Моммзен оценивает битву при Канузии как «кровавопролитную победу» [Там же, с. 506]. Подобно Моммзену поступает и К.А. Ревяко, упоминающий о действиях Марка Клавдия одним предложением, но подчёркивая, что битва с Марцеллом, после которой Ганнибал «пошёл в Апулию» [Нумистрон – Р. Клименко], была неудачной

для карфагян [Ревяко, 1988, с. 193]. Забавно, на мой взгляд, то, что подобный подход к анализу источников не полностью отражает историческую картину, буквально уступая в своей информативности трудам античных авторов.

Моммзен никак не связывает действия Марцелла в отношении Ганнибала с тем, что последний не успел из-за первого вовремя прийти на помощь тарентинцам. Но вслед за Плутархом отмечает катастрофичность положения карфагян после потери Тарента [Моммзен, 1997, с. 506]. Это же подмечает и И.Ш. Кораблёв, который, несмотря на то что говорит об отступлении карфагян при Канузии, не комментирует исход сражения [Кораблёв, 1976, с. 163]. Серж Лансель также повторяет подход Моммзена: конкретно сражений не называет, но даёт оценку навязанного Ганнибалу после долгого преследования сражения [при Канузии – Р. Клименко] как взятие верха над карфагянами [Lansel, 1998, p. 142–143].

Авторы Кембриджской истории Древнего мира так же, как и многие другие авторы, почему-то избегают конкретных названий битв, которые происходили между Марцеллом и Ганнибалом в 210–209 гг. до н. э. Битва при Нумистроне трактуется как небольшое столкновение, а сражение при Канузии – как спорная победа [Astin A.E. et al., 2008].

Таким образом, следует заключить, что всех авторов, исследовавших вопросы второй Пунической войны как в монографических трудах, так и в общих работах по Древнему миру или военному искусству, относительно интересующей нас проблемы можно разделить на две категории. К первой относятся те, кто полностью отрицает сам факт побед Марка Марцелла над Ганнибалом, для них единственный победитель знаменитого карфагянина, как и для Полибия – это Сципион Африканский. Ко второй категории относятся признающие победы Марцелла. Однако невозможно не заметить, что большинство авторов, относящихся к этой категории, по неизвестной причине избегают упоминаний названий мест, рядом с которыми произошли сражения. Такой подход даже к тривиальному пересказу источников, как мной отмечалось выше, делает сами источники более информативными, чем научные труды, их освещающие. А при отсутствии какой бы то ни было оценки исторических событий и встраивания последних в причинно-следственные связи источники в самом деле становятся лучшим выбором для ознакомления с историческим процессом.

Ливий кратко и эпично описывает сражение, подчёркивая непримиримость обеих сторон и затяжную длительность столкновения, после чего говорит о «неопределённой победе» (*incerta victoria*), которой заканчивается битва (Liv. XXVII. 2. 5–8), этот же вывод повторяет Плутарх (Plut. Marc. 24). После этого начинается долгая погоня оставшихся в строю легионеров Марцелла за карфагянами, ушедшими в Апулию (Liv. XXVII. 2. 10). При этом погоня была, очевидно, столь ожесточённой (11–12), что сенат решил не отвлекать Марка Клавдия для проведения выборов консулов в 210 г. до н. э. (Plut. Marc. 24).

Таким образом, ни о какой победе речи не может идти, вопреки высказанному в комментариях к переводу Непота Н.Н. Трухиной мнению о том, что Марцелл всё-таки «одолевал» Ганнибала при Нумистроне в 210 г. до н. э. [Трухина, 1992, с. 96], если говорить по всей строгости. Беря во внимание тот факт, что римляне всё ещё «стояли в строю» (*stetere in acie*), а карфагяне снялись с лагеря (Liv. XXVII. 2. 9–10), можно говорить не столько о победе Марка Клавдия Марцелла, сколько об отступлении Ганнибала. Авторитетные военные историки Г. де Бир и Р.А. Габриэль оценивают сражение при Нумистроне как безрезультатное – никто из сторон не добился решающего перевеса [де Бир, 2005; Габриэль, 2012]. Более того, у Ганнибала хватило сил ещё долго уходить от Марцелла и после всё-таки дать ему сражение. Однако, по мнению Йоны Лендеринга, сражение при Нумистроне можно оценивать как победу [Lendering, 2020].

Пока Марцелл преследовал Ганнибала, Квинт Фабий Максим готовился осадить Тарент (Liv. XXVII. 7. 7; 12. 2; Plut. Fab. Max. 20; Marc. 25) – порт на юге Италии, о важности и выгодах местоположения которого писал ещё Полибий (X. 1). Через Тарент Ган-

нибал мог получать подкрепления из Африки, что, на мой взгляд, превращало взятие порта для римлян в стратегическую задачу. Однако Фабий понимал, что Ганнибал будет пытаться прийти на помощь тарентинцам, поэтому предпринял ряд мер по его отвлечению от осады Тарента.

Ливий сообщает, что Фабий просил своих коллег «жесточайшим боем задерживать» карфагенян (*acerrimo bello detinerent*) (XXVII. 12. 2), чтобы те не помешали осаде Тарента. Вместе с тем, очевидно, на случай неудачи своих коллег Фабий Максим отправил в Регий (юго-западная оконечности Апеннинского полуострова) приказ начальнику тамошнего гарнизона пустить разорять Бруттий – нынешнюю Калабрию, на самом юге Италии [Удальцова, 1988, с. 451; Разин, 1999, с. 295; Балахванцев, 2002, с. 436] – отпавший от Рима ещё после Канн (Liv. XXII. 61. 11), вывезенных с Сицилии «разбойников» (*rapto vivere hominum adsuetorum*) и местных перебежчиков (*perfugae*) (Liv. XXVII. 12. 4–6). Интересно, что Плутарх в жизнеописании Фабиуса Максима про просьбу эту не упоминает. Но в биографии Марцелла он, естественно, про это сообщает (Plut. Marc. 25), что придаёт действиям полководца ещё большую важность.

Марцеллу удалось настичь Ганнибала у Канузия, в центральной Апулии, здесь Марку Клавдию после долгих мелких и незначительных стычек всё-таки удалось навязать пунийцу открытое сражение (Liv. XXVII. 12. 9; Plut. Marc. 25). Первый день сражения окончился для римлян неудачно: как сообщает Ливий, это произошло из-за ослабления правого крыла и последующей замены одного легиона другим, в ходе которой в войске началась паника (Liv. XXVII. 12. 14–17). У Плутарха мы не находим этих подробностей, но результат первого дня сражения такой же (Plut. Marc. 25).

Марцелл был столь сильно взбешён действиями своих солдат, что подверг бросивших знамёна унижительным наказаниям, одним из которых был перевод с пшеницы на ячмень, используемый в качестве фуража (Liv. XXVII. 13. 9; Plut. Marc. 25); точно такое же наказание двести лет спустя, по сообщению Светония, применял и сам Октавиан Август (Aug. 25. 2).

Второй день, по заявлению античных авторов, выдался ещё более тяжёлым – никто не имел перевеса, Ганнибал даже вывел в бой слонов (Liv. XXVII. 14. 2–6; Plut. Marc. 26). Однако слоны сделали только хуже и, по сообщению Ливия, принесли больше вреда, чем пользы (Liv. XXVII. 14. 10). Исход сражения Ливий оценивает как «победу, достигнутую не без кровопролития» (*Nec <...> incruenta victoria fuit*) (Liv. XXVII. 14. 14). И, судя по тому, что после сражения Ганнибал вновь ушёл от римлян (Liv. XXVII. 14. 15; Plut. Marc. 26), можно, казалось бы, говорить о его «бегстве» и признании своего поражения в силу нежелания продолжать биться до победного конца. Марцелл из-за истощённости своих солдат был уже не в силах в очередной раз начать погоню за карфагенянами (Ibid.). Однако авторы Кембриджской истории Древнего мира такую характеристику исхода битвы Ливия интерпретируют как неопределённую [Astin et al., 2008].

Однако стоит заметить, что термин «бегство» по отношению к действиям Ганнибала, я считаю, не совсем корректен. Ганнибал после ухода от Марцелла всё ещё сохранял боевой потенциал и в скором времени после этого смог одержать победу под Кавлонией (Liv. XXVII. 16. 9). Вероятно, это было стратегическое отступление, и в силу этого победа Марцелла уже ставится под вопрос: всё-таки поражение, если следовать определениям В.А. Сапожинского [Сапожинский, 2008, с. 55], карфагенянам не было нанесено.

Таким образом, Марк Клавдий Марцелл одержал над Ганнибалом победу уже во второй раз. Но в этом случае победа была не столько фактической, сколько стратегической. Марцелл не разбил карфагенян, но своей погоней и целыми двумя сражениями очень сильно задержал их, что Родионов оценивает как успешные действия [Родионов, 2005, с. 769–770]. В результате этого Квинту Фабию Максиму удалось захватить Тарент, в то время как Ганнибал уже направлялся на помощь к тарентинцам (Liv. XXVII. 16.10; Plut. Fab. Max. 23). Таким образом, отступление Ганнибала не дало никаких преимуществ, в

отличие, например, от отступления русской армии в 1812 г. По сообщению Плутарха, после потери Тарента Ганнибал наконец-то понял, что завоевать Италию имеющимися силами попросту невозможно (Fab. Max. 23).

Заключение

Итак, в 210 г. до н. э. Марк Клавдий Марцелл снова столкнулся с Ганнибалом Баркой, и это столкновение обернулось сражением при Нумистроне, которое закончилось с ничейным результатом. Однако после него началась целая погоня римлян за карфагенянами – из Лукании, через Венузию, окончившаяся в центральной Апулии у города Канузий. Здесь в следующем 209 г. до н. э. Марк Клавдий Марцелл, действовавший уже по договорённости с Квинтом Фабием Максимом, снова сразился с Ганнибалом. Но победивших и проигравших снова не оказалось – на первый взгляд. Благодаря затяжной погоне Марцеллу удалось выиграть время, которого хватило Фабию Максиму для взятия Тарента. Последнее, безусловно, стало чуть ли не катастрофической потерей для Ганнибала.

В историографии погоне за Ганнибалом уделяют внимания крайне мало, иногда не упоминают вовсе. Но даже в тех работах, где о Нумистроне или Канузии написано хотя бы предложение, зачастую отсутствуют или конкретика, или оценка. Таким образом, данный вопрос в историографии освещён крайне слабо. Историки, на мой взгляд, подобно народному трибуну Гаю Публицию Бибулу (Liv. XXVII. 20. 11), умаляют подвиги Марка Марцелла. Однако дела Марцелла, единственного, кто не получал от Ганнибала поражений в открытом бою до Сципиона, говорят сами за себя.

Список литературы

- Балахванцев А.С. 2002. К вопросу о локализации Парфавнисы. Проблемы истории, филологии и культуры, 12: 436–441.
- Васильев А.В. 2012. Сципион Африканский как политический и военный лидер нового типа. Вестник Санкт-Петербургского университета. История, 2: 109–116.
- Габриэль Р.А. 2012. Ганнибал. Военная биография величайшего врага Рима. Москва, Центрполиграф, 318 (in Russia).
- Де Бир Г. 2005. Ганнибал: борьба за власть в Средиземноморье. Смоленск, «Русич», 416.
- Дельбрюк Г. 2005. История военного искусства в рамках политической истории, Т. 1. Античный мир. Москва, Директмедиа Паблишинг, 1107.
- Клименко Р.В. 2020. Битва при Ноле 216 года до нашей эры. Тезисы докладов студенческой научной конференции по итогам работ за 2019 год. Воронеж, Изд-во ВГПУ, 5–7.
- Коннолли П. 2001. Греция и Рим: энциклопедия военного искусства. Москва, Эксмо-Пресс, 320.
- Кораблёв И.Ш. 1976. Ганнибал. Москва, Наука, 227.
- Моммзен Т. 1997. История Рима, Т. 1, Кн. 3. Санкт-Петербург, Наука, Ювента, 731.
- Немировский А.И. 1974. Полибий как историк. Вопросы истории, 6: 87–106.
- Низе Б. 1910. Очерк Римской истории и источниковедения. Санкт-Петербург, Типография товарищества «Общественная польза», 626.
- Разин Е.А. 1999. История военного искусства XXXI в. до н. э. – VI в. н. э. Санкт-Петербург, Полигон, 560.
- Ревяко К.А. 1988. Пунические войны. Минск, Университетское, 272.
- Родионов Е.А. 2017. Войны Карфагена. Первая полная энциклопедия Пунических войн. Москва, «Яуза», 790.
- Родионов Е.А. 2005. Пунические войны. Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского университета, 626.
- Сапожинский В.А. 2008. Современные взгляды на систему поражения противника в операции (общевойсковом бою). Вестник Академии военных наук, 2 (23): 54–57.
- Трухина Н.Н. 1992. Примечания. Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках. Москва, Издательство Московского Государственного университета: 96–97.

- Тыжов А.Я. 1994. Полибий и его «Всеобщая история». Полибий. Всеобщая история, Т. 1. Санкт-Петербург, Наука, Ювента: 5–33.
- Удальцова З.В. 1988. История Европы, Том 1. Древняя Европа. Москва, Наука, 704.
- Astin A.E. et al. 2008. Cambridge Ancient History. Cambridge, Cambridge University Press, 605.
- Frieland P. 1945. Socrates inters Rome. American Journal of the Philosophy, 66: 337–351.
- Lancel S. 1998. Hannibal. Oxford, Blackwell, 267.
- Lending J. 2020. Marcus Claudius Marcellus. Livius. Available <https://www.livius.org/articles/person/claudius-marcellus> (accessed 09.02.2022).

References

- Balakhvantsev A.S. 2002. K voprosu o lokalizatsii Parfavnisy [To the question of the localisation of Parthaunisa]. Problemy istorii, filologii i kul'tury [Problems of history, philology and culture], 12: 436–441 (in Russia).
- Vasil'ev A.V. 2012. Stipion Afrikanskiy kak politicheskiy i voennyi lider novogo tipa [Scipio Africanus as a political and military leader of the new type]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya [Bulletin of St. Petersburg University. History], 2: 109–116.
- Gabriel R.A. 2012. Gannibal. Voennaya biografiya velichayshego vraga Rima [Hannibal: The Military Biography of Rome's Greatest Enemy]. Moscow, Centrpoligraph, 318.
- De Beer G. 2005. Gannibal: bor'ba za vlast' v Sredizemnomor'e [Hannibal: The Struggle for Power in the Mediterranean]. Smolensk, «Rusich», 416 (in Russia).
- Delbrück H. 2005. Istoriya voennogo iskusstvav ramkakh politicheskoy istorii [History of Warfare in the Framework of Political History], Vol. 1. Antichnyy mir [Ancient warfare]. Moscow, Directmedia Publishing, 1107 (in Russia).
- Klimenko R.V. 2020. Bitva pri Nole 216 goda do nashey ery [Battle of Nola 216 B.C.]. Tezisy dokladov studencheskoy nauchnoy konferentsii po itogam rabot za 2019 god [Abstracts of reports of the student scientific conference on the results of the work for 2019]. Voronezh, Press VSU: 5–7 (in Russia).
- Connolly P. 2001. Gretsia i Rim: entsiklopediya voennogo iskusstva [Greece and Rome at War]. Moscow, Exmo Press, 320.
- Korablev I.Sh. 1976. Gannibal [Hannibal]. Moscow, Nauka, 227.
- Mommsen T. 1997. Istoriya Rima [The history of Rome], Vol. 1. Bk. 3. Saint-Petersburg : «Nauka», «Yuventa», 731 (in Russia).
- Nemirovskiy A.I. 1974. Polibiy kak istorik [Polybius as a historian]. Voprosy istorii [The questions of the history], 6: 87–106 (in Russia).
- Niese B. 1910. Ocherk Rimskoy istorii i istochnikovedeniya [An essay on Roman history and source studies]. Saint-Petersburg, Association «Obshchestvennaya pol'za» Press, 626 (in Russian).
- Razin E.A. 1999. Istoriya voennogo iskusstva XXXI v. do n. e. – VI v. n. e [History of military art 31 century B.C. – 6 century A.D.]. Saint-Petersburg, Poligon, 560 (in Russia).
- Revyako K.A. 1988. Punicheskie voyny [The Punic Wars]. Minsk, Universitetskoe, 272 (in Russia).
- Rodionov E.A. 2017. Voyny Karfagena. Pervaya polnaya entsiklopediya Punicheskikh voyn [The Wars of Carthage. The first complete encyclopedia of the Punic Wars]. Moscow, «Yauza», 790 (in Russia).
- Rodionov E. 2005. Punicheskie voyny [The Punic Wars]. Saint-Petersburg, Publishing house of Saint-Petersburg University, 626 (in Russia).
- Sapozhinskiy V.A. 2008. Sovremennye vzglyady na sistemu porazheniya protivnika v operatsii (obshchevoyskovom boyu) [Modern views on the system of defeating the enemy in an operation (combined arms combat)]. Vestnik Akademii voennykh nauk [Bulletin of the Academy of Military Sciences], 2 (23): 54–57 (in Russia).
- Trukhina N.N. 1992. Notes. Korneliy Nepot. O znamenitykh inozemnykh polkovodtsakh. Iz knigi o rimskikh istorikakh [Cornelius Nepos. About famous foreign generals. From a book about Roman historians]. Moscow, Publishing house of Moscow State University: 96–97 (in Russia).
- Tyzhov A.Ya. 1994. Polibiy i ego «Vseobshchaya istoriya» [Polybius and his «Histories»]. Polibiy. Vseobshchaya istoriya [Polybius. Histories], Vol. 1. Saint-Petersburg, Nauka, Yuventa: 5–33 (in Russia).

- Udal'tsova Z.V. 1988. Istoriya Evropy [The History of Europe], Vol. 1. Drevnyaya Evropa [Ancient Europe]. Moscow, Nauka, 704 (in Russia).
Astin A.E. et al. 2008. Cambridge Ancient History. Cambridge, Cambridge University Press, 605.
Frielander P. 1945. Socrates inters Rome. American Journal of the Philosophy, 66, 337–351.
Lancel S. 1998. Hannibal. Oxford, Blackwell, 267.
Lendering J. 2020. Marcus Claudius Marcellus. Livius. Available
<https://www.livius.org/articles/person/claudius-marcellus> (accessed 09.02.2022).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.02.2023
Поступила после рецензирования 06.06.2023
Принята к публикации 06.06.2023

Received 17.02.2023
Revised 06.06.2023
Accepted 06.06.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Клименко Роман Владимирович, студент кафедры зарубежной истории, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Россия

 [ORCID: 0000-0002-5664-6527](https://orcid.org/0000-0002-5664-6527)

Roman V. Klimenko, student of the Department of Foreign History, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

УДК 94(569.4)

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-323-329

Оригинальное исследование

Роль климатических колебаний в развитии и сокращении сельского хозяйства в Малой Азии с IV по VII века н. э.

Веретенникова Е.П.¹ , Пашкова А.Ю.²

¹) ОГБОУ «Алексеевская СОШ»,

Россия, Белгородская область, 309850, г. Алексеевка, ул. Л. Толстого, д. 10;

²) Белгородский государственный аграрный университет им. В.Я. Горина,

Россия, 308530, Белгородская область, Белгородский район, п. Майский, ул. Вавилова, 1

E-mail: 1336443@bsu.edu.ru; kurnancy@yandex.ru

Аннотация. За последние десятилетия археологи открыли множество свидетельств существования процветающего сельского мира в позднеантичном Восточном Средиземноморье. Однако лишь очень медленно историки стали осознавать это явление, и комплексные исследования его сельскохозяйственных и социально-экономических аспектов начали появляться только в последние несколько лет. Одним из ключевых факторов, которые должны были способствовать беспрецедентному развитию сельского хозяйства, лежавшему в основе процветания позднеантичной сельской местности, были климатические колебания. Благодаря растущему количеству научных данных, в частности палинологическим и лимнологическим исследованиям, теперь можно с относительной уверенностью утверждать, что поздняя античность была периодом необычной влажности в климатической истории Средиземноморья, за которым последовали особенно засушливые века раннего средневековья. В этом исследовании оценивается степень влияния этих факторов на развитие сельского хозяйства, рассматривая ситуацию по регионам юго-западной Малой Азии (Писидия и Ликия). Почти везде в указанных регионах более благоприятные гидрологические условия поздней античности значительно облегчали расширение возделывания на экологически маргинальных землях, в то время как рост сельскохозяйственного производства создавал стимулы для развития в районах с более стабильными природными условиями. Эти сложные процессы свидетельствуют о способности восточно-средиземноморского общества умело реагировать на меняющиеся природные условия, чему оно было обязано сложностью и гибкостью, унаследованными от предыдущих эпох.

Ключевые слова: поздняя античность, Рим, Ранняя Византия, Ликия, Писидия, сельское хозяйство, климатические условия.

Для цитирования: Веретенникова Е.П., Пашкова А.Ю. 2023. Роль климатических колебаний в развитии и сокращении сельского хозяйства в Малой Азии с IV по VII века н. э. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 323–329. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-323-329

The Role of Climatic Fluctuations in the Development and Reduction of Agriculture in Asia Minor from the 4-th to the 7-th Century A.D.

Ekaterina P. Veretennikova¹ , Anastasia Y. Pashkova²

¹) Regional State Budgetary Educational Institution «Alekseevskaya Secondary School»

10 L. Tolstoy St., Alekseevka 309850, Belgorod region, Russia;

²) Belgorod State Agrarian University named after V. Ya. Gorin,

1 Vavilov St. Maysky village 308530, Belgorod district, Russia

E-mail: 1336443@bsu.edu.ru; kurnancy@yandex.ru

Abstract. Over the past decades, archaeologists have unearthed many evidences of the existence of a prosperous rural world in the late ancient East. However, it was only very slowly that historians of late antiquity began to

realize this phenomenon, and comprehensive studies of its agricultural and socio-economic aspects began to appear only in the last few years. One of the key factors that must have contributed to the unprecedented development of agriculture underlying the prosperity of the late Antique countryside was climatic fluctuations. Thanks to the growing amount of scientific data, in particular palynological and limnological studies, it is now possible to state with relative certainty that late antiquity was a period of unusual humidity in the climatic history of the Mediterranean, followed by particularly arid centuries of the early Middle Ages. This study evaluates the degree of influence of these factors on the development of agriculture, considering studies in regions of Southwestern Asia Minor (Lycia, Pisidia). In almost every case, the more favorable hydrological conditions of late antiquity greatly facilitated, if not encouraged, the expansion of cultivation on ecologically marginal lands, while this boom in agricultural production must have created incentives for the development of rural economies in areas with more stable natural conditions. These complex technological and socio-economic processes testify to the ability of the Eastern Roman society to skillfully respond to changing natural conditions, to which it owed the complexity and flexibility inherited from previous generations.

Keywords: Late Antiquity, Rome, Early Byzantium, Lycia, Pisidia, agriculture, climatic conditions

For citation: Veretennikova E.P., Pashkova A.Yu. 2023. The Role of Climatic Fluctuations in the Development and Reduction of Agriculture in Asia Minor from the 4-th to the 7-th Century A.D. *Via in tempore. History and political science*, 50 (2): 323–329 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-323-329

Введение

Слово «климат» почти не встречается в важных исследованиях Криса Уикхема [Wickham, 2005, 2006] и Марка Уиттоу [Whittow, 2008] по социально-экономической истории Византии поздней античности и раннего средневековья. Проблема позднеантичных колебаний климата была кратко рассмотрена лишь Майклом Декером [Decker, 2009]. По этой причине проблема взаимосвязи климата и экономических, а также сельскохозяйственных тенденций важна как преодоление существенного пробела в наших знаниях о позднеантичной экономике. Как климатические, так и гидрологические условия, которые являются предпосылками для любой интенсивной эксплуатации земель, существенно изменились на протяжении поздней античности.

Таким образом, целью данного исследования является оценка степени, в которой эти изменения повлияли на развитие сельского хозяйства. Эта проблема рассматривается здесь на материалах из таких регионов, как Писидия и Ликия (Юго-Западная Малая Азия).

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает процесс изучения климатических колебаний в развитии и сокращении сельского хозяйства в Малой Азии с IV по VII вв.

Методологическая база исследования основана на стремлении соответствия принципу системности (предполагающему комплексное рассмотрение фактов с учетом их развития, опору на структурные и функциональные особенности предмета), принципу историзма (в основе которого лежит изучение исторических явлений, событий и процессов в соответствии с их хронологией и взаимосвязью), принципу объективности (основанному на том, что источники и факты имеют объективное содержание, позволяющее реконструировать историческое прошлое).

Исследование опирается на такие общенаучные методы, как анализ, синтез, обобщение, систематизация.

Результаты и их обсуждение

За последние несколько лет работа многочисленных археологов позволила получить большое количество свидетельств о состоянии и эволюции сельской местности из различ-

ных частей Малой Азии (рис. 1). Одним из наиболее интенсивно изучаемых районов является район Сагаласса, важного города Писидии [Ramsay, 1902/03].

Здесь видно некоторое расширение плотного римского расселения в первой части позднеантичного периода (IV – сер. V вв.), когда начали заселяться менее доступные места или места на вершинах холмов [Ramsay, 1908, p. 3]. Это говорит о том, что социально-экономическая структура этого района существенно не изменилась, не претерпела кризиса, и он оставался густонаселенным и интенсивно обрабатываемым районом [Robinson, 1926]. Позже, в течение VI в., общее количество памятников здесь уменьшилось, и прежнее процветание, по-видимому, прекратилось.

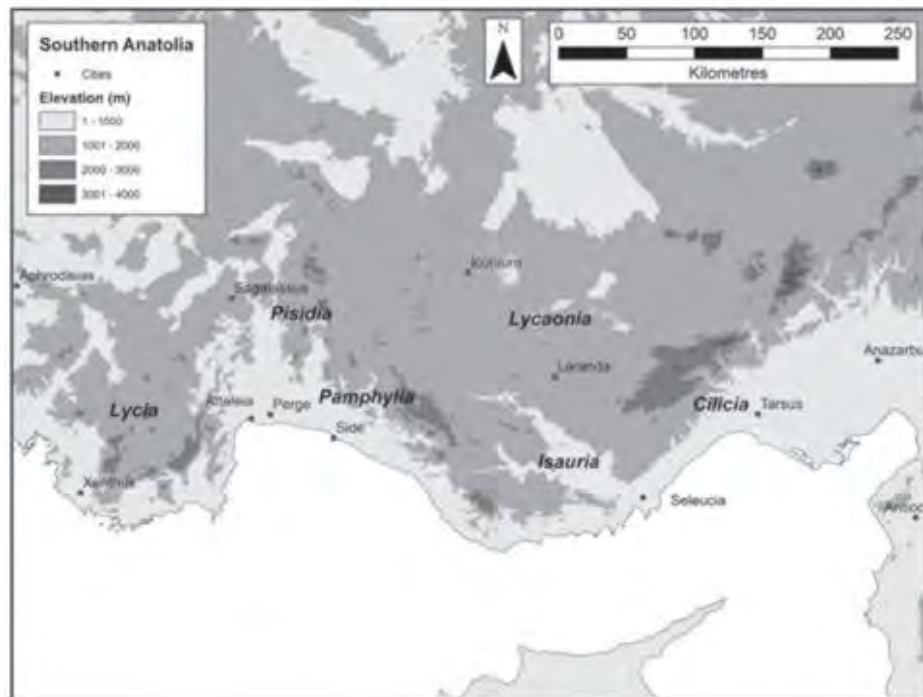

Рис.1. Карта юго-западной части Малой Азии
Fig.1. Map of south-western Asia Minor

Недалеко от Сагаласса, к югу от Писидии, горные поселения во внутренних районах Ликийского побережья также заметно расширились в период поздней античности, о чем свидетельствуют остатки многочисленных сельских церквей этого времени. Более того, многие из этих храмов были очень красивыми, хорошо украшенными зданиями (например, базилика в Алакилисе), и, следовательно, должны были существовать люди или группы (сельские жители?), достаточно богатые, чтобы финансировать такие великолепные постройки.

Поселение в Алакилисе действительно было большим (более 100 каменных домов, как правило, с винными прессами и цистернами, построенных в тот же период) и, должно быть, было относительно богатым.

Другая деревня такого типа, меньшая по размеру, но все же с часовней, расположена в километре к востоку на склонах Алача-Дага.

В Дикмене, к юго-западу от Алакилисе, есть еще одна позднеантичная церковь с деревней, состоящей из домов, похожих на те, что сохранились в Алакилисе.

Наконец, в Карабель-Асарчике были обнаружены остатки церковного комплекса начала VI в., предварительно идентифицированного как монастырь св. Николая Сионского.

Можно попытаться реконструировать экологическую историю этого региона на основании ряда данных, в том числе о пыльце озер этой части Малой Азии, которые очень обильны. Ключевым вопросом здесь является окончание фазы заселения района озера

Бейшехир – периода непрерывной растительности, являющегося результатом сложного способа эксплуатации ландшафта человеком, который начался во II тыс. до н. э.

Она состояла как из интенсивного выращивания зерновых культур, так и из лесоводства (оливковые, грецкие орехи, фруктовые деревья и часто виноградная лоза), сопровождавшегося значительной пастбищной деятельностью. Установление даты окончания присутствия обильной растительности в районе имеет решающее значение для реконструкции его позднеантичной сельскохозяйственной истории.

На обширной сельской территории города Сагаласса, состоящей из умеренно высоких гор и относительно плодородных долин, есть четыре места, из которых можно получить пыльцевые ядра. Три из них исследованы в тесной связи с раскопками древнего города Сагаласс и обследованием его хоры (около 20 км вокруг места: Агласун, Гравгаз, Чанаклы), а также один участок, расположенный в непосредственной близости от этого района (Берекет).

Среди трех мест хоры Сагаласса район Гравгаз является самым богатым по исторической информации, которую можно получить с помощью данных естественных наук. Пыльца злакового типа достигла самых высоких за всю историю значений в V–VI вв., а потом начала доминировать лесная пыльца. Оливковые плантации, характерные для поздней античности, полностью исчезли здесь в VII в. Исследователи интерпретировали это как конец как интенсивного выращивания оливок, так и экономики, которая отдавала предпочтение легко экспортируемым оливкам и злакам. Соотношение пыльцы также указывает на конец плодородства грецкого ореха к концу VI в.

Авторы публикаций приходят к выводу, что интенсивный позднеантичный сельскохозяйственный режим окончательно прекратился в VII в. и что местная сельскохозяйственная экономика перешла в целом к скотоводству [Eastwood, 2006]. Тем не менее выращивание однолетних культур пшеницы, по-видимому, продолжалось вплоть до сельджукского периода, на что указывает стабильное соотношение пыльцы злаков. Масштабы ее культивирования действительно сократились по сравнению с поздней античностью, однако доля недревесной пыльцы в записях раннего средневековья остается значительной. После VIII в. пастбища и обрабатываемые земли заняли доминирующее место в ландшафте. Конец поздней античности знаменует собой важный водораздел с точки зрения способов эксплуатации ландшафта. То, что появилось с VIII в., было уже иным сельскохозяйственным режимом [Eastwood, 2006].

Данные из других районов вокруг Сагаласса не столь ясны. В долине Агласун (Сагаласс) и бассейне Чанаклы данные по пыльце свидетельствуют о снижении вторичных антропогенных показателей (некультурные виды, предпочитаемые в условиях, подверженных влиянию эксплуатации человеком), связанных с выращиванием зерновых и лесоводством. Заметный рост пастбищной растительности в раннесредневековый период, коррелирующий с самым низким соотношением всех антропогенных показателей (как для земледелия, так и для скотоводства), произошел здесь в VII в. [Eastwood, 2006].

В бассейне Чанаклы начиная с I в. выпас скота достиг своего наивысшего размаха за всю римско-византийскую эпоху в V веке. Похоже, что, хотя эта территория эксплуатировалась менее интенсивно, чем возделываемые зерновые поля в других местах, она продолжала активно использоваться в качестве пастбищ. Таким образом, основная экологическая структура бассейна Чанаклы не сильно изменилась на рубеже поздней античности и раннего средневековья. Вполне возможно, что местная скотоводческая экономика сократилась по сравнению с ее позднеантичным пиком, но фактический уровень с точки зрения экологической и сельскохозяйственной структуры был здесь даже выше, чем в бассейне Гравгаза.

Таким образом, представляется, что ландшафты, в которых доминирует скотоводческая экономика, были менее восприимчивы к климатическим факторам, которые оказали гораздо более серьезное влияние на сельское хозяйство, ориентированное на растениеводство.

В районе Берекет, внутригорной впадине, окончание фазы заселения близ Бейшехира датируется примерно 350 г. (оливковое дерево исчезло еще ранее). Почему эта область по-

чти не использовалась в кульминационный период позднеантичного земледелия (V–VI вв.) и вновь стала привлекательной только в VII в.?

Период уменьшения антропогенного воздействия на ландшафт (450–650 гг.) характеризовался здесь значительным повышением влажности (как и на многих других участках в этот период), что, вероятно, способствовало смене растительности. В этом случае более высокий уровень влажности благоприятен для леса и менее благоприятен для выпаса скота, и, возможно, он препятствовал скотоводству, пока вновь не снизился в VII в.

Итак, поздняя античность была заключительной, хорошо развитой фазой древнего сельскохозяйственного режима в обширной области Сагаласса, хотя ситуация отличалась в различных локусах, а также в других областях Писидии [Owens, 2009]. Некоторые районы переживали сельскохозяйственное процветание и были покрыты полями, садами и пастбищами (бассейн Гравгаза и долина Агласун), некоторые использовались преимущественно для выпаса скота (бассейн Чанаклы), в то время как другие были почти полностью заброшены (бассейн Берекет). Эти локальные различия можно объяснить экономической специализацией и случайными экологическими нарушениями.

Среди нескольких озер, изученных на юго-западе Малой Азии, два места заслуживают особого внимания. Вокруг озера Пынарбаши, расположенного в 25 км к югу от Сагаласса, традиционный сельскохозяйственный режим включал культивирование оливок, грецких орехов, злаков и видов, связанных с выпасом скота. Согласно данным по пыльце, к концу VII в. здесь произошло очень интересное изменение: одновременное увеличение пыльцы сосны, полыни и подорожника, сопровождающееся уменьшением количества трав и осоки и исчезновением злаков [Fyfe, 2009, p. 417–424]. Это предполагает, что такая трансформация означала крах крупномасштабного, открытого и основанного на злаках сельскохозяйственного режима, за которым последовало сельское хозяйство, ориентированное на выпас скота (о чем свидетельствует увеличение доли пыльцы подорожника и полыни), развитое в меньших масштабах, чем позднеантичное сельское хозяйство. Этот район частично покрылся лесом и превратился в пастбищные луга.

На озере Гельхисар в Северной Ликии типичный позднеантичный комплекс зерновых культур и деревьев (оливки и грецкие орехи) в сочетании с интенсивным скотоводством, серьезно ухудшающим ландшафт, закончился примерно к середине VIII в. После этого сосна начинает доминировать в ландшафте.

Географические и климатические условия Ликии влияли на концентрацию античных поселений на береговой линии и краях долин по сравнению с высокогорьем. В то время как горы, которые резко поднимаются довольно близко к береговой линии моря, являются фактором, способствующим возникновению двух разных климатических режимов, в этом районе в целом наблюдается типичный средиземноморский климат, при этом зимняя температура редко опускается до $-5... -10$ °C. Сильные дожди, которые обычно идут весной и осенью, разрушают крутые и наклонные склоны гор, что приводит к обеднению почвы. Накопление ила, переносимого дождевыми водами и ручьями, вдоль береговой линии или на плато в высокогорьях также является причиной образования равнин, пригодных для сельского хозяйства.

Горный характер Ликии является самым большим фактором, влияющим на ограниченность сельскохозяйственных угодий. Создание террас – единственный способ превратить наклонные склоны в сельской местности в плодородные сельскохозяйственные угодья. Террасы играют важную роль в развитии растений, удерживая воду в сезон дождей, а также предотвращая эрозию почв [evik, 2008].

Сельскохозяйственное производство в древних городах региона, особенно на гористой береговой линии и на горных склонах в долинах Ксанф, Миры и Ариканда, в значительной степени было основано на системе террасирования [evik, Kizgut, Vulut, 2008].

Хотя равнины использовались в качестве сельскохозяйственных угодий, склоны холмов, на которых располагались усадьбы, также были террасированы, что сделало их пригод-

ными для сельского хозяйства. Эта система применима не только к Ликий, но в первую очередь ко всем регионам с гористой географической структурой Малой Азии [Magie, 1950].

Плотность сельского поселения на юго-западе Малой Азии сильно коррелировала с состоянием сельского хозяйства, видимым по данным пыльцы. Конец VI в. знаменует собой важный сдвиг в истории сельского хозяйства в Ликий. Интенсивное позднеантичное земледелие постепенно уступило место пастбищам и полям, сократившимся в размерах и разбросанным среди кустарников и лесов, растущих там, где раньше были сады и зерновые поля [Маццоу, 2002, р. 310].

Заключение

Итак, влияние климатических колебаний значительно варьировалось в поздней античности от региона к региону. На менее благоприятных землях расширение сельского хозяйства было связано с повышенной влажностью климата уже с IV в. [Talbot, 2006]. В других областях это способствовало устойчивому экономическому росту и привело к процветанию сельского мира в Восточной Римской империи [Bruins, 1995; Price, 1986]. Обратные изменения, произошедшие в Восточном Средиземноморье в конце поздней античности (конец VI–VII вв.), по-видимому, привели к кризису традиционного сельского хозяйства.

Там, где ощущались усиление засушливости климата и экономический спад, климатические изменения сочетались с различными региональными и общими политическими изменениями, которые либо способствовали новому развитию, либо ускорили сокращение сельскохозяйственной эксплуатации.

Первоначальное изменение климата почти повсеместно создавало стимулы для инвестиций и привлекло новую рабочую силу, а в нескольких местах благоприятные климатические условия были единственным фактором, лежавшим в основе значительного роста сельского хозяйства.

Исчезновение этих благоприятных природных условий потребовало реструктуризации сельскохозяйственных стратегий, принятых сельскими общинами, что иногда приводило к полному обезлюдению ранее плотно заселенных районов.

Общий все еще высокий уровень сельского хозяйства в регионах Восточного Средиземноморья во многом был унаследован от предыдущих эпох [Chastagnol, 1958; Brooks Hedstrom, 2017].

Политические и социальные преобразования в Ранней Византии в VI–VII вв. нельзя отнести исключительно к влиянию климата на сельское хозяйство. Однако экономическая история поздней античности не может быть воссоздана без учета этой важной взаимосвязи.

References

- Brooks Hedstrom D. 2017. References. In: *Monastic Landscape of Late Antique Egypt: An Archaeological Reconstruction*. Cambridge: Cambridge University Press. 359–412.
- Bruins H. 1995. The impact of man and climate on the Central Negev and northeastern Sinai deserts during the Late Holocene. In: *Climatic Change* 29 (4): 429–438.
- evik N. 2008. A first report following the excavation of the Rhodiapolis Theater. In: *Hierapolis International Symposium. Methodologies of restoration and enhancement of ancient theatres in Turkey: Methods, Activities, Results. 07–08 Eylül 2007, Pamukkale. Proceedings*: 52–53.
- evik N., Kızgut ., Bulut S. 2008. Rhodiapolis ve Kumluca Sınırları ndeki Di er Antik Yerle mler. In: *Arkeolojisi, Tarihi, D ası ve Tarımıyla Kumluca – Rhodiapolis*. Kumluca Municipality Publications: 1–75.
- Chastagnol A. 1958. Villages antiques de la Syrie du Nord. In: *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 13 (2), 375–378.
- Decker, M. 2009. *Tilling the hateful earth: agricultural production and trade in the late antique East*. Oxford Byzantine monographs, 346.

- Eastwood J. 2006. Palaeoecology and eastern Mediterranean landscapes: Theoretical and practical approaches. In: General issues in the study of medieval logistics: sources, Problems and Methodologies. Leiden, 119–158.
- Fyfe R. 2009. The European Pollen Database: past efforts and current activities. In: Vegetation History and Archaeobotany 18, No. 5: 417–424.
- Magie D. 1950. Roman Rule in Asia Minor. V. 1. Princeton, UP, 723.
- Mauquoy D. 2002. High-resolution records of late-Holocene climate change and carbon accumulation in two north-west European ombrotrophic peat bogs. In: Palaeoecology. Vol. 186, No. 3–4: 275–310.
- Owens E.J. 2009. «Beautiful and Useful»: The Water Supply of Pisidian Antioch and The Development of The Roman Colony. In: The Nature and Function of Water, Baths, Bathing and Hygiene from Antiquity through the Renaissance. Leiden, Brill: 301–317.
- Price S.R.F. 1986. Rituals and Power. The Roman imperial cult in Asia Minor. Cambridge, UP, 421.
- Ramsay W.M. 1902/03. Pisidia and the Lycaonian Frontier. In: The Annual of the British School at Athens, Vol. 9: 243–273.
- Ramsay W.M. 1908. Cities of St. Paul: Their influence on his life and thought. New York, A.C. Armstrong, 506.
- Ramsay W.M. 1916. Colonia Caesarea (Pisidian Antioch) in the Augustan Age. In: The Journal of Roman Studies. Vol. 6: 83–134.
- Robinson D.M. 1926. Roman Sculptures from Colonia Caesarea (Pisidian Antioch). College Art Association of America, 69.
- Talbot M.R. 2006. A review of the palaeohydrological interpretation of carbon and oxygen isotopic ratios in primary lacustrine carbonates. In: Chem. Geol.: Isotope Geosci. Section 80, 261–279.
- Wickham C. 2005. Framing the Early Middle Ages: Europe and the Mediterranean 400–800. Oxford, University Press, 322.
- Wickham C. 2006. Studying the long-term change in the West, A.D. 400– 800. In: Theory and practice in late antique archaeology: 385–404.
- Whittow M. 2008. Early Medieval Byzantium and the End of the Ancient World. In: Journal of Agrarian Change. 9 (1): 134–153.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 03.12.2022

Received 03.12.2022

Поступила после рецензирования 10.12.2022

Revised 10.12.2022

Принята к публикации 10.12.2022

Accepted 10.12.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Веретенникова Екатерина Павловна, учитель, ОГБОУ «Алексеевская СОШ» Белгородской обл., Россия

 [ORCID: 0000-0002-5688-7056](https://orcid.org/0000-0002-5688-7056)

Ekaterina P. Veretennikova, teacher of Regional State Budgetary Educational Institution «Aleksееvskaya Secondary School» Belgorod region, Russia

Пашкова Анастасия Юрьевна, преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин, Белгородский государственный аграрный университет им. В.Я. Горина, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-8556-2162](https://orcid.org/0000-0002-8556-2162)

Anastasia Yu. Pashkova, lecturer of the Department of General Education Disciplines, Belgorod State Agrarian University named after V.Ya. Gorin, Belgorod, Russia

УДК 94
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-330-334
Оригинальное исследование

Краткий историографический обзор по вопросам изучения распространения оригенизма в IV–VI вв. в Византии

Стржалковская А.Д.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: Strzhalkovskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. Приступая к попытке описания историографии по вопросам личности Оригена и распространения оригенизма, нам представляется начать данный обзор с наиболее крупных исследований, затрагивающих эту тему. В своей публикации «Противоречия Оригенизма» Г.В. Флоровский критически оценивает некоторые монографии европейских исследователей. Исследование П.М. Сладкопепцева «Древние палестинские обитатели и прославившие их святые подвижники» и его описание древних обитателей Палестины и их насельников. Н.П. Кондаков сделал обзор монастырей Палестины в книге «Археологическое путешествие по Сирии и Палестине». В книге А.В. Карташева «Вселенские соборы» подробнейшим образом описан важный для нас V Вселенский собор 553 г. Ю.Б. Циркин даёт краткое описание истории Палестины ранневизантийского периода. В.М. Лурье («История Византийской философии») вводит понятие «история идей», где своё место занял и оригенизм. М.В. Грацианский в монографии «Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского Собора» освещает важные факты и имена наиболее влиятельных приверженцев оригенистического учения.

Ключевые слова: исследование, оригенизм, автор, монографии, обзор

Для цитирования: Стржалковская А.Д. 2023. Краткий историографический обзор по вопросам изучения распространения оригенизма в IV–VI вв. в Византии. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 330–334. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-330-334

A Brief Historiographical Review of the Study of the Spread of Origenism in the 4-th – 6-th Centuries in Byzantium

Anastasia D. Strzhalkovskaya

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia,
E-mail: Strzhalkovskaya@bsu.edu.ru

Abstract. Starting an attempt to describe historiography on the issues of the personality of Origen and the spread of origenism, it seems to us that we should start this review with the most important studies that touch on this topic. In his publication «Contradictions of Origenism» G.V. Frolovsky critically evaluates some monographs of European researchers. Graziansky M.V. in the monograph «Emperor Justinian the Great and the legacy of the Council of Chalcedon» highlights important facts and names of the most influential adherents of the Origenistic doctrine. Downey G. translated from English and compiled by A.M. Bolgova, N.N. Bolgov gives us valuable information about Palestine of the IV century. The study of Sladkopezv P.M. «Ancient Palestinian monasteries and the holy ascetics who glorified them» and his description of the ancient monasteries of Palestine and their inhabitants. Y. Tsikin gives a brief description of the history of Palestine of the early Byzantine period. V.M. Lurie, «History of Byzantine Philosophy» introduces the concept of «history of ideas», where Origenism also took its place. Barony Caesar, in his work «Ecclesiastical and civil Acts from the Birth of Christ to the summer of 1198» uses many primary sources. N.P. Kondakov review of the monasteries of Palestine in the book «An

Archaeological journey through Syria and Palestine». Kartasheva A.V. «Ecumenical councils» describes in detail the V Ecumenical Council of 553, which is important for us.

Keywords: research, origenism, author, monographs, review

For citation: Strzhalkovskaya A.D. 2023. A Brief Historiographical Review of the Study of the Spread of Origenism in the 4-th – 6-th Centuries in Byzantium. Via in tempore. History and political science, 50 (2): 330–334 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-330-334

Введение

Приступая к попытке описания историографии по проблеме изучения личности Оригена и распространения оригенизма в Византии, начать следует данный обзор с наиболее крупных исследований, имеющих на эту тему и каким-то образом помогающих разобраться в этом вопросе. Но, кроме того, присутствует необходимость в изучении общих моментов географической, экономической и культурной ситуации в империи. Также в данном аспекте станут полезны издания, связанные с религиозно-политической ситуацией. Описывая временные рамки, отметим, что нас интересует период с IV до VI вв., территориально нашей темы касается территория Палестины в составе Византийской империи.

Объект и методы исследования

Объектом исследования стали научные издания видных исследователей, историков и богословов в области истории и философии Византии. Нами использовался сравнительно-исторический метод с целью провести исторические сравнения, сопоставить факты и установить параллели с нашей темой.

Результаты и их обсуждение

По вопросам исследования личности Оригена и оригенизма существует некоторый объем научных трудов среди историков, философов и богословов. В нашей статье нам удастся осветить небольшую часть самых интересных, на наш взгляд, изданий.

В своей публикации «Противоречия Оригенизма» Г.В. Фроловский критически оценивает некоторые монографии европейских исследователей XIX века, например, Редепеннинга (Bonn, 1841) и Дени (Paris, 1884), говоря, что они давно уже устарели. Фроловский утверждает, что за последние десятилетия слишком переменились исторические представления о христианской древности, обо всей эллинистической эпохе в целом, а также появилась необходимость в новом анализе исторической картины мира. Недостаток Де Фея, касательно оригенизма, в том, что он много работал по истории христианской Александрии, был знатком данной эпохи. Но в книге об Оригене сказывается вся узость и недостаточность исторических предпосылок либерального, адогматического протестантизма [Фроловский, 1928, с. 108]. Далее в своем исследовании Фроловский дает объяснение теориям Оригена. Если привести некоторые цитаты, станет понятной позиция Фроловского относительно теорий Оригена: «Он умеет мыслить только без времени»; «Именно в этом интимный смысл его знаменитого учения о «всеобщем восстановлении», об апокатастасисе. У Оригена это учение о «всеобщем спасении» определяется совсем не моральными мотивами. Это, прежде всего, метафизическая теория. Апокатастасис есть отрицание истории» [Фроловский, 1928, с. 110]. При этом Фроловский утверждает, что Ориген нисколько не отрицает историческую достоверность Нового Завета [Фроловский, 1928, с. 112]. В своих выводах Фроловский дает философское осмысление взглядам Оригена на существование человека, на оценку временного пространства и на весь тварный мир в целом, а также на жизнь как путь к христианскому спасению. Исторических и фактических данных об Оригене и оригенизме в публикации Фроловского Г.В. мы не находим. Кроме интересного упоминания, что оживление интереса к оригенистическим мотивам стало наблюдаться в европейской мистике Нового времени.

У Болотова В.В. в книге «Лекции по истории Древней Церкви» во втором отделе «Внутренняя жизнь церкви: выяснение догматического учения и начал церковной дисциплины и обряда» некоторые главы посвящены Оригену и его учению, как, например, «Учение о Св. Троице Тертуллиана и Оригена и общая схема построения этого учения в доникейский период» [Болотов, 1994]. При описании Болотовым истории Вселенских соборов также упоминается Ориген и его учение, получившее название оригенизм и осужденное как еретическое [Болотов, 1994].

Грацианский М.В. в своей монографии «Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского Собора» не касается самой личности Оригена и его деятельности, но мы находим весьма важные факты и имена наиболее влиятельных приверженцев его учения, что служит доказательством распространения оригенизма в эпоху императора Юстиниана Великого [Грацианский, 2016]. Смежные темы затрагивает Диль Ш. касаясь политических моментов в историческом контексте [Диль, 1908].

Исследование Дауни Г., переведенное с английского и составленное А.М. Болговой, Н.Н. Болговым, даёт нам ценные сведения об этническом составе населения Палестины IV века, а также об экономической и других сферах жизни на этой территории. Такие исследования ценны тем, что помогают разобраться в причинах распространения ереси оригенизма в палестинских городах и монастырях [Дауни, 2014].

Весьма значимым в аспекте изучения истории Палестины и палестинских обитателей представлен труд Сладкопевцева П.М. «Древние палестинские обитатели и прославившие их святые подвижники». В главе «Лавры и киновии преподобного Саввы Освященного» нам представлено подробное описание истории развития оригенизма, фактические данные, приводятся некоторые имена его последователей [Сладкопевцев, 1896].

Циркин Ю. даёт обзорное описание истории Палестины ранневизантийского периода. Также освещает основные моменты в церковной политике Юстиниана, затрагивая в основном влияние политики императора на внутреннюю жизнь христианской Церкви.

Однозначно важным для изучения оригенистических идей является труд В.М. Лурье «История Византийской философии». Там описываются христианские догматические учения на фоне меняющейся исторической картины. В данном философском труде Лурье прослеживает не историю Церкви как социального института, а «историю идей» существовавших внутри института [Лурье, 2006, С. 133]. В данном историко-философском труде в разделе «Ранневизантийское богословие» посвящено несколько глав императору Юстиниану и его участию в богословских спорах. Кроме того, есть главы, в которых автор описывает оригенизм, называя его «чёрным ходом», через который проникает криптонесторианство [Лурье, 2006, с. 173]. И данный историко-философский труд занимает видное место среди исследований.

Монография Муравьева А.Н. «История святого града Иерусалима от времен апостольских и до наших» освещает события, происходившие в период обострения оригенистских споров в палестинских монастырях Великая лавра Саввы Освященного и Новая Лавра [Муравьев, 1844, с. 216].

Бароний Цезарь заведовал библиотекой Ватикана, и в его труде «Деяния церковные и гражданские от Рождества Христова до 1198 лета» [Бароний, 1914] используется много первоисточников. Именно за обширное использование источников, которые Бароний всегда указывает и точно цитирует, целый ряд исследователей XIX в. – церковных и светских, особенно историков, очень ценит и уважает труды Барония. Благодаря данной книге мы располагаем церковно-исторической ситуацией всего VI века в период царствования Юстиниана Великого, что помогает понять обстановку в империи во время распространения оригенизма. Труд Барония Цезаря возможно отнести и к источнику, но его нельзя не упомянуть среди научных исследований и исторических монографий, поскольку это фундаментальный исторический труд.

Никодим Павлович Кондаков и его замечательный обзор монастырей Палестины в книге «Археологическое путешествие по Сирии и Палестине» [Кондаков, 1094]. При описании различных археологических памятников мы находим сведения о монастырях Святого Саввы Освященного, в которых и получил своё развитие оригенизм.

А.П. Лебедев и его фундаментальный труд «Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века» [Лебедев, 1997] даёт возможность разобраться в бытовых вопросах жизни церковнослужителей и их отношениях с простым народом и властями в Византии.

У Карташева А.В. в книге «Вселенские соборы» подробнейшим образом описан важный для нас V Вселенский собор 553 г. и даются исторические сведения касательно церковной политики Юстиниана [Карташев, 2002]. Естественно, что в истории Вселенских соборов подробно описан и V Вселенский собор, на котором произошло осуждение Оригена и его учение признано еретическим.

Заключение

Рассмотрев некоторые крупные исследования в области истории ранней Византии, мы можем сделать вывод, что оригенизм имел место как еретическое учение. Его основные очаги находились в монастырях Палестинской пустыни и даже среди видных церковных иерархов Древней христианской Церкви. Ученые историки, философы и богословы уделяли этой проблеме некоторое внимание, но эта тема требует и дальнейшего, более глубокого и конструктивного изучения.

Список литературы

- Бароний Ц. 1914. Деяния церковные и гражданские от рождества Христова до 1198 лета. Вторая книга: век V–VII. М., Типография Т-ва Рябушинских, 970.
- Болотов В.В. 1994. Лекции по истории Древней Церкви. М., Репринт. Т. 1–4.
- Грацианский М.В. 2016. Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского Собора. М., МГУ, 391.
- Дауни Г. 2014. Газа в начале VI века. Белгород: БелГУ, 112.
- Диль Ш. 1908. Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке. СПб., Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке. 687 с.
- Диль Ш. 1948. История Византийской империи. М., Изд-во Иностранной литературы, 159 с.
- Карташев А.В. 2002. Вселенские соборы. Минск, Белорусский Экзархат, 639.
- Кондаков Н.П. 1904. Археол. путешествие по Сирии и Палестине. СПб., Издание Императорской Академии наук, 454.
- Лебедев А.П. 1997. Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. СПб., Алетейя, 411.
- Лурье В.М. 2006. История Византийской философии. Формативный период. СПб., Аxiqma, 553.
- Муравьев А.Н. 1844. История святого града Иерусалима от времен апостольских и до наших. Ч. 1–2. СПб., тип. 3 Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 380.
- Сладкопевцев П.М. 1896. Древние палестинские обители и прославившие их святые подвижники. СПб., «Сибирская Благовонница». 206.
- Фроловский Г.В. 1923. Противоречия оригенизма. Париж, Путь, 116.
- Фроловский В.Г. Византийские Отцы V–VIII веков. Париж, 1933. Т. 2.
- Циркин Ю. 2003. История Библейских стран. М., Астрель, 516.
- Joseph Trigg. 1998 The Early Church Fathers. Origen. University of Durham, 660.
- Baranov V. 2003. Origen and the Iconoclastic Controversy. Origeniana Octava. Т. II. 1043–1052.
- Browning R. 2003. Justinian and Theodora. Gorgias Press. 196.
- Williams, Rowan. 1999. Origen: Between Orthodoxy and Heresy. Origeniana Septima, 3–14.
- Mark J. Edwards. 2009. Catholicity and Heresy in the Early Church. Ashgate Publishing, Ltd. 209.

References

- Baroniy Ts. 1914. Deyaniya tserkovnye i grazhdanskie ot rozhdestva Khristova do 1198 leta. Vtoraya kniga: vek V–VII [Ecclesiastical and civil acts from the Birth of Christ to the summer of 1198. The second book of the century V–VII]. М., Tipografiya T-va Ryabushinskikh, 970 (in Russian).
- Bolotov V.V. 1994. Leksii po istorii Drevney Tserkvi [Lectures on the history of the Ancient Church]. М., Reprint. Т. 1–4 (in Russian).

- Gratsianskiy M.V. 2016. Imperator Yustinian Velikiy i nasledie Khalkidonskogo Sobora [Emperor Justinian the Great and the legacy of the Council of Chalcedon]. M., MGU, 391 (in Russian).
- Dauni G. 2014. Gaza v nachale VI veka [Gaza at the beginning of the VI century]. Belgorod: BelGU, 112 s. (in Russian).
- Dil' Sh. 1908. Yustinian i Vizantiyskaya tsivilizatsiya v VI veke [Justiniano y la civilizaci3n Bizantina en el siglo VI]. SPb., Yustinian i Vizantiyskaya tsivilizatsiya v VI veke. 687 s. (in Russian).
- Dil' Sh. 1948. Istoriya Vizantiyskoy imperii [Historia del Imperio Bizantino]. M., Izd-vo Inostrannoy literatury, 159 s. (in Russian).
- Kartashev A.V. 2002. Vselenskie sobory [Ecumenical councils]. Minsk, Belorusskiy Ekzarkhat, 639 s. (in Russian).
- Kondakov N.P. 1904. Arkheol. puteshestvie po Sirii i Palestine [Archaeol. travel to Syria and Palestine]. SPb., Izdanie Imperatorskoy Akademii nauk, 454 s. (in Russian).
- Lebedev A.P. 1997. Dukhovenstvo drevney Vselenskoj Tserkvi ot vremen apostol'skikh do X veka [The clergy of the ancient Universal Church from the apostolic times to the X century]. SPb., Aleteyya, 411 s. (in Russian).
- Lur'e V.M. 2006. Istoriya Vizantiyskoy filosofii. Formativnyy period [The History of Byzantine Philosophy. Formative period]. SPb., Axiqma, 553 s. (in Russian).
- Murav'ev A.N. 1844. Istoriya svyatogo grada Ierusalima ot vremen apostol'skikh i do nashikh Ch. 1–2 [The history of the Holy City of Jerusalem from the time of the Apostolic and up to our Ch. 1–2]. SPb., tip. 3 Otd-niya Sobstv. E. I. V. kantselyarii, 380 s. (in Russian).
- Sladkopevtsev P.M. 1896. Drevnie palestinskie obiteli i proslavivshie ikh svyatye podvizhniki [Las antiguas moradas palestinias y los Santos ascetas que las glorificaron]. SPb, «Sibirskaya Blagozvonitsa». 206 s. (in Russian).
- Frolovskiy G.V. 1923. Protivorechiya origenizma [Contradictions of Origenism]. Parizh, Put', 116 s.
- Frolovskiy V.G. Vizantiyskie Ottsy V–VIII vekov [Los Padres Bizantinos de los siglos V–VIII]. Parizh, 1933. T. 2.
- Tsirkin Yu. 2003. Istoriya Bibleyskikh stran [The history of the Biblical countries]. M., Astrel', 516 s. (in Russian).
- Joseph Trigg. 1998 The Early Church Fathers. Origen. University of Durham, 660.
- Baranov V. 2003. Origen and the Iconoclastic Controversy. Origeniana Octava. T. II. 1043–1052.
- Browning R. 2003. Justinian and Theodora. Gorgias Press. 196.
- Williams, Rowan. 1999. Origen: Between Orthodoxy and Heresy. Origeniana Septima, 3–14.
- Mark J. Edwards. 2009. Catholicity and Heresy in the Early Church. Ashgate Publishing, Ltd. 209.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.12.2022

Received 05.12.2022

Поступила после рецензирования 12.02.2023

Revised 12.02.2023

Принята к публикации 12.02.2023

Accepted 12.02.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Стржалковская Анастасия Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры русского языка профессионально-речевой и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Anastasia D. Strzhalkovskaya, Associate Professor of the Russian Language Department of Professional Speech and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0001-5277-3812](https://orcid.org/0000-0001-5277-3812)

УДК 94

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-335-343

Оригинальное исследование

«Благожелательный деспотизм, смягчаемый милосердием»: социально-политические особенности галльского епископата в историографии XIX – нач. XX вв.

Владимиров К.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: vladimirov@bsu.edu.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу взглядов историков XIX – нач. XX вв. на галльский епископат эпохи поздней Античности. Данная тема находила своё отражение не только в узкоспециализированных работах, но и в трудах, посвящённых общим аспектам истории Франкского государства. Автор статьи отмечает, что в основном историки опираются на сходный круг источников («История франков» Григория Турского, постановления галльских церковных соборов, письма епископов и римских пап), но в целом придерживаются критического подхода при их анализе. Также практически все исследования отмечают тот факт, что взаимоотношения с церковью составляли важный аспект формирования варварских королевств, причём не только в культурном, но и в политико-административном плане.

Ключевые слова: поздняя Античность, епископы, церковь, франки, римская Галлия, историография

Для цитирования: Владимиров К.А. 2023. «Благожелательный деспотизм, смягчаемый милосердием»: социально-политические особенности галльского епископата в историографии XIX – нач. XX вв. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 335–343. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-335-343

«Benevolent Despotism, Softened by Charity»: Socio-Political Features of the Gallic Episcopate in the Historiography of the XIX – Beginning of XX Centuries

Kirill A. Vladimirov

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: vladimirov@bsu.edu.ru

Abstract. This study is devoted to the analysis of the views of historians of the XIX – beginning XX century on the Gallic bishopric of late Antiquity. This topic was reflected not only in highly specialized works, but also in works devoted to general aspects of the history of the Frankish state. The author of the article notes that historians mainly rely on a similar range of sources (Gregory of Tours' History of the Franks, resolutions of the Gallic church councils, letters of bishops and popes), but, in general, adhere to a critical approach in their analysis. However, such an approach could lead to an overly critical assessment, when the negative aspects of the church practice of the former Roman Gaul were emphasized, first of all. For the analysis of the material, not only chronological, but also biographical (when the main object of research becomes a historical person, through whose biography the peculiarities of the church life of the region are revealed – for example, Gregory of Tours, Caesarius of Arles, Gregory the Great) and geographical (the study of the problem consistently in separate areas) approaches are actively used. Also,

almost all studies note the fact that the relationship with the church was an important aspect of the formation of barbarian kingdoms, not only culturally, but also politically and administratively.

Keywords: Late Antiquity, bishops, church, Franks, Roman Gaul, historiography

For citation: Vladimirov K.A. 2023. «Benevolent Despotism, Softened by Charity»: Socio-Political Features of the Gallic Episcopate in the Historiography of the XIX – Beginning of XX Centuries. *Via in tempore. History and political science*, 50 (2): 335–343 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-335-343

Введение

Переходные эпохи всегда привлекали внимание исследователей, и период т. н. «поздней Античности» не является исключением. Взаимодействие римской и варварской культур, складывание варварских королевств, формирование структуры христианской церкви – это лишь некоторые из вопросов, которые становятся объектами изучения. Несмотря на появление новых методов и подходов исследования, труды историков XIX – начала XX вв. представляют не только историографический интерес, но и продолжают активно использоваться в научной работе [См.: Филиппов, 2000; Солодовников, 2004].

Данное исследование является частью анализа взаимоотношений галльского епископата, правящей верхушки варварских королевств и папства в конце V – начале VI вв., и его целью является выявление основных вопросов, затрагиваемых авторами XIX – начала XX вв., изучение их подходов и выводов.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются работы французских, английских, немецких и русских историков XIX – начала XX вв., затрагивающие вопросы истории христианской церкви на территории позднеантичной римской Галлии. Исследование проводилось с применением метода историографического анализа.

Результаты и их обсуждение

В 1828 г. в Сорбонне французский политический деятель и историк Франсуа Гизо начал читать курс своих лекций «История цивилизации в Европе»; второй курс лекций был начат в 1829 г. и был посвящён «Истории цивилизации во Франции»¹ [Гизо, Т. 1, 2, 2006]. Одна из главных тем, затронутых Гизо в своих лекциях, – взаимодействие церкви и франкского государства. Он обратил особое внимание на рост влияния епископов ещё в римскую эпоху, а также неопределённость процедуры их избрания: «Эти выборы происходили... не по общим правилам или согласно постоянным формам; они были чрезвычайно неправильны, не похожи друг на друга, подвержены множеству случайностей» [Гизо, Т. 1, 2008, с. 68]. Влияние епископов он называет «исключительным», даже «деспотичным господством» [там же, с. 247], подчёркивая практически абсолютный характер епископской власти в подчинённых им епархиях и тот факт, что эта власть была подкреплена финансово – формально принадлежавшее церкви имущество оказывалось практически в собственности епископов. По мнению Гизо, остальной клир и миряне сопротивлялись такому положению, что проявилось в статьях многочисленных церковных соборов, призванных урегулировать деятельность епископов – однако «сопротивление оказалось напрасным, средство недейственным, деспотизм епископов продолжал развиваться» [Там же, с. 252–255].

Видной вехой в изучении позднеантичной Галлии и раннесредневекового Франкского королевства стала работа Ньюма Дени Фюстеля де Куланжа «История общественного

¹ Переведён на русский язык Павлом Гавриловичем Виноградовым.

стройка древней Франции» (1875–1892)². Это многотомный очерк политической, социальной, экономической и культурной истории от римского завоевания Галлии до падения династии Каролингов. Вторжение германцев на территорию римской Галлии рассматривается во 2 томе, становление Франкского королевства – в 3-м, где отношениям королевской власти с Церковью посвящена XV глава [Фюстель де Куланж, Т. 3, 1907].

Автор отмечает христианизацию франков, а также их изначальную приверженность «официальной» трактовке вероучения, что определило тесные отношения франкской знати с церковными иерархами: «Франки не ввели в Галлии своей старой германской религии; они сделались христианами, как только вступили в эту страну... Короли франкские были настолько убеждёнными и ревностными христианами, что спорили о догматических вопросах, стремились обратить евреев... Франки не были арианами, как бургунды и готы. Они приняли вероисповедание, которое нашли у населения Галлии, то есть католичество... Галльское духовенство сделалось их духовенством; они были покорны ему, почитали его, повиновались ему, обогащали его. Высшим стремлением наиболее знатных между франками часто было получить епископский сан» [Там же, с. 637–639].

Обозревая церковную иерархию V в., Фюстель де Куланж приходит к выводу, что «христианское духовенство являлось могущественным организмом, стоявшим рядом с государством, но вне его. Затем обнаруживается, что главным органом и господствующей силой в этом организме оказывается епископат». Отмечая главенствующую роль епископов в церковной жизни, он указывает, что пока римские понтифики не утвердили своё господство среди западных церквей, каждое епископское владение было «как бы отдельной монархией», а «христианское общество было, таким образом, конфедерацией епископских общин» [Там же, с. 655]. Довольно подробно французский историк рассматривает вопрос выборов епископов, указывая на противоречивость известных сведений, но однозначно отмечая возрастание роли королевской власти в данном процессе [Там же, с. 656–708]. Истоки влияния епископов он видел, прежде всего, в общей религиозности общества, восприимчивости его членов к церковным санкциям вроде отлучения, а также в имущественном благосостоянии церковных иерархов [Там же, с. 709–749].

«Списки епископов древней Галлии» – один из главных трудов французского историка Луи Дюшена. Он состоит из трёх томов: в первом основное внимание уделяется юго-восточным провинциям [Duchesne, 1907], во втором – Аквитании и Лиону [Duchesne, 1910], в третьем – северным и восточным территориям [Duchesne, 1915]. Основа этой работы – т. н. «епископские списки» (*fasti episcopales*)³, на основе которых исследователь реконструировал историю распространения христианства на территории римской Галлии и возникших там позднее варварских королевств, составил хронологический перечень епископов, занимавших соответствующие кафедры. Определяя краеугольным камнем своей работы точность и достоверность, Дюшен противопоставляет свои источники различного рода легендам, преданиям, а зачастую и прямым подлогам, которые за годы повторения и копирования стали восприниматься в качестве исторических фактов: «По крайней мере, ещё в прошлом веке считалось, что франкские князья произошли от Приама и троянских героев. Развитие литературы в каролингских школах развило вкус к древним корням и сделало доступным их получение. Церкви и крупные монастыри вскоре обзавелись такими предками

² Выходила в переводе Ивана Михайловича Гревса в 1901–1916 гг.

³ «Твёрдое основание для первоначальной истории христианства в Галлии положило замечательно беспристрастное... исследование Дюшена... Для определения начала существования той или другой церкви могут служить списки её епископов, «*fasti episcopales*». В древности в церкви произносились во всеуслышание молитвы за живых и за умерших. Пока епископ церкви был жив, его имя помещалось в одной части, когда же он умирал, его имя переносили в другую часть. Эти поминания и послужили источником для «*fasti episcopales*» – епископские каталоги; но, к сожалению, не все церкви имеют исправные каталоги, так что учёные при своих исследованиях могут располагать только ограниченным их числом» [Болотов, Т. 2, 1910, с. 291–292].

стараниями более или менее опытных специалистов по генеалогии, чьи фантазии, превращённые в традиции в результате многократного многовекового использования, всё ещё заслуживают доверие в глазах некоторых людей. Мы не должны следовать этой отсталой практике. *Ab initio non fuit sic*. Истинная традиция – это та, которая фигурирует в документах, которые свидетельствуют о том, что думали в Галлии IV, V, VI веков и даже позднее. И она не знает ничего из этого» [Пер. авт.: Duchesne, Vol. 1, p. 61].

Контактам папы Григория Великого с галльскими епископами посвящена книга Фредерика Келлетта, вышедшая в 1889 г. [Kellett, 1889]. Исследователь также отмечает значительную роль епископов не только в церковной, но и в светской жизни региона: «В то время как имперские офицеры исчезли во время [германского] завоевания, муниципальные органы управления – одно из лучших наследий Рима для следующей эпохи – продолжали безмятежно действовать. И в этом муниципальном управлении епископ выполнял важную функцию. Епископы играли роль Льва или Григория в меньшем масштабе для покорённых тевтонскими захватчиками земель. Уход имперского чиновника, с которым он разделял власть над округой, оставил каждого прелата в качестве единоличного руководителя своей паствы. Хотел он того или нет, но он не мог помешать гражданам обращаться к нему за руководством и суждениями. Для горожан он был главой, магистратом и защитником; для захватчиков он был единственным официальным представителем города» [Пер. авт.: Kellett, 1889, p. 5]. Из этих факторов возникал и более высокий уровень признания позиций епископов – со стороны франкских королей, даровавших им новые земельные наделы, имущество, а также прислушивающихся к их советам [Ibid, p. 9–11].

Основные источники Келлетта – письма Григория Великого, характеризующие его деятельность по упорядочиванию статуса монастырей [Ibid, p. 48–49], борьбе с языческими пережитками [Ibid, p. 52] и нарушениями церковных канонов [Ibid, p. 56, 62]. При этом исследователь склонен к некоторой идеализации мотивов Григория: вся его деятельность объясняется исключительно искренней заботой о распространении христианства [Ibid, p. 76–78].

К контактам Григория Великого и галльских епископов обращается и Фредерик Дадден во втором томе своей работы «Григорий Великий: его место в истории и идея» [Dudden, Vol. 2, 1905]. В изложении автора франкская Галлия – место, где забыты не только христианские заповеди, но чуть ли не сама человеческая мораль: варварские короли и королевы жестоки и развратны, епископы алчны, а в провинциях практически открыто почитают языческих идолов. И хотя, по мнению Даддена, Григорию не удалось полностью «исправить» данное положение, но он «дал идеал церкви, которая быстро вырождалась в беззаконие и язычество. Он оказал христианское влияние на народ, чьи жестокие злодеяния сделали их притчей во языцех по всей Европе. Он заставил и епископов, и правителей почувствовать моральную силу Рима» [Пер. авт.: Dudden, Vol. 2, 1905, p. 93].

Одной из знаковых фигур церковной истории VI в. – Цезарию Арелатскому – посвящена книга Карла Франклина Арнольда «Цезарий Арелатский и галльская церковь его времени» 1894 г. [Arnold, 1894]. Автор не только исследует биографию своего героя, но и на её примере демонстрирует характерные черты галльского духовенства: связь с галло-римской аристократией [Arnold, s. 15–16], монастырские и отшельнические традиции [Ibid, s. 42–115], языческие пережитки и ереси [Ibid, s. 165], борьбу за верховенство между Арлем и Вьенном [Ibid, s. 183].

К биографическому подходу обращается и Хестер Роджерс Дэвис в своей книге «Григорий Турский и галльская церковь VI века» [Davies, 1925]. Но если у Арнольда история церкви и личная история Цезария неразрывно переплетены, то у Дэвиса детали биографии Григория выделены в отдельные главы, а затем он рассматривает связанные с церковью вопросы на материале «Истории франков».

Историю позднеримской и франкской Галлии проанализировал Самуэль Дилл в своей работе «Римское общество в Галлии в меровингскую эпоху» [Dill, 1926; книга вышла уже после смерти автора в 1924 г.]. Исследование разделено на три части (книги): в пер-

вой рассматривается политическая история региона – от германского расселения до правления сыновей короля Хлодвига; вторая книга посвящена социальной истории – аристократии, «простонародью» (*common people*), моральным установкам общества, а также отдельная глава отведена Григорию Турскому; третья книга охватывает историю галльской церкви. Вслед за другими исследователями, Дилл подчёркивает особую роль епископов, которые, по его мнению, взяли на себя значительную часть власти и авторитета прежнего римского гражданского управления [*Ibid.*, p. 476–477]. Он не замалчивает вопросы, связанные с моральным обликом галльского духовенства, с нарушением его членами церковных канонов, но, по его мнению, эти случаи не составляют тенденции и не являются основополагающими фактами в истории церкви: «Эти усилия по сдерживанию всех чувственных и романтических страстей в священстве, хотя они и могут прикрывать многие грехи и трагедии, также свидетельствуют о решимости религиозного сообщества сохранять себя чистым и свободным от подозрений, согласно стандартам того времени... Всё же церковь не могла быть настолько абсолютно коррумпированной, как это представляет г-н Дадден⁴, год за годом поддерживая этот суровый идеал перед своими священниками. Откровенность прелатов в актах соборов показывает, что этот идеал нередко нарушался. Но неверно говорить, что «высшее и низшее духовенство было таким же жестоким и деградировавшим, как и забытые короли, среди которых они жили». Это действительно грубая клевета на большое количество нравственных и даже святых людей. В трудах Григория и житиях святых мы знакомимся с большим количеством епископов и аббатов, и подавляющее большинство из них – люди высокой морали и даже святой жизни. Среди восемнадцати его предшественников на турской кафедре, карьере которых в общих чертах описал Григорий, только двое – Брикий и Гунтарий – были людьми сомнительной морали. Остальные, по-видимому, были людьми с незапятнанной репутацией и тратили своё богатство на строительство церквей и благотворительность... Огульное осуждение галльских епископов VI в., о котором мы говорили, не только исторически неточно, но и имеет тенденцию затушёвывать те великие услуги, которые епископы (возможно, некоторые из них и не отличались безупречной жизнью) оказали дезорганизованному обществу. Они были единственными популярными лидерами и защитниками угнетённых: их щедрость была единственной надеждой неимущих. Класс, который мог выставить так много благочестивых и святых людей, который мог бесстрашно противостоять властным королям и их зачастую ещё более свирепым чиновникам, который обычно использовал своё достоинство и ресурсы в благотворительных целях, не должен быть клеймён как никчёмный и порочный, даже если некоторые из его представителей, такие как Эгидий Реймский и Бертрам Бордосский, возможно, обладали серьёзными моральными недостатками» [Пер. авт.: Dill, p. 461–462].

Но, несмотря на такой благожелательный отзыв о мотивах священства, Дилл, вслед за Гизо, называет власть епископов в своих епархиях «деспотической»: «Вероятно, зачастую это был благожелательный деспотизм, смягчаемый милосердием и уважением ко всем, кто служил у алтаря или в час кончины. Но это всё ещё был деспотизм» [Пер. авт.: *Ibid.*, p. 482–483].

Общую картину религиозной жизни в Галлии V–VI века описал Шарль Байе в своей работе «Христианство, варвары, Меровинги и Каролинги» в 1901 г. (как часть «Истории Франции с древнейших времён до революции») [Пер. Добиаш-Рождественская: Байе, Лависс, 2018]. В ней автор также отмечает и особую – не только религиозную, но и светскую – роль епископов в Галлии и вытекающие из этого взаимоотношения с королевской властью.

Несколько обстоятельных работ принадлежат перу и отечественных исследователей.

В 1870 г. типография «Русских ведомостей» выпустила в виде брошюры статью протоиерея Павла Степановича Ляпидевского «Галльские епископы в период меровингский. Очерки церковной жизни на Западе после падения Западно-Римской империи» [Ляпидев-

⁴ Имеется в виду вышеупомянутый Фредерик Дадден.

ский, 1870; Изначально работа была опубликована в «Чтениях Общества Любителей духовного просвещения»). Сам автор так определил задачу своего труда: «Наша задача представить церковный быт на западе в первые моменты новой жизни в Европе в начале средних веков. Мы сказали «новой жизни». Почему же она новая? Что даёт ей право на это название? Что в ней именно нового? Какие её элементы? Что разрушило старую жизнь и вызвало новую? Вот вопросы, которых нельзя обойти, начинать с решения которых приходится всякий раз, когда обращаемся к началу средних веков» [Там же, с. 1]. Основным источником автору служит «История франков» Григория Турского.

Вначале Ляпидевский даёт общую трактовку античной и раннесредневековой истории: по его мнению, в основе античной жизни лежало два начала – общественность (доминирование социума над личностью) и национальная исключительность (господство одних племён и народов над другими). Христианство и варварские вторжения подрывали оба этих столпа – христианство провозглашало равенство народов перед Богом («несть иудея, ни эллина, ни варвара, ни скифа»), а варвары, по мнению Ляпидевского, «несли с собой новое начало, начало индивидуализма – личности, со всеми её правами и с правами её отдельных, частных интересов» [Ляпидевский, с. 2–3]. Таким образом, христианская церковь и варвары стали как бы естественными союзниками, что проявилось в дальнейшем во взаимоотношениях варварских королевств и Церкви (то же самое отмечает и Фюстель де Куланж, с. 639–640). Но, несмотря на такое противопоставление «старому» римскому миру, автор отмечает, что варварские короли «стремились усвоить себе все атрибуты императоров, всю власть, титулы, блеск, которому они так изумлялись», а епископы, «имевшие более опытности и политического смысла», помогали им не только управлять покорённым галло-римским населением, но и в насаждении новой политической культуры среди самих франков, «от простого, товарищеского отношения к королю-вождю... к безмолвному подчинению подданного» [Ляпидевский, с. 14–15]. Но при этом Ляпидевский отмечает, что отношения епископата и королевской власти вовсе не были безоблачными: как короли пытались ставить на епископские столы своих людей, так и епископы могли выступить против королевских решений [Там же, с. 16–17]. Действенными инструментами стало древнее право убежища, воспринятое христианской церковью, а также игра на суеверности франков: «Религиозный страх королей варваров был одним из средств в руках епископов, которым они пользовались с неподражаемым искусством. Короли оставались такими же варварами, какими были некогда их предки в германских лесах, с той только разницей, что под влиянием дурной стороны цивилизации Рима они приучились к хитрости и разврату. Христианство не перевоспитало их; оно коснулось их вскользь, не освятив умственной и нравственной стороны их. Пугливые представления о мстящих богах, которые так смущали некогда их предков в глуши лесов, они переносят на христианских святых. Гадание на псалтыре и евангелии, письма, клавшиеся на раку святого и ожидание от него ответа, – не ясно ли это показывает, как глубоко было суеверие королей и как мало христианство развило их?» [Там же, с. 40]

После такого обзора политических взаимоотношений, Ляпидевский обращается к «сфере частной, домашней», в которой он также стремится взглянуть на взаимодействие королевской власти и епископата, выделяя в данной теме случаи порой откровенно вызывающего поведения епископов, трактуя их в русле их независимости от королевской власти [Там же, с. 43–47].

В 1891 г. типография Императорского Казанского университета выпускает книгу Сергея Александровича Предтеченского «Развитие влияния папского престола на дела западных церквей до конца IX в.» [Предтеченский, 1891]. Отдельная глава посвящена отношениям римских понтификов и епископов южной Галлии в контексте борьбы за митрополичий титул между кафедрами Арля и Вьенна. Предтеченский разделяет эту борьбу за примат на два этапа: первый, берущий своё начало в IV в., достигает своей кульминации при папе Зосиме, к которому арльские епископы обратились за поддержкой, однако со-

противление вьеннского и нарбонских епископов, а затем и смерть Зосима привели к тому, что «первая попытка епископа арльского к приобретению главенства в церкви южной Галлии окончилась полной неудачей» [Там же, с. 56]. Второй этап связан с деятельностью арльского епископа Илария, который вступил в конфликт с папой Львом Великим, и последний использовал это столкновение для укрепления римского влияния. В конечном итоге «галльские епископы... так привыкли к папской власти, что стали обращаться к папе за разрешением даже маловажных дел» [Там же, с. 67], а спор Вьенна и Арля привёл к разделению провинции на две митрополии (хотя обычно папским викарием становился епископ арльский) [Там же, с. 113].

Проблеме взаимодействия папства и франкских епископов посвящена также «Борьба галльской церкви против пап за независимость. Опыт церковно-исторического исследования из эпохи IV–VI вв.» Неофита Владимировича Малицкого, вышедшая в 1903 г. Автор охватывает историю, начиная от проникновения христианства в Галлию, касаясь вопроса административного деления провинций и соперничества Арля и Вьенна. Но если у Предтеченского «галльский вопрос» является лишь одним из моментов обширной панорамы латинских церквей, то Малицкий, сужая тему исследования, рассматривает заявленный вопрос подробнее [Малицкий, 1903а]. Как отмечал сам автор во вступительной речи во время защиты своей работы, «Центральным пунктом моей диссертации является известное столкновение св. папы Льва Великого с епископом арльским Иларием» [Малицкий, 1903б].

Заключение

Таким образом, вопросу изучения различных аспектов истории галльской церкви в историографии XIX – начала XX века уделяется достаточно пристальное внимание: он находит отражение как в работах узкоспециализированного характера, посвящённого непосредственно данной проблематике, так и в трудах общего плана, охватывающих крупные периоды истории французского государства и христианской церкви.

В основном, фактологический материал у различных авторов отличается незначительным: это обусловлено тем, что, независимо от времени создания работ, они, в основном, пользуются одинаковыми источниками – прежде всего это «История франков» Григория Турского, постановления галльских церковных соборов, а также письма епископов и римских пап. Однако при анализе этого материала разные авторы используют разные подходы: например, биографический подход, когда своеобразным «стрежнем» работы является биография какого-либо исторического деятеля (Григорий Турский у Дэвиса, Цезарий Арелатский у Арнольда, папа римский Григорий Великий в случае Келлетта и Даддена), или географический, где анализируются особенности отдельных территорий бывшей римской Галлии (яркими примерами такой работы можно назвать работу Дюшена, а также Предтеченского, где вопрос взаимоотношения с папством рассматривается отдельно для каждой из западных церквей).

Несмотря на совпадение источников, большинство авторов придерживается критического подхода: они обращаются к документальным источникам, а не к сведениям откровенно легендарного характера, а также открыто пишут о борьбе за власть и влияние среди королей, епископов и пап, использующих в своих целях суеверность и внушаемость «варваров». Однако в некоторых случаях возникала тенденция к гиперкритицизму, абсолютизовавшая отрицательные стороны епископства, описанные Григорием Турским.

Независимо от используемого подхода или акцентирования внимания на «положительных» или «отрицательных» тенденциях, большинство авторов придерживается мнения о чрезвычайно высокой роли епископов на протяжении V–VI вв.: по их мнению, в условиях краха Западной Римской империи епископы на территории галльских провинций в значительной степени заменили собой гражданскую администрацию, обладая не только духовным авторитетом, но и реальной властью, что приводило к сложным отношениям как с «варварскими» королями, так и с римскими папами.

Список литературы

- Болотов В.В. 1910. Лекции по истории древней церкви. Т. 2. СПб, Типография М. Меркушева, 474.
- Гизо Ф. 2006. История цивилизации во Франции в 4-х томах. Т. 1. Перевод П.Г. Виноградова; редактор В.Д. Балакин. М., «Рубежи XXI». 328.
- Гизо Ф. 2006. История цивилизации во Франции в 4-х томах. Т. 2. Перевод П.Г. Виноградова; редактор В.Д. Балакин. М., «Рубежи XXI». 320.
- Лависс Э. 2018. История Франции в раннее Средневековье. Перевод О.А. Добиаш-Рожественской, редактор И.М. Гревс. СПб., «Евразия». 578.
- Ляпидевский П.С. 1870. Галльские епископы в период Меровингский. Очерки церковной жизни на Западе после падения Западно-Римской империи. М, Типография «Русских ведомостей». 47.
- Малицкий Н.В. 1903. Борьба галльской церкви против пап за независимость. Опыт церковно-исторического из эпохи IV–VI вв. М., Печатная А.И. Снегирёвой. 225.
- Малицкий Н.В. 1903. Речь перед защитой магистерской диссертации «Борьба галльской церкви против пап за независимость». Христианское чтение. № 8. 235–246.
- Предтеченский С. 1870. Развитие влияния папского престола на дела западных церквей до конца IX в. Казань, Типография Императорского Университета. 228.
- Солодовников В.В. 2004. Ранние соборы: Меровингская Галлия VI–VIII вв. М., Ассоциация «Духовное возрождение». 432.
- Филиппов И.С. 2000. Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма. М., «Издательство Скрипторий 2000». 800.
- Фюстель де Куланж Н.Д. 1907. История общественного строя древней Франции. Т. 3. Перевод И.М. Гревса. СПб., Типография Альтшулера. 814.
- Arnold C.F. 1894. Caesarius von Arelate und die gallische Kirche seiner Zeit. Leipzig, J.C. Hinrich. 607.
- Davies H.R. 1925. Gregory of Tours and the Gallic church of the sixth century. Princeton, Princeton Theological Seminary Library. 156.
- Dill S. 1926. Roman society in Gaul in the Merovingian age. London, Macmillan and Co, 566.
- Duchesne L. 1907. Fastes épiscopaux de l'ancienne Gaule. Vol. 1. Paris, Ancienne Librairie Thorin et Fils. 376.
- Duchesne L. 1910. Fastes épiscopaux de l'ancienne Gaule. Vol. 2. Paris, Ancienne Librairie Thorin et Fils. 488.
- Duchesne L. 1915. Fastes épiscopaux de l'ancienne Gaule. Vol. 3. Paris, Fontemoing et Co. 270.
- Dudden F.H. 1905. Gregory the Great: his place in history and thought. Vol. 2. London, Longmans, Green and Co. 473.
- Kellett F.W. 1889. Pope Gregory the Great and his relations with Gaul. Cambridge, University Press. 120.

References

- Bolotov V.V. 1910. Lektzii po istorii drevney tserkvi [Lectures on the history of the ancient Church]. Vol. 2. Saint Petersburg, Publ. M. Merkusheva, 474 (in Russian).
- Guizot F. 2006. Histoire de la civilisation en France. Vol. 1. Perevod P.G. Vinogradova; redaktor V.D. Balakin. Moscow, Publ. «Rubezhi XXI». 328 (in Russian).
- Guizot F. 2006. Histoire de la civilisation en France. Vol. 2. Perevod P.G. Vinogradova; redaktor V.D. Balakin. Moscow, Publ. «Rubezhi XXI». 320 (in Russian).
- Lavisse E. Histoire de France depuis les origines jusqu' la révolution. Perevod O.A. Dobiash-Rozhdestvenskoy, redaktor I.M. Grevs. Saint Petersburg, Publ. «Evraziya». 578 (in Russian).
- Lyapidevskiy P.S. 1870. Gall'skie episkopy v period Merovinskiy. Ocherki tserkovnoy zhizni na Zapade posle padeniya Zapadno-Rimskoy imperii. Moscow, Publ. «Russkie vedomosti». 47 (in Russian).
- Malitskiy N.V. 1903. Bor'ba gall'skoy tserkvi protiv pap za nezavisimost'. Opyt tserkovno-istoricheskogo iz epokhi IV–VI vv. [The struggle of the Gallic Church against the Popes for independence. The experience of church history from the era of the IV–VI centuries] Moscow, Publ. A.I. Snegirevoy. 225 (in Russian).
- Malitskiy N.V. 1903. Rech' pered zashchitoy magisterskoy dissertatsii «Bor'ba gall'skoy tserkvi protiv pap za nezavisimost'» [Speech before the defense of the master's thesis «The struggle of the Gallic Church against the Popes for independence»]. Khristianskoe chtenie. № 8. 235–246 (in Russian).

- Predtechenskiy S. 1870. Razvitie vliyaniya papskogo prestola na dela zapadnykh tserkvey do kontsa IX v. [Gallic bishops in the Merovingian period. Essays on Church Life in the West after the Fall of the Western Roman Empire] Kazan', Publ. Imperatorskiy universitet. 228 (in Russian).
- Solodovnikov V.V. 2004. Rannie sobory: Merovingskaya Galliya VI–VIII vv. [Early cathedrals: Merovingian Gaul VI–VIII centuries] Moscow, Publ. «Dukhovnoe vozrozhdenie». 432 (in Russian).
- Filippov I.S. 2000. Sredizemnomorskaya Frantsiya v ranee srednevekov'e. Problema stanovleniya feodalizma [Mediterranean France in the early Middle Ages. The problem of the formation of feudalism]. Moscow, Publ. «Izdatel'stvo Skriptoriy 2000». 800 (in Russian).
- Fustel de Coulanges N.D. 1907. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Vol. 3. Perevod I.M. Grevasa. Saint Petersburg, Publ. Al'tshulera. 814 (in Russian).
- Arnold C.F. 1894. Caesarius von Arelate und die gallische Kirche seiner Zeit. Leipzig, J.C. Hinrich. 607 (in German).
- Davies H.R. 1925. Gregory of Tours and the Gallic church of the sixth century. Princeton, Princeton Theological Seminary Library. 156.
- Dill S. 1926. Roman society in Gaul in the Merovingian age. London, Macmillan and Co, 566.
- Duchesne L. 1907. Fastes épiscopaux de l'ancienne Gaule. Vol. 1. Paris, Ancienne Librairie Thorin et Fils. 376 (in French).
- Duchesne L. 1910. Fastes épiscopaux de l'ancienne Gaule. Vol. 2. Paris, Ancienne Librairie Thorin et Fils. 488 (in French).
- Duchesne L. 1915. Fastes épiscopaux de l'ancienne Gaule. Vol. 3. Paris, Fontemoing et Co. 270 (in French).
- Dudden F.H. 1905. Gregory the Great: his place in history and thought. Vol. 2. London, Longmans, Green and Co. 473.
- Kellett F.W. 1889. Pope Gregory the Great and his relations with Gaul. Cambridge, University Press. 120.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 29.11.2022

Received 29.11.2022

Поступила после рецензирования 27.02.2023

Revised 27.02.2023

Принята к публикации 27.02.2023

Accepted 27.02.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Владимиров Кирилл Александрович, ассистент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Kirill A. Vladimirov, Postgraduate Student of the Department of World History, assistant of the Department of World History, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0001-9700-569X](https://orcid.org/0000-0001-9700-569X)

УДК 94(37).08
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-344-354
Оригинальное исследование

Принципы передачи императорской власти в позднеантичном обществе

Гудков Н.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: gudkovnikita1996@mail.ru

Аннотация: в данной статье рассматривается династическая политика и принципы передачи императорской власти в Римской империи в IV–V вв. н. э. На конкретных исторических примерах показаны механизмы передачи власти, политические институты, принимающие участие в утверждении на трон нового императора. В статье проанализированы восемь различных способов передачи императорской власти, начиная с эпохи принципата: 1) династическая передача власти по кровнородственной модели; 2) соправительство; 3) кооптация во власть по принципу личных заслуг, «выбор лучших»; 4) выбор и утверждение императора сенатом (кандидат сената); 5) восстание и мятеж отдельных легионов и воинских соединений и выдвижение ими императора, узурпация власти; 6) усыновление; 7) назначение императором варварским королём или могущественным *magister militum* или патрицием; 8) брак с представительницей императорской фамилии. Результатом исследования является вывод о доминирующем характере передачи императорской власти по кровнородственному принципу на протяжении большей части истории Римской империи.

Ключевые слова: власть, император, империя, династия, узурпация

Для цитирования: Гудков Н.А. 2023. Принципы передачи императорской власти в позднеантичном обществе. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 344–354. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-344-354

Principles of the Transfer of Imperial Power in Late Antique Society

Nikita A. Gudkov

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: gudkovnikita1996@mail.ru

Abstract. This article discusses the dynastic policy and principles of the transfer of imperial power in the Roman Empire in the 4th–5th centuries. A.D. Specific historical examples show the mechanisms for the transfer of power, political institutions that take part in the approval of the new emperor to the throne. The article analyzes eight different ways of transferring imperial power, starting from the era of the principate: 1) dynastic transfer of power according to the consanguineous model; 2) co-government; 3) co-optation to power on the basis of personal merit, «selection of the best»; 4) selection and approval of the emperor by the senate (candidate senate); 5) rebellion and rebellion of individual legions and military formations and their nomination of the emperor, usurpation of power; 6) adoption; 7) appointment as emperor by a barbarian king or a powerful *magister militum* or patrician; 8) marriage with a representative of the imperial family. The result of the study is the conclusion about the dominant nature of the transfer of imperial power according to the consanguineous principle throughout most of the history of the Roman Empire.

Keywords: power, emperor, empire, dynasty, usurpation

For citation: Gudkov N.A. 2023. Principles of the Transfer of Imperial Power in Late Antique Society. *Via in tempore. History and political science*, 50 (2): 344–354 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-344-354

Введение

После установления Римской империи в 27 г. до н. э. вплоть до падения Западной Римской империи политический режим претерпевал постепенные, но характерные изменения. Эволюционировала и императорская власть. Изначально император был лишь «*princeps*», «первый среди равных». Начиная с IV в. н. э., после бурного и богатого на восстания и узурпации III в. н. э., характер императорской власти диаметрально изменился. Теперь роль верховного управителя играл не наиболее удачливый военачальник и не «первый среди равных» сенаторов, но «*dominus*», «господин», фактически абсолютный монарх, хоть и ограниченный законом, но при этом обладающий огромной властью.

По истории проблемы трансформации политического режима Римской империи написано много исследований. В рамках данной статьи нас интересует лишь то, каким образом императорам на протяжении пяти веков удавалось обеспечить преемственность обладания высшей политической властью и на каких принципах строилась передача этой власти от одного императора к другому. В конечном итоге какие способы избрания и назначения императора присутствовали в римской истории, в частности в период поздней античности.

Объект и методы исследования

Объектом настоящего исследования выступает политическая система Римской империи, при этом акцент сделан на позднеимперский период. Определение политических институтов, принимающих участие в утверждении на трон нового императора, выявление механизмов передачи власти, осуществляется с применением историко-генетического и историко-сравнительного методов, позволяющих проследить корни изучаемого явления, с экскурсом в период принципата, а также сравнить политические процессы разных периодов римской истории, проанализировать их динамику, дифференцировать с учетом новых политических реалий изучаемой эпохи.

Результаты и их обсуждение

Следует заметить, что позднеантичному обществу в наследство от периода принципата перешло отсутствие четко определенной модели передачи и принятия власти в силу того, что на протяжении римской истории проявлялись различные принципы передачи власти: 1) династическая передача власти по кровнородственной модели; 2) соправительство; 3) кооптация во власть по принципу личных заслуг, «выбор лучших»; 4) выбор и утверждение императора сенатом (кандидат сената); 5) восстание и мятеж отдельных легионов и воинских соединений и выдвижение ими кандидата на роль императора, узурпация власти; 6) усыновление; 7) назначение императором «извне» – варварскими королями, или же «изнутри» – могущественным *magister militum* или патрицием; 8) брак с представительницей императорской фамилии.

Какой из этих принципов преобладающий – вопрос дискуссионный. Так, для Т. Моммзена период домината является временем господства династического принципа легитимации императорской власти [Mommsen, 1992. S. 432]. При этом в современной историографии тезис об абсолютистском характере Поздней Римской империи пересматривается, исключается и господство династизма в механизме передачи императорской власти [Schlinkert, 1996. S. 456–457].

Одной из существенных проблем римской политической системы было то, что уже в самом основании империи при Октавиане Августе не сложился единый принцип передачи власти по наследству. Это связано во многом с быстрой смертью возможных претендентов-наследников из числа родственников Августа. В конечном итоге Октавиан Август передал власть своему родственнику Тиберию. Но Тиберий приходился императору пасынком, и его крови в жилах новоизбранного императора не было. В дальнейшем принцип усыновления при передаче власти довольно часто встречается в римской политике. Так или иначе, на протяжении всего I в. н. э. империей управляли потомки Октавиана Августа.

Анализ примеров переходных периодов после смерти одного императора и утверждения нового привел исследователя Э. Флайга к выводу о том, что в римском государстве не утвердился династический принцип, так как не было единого принципа передачи власти по наследству [Flaig, 1997. S. 33]. В то же время в конечном периоде существования Западной Римской империи династия Валентиниана и Феодосия продержалась у власти, с перерывом на полтора года, 91 год, что делает вывод Э. Флайга спорным. Стоит отметить, что немалая часть исследователей все же склоняется к доминирующей роли принципа династизма в римской политике, даже если этот принцип открыто не декларировался [Jones, 1964. P. 322–329; Demandt, 1989. S. 215]. Как указывает П. Хизер, «Система наследования обычно основывалась на династическом принципе, но лишь в том случае, если существовал подходящий наследник, такой, который мог опереться на всеобщее согласие» [Хизер, 2019, с. 398].

Особое внимание стоит уделить тому, что, начиная с Октавиана Августа, римская политическая система ранней империи была устроена довольно сложно. Так, император, при всем его могуществе и обширности власти, был ограничен сенатом. По крайней мере, теоретически в системе принципата фактор сената был существенен: считалось, что сенат будет избирать императора. Ранняя символика империи представляет императора как верховного гражданского магистрата, правящего совместно с сенатом, совмещая в себе прежде независимые республиканские должности [Уильямс, 2014, с. 154]. Император должен был соблюдать закон. Сама концепция политической власти в Риме происходила из концепции судебной власти. Сначала римляне стали магистратами, а потом уже военачальниками и императорами. Несмотря на то, что сенат был лишен исполнительной власти, вплоть до падения Западной Римской империи он обладал правом последней оценки правления императора, когда тот скончался. «Плохие» императоры предавались «*damnatio memoriae*», «проклятию памяти», его имя удалялось со всех материальных объектов. Эдикты, изданные при правлении такого императора, отменялись. Как отмечает А.Х.М. Джонс, философская позиция сената не разделяла принцип передачи власти по наследству [Jones, 1964. P. 22]. Согласно позиции аристократии, императором должен быть лучший человек в государстве – старший сенатор, т. к. дети императоров далеко не всегда пригодны к управлению государством. Изредка кандидат от сената получал императорский трон, например, Нерва в 96 году. Или же назначение сенаторов Бальбина и Пупиена августами во время восстания Гордианов. Роль сената при всей ее незначительности постоянно подчеркивалась. Так, во время признания императором Эмилиана сенат не присвоил ему консульские полномочия из-за его не сенаторского происхождения. Вителлию пришлось согласиться на отсчет своего правления с 19 апреля 69 г. н. э., когда его признал сенат, а не со 2 января 69 г. н. э., когда армия провозгласила его императором. На монетах императоров подчеркивалась «воля сената» – «*Providentia Senatus*», и т. д.

В римском политическом сознании присутствовала твердая идея, что институт частного и гражданского права, статуса и прав личности более значим и более древний по своему происхождению, нежели институт политической власти. Поэтому и эдикты, изданные императором, накладываются на корпус гражданского права, но и должны ему соответствовать [Уильямс, 2014, с. 199]. В эдикте V века прямо указывается, что «Истина в том, что наша власть зависит от власти закона. Власть, подчиненная закону, значит больше,

чем просто власть императора» (CJ, I, 14, 4). То есть в менталитете римского общества власть императора ограничена властью закона. Это и отличает римскую цивилизацию от стран восточных деспотий.

Однако дальнейшая история покажет, что не столько сенат и закон, сколько факт поддержки армией будет являться основным при утверждении императора на престол. Армейский фактор во многом определил превалирование династического принципа избрания императора, так как солдаты были заинтересованы в передаче власти по наследству в силу того, что смена императора могла отразиться на их жаловании. Стабильность власти одной династии обеспечивала уверенность в получении ряда материальных благ, в том числе и «премий»-донативов. При этом для солдата принадлежность к правящему дому была не пустым звуком. Наиболее яркий пример – апеллирование узурпатора Прокопия к царственной крови (Прокопий был родственником императора Юлиана). Аммиан Марцеллин дословно передает речь Прокопия перед солдатами: «Лучше последуйте за отпрыском царского рода, который с полным правом поднял оружие не за тем, чтобы похитить чужое, но чтобы восстановить величие предков» (Amm. Marc. XXVI. 7, 16). То есть даже незаконные претенденты, узурпаторы старались подчеркнуть свою принадлежность к правящей династии. Это говорит лишь о важности в глазах римского общества преемственности власти в рамках императорской семьи.

Можно на это возразить, что лишь после Константина Великого следует говорить об утверждении модели кровнородственного династизма, ведь династия Константина держалась еще 26 лет после его смерти [Миролюбов, 2021, с. 33]. Однако примеров сторонников кровнородственного династизма довольно много и в период принципата. Можно назвать Веспасиана, Марка Аврелия, Септимия Севера, которые стремились передать власть по кровнородственной линии. В период «кризиса III века» успешные узурпаторы и претенденты на престол также стремились реализовать династический принцип. Например, Филипп Араб, ставший соправителем Гордиана, стремительно ввел в римскую политику своего сына, жену и обожествил своего отца – по традиции, заложенной еще во времена Октавиана Августа.

Интересным является факт, что начиная с III века императоры могли происходить из различных социальных слоев имперского общества. Любые, даже зачастую подложные связи с правящей императорской династией считались основанием для притязания на власть [Голдсуорти, 2014, с. 653]. Так многие императоры принадлежали к сословию всадников, а практически сто процентов кандидатов в императоры были армейскими офицерами или выходцами из среды имперских чиновников.

Однако принадлежность к императорской семье вовсе не гарантировала успешное восхождение на императорский престол. В отличие от средневековых царств, где принадлежность к королевской семье была важнейшим требованием наследования трона, Рим и Византия никогда полностью не расставались с традицией «военных выборов», несмотря на попытки Диоклетиана ослабить их. Никто не мог быть спокоен, надеясь на «божественное право наследования». Армия III века требовала права самой выбрать императора. «Fides militum», «Concordia militum» (доверие воинов, согласие воинов) стали в полном смысле свидетельствами законности императора [Уильямс, 2014, с. 154]. Если часть армии возвышала собственного претендента на престол и он побеждал императора, то автоматически становился де-факто и де-юре им, и гражданское чиновничество с чистой совестью переносило лояльность на него. Так, еще в 68 г. н. э. Гальба стал первым императором, который получил власть из рук своих легионеров. В дальнейшем это явление, более характерное для III века, стало ослабевать, и уже в IV–V вв. армия сохраняла по большей части церемониальную роль при выборе императора. Возврата к военной анархии уже не было.

Рассказ о подобной церемонии содержится в трудах Аммиана Марцеллина: «Когда он (Юлиан) появился в назначенный заранее день, созваны были все войска, император взошел на высокий трибунал, окруженный орлами и знаменами, и, держа Юлиана правой

рукой, произнес такую речь милостивым тоном: «Я хочу предоставить власть Цезаря Юлиану, моему, как вы знаете, двоюродному брату... Свое желание сделать его соправителем я ставлю в зависимость от вашего согласия, если вы считаете это полезным для отечества... Итак, я облеку его в императорское одеяние, уверенный в видимом указании перста Божия» (Amm. Marc. XXVI. 7, 16).

Особняком в механизмах передачи политической власти императора стоит тетрархическая модель Диоклетиана. Система Диоклетиана была попыткой разрыва с системой принципата, где император трактовался как первый в сенате и первый гражданин, пользующийся высшим авторитетом – «auctoritas». Авторитарные тенденции прослеживались задолго до Диоклетиана и были присущим императорам династии Антонинов, особенно после нее, со времени Септимия Севера, а также императорам-иллирийцам (например, Аврелиану), но именно Диоклетиан открыто порвал со старой конституционной традицией. Политическая система домината была близка, по своей сути, к неограниченным монархиям, для которых подданные вне зависимости от их социального статуса были одинаковы перед абсолютным властелином – императором. Попасть в число *admissionales*, тех, кто имел право регулярного доступа к священной персоне императора, было знаком высокого положения. В панегирике 290 г. говорится: «это как бы укрытое во внутренних священных покоях поклонение поразило души лишь тех, кому их положение давало право доступа к Вам» (Pan. Lat. 11. 3, 2). Видимо, на мировоззрении Диоклетиана и последующих императоров активно сказывалось влияние царского двора Сасанидов.

Механизм кооптации во власть лучших, выбор кандидата «по заслугам», назначения преемника не из своего рода впервые наметил император Гальба (Tac. Hist. I. 15). Впоследствии император Нерва также осуществил принцип передачи трона по способностям. При этом сам принцип наследования трона не отменялся, но после Нервы вплоть до конца эпохи принципата многие императоры были бездетными или их дети умирали раньше своих отцов. Присутствовал в политической практике Рима и опыт соправительства. Так, Марк Аврелий и Луций Вер правили вместе. Обычно передача власти осуществлялась через усыновления и присвоения наследнику титула «цезарь», что автоматически обозначало принадлежность к императорскому роду (Cass. Dio. LIII. 18) То есть цезарь, или кесарь, – титул, который со времени императора Адриана (117–138 гг. н. э.) давал элементы соправительства наследникам престола до времени правления Диоклетиана.

Можно сказать, что способы введения во власть через усыновление были вполне отработаны. Но заслуга Диоклетиана состоит в создании принципиально новой модели, тетрархии – правлении четырех, четверовластии. Суть модели – разделение империи на четыре зоны контроля под управлением двух «старших» августов и двух «младших» цезарей при сохранении единства империи. Был предусмотрен и механизм смены власти – одновременного отречения двух августов с передачей власти цезарям, наречение цезарей августами и выбор двух новых цезарей. При этом вышедшие в «отставку» августы сохраняли свое положение при дворе в качестве «кураторов», поддерживающих модель тетрархии. Основной причиной выбора такой модели была необходимость защиты обширных границ империи одновременно в разных местах при сохранении единства власти [Уильямс, 2014, с. 136].

Однако даже в модели Диоклетиана не удалось полностью отойти от кровнородственного принципа наследования. Как отмечал Ф. Кольб, «Диоклетиан на место кровнодинастического принципа установил в некотором смысле административно-династический» [Kolb, 2001. S. 30]. Развивая свою мысль, Кольб указывает на то, что Максимиан – в будущем август-соправитель Диоклетиана – практически сразу же был усыновлен последним и принял имя Валерий. Пропаганда этого времени постоянно подчеркивала «родство» Диоклетиана и Максимиана, называя их «*fratres*», братьями (Pan. Lat. X. 11, 1; Ibid. 13, 1–3; Ibid. XI. 6, 3; Lact. De mort. pers. 8. 1). Немаловажным был и акцент на равенство положения августов (Pan. Lat. X. 9, 4–5; Ibid. XI. 6, 7; Ibid. XI. 7, 6–7). Новаторской идеей было выражение «родства» императоров через отождествление Диоклетиана с Юпитером, а Максимиана с Герку-

лесом. Также «родство» обеспечивалось не столько общим божественным происхождением, сколько заслуженными доблестями августов: «Вас военные лагеря... сражения... равные победы сделали братьями (Pan. Lat. XI. 7, 6; Ibid. X. 9, 3).

Диоклетиан при этом подразумевался как «*augur imperii*», что подчеркивало его старшинство как Иовия (Ibid. X. 4.1–2; 7.6), но именно идея братства императоров была лейтмотивом тетрархии. Неслучайно, что даже император-узурпатор Караузий стремился в поисках легитимности своей власти стать также «братом» императорам-соправителям, что явно выражено на его монетах (PAX AVGGG; CARAVSIVS ET FRATRES SVI) [Carson G., 1959, с. 33–34].

Еще одним аргументом в пользу значительного присутствия кровнородственного элемента в характере тетрархии является то, что цезари Галерий и Констанций Хлор были включены в систему не только посредством титулов, но и браков с дочерьми августов. Так, Констанций Хлор взял в жены дочь Максимиана Феодору, а Галерий – дочь Диоклетиана Валерию. Цезарям ради того, чтобы породниться с правящими августами, пришлось развестись со своими прежними женами. В итоге панегиристы того времени изображали тетрархов как одну семью (Pan. Lat. VIII. 1, 3).

Однако даже такая искусственная модель, как тетрархия, не обделенная принципом кровнородственного династизма, не смогла существовать в том идеальном виде, в котором ее задумал Диоклетиан. Так, уже в 305 году Галерий нарушил меритократический принцип, назначив цезарем своего родственника Максимиана Дазу (Aurel. Vic. De caes. 40.1). После отречения Диоклетиана и Максимиана в 305 году система тетрархии начала трещать по швам: буквально на следующий год происходит две узурпации Константина и Максенция, основанные на династических принципах. Максенций был сыном ушедшего на покой августа Максимиана, и не получив титул цезаря, остался не включен в систему тетрархии (Zos. Hist. II. 9, 1–2). Константина же провозгласила армия его покойного отца Констанция, находившаяся в Британии (Lact. De mort. 24. 8; ср. Pan. Lat. VII. 5, 3; VI. 7, 4; Euseb. HE. VIII. 13, 12). Тетрархия Диоклетиана работала вполне эффективно, пока тот был во главе власти, но после его отречения в 305 г. она распалась, и началась затяжная гражданская война, закончившаяся лишь поражением Лициния в 324 году [Хизер, 2019, с. 207].

Таким образом, происходит постепенный откат от принципа кооптации во власть к древнему принципу кровнородственной передачи власти, который снова утверждается с приходом к власти Константина Великого, предоставившего цезарат своим сыновьям (PLRE. Vol. I, p. 233; Aurel. Vic De caes., 41. 10).

Стоит сказать, что, начиная с династии Константина и вплоть до падения Западной Римской империи, императоры династии Валентиниана и династии Феодосия придерживались кровнородственного принципа передачи власти. Более того, появлявшиеся узурпаторы также стремились передать власть по наследству, назначая цезарями своих сыновей (например, Константин III). Проблема наследования трона была решена. Верность династии вновь перевесила искусственные узы, созданные тетрархией [Уильямс, 2014, с. 292].

Во второй половине IV века для Римской империи вплоть до ее раздела в 395 г. на Западную и Восточную характерно парное управление империей – членами одной императорской фамилии. Так правили, например, Констанций и Констант (Галл, Юлиан); позже – Валентиниан и Валент, Грациан и Феодосий.

В V в. идея парного правления была также реализована, но уже в виде двух суверенных правителей различными частями империи при сохранении общего законодательства, принадлежности (в идеале) к одному императорскому дому и общей легитимности империи. Однако общая слабость империи этого периода приводила к тому, что периоды политической стабильности протяженностью в одно или даже два десятилетия могли иметь место, однако обнаруживали тенденцию к тому, чтобы пересекаться периодами жестокой борьбы, зачастую перераставшей в гражданскую войну [Хизер, 2019, с. 701].

В последние 70–80 лет существования Западной Римской империи получил реализацию принцип назначения императора варварскими королями или могущественными патрициями и *magister militum*. Большую часть V века на императорском престоле находились слабые и нерешительные правители, подростки, попадавшие под влияние военачальников и чиновников, зачастую варварского происхождения. С разграблением Рима Аларихом в 410 году произошло падение легитимности императорской власти Рима, и ее влияние стремительно падает, особенно на окраинах империи. К середине века любой вождь, обладавший достаточным влиянием и богатством, чтобы урвать себе территорию и основать королевство, уже не оглядывался на Рим [Snyder, 1998, p. 81–127]. За 21 год до падения Западной Римской империи ею правили девять более менее легитимных императоров, шесть из которых закончили жизнь насильственной смертью.

В это время военачальники *magister militum* добиваются титулов патриция, женят своих детей на представителях императорского рода, свергают и возводят императоров по своему усмотрению. Когда император Валентиниан II попытался лишить военачальника Арбогаста титула *magister militum*, Арбогаст спокойно ответил, что у него нет на это власти [Голдсуорти, 2014, с. 422]. Вскоре Арбогаст провозгласил августом Флавия Евгения, а Валентиниана II нашли мертвым.

Magister militum Кастин привел к власти примицерия нотариев Иоанна, который принял титул августа после смерти Гонория в 423 году. Стоит отметить, что теперь положение императоров во многом зависело от поддержки варваров. Так, Аэций, будущий фактический правитель Западной Римской империи, во время узурпации Иоанна отправился за поддержкой гуннов, заложником которых он был в молодости и имел с ними обширные связи [Томпсон, 2021, с. 54]. По отзыву Прокопия (*Proc. Bell. Vand.*, I. 3, 5–9), это был спокойный, разумный, справедливый человек, хотя он и являлся узурпатором, «тираном».

Здесь мы сталкиваемся с интересным феноменом позднеантичной политической системы – могущественные военачальники более не стремились к обладанию императорской властью, а руководили империей посредством марионеточных императоров. Это объясняется отчасти тем, что многие военачальники были варварского или полуварварского происхождения.

Так, например, Рицимер на протяжении 15 лет возводил и свергал императоров, несмотря на то, что далеко не всех его кандидатов признавал Константинополь. В частности, после свержения Майориана, новый император Либий Север не получил одобрения Восточной Римской империи [Bury, 1958, p. 330–332.]. Подобным же образом от претензий на императорскую власть отказался военачальник Бонифаций, а позже – Орест, отец последнего римского императора Ромула Августа.

Фактором политической жизни V века являлось и назначение римского императора варварским королем. В 409 году готский вождь Аларих выдвигает на императорский трон Приска Аттала, который при этом был язычником, вследствие чего его срочно пришлось крестить [Голдсуорти, 2014, с. 480]. Для утверждения своих претензий и легитимности в глазах общества в разговорах Приск Аттал допускал мысль об изуродовании Гонория, законного императора, после его низложения, чтобы он более не годился на роль правителя (*Zos. Hist.* VI. 8). Сам Аларих добился от Приска Аттала титула *magister militum* и поддерживал его исключительно в своих интересах (*Olymp. Hist.* 3. 2). Позже это звание было утверждено уже Гонорием.

Еще одним примером служит «воцарение» Авита. Так, посол Авит находился в Тулузе, когда пришло известие о гибели императора Петрония. Посол тут же убедил готов и был провозглашен императором в 455 году. Стоит отметить, что Константинополь не признал Авита законным императором [Barnwell. 1992, p. 61–62]. После свержения Авита был шестимесячный период, во время которого в Западной Римской империи не было императора. По закону Марциан, император Восточной Римской империи, был единственным правителем на время отсутствия августа в Риме, и монеты с его именем выпускались на Западе империи.

Определенное место в политической реальности занимал и принцип передачи императорской власти посредством заключения брака с представительницами императорского дома. Так, когда не оставалось мужчин-наследников, женщины императорской семьи могли передавать наследственные права династии людям, не имеющим отношения к императорской семье, выйдя за них замуж. Например, в Восточной Римской империи положение Марциана было укреплено браком с Пульхерией, последней представительницей рода Феодосия, а Анастасия – союзом с Ариадной, дочерью Льва и вдовой Зенона [Jones, 1964, p. 124].

Учитывая все вышеуказанные проблемы и в связи с отсутствием единого принципа передачи власти, большую роль в римском политическом сознании занимала идея «легитимности» власти императора. Тема легитимности императорской власти выходит за рамки данной статьи, однако отметим, что императоры уделяли очень существенное внимание легитимационным процедурам при восшествии на престол, (Szidat, 1989, S. 175–188), т. к. обоснование законности власти имело исключительно важное значение при борьбе с возможными претендентами на трон.

Заключение

В сущности, всю историю Римской империи существовала неразрешимая дилемма организации и передачи императорской власти. Постоянные узурпации и гражданские войны вынуждали императоров делегировать и распределять властные полномочия на территории обширной империи, а также обеспечивать надежный механизм передачи и преемственности власти. Существовало несколько вариантов: 1) династическая передача власти по кровнородственной модели; 2) соправительство; 3) кооптация во власть по принципу личных заслуг, «выбор лучших»; 4) выбор и утверждение императора сенатом (кандидат сената); 5) восстание и мятеж отдельных легионов и воинских соединений и выдвижение ими кандидата на роль императора, узурпация власти; 6) усыновление; 7) назначение императором «извне» – варварскими королями, или же «изнутри» – могущественным *magister militum* или патрицием; 8) брак с представительницей императорской фамилии. Однако разделение власти в империи между соправителями было делом чрезвычайно сложным. Даже если удавалось разрешить проблему для одного поколения, уже следующее поколение правителей, как правило, не могло унаследовать гармонию предыдущих лет. В связи с этим каждое поколение заново организовывало разделение власти даже в тех случаях, когда власть передавалась по наследству.

Императоры старались гарантировать своим сыновьям право наследования трона, включая их в политическую элиту и провозглашая наследниками еще при своей жизни. Схема Диоклетиана, согласно которой два августа должны были отречься вместе, одновременно провозглашая при этом августами своих цезарей и назначив двух новых цезарей, очень быстро потерпела крах, т. к. не учитывала законов кровного родства. И уже Константин вернулся к принципу наследственности и передал императорскую власть своим сыновьям и племяннику.

В итоге кровнородственный принцип передачи власти оказался наиболее близким и понятным римскому обществу. При наличии различных механизмов передачи власти, часть из которых мы рассмотрели, именно модель передачи власти от отца к сыну или, по крайней мере, в рамках одной императорской семьи была наиболее стабильной. Интересен факт, что в Восточной Римской Империи, Византии, начиная с Константина V в VIII в. кровнородственный принцип передачи власти был закреплен на законодательном уровне – только «*prophrogennetos*», «порфиророжденные» будут считаться законными правителями в Византии. Также данная модель передачи власти характерна и для раннефеодальных королевств, утвердившихся на территории Западной Римской империи после ее распада.

Согласно римским политическим традициям, август мог назначить равного себе по положению августа или цезаря. Пока был жив хоть один из членов императорской коали-

ции, второй император не мог назначать нового цезаря или августа без его согласия. Согласно старой традиции, берущей начало еще в эпоху принципата, если в живых не оставалось ни одного императора, то назначались выборы. Избирателями могли быть сенат и народ. В III веке главным политическим фактором становится армия. С IV века право выбирать имел только «дворец» и «министры», чей выбор формально утверждался голосованием сената и признанием армии. Очень часто император являлся кандидатом какого-либо могущественного государственного деятеля.

В последние десятилетия Западной Римской империи престиж императорской власти – по крайней мере, в глазах военных руководителей, – пал достаточно низко, что отчетливо видно на примере Кастина, Арбогаста, Рицимера и Ореста, а также Бонифация, отказавшегося от звания императора в свои мятежные дни в Африке. Быть императором, августом, стало невыгодно, т. к. августы V века практически не обладали полнотой власти. Находясь в тени, военачальники были настоящими «серыми кардиналами» римской политики, используя императоров лишь как инструмент достижения своих целей.

Таким образом, императорская власть, к которой на протяжении всей римской имперской истории стремились всевозможные кандидаты на трон, мятежные военачальники, узурпаторы, в конечном итоге потеряла свою ценность.

Список литературы

- Аврелий Виктор. 1961. *Sextus Aurelius Victor. Liber De Caesaribus. Rec. F. Pichlmayer. Leipzig.* 210.
- Аммиан Марцеллин. 1786. *Ammiani Marcellini Rerum gestarum qui de XXXI supersunt libri XVIII ad optimas editiones collati praemittitur notitia literaria: Accedunt ind. Studiis Soc. Vipontinae. – Viponti [Zweibrücken].* 358.
- Гай Аноним. 2019. После Рима. 192–430 по Рождеству. От «солдатских императоров» до Карла Великого. *Acta Diurna.* 312.
- Глушанин Е.П., Корнева И.В. 2007. Представления о легитимности императорской власти в IV веке. Война и мир в истории Европы: сборник научных статей памяти профессора Е.П. Глушанина. Барнаул. Изд-во Алтайского ун-та, 35–43.
- Голдсуорти А. 2014. Падение Запада. Медленная смерть Римской империи. М., АСТ. 733.
- Зосим. 1887. *Zosimus. Historia nova. Ed. L. Mendelsohn. Lips.,* 1887. 367.
- Олимпиодор. 1870. *Olympiodorus. Fragmenta, Historici Graeci minores, Vol I. Ed. by L.A. Dindorf. Lips.* 204–274.
- Томпсон Э. 2021. Гунны. Грозные воины степей. Пер. Л.А. Игоревского. М., Центрполиграф. 256.
- Уильям С. 2014. Диоклетиан: реставратор Римской империи. Перевод И.И. Хазановой. СПб., Евразия. 369.
- Хизер П. 2011. Падение римской империи. М., АСТ. Астрель. 795.
- Хизер П. 2016. Великие завоевания варваров. Падение Рима и рождение Европы. М., Центрполиграф. 830.
- Barnwell P. 1993. *Emperors, Prefects and Kings: The Roman West, 395–565. Chapel Hill.* 256.
- Bury J. 1923. *History of the later Roman Empire: from the death of Theodosius I to the death of Justinian (A.D. 395 to A.D. 565). Vol. I.* 542.
- Carson G. 1959. *The mints and coinage of Carausius and Allectus. JBAA. Vol. XXII: 33–40.*
- Cornelii Taciti Annalium.* 1904. Ed. K. Nipperdey. Berlin. 278.
- Demandt A. 1989. *Die Spätantike. Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian, 284–565 n. Chr. München,* 612.
- Eusebius. 1867. *Pamphili Caesariensis. Rec. G. Dindorfius. – Lipsiae: B.G. Teubneri.* 729.
- Flaig E. 1997. *Für eine Konzeptionalisierung der Usurpation in Spät Römischem Reich. Usurpationen in der Spätantike. Stuttgart:* 15–34.
- In Praise of Later Roman Emperors: the Panegyrici Latini* 1994. Introduction, Translation and Historical Commentary by C.E.V. Nixon and B.S. Rodgers. Berkeley, Los Angeles, Oxford. 744.
- Jones A. H. M. 1964. *The Later Roman Empire. A Social, Economic and Administrative Survey, 284–602. Vol. 1. Oxford.* 786.
- Kolb F. 2001. *Herrscherideologie in der Spätantike. B.* 416–417.

- Krüger P. 1874. *Codicis Iustiniani Fragmenta Veronensia*. 84.
- Lactantius. *Opera omnia*. P.1844. *Patrologiae cursus completus*. Ed. J.-P. Migne. Series latina. T. 6–7. 151.
- Lucius Claudius Cassius Dio Cocceianus. 1863. *Historia Romana*. L. Dindorfii. – Lipsiae: B.G. Teubneri. 427.
- Mommsen Th. *Römische Kaisergeschichte*. hrgb. von B. und A. Demandt. München, 1992. 432.
- Procopii. 1905 *Caesariensis Opus Omnia*. V. 1–2. Rec. J. Hauru-Lipsiae: B.G. Teubneri. 552.
- Schlinkert D. *Vom Haus zum Hof. Aspekte höfischer Herrschaft in der Spätantike*. *Klio*. 78. 1996. 2: 446–457.
- Snyder C. 1998. *An Age of Tyrants: Britain and the Britons A.D. 400–600*. University Park. 320.
- Szidat J. 1989. *Imperator legitime declaratus (Ammian 30, 10, 5)*. *Historia testis: Mélanges d'épigraphie, d'histoire ancienne, et de philologie offert T. Zawadski*. Fribourg: 175–188.
- The Prosopography of the Later Roman Empire*. 1971. A.H.M. Jones. 1204.

References

- Avreliy Viktor. 1961. *Sextus Aurelius Victor. Liber De Caesaribus*. Rec. F. Pichlmayer. Leipzig. 210.
- Ammian Martsellin. 1786. *Ammiani Marcellini Rerum gestarum qui de XXXI supersunt libri XVIII ad optimas editiones collati praemittitur notitia literar-ia: Accedunt ind. Studiis Soc. Bipontinae. – Biponti [Zweibrücken]*. 358.
- Gay Anonim. 2019. *Posle Rima. 192–430 po Rozhdestvu. Ot «soldatskikh imperatorov» do Karla Velikogo*. *Acta Diurna*. 312.
- Glushanin E. P., Korneva I. V. 2007. *Predstavleniya o legitimnosti imperatorskoy vlasti v IV veke [Ideas about the legitimacy of imperial power in the IV century]*. *Voyna i mir v istorii Evropy [War and peace in the history of Europe]: sbornik nauchnykh statey pamyati professora E.P. Glushanina*. Barnaul. *Izd-vo Altayskogo un-ta*, 35–43 (in Russian).
- Goldsuorti A. 2014. *Padeniye Zapada. Medlennaya smert Rimskoy imperii [The Fall of the West: The Slow Death of the Roman Superpower]*. Moscow AST, 733 (in Russian).
- Zosim. 1887. *Zosimus. Historia nova*. Ed. L. Mendelsohn. Lips., 1887. 367.
- Olimpiodor. 1870. *Olympiodorus. Fragmenta, Historici Graeci minores, Vol I*. Ed. by L.A. Dindorf. Lips. 204–274.
- Tompson E. 2021. *Gunny. Groznye voyny stepey [Huns. Terrible warriors of the steppes]*. Per. L.A. Igorevskogo. M., Tsentrpoligraf. 256 (in Russian).
- Uil'yam S. 2014. *Diokletian: restavrator Rimskoy imperii [Diocletian: Restorer of the Roman Empire]*. *Perevod I.I. Khazanovoy*. SPb., Evraziya. 369 (in Russian).
- Khizer P. 2011. *Padeniye rimskoy imperii [The Fall of the Roman Empire]*. Moscow. AST. Astrel, 795 (in Russian).
- Khizer P. 2016. *Velikiye zavoyevaniya varvarov. Padeniye Rima i rozhdeniye Evropy [Empires and Barbarians: The Fall of Rome and the Birth of Europe]*. Moscow. Tsentrpoligraf: 830 (in Russian).
- Barnwell P. 1993. *Emperors, Prefects and Kings: The Roman West, 395–565*. Chapel Hill. 256.
- Bury J. 1923. *History of the later Roman Empire: from the death of Theodosius I to the death of Justinian (A.D. 395 to A.D. 565)*. Vol. I. 542.
- Carson G. 1959. *The mints and coinage of Carausius and Allectus*. *JBAA*. Vol. XXII: 33–40.
- Cornelii Taciti Annalium*. 1904. Ed. K. Nipperdey. Berlin. 278.
- Demandt A. 1989. *Die Spätantike. Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian, 284–565 n. Chr.* München, 612.
- Eusebius. 1867. *Pamphili Caesariensis*. Rec. G. Dindorfii. – Lipsiae: B.G. Teubneri. 729.
- Flaig E. 1997. *Für eine Konzeptionalisierung der Usurpation in Spätromischen Reich. Usurpationen in der Spätantike*. Stuttgart: 15–34.
- In Praise of Later Roman Emperors: the Panegyrici Latini 1994*. Introduction, Translation and Historical Commentary by C.E.V. Nixon and B.S. Rodgers. Berkeley, Los Angeles, Oxford. 744.
- Jones A. H. M. 1964. *The Later Roman Empire. A Social, Economic and Administrative Survey, 284–602*. Vol 1. Oxford. 786.
- Kolb F. 2001. *Herrscherideologie in der Spätantike*. B. 416–417.
- Krüger P. 1874. *Codicis Iustiniani Fragmenta Veronensia*. 84.

- Lactantius. Opera omnia. P.1844. Patrologiae cursus completus. Ed. J.-P. Migne. Series latina. T. 6–7. 151.
- Lucius Claudius Cassius Dio Cocceianus. 1863. Historia Romana. L. Dindorfii. – Lipsiae: B.G. Teubneri. 427.
- Mommsen Th. Römische Kaisergeschichte. hrgb. von B. und A. Demandt. München, 1992. 432.
- Procopii. 1905 Caesariensis Opus Omnia. V. 1–2. Rec. J. Hauru-Lipsiae: B.G. Teubneri. 552.
- Schlinkert D. Vom Haus zum Hof. Aspekte höfischer Herrschaft in der Spätantike. Klio. 78. 1996. 2: 446–457.
- Snyder C. 1998. An Age of Tyrants: Britain and the Britons A.D. 400–600. University Park. 320.
- Szidat J. 1989. Imperator legitime declaratus (Ammian 30, 10, 5). Historia testis: Mélanges d'épigraphie, d'histoire ancienne, et de philologie offert T. Zawadski. Fribourg: 175–188.
- The Prosopography of the Later Roman Empire. 1971. A.H.M. Jones. 1204.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 16.12.2022

Received 16.12.2022

Поступила после рецензирования 10.03.2023

Revised 10.03.2023

Принята к публикации 10.03.2023

Accepted 10.03.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гудков Никита Александрович, аспирант кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Nikita A. Gudkov, Postgraduate Student of the Department of World History, Faculty of History and Philology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0002-4003-5171](https://orcid.org/0009-0002-4003-5171)

УДК 94(420)

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-355-363

Оригинальное исследование

Советы Томаса Хилла садоводам Англии XVI – начала XVII века: трактат «The arte of gardening»

Третьякова М.В.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал,
Россия, 607220, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. К. Маркса, 36
E-mail: marinatretyakova@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется трактат Томаса Хилла «The arte of gardening», где он делится своими рассуждениями о том, что представляет собой занятие садоводством. По его мнению, сады являлись важной частью жизни его соотечественников. Он полагает, что его советы поспособствуют успешности этого занятия. Его трактат состоит из двух книг. В них даются рекомендации по устройству сада и по выращиванию растений: огородных и зеленных растений, пряных и лекарственных трав, цветов. С нашей точки зрения, наиболее интересна вторая книга его трактата. Она посвящена описанию и методам выращивания разных растений. Кроме того, в ней охарактеризованы свойства этих растений и область их применения. Автор статьи полагает, что сам Томас Хилл был уверен в полезности его советов, собранных в этом трактате.

Ключевые слова: Англия, XVI в., английский сад, Томас Хилл, трактат, «The arte of gardening»

Для цитирования: Третьякова М.В. 2023. Советы Томаса Хилла садоводам Англии XVI – начала XVII века: трактат «The arte of gardening». Via in tempore. История. Политология, 50 (2): 355–363. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-355-363

Thomas Hill's Advice to Gardeners in England of the XVI – Early XVII Century: a Treatise «The Arte of Gardening»

Marina V. Tretyakova

The National Research State University of Nizhny Novgorod after N.I. Lobachevsky, Arzamas branch,
36 K. Marx St., Arzamas 606220, N. Novgorod region, Russia
E-mail: marinatretyakova@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the text of Thomas Hill's treatise «The arte of gardening», where he shares his reasoning about what gardening is. In his opinion, gardens were an important part of the life of his compatriots. He believes that his advice will contribute to the success of this activity. His treatise consists of two books. They give recommendations on the arrangement of the garden and on the cultivation of plants: garden and green plants, spicy and medicinal herbs, flowers. Thomas Hill gives recommendations on growing exclusively local plants, paying special attention to their beneficial properties. From our point of view, the second book of his treatise is the most interesting. It is devoted to the description and methods of growing different plants. In addition, it describes the properties of these plants and the scope of their application. The author of the article believes that Thomas Hill himself was confident in the usefulness of his advice collected in this treatise. The repeated republication of Thomas Hill's essay testifies to the popularity of his publication. According to the text of «The arte of gardening» by Thomas Hill, you can imagine a detailed layout of the garden, find out the assortment of plants that could be grown in the gardens of the British XVI–XVII centuries.

Keywords: England, XVI century, English garden, Thomas Hill, a treatise, «The arte of gardening»

For citation: Tretyakova M.V. 2023. Thomas Hill's Advice to Gardeners in England of the XVI – Early XVII Century: a Treatise «The Arte of Gardening». *Via in tempore. History and political science*, 50 (2): 355–363 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-355-363

Введение

В соответствии с тюдоровским архитектурным стилем частью дома [Airs, 1998] многих англичан разного социального статуса являлся сад [Венедиктов, 1962, с. 486; Соколова, 2015, с. 119]. Кроме того, с XVI века садоводство стало модным [Williams, 1969, p. 99] и полезным занятием англичан [Бартон, 2005, с. 192]. Сад этого периода был разбит строго в привязке с домом, фактически являясь его частью. Архитектор, спроектировавший дом, также проектировал и сад [Cecil Evelyn. Mrs., 1896, p. 110].

Мода на устройство садов англичанами была перенесена с континента – образцами служили сады итальянских государств, Нидерландов, Франции [Cecil Evelyn. Mrs., 1896, p. 109]. В начале XVI в. специально приглашались итальянские мастера [Cecil Evelyn. Mrs., 1896, p. 78; Lees-Milne, 1951, p. 27] для устройства королевских садов, например, в Хэмптон-корте [Williams, 1969, p. 79; Thacker, 1979, p. 121]. Затем сложилось и собственное английское садово-парковое искусство [Strong, 1979 (1998)], в котором органично переплелись как черты континентальных садов [Зюилен, с. 60], так и чисто английские элементы [Cecil Evelyn. Mrs., 1896, p. 109].

Планировка сада имела название knotted⁵-garden – «сад с замысловатой симметричной планировкой и множеством клумб» [Cecil Evelyn. Mrs., 1896, p. 87; Thacker, 1979, p. 125, 126; Бартон, 2005, с. 197]. Полагают, что планировка knotted-garden была популярна в период от правления Генриха VIII до конца эпохи Елизаветы I, а после вышла из моды. Но, судя по иллюстрациям (рис. 1, рис. 2) трактата Томаса Хилла, видимо, такая планировка садов могла сохраняться и при первых Стюартах.

Объект и методы исследования

Объектом нашего исследования является садоводство Англии XVI – начала XVII в., а также трактат Томаса Хилла «The arte of gardening». В ходе исследования были использованы общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, системный метод. Принципы диалектического познания, историзма с опорой на критический анализ источников, которые были использованы в этом исследовании, позволяют изучать явления в их постоянной изменчивости, развитии и взаимосвязи. В связи с этим мы использовали как основной историко-генетический метод исследования, а также методы классификации, типологизации и текстового анализа. Объект исследования обусловил применение и биографического метода, который позволил нам выявить и рассмотреть основные направления деятельности Томаса Хилла.

Результаты и их обсуждение

О Томасе Хилле (род. ок. 1528 года – возможно, после 1590 г., иногда указывают 1599 г.), известно немного, лишь то, что его определяют как английского астролога, писателя и комментатора, который писал работы на разнообразную тематику [Goodwin, 1891, p. 422] и имел псевдоним Didymus Mountain, которым он, по мнению С. Ли, подписал свой трактат «The Gardener's Labyrinth» о садоводстве в 1577 г. Трактат был посвящен Лорду Берли (Lord Burghley) [Lee, 1894, p. 207]. Адресат трактата был выбран, скорее всего, не-

⁵ От англ. «knot» – узел, узелок, морской узел, (node, nodule) – клубок, комок, (tangle, lump), сучок.

случайно. Лорд Берли⁶ был покровителем Джона Джерарда (1545–1612), известного ботаника, травника, натуралиста, врача [Cecil Evelyn. Mrs., 1896, p. 109].

Томас Хилл считается автором «The Profitable Arte of Gardening» [Hill, 1593] – первой книги о садоводстве в Англии [Williams, 1969, p. 97–98], опубликованной в 1563 г. под названием «A Most Briefe and Pleasaunte Treatise, Teaching How to Dresse, Sowe, and Set a Garden» [Hill, 1563]. В 1571 г. вышел «The Gardener's Labyrinth, или The Gardeners Labyrinth» [Hill, 1577, 1608]», в 1577 г. к нему была добавлена вторая часть, затем последовали переиздания в 1608 г. ин-кварто и в 1652 г. ин-фолио [Felton, 1830, p. 12]. По сведениям С. Ли, издавался этот трактат в 1578, 1586 (by John Wolfe), 1594 (by Adam Islip), 1608 (by Henry Ballard), 1652 и 1656 [Lee, 1894. p. 207]. В 1574 г. вышел «Treatise of the Arte of Graffing and Planting of Trees, 2 pts., 4to, London, 1574». Трактаты Томаса Хилла «The arte of gardening» разных лет издания имеют иллюстрации, которые, по мнению Дж. Коллеман, «придают особую ценность этим работам» [Coleman, 2001]. Например, на рисунках, включенных в работу «The Gardener's Labyrinth», показаны и схемы планировки сада (рис. 1), и варианты схем knotted-garden, и работы в саду, и техника полива растений (рис. 2) [Thacker, 1979, p. 122]. Трактат «The arte of gardening» Томаса Хилла издавался в 1579, 1586, 1593 и 1608 г. [Goodwin, 1891, p. 422].

Нами был взят трактат Томаса Хилла издания 1608 г. [Hill, 1608]. Вышел он в Лондоне, издателем был Edward Allde (ок. 1560–1627). Это издание состоит из собственно трактата «The arte of gardening» и других работ Хилла. В это издание были включены работы о пчелах, меде, воске, о влиянии звезд, и заключала издание «The Booke of the Art or craft of Planting and Graffing».

Сам трактат «The arte of gardening» состоит из двух книг и насчитывает 164 страницы. Первая книга называется «The Art of Gardening: Shewing the skilful ordering & care to be bestowed on Gardens, with necessary hepvves, defences and secrets», в ней 14 глав/частей. Вторая книга носит название «The second Booke instructeth divers manner of sowing, setting, and ordering of the most Pot-herbs, Flowers, &c. with the care and secrets taught, as well for health of the bodie, as to the pleasure and delight of the eye», в ней 64 главы/части. Книгам предпосланы предисловия, в которых Томас Хилл пишет, кому посвящает свою работу, и что это «весьма полезная книга, в которой он, как медоносная пчела, собрал все советы для садов, что есть в городах, местечках и деревушках» [Hill, 1608, p. б/н. (1–3)]. Иллюстраций в этом издании, в отличие от издания 1594 г., немного, всего 4 рисунка. В основном лабиринты, т. е. варианты knotted-garden. Иллюстрации сопровождаются подписями. Например, на с. 169 (с. 169. написано, затем идет 161 с., наверное, ошибка типографа) показана схема knotted-garden и написано: «A proper knot for a Garden, where is spare roome enough, the which may be set either with Time or Issope at the discretion of the Gardener» (Подходящий узор/узел для сада, где достаточно свободного места, который может быть сделать любой из тимьяна и иссопа по усмотрению садовника) [Hill, 1608, p. 169 (160)].

В самом начале трактата Томас Хилл называет свои источники, чьими трудами он пользовался. Поскольку он утверждал, что его работы не столько написаны им самим, сколько «собраны из работ лучших признанных авторов по садоводству, земледелию и медицине» [Hill, 1608, p. б/н; Cecil Evelyn. Mrs., 1896, p. 178].

Это такие авторы, как Сотиион из Александрии, Плиний Старший, Марк Порций Катон Старший, Луций Юний Модерат Колумелла, Марк Теренций Варрон, Рутилий Тавр Эмилиан Палладий, Теофраст, Аристотель, Didimus, Педаний Диоскорид, Демокрит, Гален, Павел Эгинский, Петр Кресценций (Petrus Andr), Пьетро Андреа Грегорио Маттиоли, Джироламо Кардано и «And sundry others» [Hill, 1608, p. б/н.].

В первой книге речь идет о том, что нужно для того, чтобы сад был цветущим и плодородным. Вначале Томас Хилл пишет о том (весьма, кстати, актуальное замечание), что

⁶ Уильям Сесил, 1-й барон Берли (William Cecil, 1st Baron Burghley, 1520/1521–1598) – глава правительства королевы Елизаветы I, государственный секретарь в периоды с 1550 по 1553 и с 1558 по 1572 годы, лорд-казначей Англии с 1572 года.

нужны три вещи, чтобы заниматься садом: здоровье, еще раз здоровье для восстановления после походов туда, и удобное расположение сада в городе/местности [Hill, 1608, p. 1]. Самое удачное расположение – недалеко от города, и должна быть вода (надо полагать, для полива растений). В саду обязательно должны расти небольшие деревья, травы, цветы, кроме того, должны быть навыки занятия садоводством, в чем, собственно, и призвана помочь эта книга. В основном Хилл пишет о небольших садах, как он сам замечает. Садовод/садовник должен обладать определенными навыками. По мнению Томаса Хилла, он должен учитывать и расположение сада, и направление ветров [Hill, 1608, p. 3], которые дуют в местности, где разбит сад, наличие источников, количество воды и ее температуру для полива растений [Hill, 1608, p. 2], качество земли, температуру для работы с землей, посадки растений, ассортимент культур. Качество земли Томас Хилл предлагает определять, используя старый традиционный прием, когда нужно «взять комок земли, смочить водой, сжать и определить ее качество, ее жирность» [Hill, 1608, p. 6].

По его рекомендации, сад должен быть «поделен на сад, огород, места, где должны расти молодые растения, деревья» [Hill, 1608, p. 2]. По мнению Э. Бартон, до эпохи Стюартов планировкой садов в Англии были четыре прямоугольника или квадрата, разделенные между собой водой» [Бартон, 2005, с. 194–195]. Отметим, что сад в шекспировскую эпоху занимал много места и был открыт. Делился на три части: сад (плодовый сад) (orchard), огород (kitchen garden) и цветник. Это объяснялось тем, что лекарственные растения и средства делались дома, да и ели в основном то, что выращивали. Новшеством в Тюдоровскую эру стало то, что цветы у дома – показатель роскоши, красоты и статуса как новых условий проявления процветания [Prothero, 1916, p. 368].

По Томасу Хиллу, сад должен быть огорожен либо стенами из камня, либо изгородями. Ограды делают заранее, к этому процессу нужно приступать в начале сентября, когда почва увлажнена дождями [Hill, 1608, p. 4]. У Томаса Хилла есть несколько вариантов оград. На иллюстрации из «Лабиринта садовника» Томаса Хилла так же, и в его «Искусстве садоводства», изображен квадратный сад с частоколом вокруг него (рис. 1). На другой иллюстрации, которая трижды приведена в «Лабиринте садовника», изображена кирпичная стена, в то время как на третьей сад окружен живой изгородью [Cecil Evelyn. Mrs., 1896, p. 111]. Стены могли быть обсажены розмарином [Бартон, 2005, с. 194].

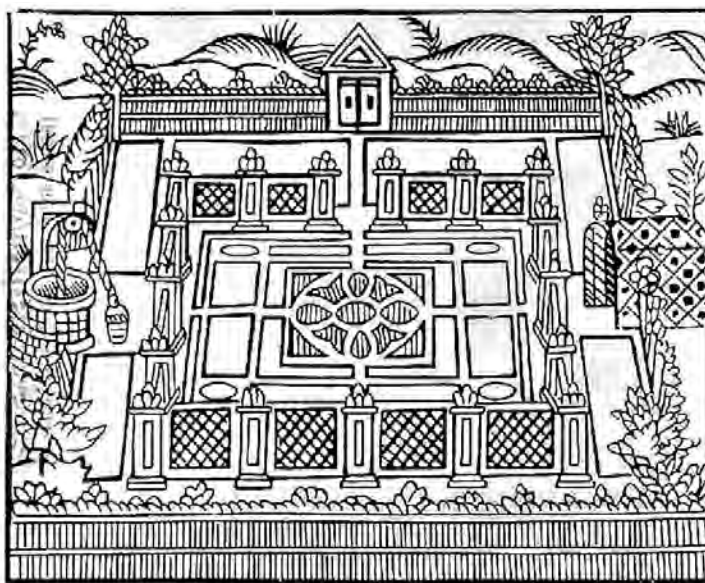

Рис. 1. Hill T. The arte of gardening. London: Imprinted by Edward Allde, 1608. p. 11. Иллюстрация, показывающая планировку сада с двойным ограждением – внутренним с балюстрадой и внешним с деревянным забором

Fig. 1. Hill T. The arte of gardening. London: Imprinted by Edward Allde, 1608. p. 11. Illustration, showing a twice enclosed garden design – the inner with a balustrade and the outer with a wooden fence

Томас Хилл приводит практику римлян, предложивших в качестве альтернативы рытью канавы живую изгородь, чтобы окружить сад. Он пишет, что «общий способ» – это «естественное ограждение», живая изгородь из «искусно уложенного белого терна: через несколько лет при усердии она становится такой густой и прочной, что вряд ли кто-либо может войти в сад, не пройдя через садовую дверь; тем не менее на садовых участках различные живые изгороди [обрамлены] бирючинным деревом, хотя и гораздо более слабым по сопротивлению, которое в наши дни усиливается благодаря ежегодной обрезке как спереди, так и по бокам» [Hill, 1608, p. 7; Cecil Evelyn. Mrs., 1896, p. 112].

Кроме того, Томас Хилл советовал расставить по периметру кадки с колючими растениями типа боярышника. Он предложил последовать совету Колумеллы в методе насаждения изгороди. Нужно было осенью собрать семена растений, которые входили в состав живой изгороди, – боярышника, шиповника, крыжовника и барбариса, замочить их в муке, затем посадить их на зиму в «длинную потертую веревку... прогнившую до некоторой степени». Весной нужно было вспахать две борозды на расстоянии в три фута на том месте, где предполагалось вырастить изгородь. Веревку было можно легко и просто уложить в эти борозды. Хилл писал, что через месяц «с небольшой погрешностью» появятся ростки, а через несколько лет сад будет окружен крепкой двойной изгородью» [Hill, 1608, p. 9; Cecil Evelyn. Mrs., 1896, p. 112; Бартон, 2005, с. 195]. Воистину, все новое – это хорошо забытое старое. Кстати, некоторые современные садоводы утверждают, что этот способ весьма эффективен.

Томас Хилл неоднократно подчеркивает, что садовнику нужно «прикладывать силу своих рук, чтобы был плодоносным сад» [Hill, 1608, p. 3]. По Томасу Хиллу, садовник занят работами в саду весь год. Ну разве что в декабре – январе не работают с землей. В конце февраля приступают к работам, добавляют хорошую землю, убирают корни старых деревьев, сажают молодые растения, делают изгороди [Hill, 1608, p. 9], после того как закончится зима, копают землю в саду, там, где нужно, вносят удобрения: помет голубей, навоз овец, коз, коров. Томас Хилл дает советы своим читателям, как оценить качество этих удобрений и для чего их лучше использовать и как [Hill, 1608, p. 12]. Работы продолжаются в и апреле, и в мае, сад к этому времени должен быть разбит на квадраты, клумбы [Hill, 1608, p. 11]. Томас Хилл предлагает для украшения сада посадить в нем кусты розмарина, жасмина, граната [Hill, 1608, p. 13]. Затем нужно регулярно поливать. Правда, это иногда может сделать за садовника дождь, но все равно садовнику нужно регулярно полоть и смотреть за состоянием клумб [Hill, 1608, p. 14]. Судя по трактату Томаса Хилла, траву удаляют всегда.

Существуют и свои сроки для посадки растений. Ранней весной «сажают старые семена трав – петрушку, свеклу, мяту болотную, портулак, кориандр. Другие травы тоже сажают, есть секреты по выращиванию лука ... а также из новых культур лук порей, огурцы, гурд. Нужно всегда учитывать температуру воздуха для посадки» [Hill, 1608, p. 16]. Чуть позже сажают базилик, шпинат, все виды рапса. В более теплое время весной сажают латук, листовую капусту, белый мак, пастернак, морковь, артишок и другие семена [Hill, 1608, p. 20]. Осенью сажают чеснок, лук-порей и другие культуры. По мнению Томаса Хилла, во время посадки еще нужно обращать внимание на расположение звезд, зодиакальных созвездий и прочее, чтобы правильно все посеять [Hill, 1608, p. 24].

Томас Хилл пишет, что следует внять советам Рутилия Палладия и иметь в саду фонтаны либо другие источники воды (рис. 2), [Hill, 1608, p. 15]. Кстати, поливать растения тоже нужно уметь, наличие водного источника в саду важно и весьма нужно, грядки и клумбы должны быть политы, но умеренно, кроме жаркого июля [Hill, 1608, p. 18].

С нашей точки зрения, вторая книга трактата Томаса Хилла более интересная, чем первая. В ней пишется о том, как нужно выращивать растения. Каждая глава/часть книги состоит из двух разделов/частей. В первом описывается, как сажать, как выращивать (например, *Of the ordering, care and secrets, of Sperage. Chap. 10*) [Hill, 1608, p. 58], во второй части (*The phisicke helpes*) показаны физические свойства растений, т. е. какими характеристиками они обладают и какую пользу можно от них получить. Исключения со-

ставляют лишь описания кервеля и каперсов [Hill, 1608, p. 72], левкоя [Hill, 1608, p. 106] и чеснока (*great garlic*) [Hill, 1608, p. 140], но описание этого растения приведено в главе, где есть описание садового чеснока (*garden garlic*), в нем есть и разбивка на части, где описаны физические свойства, в описании дубровника (*Germander*) деления на части нет, но полезные свойства описаны в самой главе [Hill, 1608, p. 114].

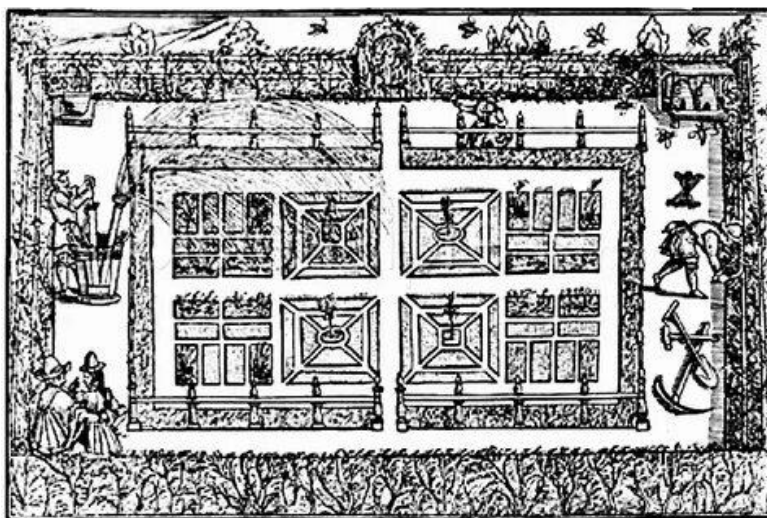

Рис. 2. Thomas Hill's Gardener's Labyrinth, 1594. p. 53. На иллюстрации слева показан водяной насос
Fig. 2. Thomas Hill's Gardener's Labyrinth, 1594. p. 53. Illustration, showing a water pump at the left

Всего Томас Хилл дает характеристики 66 растениям. Среди них есть латук, эндивий, шпинат, лебеда, свекла, капуста листовая, кресс-салат, петрушка, спаржа, чабер, тимьян, садовый тимьян, ломбардский любисток, фенхель, анис, кумин, кориандр, кервель и каперсы, укроп, рута, иссоп, мята, орегано, фиалка, базилик, майоран, мариголд, лаванда, шиповник, белая лилия, ландыш, ирис, пионы, левкой, клубника, бораго, розмарин, дубровник, чертополох, полынь, шалфей, портулак, мята болотная, артишок, лук-порей, лук, садовый чеснок (*garden garlic*), чеснок (*great garlic*), редис, навью, огурец, гурд, египетские бобы (*Beans of Egypt*) и др.

Как видим, в этом перечислении есть травы, овощи, фрукты, ягоды, цветы, пряные, зеленные, лекарственные растения, огородные культуры. Среди них есть растения, которые культивировались в Англии как исстари, так и недавно были введены в оборот. По мнению Р. Протеро, «Новыми были спаржа, кардон, фасоль и даже картофель. Многие вошли в интродукцию в начале XVII в.» [Prothero, 1916, p. 373].

Приведем примеры, как выглядит описание растений у Томаса Хилла. На выбор взяли два растения: шпинат и рута. Выбор растений случайный, в том смысле, что руководствовались исключительно своими предпочтениями. Рута в интродукцию растений в Англии вошла относительно давно. Например, в состав рецепта салата от 1390 г. входит рута, а также петрушка, шалфей, лук, лук-порей, бораго, фенхель, кресс, розмарин, портулак, все это смешивается и приправляется уксусом и солью [Spencer, 2000, p. 1219], т. е. рута издавна была в кулинарно-фармакопейном обиходе англичан.

Шпинат в интродукцию растений в Англии вошел относительно недавно. На континенте в XV – начале XVI в. шпинат считался модным растением, весьма полезным, поскольку ему приписывали разные целебные свойства, охотно применяли в кулинарии, кроме того, он был и пищевым красителем, который придавал блюдам зеленый цвет. Шпинат был впервые посажен в Англии в 1568 году, и в течение столетия он стал одним из немногих овощей, появившихся на столах богатых людей [A Dictionary of the World's Plant Foods, 2000, p. 1857]. Хотя миссис Эвелин Сесил (*Cecil Evelyn. Mrs.*) (под этим именем скрывается Алисия Амхерст (*Alicia Margaret Tyssen Amherst (1865–1941)*) – британ-

ский ботаник, садовник и автор первой научной книги по истории английского садоводства, жена Эвелина Сесила, первого барона Рокли. Все свои труды она публиковала под именем миссис Эвелин Сесил) считает, что шпинат упоминается и раньше этого года.

Вернемся к примерам. О шпинате Томас Хилл пишет так: «Часть 4. Как выращивать шпинат [Hill, 1608, p. 47–481]. Шпинат хорошо сеять в сентябре и октябре, на грядку (сажают – М. Т.) только его одного. Физические свойства. Шпинат относится к холодным растениям первого уровня. Его хорошо есть с мясом, он помогает работе желудка, а также очищает тело, укрепляет желудок, окрашивает травяные напитки, освежает дыхание, если есть мясо со шпинатом каждый день, то это порождает меланхолию. Кроме того, трава помогает от боли в горле (глотки), способствует притоку крови и красной желчи. Вот и все о свойствах шпината!». Собственно, последняя фраза как заключение описания растения встречается часто, почти в каждом описании растений.

Обратим внимание, что в описании свойств растений Томас Хилл придерживается теории Аристотеля об элементах, гуморальной теории и классификации знаков в астрологии. Этой теории придерживались представители школы Салерно, а также автор трактата «*Tacuinum Sanitatis*» XIV в.

Например, автор «*Tacuinum Sanitatis*» снабдил такой подписью изображения шпината: «Шпинат. Природа: Холодная и влажная в первой степени, в остальное время умеренно теплая. Оптимально: Те листья, которые все еще влажны от дождевой воды. Полезность: Хорош при кашле и для груди. Опасности: Он нарушает пищеварение. Нейтрализация опасностей: Употреблять жареный с подсоленной водой или с винегаром (уксусом) и ароматическими травами. Эффекты: Умеренно питательный. Хорош для теплых темпераментов, для молодежи, во все времена и в любом регионе» [*Tacuinum Sanitatis*, 1997–2009].

Продукты питания в елизаветинские времена должны были быть соотнесены с одним из четырех видов гумора, обладать парами качеств: тёплый и влажный, тёплый и сухой, холодный и влажный, холодный и сухой (Warm and moist; Warm and dry; Cold and dry; Cold and moist), что связано с «горячестью-холодностью» и «влажностью-сухостью» зодиакальных созвездий. Врачи и повара характеризовали продукты питания по их воздействию в соответствии с четырьмя видами гумора, а именно, как они нагревают или охлаждают организм, увлажняют или сушат. Что и было отражено в трактате Томаса Хилла.

О руте Томас Хилл пишет так: «Часть 22. Как выращивать руту [Hill, 1608, p. 73–77]. Руту сажают на солнечное место в марте. Грядки должны быть с увлажненной почвой, высокими. ... Молодые ростки не любят, чтобы их поливали и удобряли. Потом можно иногда их сбрызнуть водой. Хорошо зимуют. Растут в течение многих лет на одном месте. Собирают листья. Физические свойства. Рута горячая и сухая в третьей степени. Листья и семена используются в медицине. Листья сушат и используют для приготовления ядов. Например, рута входила в состав яда, который принимал Митридат. И съеденная рута убирает ветры, ослабляет сексуальное желание. А листья, съеденные вместе с сухим инжиром и грецкими орехами, – это самое верное средство, которое может быть против любого смертельного яда, если его вовремя принять. Если траву замочить в вине с фидами, то она сможет помочь от разных недугов: кашля, болезней печени, почек, и т. д. ... Вот и все о свойствах руты!» [Hill, 1608, p. 77].

В «*Tacuinum Sanitatis*» рута характеризуется так: «Рута. Природа: Теплая и сухая в третьей степени. Оптимально: те (растения – М. Т.), которые выращены рядом со смоковницей. Полезность: обостряет зрение и рассеивает метеоризм. Опасности: увеличивает количество спермы и ослабляет желание к половому акту. Нейтрализация опасностей: с помощью продуктов, которые укрепляют сперму» [*Tacuinum Sanitatis*, 1997–2009].

Наиболее обстоятельно Томасом Хиллом описаны методы выращивания и свойства лука-порея, лука, чеснока, редиса, огурца, гурда (Gourd – тыква, горлянка).

Чем объясняется такое распределение объема частей второй книги, сказать сложно. Может быть, интересами самого автора, объемом его знаний о данных растениях, сложностью выращивания.

Заклучение

Таким образом, трактат Томаса Хилла свидетельствует о том, что в XVI веке в Англии стали появляться авторы, пишущие о садоводстве, которые смогли учесть потребности англичан в необходимости иметь некоторые рекомендации по возделыванию своих садов – предмета гордости, получения удовольствия, показателя статуса. Правда, не располагаем сведениями, насколько хорошо был знаком сам Томас Хилл с практическим садоводством.

Трактат Томаса Хилла был весьма популярен. Косвенно это подтверждает его регулярные переиздания. Популярность издания трактата Томаса Хилла в начале XVII в. можно объяснить и тем, что традиции сада тюдоровской поры были продолжены и в период эры Якобеанского стиля (The Jacobean style) – второго периода Ренессансного архитектурного стиля в Англии, продолжавшего Елизаветинский стиль. Примеры стиля: Stewe Hall, Чешир; Hatfield House, Хартфордшир; Knole House, Кент; Charlton House, Лондон и другие. В этих владениях обязательной их частью были сады/парки.

Список источников

- Hill Th. 1608. The arte of gardening. London: Imprinted by Edward Allde, 164.
Hill Th. 1608. The arte of gardening. London, Imprinted by Edward Allde, 292.
Hill Th. 1577. The Gardener's Labyrinth. London: Printed by H. Bynneman, 1577. 289. The second part has separate divisional title page and pagination / 88+ 186 =274.
Hill Th. 1563. A most briefe and pleasaunte treatise teaching how to dress, sowe, and set a garden [London: By Thomas Marshe], 136.
Hill Th. 1593. The profitable art of gardening. London: Imprinted by Edward Allde, 164.
Rue (Ruta) In: Tacuinum Sanitatis. 1997–2009. Electronic resource. Available at: James L. Matterere. <http://www.godecookery.com/tacuin/tacuin35.htm>. (accessed: 21 December 2022).
Spinach (Spinachie) In: Tacuinum Sanitatis. 1997–2009. Electronic resource. Available at: James L. Matterer. <http://www.godecookery.com/tacuin/tacuin40.htm> (accessed: 21 December 2022).

Список литературы

- Бартон Э. 2005. Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира. М., Молодая гвардия, 242.
Венедиктов А.И. 1962. Искусство Англии. Архитектура. В кн.: Всеобщая история искусств. Т. 3 (6). Искусство эпохи Возрождения. М., Искусство, 528: 483–494.
Зюилен Г. ван. 2001. Все сады мира. М., Астрель: АСТ, 176.
Соколова М.В. 2015. Английский загородный дом: развитие идеи власти и покровительства от эпохи абсолютизма к викторианскому времени. В: Исторические исследования. 2:115–126.
Airs M. 1998. The Tudor and Jacobean Country House: A Building History. Bramley, Stroud: Sutton, 240.
Cecil Evelyn. Mrs., 1896. A history of gardening in England. London: Bernard Quaritch, XIV + 405.
Coleman J. 2001. The Gardener's Labyrinth In: Book of the Month and other Virtual Exhibitions Special Collections Department, Library, University of Glasgow, May, Electronic resource. Available at: <https://www.gla.ac.uk/myglasgow/library/files/special/exhibns/month/may2001.html> (accessed: 21 December 2022).
A Dictionary of the World's Plant Foods In: The Cambridge World History of Food. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2000. 2 v. (XLII, 2153): 1711–1887: 1857.
Felton S. 1830. On the portraits of English authors on gardening. Biographical notices. London: Published by Effingham Wilson, Royal Exchange; and Joseph Onwhyn, Catharine Street, Strand, XXXVIII, 221.
Goodwin G. Hill Thomas (fl. 1590) In: Dictionary of National Biography. Vol. XXVI. London, Smith, Elder, & co., 1891. 600. (467+150): 422.
Lee S. 1894. Mountain Didymus In: Dictionary of National Biography. Volume XXXIX. London: Smith, Elder & Co, 453: 207.
Lees-Milne J. 1951. Tudor Renaissance. London: B.T. Batsford, 152.
Prothero R. E. 1916. Agriculture and Gardening. § 2. Gardening In: Shakespeare's England. An Account of the Life and Manners of his Age. (2 vol. 1916); Oxford: Clarendon Press in Oxford, T. 1. 547: 346–380.
Spencer C. 2000. The British Isles In: The Cambridge World History of Food. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2 v. (XLII, 2153): 1217–1226.

- Strong R. 1998. *The Renaissance Garden in England*. London: Thames and Hudson, cop. 1979, 240.
Thacker C. 1979. *The History of Gardens*. London: Croom Helm, 294.
Williams P. 1969. *Life in Tudor England*. London: B. T. Batsford Limited, 178.

References

- Barton E. 2005. *Povsednevnyaya zhizn' anglichan v epohu Shekspira* [Everyday life of the British in the era of Shakespeare]. M., Publ. Molodaya gvardiya, 242 (in Russian).
Venediktov A.I. 1962. *Iskusstvo Anglii. Arhitektura* [The Art of England. Architecture] In: *Vseobshchaya istoriya iskusstv*. T. 3 (6). *Iskusstvo epohi Vozrozhdeniya*. M., Publ. Iskusstvo, 528: 483–494 (in Russian).
Zyuilen G. van. 2001. *Vse sady mira* [All the gardens of the world]. M., Publ. Astrel': AST, 176 (in Russian).
Sokolova M.V. 2015. *Anglijskij zagorodnyj dom: razvitie idei vlasti i pokrovitel'stva ot epohi absolyutizma k viktorianskomu vremeni* [The English Country House: The Development of the Idea of Power and Patronage from the Era of Absolutism to the Victorian Era]. In: *Istoricheskie issledovaniya*, 2: 115–126 (in Russian).
Airs M. 1998. *The Tudor and Jacobean Country House: A Building History*. Bramley, Stroud: Sutton, 240.
Cecil Evelyn. Mrs., 1896. *A history of gardening in England*. London: Bernard Quaritch, XIV + 405.
Colleman J. 2001. *The Gardener's Labyrinth* In: *Book of the Month and other Virtual Exhibitions Special Collections Department, Library, University of Glasgow, May*, Electronic resource. Available at: <https://www.gla.ac.uk/myglasgow/library/files/special/exhibns/month/may2001.html> (accessed: 21 December 2022).
A Dictionary of the World's Plant Foods In: *The Cambridge World History of Food*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2000. 2 v. (XLII, 2153): 1711–1887: 1857.
Felton S. 1830. *On the portraits of English authors on gardening. Biographical notices*. London: Published by Effingham Wilson, Royal Exchange; and Joseph Onwhyn, Catharine Street, Strand, XXXVIII, 221.
Goodwin G. Hill Thomas (fl. 1590) In: *Dictionary of National Biography*. Vol. XXVI. London, Smith, Elder, & co., 1891, 600. (467+150): 422.
Lee S. 1894. *Mountain Didymus* In: *Dictionary of National Biography*. Volume XXXIX. London: Smith, Elder & Co, 453: 207.
Lees-Milne J. 1951. *Tudor Renaissance*. London: B.T. Batsford, 152.
Prothero R. E. 1916. *Agriculture and Gardening. § 2. Gardening* In: *Shakespeare's England. An Account of the Life and Manners of his Age*. (2 vol. 1916); Oxford: Clarendon Press in Oxford, T. 1. 547: 346–380.
Spencer C. 2000. *The British Isles* In: *The Cambridge World History of Food*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2 v. (XLII, 2153): 1217–1226.
Strong R. 1998. *The Renaissance Garden in England*. London: Thames and Hudson, cop. 1979, 240.
Thacker C. 1979. *The History of Gardens*. London: Croom Helm, 294.
Williams P. 1969. *Life in Tudor England*. London: B. T. Batsford Limited, 178.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 11.01.2023

Received 11.01.2023

Поступила после рецензирования 11.04.2023

Revised 11.04.2023

Принята к публикации 11.04.2023

Accepted 11.04.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Третьякова Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, обществознания и права, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета, г. Арзамас, Россия

Marina V. Tretyakova, Candidate of Historical sciences, docent of the Department of History, Social Science and Law, The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Arzamas, Russia

 [ORCID: 0000-0002-6158-8800](https://orcid.org/0000-0002-6158-8800)

УДК 94 (100)
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-364-376
Оригинальное исследование

Орлеанское восстание рабов 1811 г. в американской историографии

Шумаков А.А.

Тульский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,
Россия, 300000, г. Тула, проспект Ленина, 53
E-mail: takamori@rambler.ru

Аннотация. Данная статья повествует об одном из самых загадочных событий в афроамериканской истории – январском восстании рабов 1811 г. на **Немецком побережье**, которое является еще и самым массовым вооруженным выступлением чернокожих невольников на территории США. «Загадочность» этого события объясняется в первую очередь ограниченностью и тенденциозностью имеющейся источниковой базы, не позволяющей сформировать единого цельного представления о причинах и ходе восстания. В данной работе автор сосредотачивается на анализе истории изучения указанного вопроса, подробно рассматривая труды ведущих специалистов и упоминания о данном событии, а главное – прослеживая динамику изменения восприятия рабского мятежа 1811 г. в американской историографии. Особую актуальность этому исследованию придает еще и то, что тема январского восстания рабов на Немецком побережье до настоящего момента вообще не представлена в отечественной американистике. В ходе своих научных изысканий автор приходит к выводу о необходимости выделения как минимум двух этапов изучения бунта 1811 г., на первом из которых господствовал традиционалистский (консервативный), а на втором – модернистский и формалистский (дедуктивный) подходы. В работе используются описательный, сравнительно-исторический, ретроспективный и каузальный методы исторического исследования.

Ключевые слова: Орлеанское восстание рабов 1811 г., восстание рабов на Немецком побережье, рабство, аболиционизм, Шарль Деслонд, Уильям Чарльз Коул Клэйборн, американская историография, афроамериканская история (Black History)

Для цитирования: Шумаков А.А. 2023. Орлеанское восстание рабов 1811 г. в американской историографии. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 364–376. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-364-376

Orleans Slave Revolt of 1811 in American Historiography

Andrey A. Shumakov

Plekhanov Russian University of Economics in Tula,
53 Lenin Ave., Tula 300000, Russia
E-mail: takamori@rambler.ru

Abstract. This article tells about one of the most mysterious events in African–American history – the January 1811 slave uprising in Louisiana, which, among other things, is also the most massive armed demonstration of black slaves in the United States. The "mystery" of this event is explained primarily by the limited and tendentious nature of the source base, which does not allow forming a coherent idea of the causes and course of the uprising. In this paper, the author focuses on the analysis of the history of the study of this issue, examining in detail the works of leading experts and mentions of this event, and most importantly – tracing the dynamics of the perception of the slave rebellion of 1811 in American historiography. The special relevance of this study is also given by the fact that the topic of the January slave uprising on the German Coast is not represented in any way in domestic American studies. In the

course of his scientific research, the author comes to the conclusion that it is necessary to distinguish at least two stages of the study of the uprising, the first of which was dominated by the traditionalist (conservative), and the second by the modernist and formalist (deductive) approaches. The work uses descriptive, comparative-historical, retrospective and causal methods of historical research.

Key words: Orleans Slave Revolt of 1811, Uprising on the German Coast of 1811, slavery, abolitionism, Charles Deslondes, William Charles Cole Claiborne, American Historiography, African-American history (Black History)

For citation: Shumakov A.A. 2023. Orleans Slave Revolt of 1811 in American Historiography. Via in tempore. History and political science, 50 (2): 364–376 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-364-376

Введение

Это восстание рабов с полным основанием можно назвать одним из самых загадочных и малоизученных событий в истории США. В отличие от Виргинского вооруженного выступления 1831 г. под руководством *Ната Тернера* [Шумаков, 2022, Причины и предпосылки...; Шумаков, 2022, Причина поражения...], ставшего фактически главным символом негритянского сопротивления рабству, а заодно и одной из самых популярных тем академических исследований по направлению «афроамериканская история» (Black History), о январских событиях 1811 г. известно совсем немного. Источниковая база по большей части ограничивается небольшими выдержками из переписки государственных служащих, протоколов и стенограмм судебных заседаний, а также газетными публикациями. Вместе с тем стоит отметить, что представленные источники содержат довольно ограниченный объем информации и практически ничего не сообщают о причинах восстания рабов на Немецком побережье, оставляя тем самым исследователям огромное пространство для выдвижения самых различных предположений относительно произошедшего события.

Разобраться в данном вопросе действительно весьма непросто. Любая попытка углубленного изучения вооруженного выступления рабов 1811 г. неизбежно сталкивается с целым комплексом серьезных проблем, вызванным недостатком и фрагментарностью имеющихся данных. По сохранившимся источникам можно восстановить лишь обобщенную и крайне приблизительную картину хода самого массового восстания рабов в истории США. А если учесть, что почти все наличные источники носят подчеркнуто предвзятый характер и, что самое главное, зачастую не поддаются перепроверке, то указанная задача становится еще более труднодостижимой.

Объект и методы исследования

Общая панорама событий

Суммируя все имеющиеся письменные упоминания, можно предложить следующую картину развития событий. Вечером 8 января 1811 г. группа рабов полковника *Мануэля Андре* внезапно напала на своего хозяина и его сына Гилберта. Последний был жестоко убит, что можно считать едва ли не единственным бесспорным и доподлинно установленным фактом расправы повстанцев над белым человеком, а первому каким-то образом удалось скрыться [Barnes, 2019]. По ряду свидетельств, можно сделать вывод, что во главе мятежа стоял *Шарль Деслонд* – мулат, трудившийся надсмотрщиком на плантации Андре, располагавшейся в 36–40 милях к северо-западу от Нового Орлеана. Именно захват этого города, по всей видимости, и являлся основной целью восставших, о чем говорят показания задержанных рабов. Всего в нападении на плантацию Андре участвовало порядка 25 человек [Rasmussen, 2011, p. 70], но уже на утро в ряды повстанцев влились еще несколько десятков, а может, и сотен человек, которые двинулись маршем в указанном направлении. Продвигаясь к своей главной цели, темнокожие повстанцы захватывали по-

местья, освобождая соплеменников, а также попутно собирая оружие и провиант. При этом почти всем плантаторам, включая тяжелораненного Мануэля Андре, удалось бежать. Документально подтверждено лишь два случая расправы над белыми, причем гибель второго фигуранта – **Франсуа Трепанье** – в ходе восстания ставится под сомнение целым рядом источников и исследователей.

9 января вместе с первыми беженцами (по другой версии – с письмом выше упомянутого Мануэля Андре) весть о рабском мятеже дошла до Нового Орлеана, вызвав панику среди местного белого населения. Губернатор Орлеанской территории **Уильям Клэйборн** сразу же поспешил принять меры по защите города. Он созвал ополчение, ввел комендантский час для чернокожего населения, приказал закрыть таверны, взять под усиленную охрану мосты, дороги, арсеналы, а главное – попросил помощи у высшего военного офицера на территории Нового Орлеана – бригадного генерала **Уэйда Хэмптона**. Последний к 18.00 собрал две роты ополчения и 30 солдат, после чего двинулся навстречу восставшим [Rasmussen, 2011, p. 81]. Вскоре вслед за ним по суше отправился отряд из 40 военных моряков под руководством командора **Джона Шоу**, а со стороны Батон-Руж в это время выдвинулась рота драгунов и легкой артиллерии под командованием майора **Гомера Верджилла Мильтона**.

Утром 10 января У. Хэмpton попытался атаковать мятежников на плантации **Жака Фортье** в 15 милях от Нового Орлеана, но те отступили из лагеря еще ночью [Raquette, 2011]. Тем временем в тылу повстанческой армии наскоро собранные тяжелораненым Мануэлем Андре и **Шарлем Перре** на юго-восточном побережье Миссисипи силы плантаторов нанесли внезапный удар по армии рабов. Перебравшись на восточный берег около дамбы, они встретились с основными силами повстанцев близ плантации **Бернара Бернуди** около 9.00. В ходе непродолжительного боя силы мятежников были рассеяны. Приблизительные потери восставших в этом столкновении составили от 15 до 66 человек, еще от 16 до 50 рабов сдались в плен. Часть мятежников попыталась скрыться от преследования на болотах. Однако спастись удалось далеко не всем. Так, предполагаемый руководитель выступления Шарль Деслонд был схвачен и казнен уже на следующий день. Та же участь постигла и других возможных лидеров восстания, расстрелянных позднее по приговору суда [Шумаков, 2023].

Так выглядит обобщенная панорама восстания на Немецком побережье 1811 г. Однако вместе с тем большая часть приведенных фактов кажется весьма сомнительными, и проверить их едва ли представляется возможным. Как говорилось выше, проблема заключается в скудности и крайней тенденциозности источниковой базы, не дающей возможности в полной мере восстановить обстоятельства восстания и картину событий 8–11 января 1811 г. И тем не менее отдельные попытки разобраться в ситуации все же предпринимались. Именно их анализу и посвящена данная работа.

Результаты и их обсуждение

История изучения

Первым о событиях 1811 г. на Немецком побережье написал местный краевед и политик **Шарль-Этьен Артур Гайарре**. В своем фундаментальном четырехтомном труде «История Луизианы» (1866) он вскользь коснулся темы восстания рабов, посвятив ему всего два абзаца [Gayarré, 1903, p. 266–267].

Местом его начала американский историк называет приход Святого Иоанна Крестителя на левом берегу Миссисипи в 36 милях от Нового Орлеана [Gayarré, 1903, p. 266]. При этом, помимо крайне поверхностного описания событий, текст Гайарре демонстрирует и явную предвзятость по отношению к повстанцам и содержит вполне очевидные неточности. К последним можно отнести «героическую» историю плантатора **Франсуа Трепанье**, которой автор уделяет особое внимание в своем кратком повествовании. Указанный человек, по мнению луизианского историка, отметился тем, что в одиночку сумел остановить восстав-

ших с помощью двуствольного ружья. Гайарре дает этому вполне расистское обоснование: *«Их было около пятисот, и один единственный человек, хорошо вооруженный, держал всех их в страхе. Данный инцидент, в числе многих других, показывает, как мало следует опасаться этого народа, столкнувшегося с высшей расой, чьей заботе Провидение доверило их защиту и постепенную цивилизацию»* [Gayarré, 1903, p. 267]. Однако «подвиг Трепанье» нельзя отнести к установленным фактам. Дело в том, что, согласно сохранившимся свидетельствам, данный плантатор находился в числе жертв восстания. Сохранилось даже надгробие в Красной церкви, на котором на французском языке высечена надпись: *«Франсуа Трепанье, убит восставшими рабами 10 января 1811 года»* [Rasmussen, 2011, p. 139].

Тем не менее стоит отметить, что, несмотря на всю предвзятость, Гайарре крайне неохотно, но все же признает высокий уровень организации «повстанческой армии» и даже намекает на знакомство ее лидеров с военным делом. В частности, американский историк пишет: *«Они шли вдоль реки к городу, разделенные на роты, каждая под командованием офицера, с барабанами и флагами, заставляя чернокожих, которых встречали, присоединяться к своему беспорядочному шествию»* [Gayarré, 1903, p. 266]. Любопытно, что имя Шарля Деслонда в работе Гайарре не упоминается, равно как и имен других участников восстания. Это можно объяснить как неосведомленностью автора, так и сознательным нежеланием лишний раз придавать их широкой огласке.

Что касается разгрома повстанцев, то его автор приписывает «регулярным войскам» под командованием майора Г.В. Мильтона, двигавшимся с северо-запада, и силам генерала У. Хэмптона, наступавшим с юго-востока [Gayarré, 1903, p. 267]. По мнению Гайарре, рабы не оказали достойного сопротивления и *«разбежались во все стороны с дикими криками отчаяния, оставив на поле боя 66 мертвых тел»* [Gayarré, 1903, p. 267]. Большинство пленных были повешены на месте, еще 16 предстали позднее перед судом, некоторые попытались скрыться на болотах [Gayarré, 1903, p. 267]. При этом об отряде Мануэля Андре и Шарля Перре луизианский историк не упоминает вовсе.

Аналогичной точки зрения придерживались профессор Мичиганского университета **Ульрих Боннелл Филлипс** и журналист из Нового Орлеана **Джон Кендалл**. Первый, являясь ведущим специалистом по указанной теме, в своем фундаментальном исследовании 1918 г. «Американское негритянское рабство» [Phillips, 1929] ограничился всего лишь одной строкой упоминания о столь знаковом событии, в то время как второй в своем эссе «Тень над городом» [Kendall, 1939] посвятил восстанию на Немецком побережье целых три страницы.

Так же как и в случае с Гайарре, рассказ Д. Кендалла изобилует явно вымышленными деталями, преувеличениями и неточностями. Даже случай с Ф. Трепанье описывается им примерно в том же ключе, что и в работе своего предшественника. Отличием является то, что, по мнению американского историка, У. Хэмптон командовал силами ополчения, а не регулярными войсками. При этом Кендалл идет еще дальше и откровенно демонизирует восставших, описывая их как дикарей, которые желали «погрузить луизианцев в вечное варварство» [Kendall, 1939, p. 145]. Численность мятежников автор определяет как «около 500 человек», а количество сожженных домов – пятью [Kendall, 1939, p. 145]. В количестве убитых и пленных у Кендалла с Гайарре никаких расхождений не наблюдается, т. к. оба, очевидно, пользовались одними и теми же источниками.

В то же время нельзя не отметить два важных предположения американского журналиста, которые впоследствии найдут отражение во многих исследованиях, посвященных восстанию на Немецком побережье: первое – об активном участии в событиях 1811 г. революционно-настроенных выходцев с Сан-Доминго, второе – о не менее активной поддержке мятежников со стороны пиратов-баратариянцев, промышлявших контрабандой в болотах Южной Луизианы и снабжавших всем необходимым поселения маронов [Kendall, 1939, p. 149]. Впрочем, это предположение опровергает ведущий специалист по истории местного пиратства **Уильям Дэвис** в своей работе «Пираты Лаффита: коварный мир корсаров Залива» [Davis, 2005, p. 529].

Отдельно стоит выделить фундаментальный труд 1829 г. луизианского писателя и юриста **Франсуа-Ксавьера Мартена** «История Луизианы начиная с самого раннего периода», переизданный в 1882 г. [Condon, 1882]. В данной работе разбору восстания 1811 г. посвящен всего один абзац. Локализуя место его начала как «приход Святого Иоанна Крестителя в 36 милях от Нового Орлеана», Мартен описывает организованный марш армии повстанцев на город, который был остановлен регулярными войсками майора Г. Мильтона и генерала У. Хэмптона. Эти силы выдвинулись с различных направлений, окружили и разгромили силы рабов в неопределенном месте [Condon, 1882, p. 349]. О действиях отряда М. Андре автор не упоминает. При этом стоит отметить беспристрастность и непредвзятость изложения, а также критический подход. Например, в отношении численности повстанческой армии Мартен пишет: *«Их точное число так и не было установлено, но утверждалось, что где-то около пятисот»* [Condon, 1882, p. 349].

Основательной ревизии традиционалистские подходы Ш. Гайарре, У. Филлипса и Д. Кенделла к проблеме изучения вооруженного выступления 1811 г. подверг знаменитый нью-йоркский историк **Герберт Аптекер**. В самой известной своей работе «Восстания американских негров-рабов», вышедшей в свет 1943 г., он обрушивается с резкой критикой на У. Филлипса, которого считал своим главным оппонентом. Аптекер фактически открыто обвиняет его в расизме и сознательном искажении исторических реалий. Даже само название работы можно рассматривать как некую инверсию названия фундаментального труда У. Филлипса «Американское негритянское рабство».

Будучи убежденным марксистом, Аптекер настаивает на социально-экономической подоплеке всех рабских выступлений в США. При этом, кардинально расходясь в оценках тех событий с Ш. Гайарре, У. Филлипсом и Д. Кенделлом, он в принципе воспроизводит все ту же фактологическую картину. К примеру, отправной точкой восстания, по мнению историка, стало нападение на плантацию Мануэля Андре, которого Аптекер называет майором, Шарля Деслонда – одним из лидеров, а Гилберта Андре – единственной установленной жертвой восстания [Aptheker, 1974, p. 154–155]. Все описание события занимает в книге менее одной страницы.

Аптекер ссылается на письмо М. Андре, рассказывая об успешных действиях его отряда (80 человек), загнавшего повстанцев в болотистые леса, но все же настаивает на том, что многим рабам удалось избежать гибели, а некоторые даже продолжили грабежи. В то время как окончательный разгром восставших «рано утром 10 января» [Aptheker, 1974, p. 155] завершили силы У. Хэмптона (400 ополченцев и 60 солдат) и Г. Мильтона (200 солдат) [Aptheker, 1974, p. 155]. При этом самого Деслонда американский автор называет «свободным мулатом с Сан-Доминго» [Aptheker, 1974, p. 65], а численность его армии оценивает в 400–500 человек [Aptheker, 1974, p. 154].

Первой попыткой серьезного критического анализа на основе первичных источников стала статья луизианского историка **Джеймса Х. Дормона** «Постоянный призрак: восстание рабов в территориальной Луизиане» [Dormon, 1977]. В данной работе автор отмечает тенденциозность имеющейся источниковой базы по истории рабских восстаний начала XIX в. и непреодоленный дуализм в изучении данного феномена, мешающий установлению истинной картины произошедшего. Традиционалистскому подходу Д. Кенделла и модернистскому Г. Аптекера он фактически противопоставляет скрупулезную проработку источниковой базы.

Как и его предшественники Д. Кендалл и Г. Аптекер, Д. Дормон особо выделяет страх белого населения Луизианы перед рабским восстанием. *«Ясно, что призрак восстания черных был постоянной реальностью в умах белых. И белые страхи снова и снова отражались в сообщениях о заговорах или слухах о волнениях рабов»* [Dormon, 1977, p. 393], – заключает автор. Признавая возможность доминганского происхождения Шарля Деслонда, Дормон называет его собственностью хозяйки плантации, вдовы Жана-Батиста Деслонда, находящимся на временной работе у Мануэля Андре [Dormon, 1977, p. 395]. В своем утверждении американский историк опирается на протокол допроса одного из участников восстания.

Сам ход выступления Д. Дормон описывает примерно так же, как и его предшественники, упоминая атаку М. Андре близ плантации Франсуа Бернара Бернуди и его письмо Д. Клэйборну с просьбой о помощи, в ответ на которое губернатор направил вооруженные части под командованием У. Хэмптона и Г. Мильтона, завершившие фактический разгром «повстанческой армии».

Несомненным достоинством работы является попытка восстановления хронологии событий и маршрута движения восставших. После нападения на плантацию М. Андре вечером 8 января повстанцы провели встречу с представителями соседних рабских общин и маронов, обитавших в окрестных лесах, многие из которых согласились присоединиться к их маршу на Новый Орлеан. К полудню 9 января мятежники достигли плантации Жака Фортье, где «предавались грабежу и пьянству». Автор утверждает, что вне зависимости от того, имел ли место данный факт на самом деле, белые жители в округе оказались сильно напуганы мятежом. Началось массовое бегство, таким образом, весть о восстании докатилась до Нового Орлеана [Dormon, 1977, p. 394]. Выдвижение отряда Мануэля Андре, состоявшего из 80 ополченцев, по данным Дормона, произошло «в течение 24 часов с момента убийства его сына» [Dormon, 1977, p. 397]. Численность восставших Дормон оценивает как «от 150 до 500 человек».

При этом, опираясь на сообщение Андре губернатору Клэйборну и судебные протоколы, историк утверждает, что лидеры мятежников находились верхом на лошадях, «под знаменем», а некоторые рабы даже были одеты в униформу. Вместе с тем автор указывает на критическую нехватку у повстанцев огнестрельного оружия и военной выучки, вынудившую их после непродолжительного боя отступить в лес [Dormon, 1977, p. 397]. Отряд Андре продолжил преследовать «армию рабов», а сам полковник отправил письму губернатору Клэйборну с просьбой прислать подкрепление. Утром 11 января, когда «отряд Хэмптона соединился с отрядом майора Мильтона на плантации Дестрехан, все, что напоминало военную операцию, уже закончилось» [Dormon, 1977, p. 398].

Необычную попытку анализа рассматриваемых событий предпринял **Томас М. Томпсон**, защитивший в 1990 г. магистерскую диссертацию в Университете Нового Орлеана на тему «Национальная газета и законодательные реакции на Луизианское восстание рабов под руководством Деслонда в 1811 году» [Thompson, 1990]. Необычность его заключается в том, что в своей реконструкции событий автор опирается почти исключительно на газетные публикации. В итоге картина, по мнению Томпсона, выглядела следующим образом: восстание началось «холодным и дождливым вечером 8 января» [Thompson, 1990, p. 7] с нападения на плантацию М. Андре, где мятежники завладели несколькими единицами оружия, лошадьми, порохом и запасами спиртного, примерно в 16.00 следующего дня они достигли имения Фортье, где в ночь с 9 на 10 января были разгромлены подошедшими объединенными силами генерала У. Хэмптона и майора Г.В. Мильтона. Финал автор описывает так: *«Когда битва закончилась, – если это можно так назвать, поскольку она больше походила на резню, – 66 рабов лежали мертвыми, 16 в плену и 17 пропали без вести. Многочисленные неисчислимы тела оставались разбросанными по лесу – жертвы перестрелки, которая продолжалась до тех пор, пока поблизости не удалось обнаружить других подозреваемых чернокожих. На следующий день местные плантаторы наняли индейцев, чтобы те разыскали и убили или захватили в плен всех чернокожих, все еще прятавшихся в лесах»* [Thompson, 1990, p. 7]. Примечательным фактом является утверждение Томпсона о том, что сам Шарль Деслонд находился в числе 75 задержанных рабов и был доставлен для судебного разбирательства [Thompson, 1990, p. 8].

Следующим реконструировать события 1811 г. попытался историк-марксист **Альберт Трэшер**. Опираясь на 168 страниц материалов первоисточников, собранных бывшим активистом движения на гражданские права и основателем Афроамериканского исторического общества Нового Орлеана **Леоном Уотерсом**, в 1996 г. он выпустил сборник документов «На Новый Орлеан! Героическое восстание рабов в Луизиане 1811 года» [Thrasher,

1996], где непосредственно авторскому анализу истории интересующего нас события посвящено 24 страницы. Трэшер утверждал, что белых жертв восстания было гораздо больше, а само оно имело огромное значение. *«Это восстание, – писал историк, – стимулировало целый ряд революционных выступлений среди африканских рабов в США в последующие годы. Это продолжило и укрепило традицию революционной борьбы среди африканских рабов на Орлеанской территории, которая никогда не утихнет»* [Rasmussen, 2011, p. 137]. Трэшер также выдвигает гипотезу, что, согласно первоначальному замыслу, еще одним очагом восстания должен был стать сам Новый Орлеан, где местные рабы планировали захватить арсеналы еще до подхода основных сил под командованием Шарля Деслонда. В национальном архиве он даже нашел упоминание о беспорядках в городе в это время [Thrasher, 1996, p. 56–57] и связал их с восстанием.

Нельзя не заметить, что, критикуя традиционалистские подходы своих предшественников, Трэшер впадает в другую крайность, откровенно идеализируя повстанцев. Его работа, не лишенная достоинств и опирающаяся на обширную источниковую базу, больше напоминает политический памфлет, обличающий расовые предрассудки, жестокость рабовладельцев и несправедливость института рабства, а не беспристрастное академическое исследование. Трэшеру свойственна категоричность суждений и абсолютизация выводов. Например, американский автор рассматривает выступление 1811 г. не просто как восстание, а как попытку «осуществления революции под влиянием гаитянских событий». При этом А. Трэшер для драматизации отдельных моментов повествования и предания повстанцам ореола мученичества явно добавляет детали и сюжетные линии собственного сочинения без каких-либо ссылок на первоисточники.

Вышеупомянутый американский исследователь пиратства *Уильям Дэвис* в известной работе также уделяет место восстанию рабов 1811 г. Его анализ занимает около полутора страниц и фактически полностью повторяет описания Д. Дормона и А. Трэшера. С той лишь разницей, что Дэвис считает преувеличенной численность повстанческой армии в 500 человек, называя указанную цифру «раздутой паническими сообщениями». Реальное же количество рабов, по мнению автора, составляло чуть более 100 человек [Davis, 2005].

В 2005 году выходит работа профессора истории Джорджтаунского университета *Адама Ротмана* «Страна рабов: американская экспансия и истоки Глубокого Юга» [Rothman, 2005], в которой автор уделяет внимание причинам восстания. Вот только, в отличие от А. Трэшера, он делает акцент не на оценочных суждениях и воспроизведении источниковой базы, которую автор называет крайне субъективной, а на ее расширении. В частности, американский автор активно использует данные переписи, описи имущества местных помещиков и биографические сведения о ключевых участниках событий. *«Как и во многих других случаях заговора и восстания рабов, доказательства восстания отрывочны, к тому же большая часть их была предоставлена людьми, непосредственно участвовавшими в подавлении восстания. Неизбежно, что источники (которые включают переписку между правительственными чиновниками, судебные протоколы и стенограммы судебных заседаний, а также газетные статьи) рассказывают больше о том, как закончилось восстание, а не о том, почему оно началось. Эти пробелы и предубеждения следует рассматривать не только как проблему, но и как симптом дисбаланса сил, который поддерживал рабство и позволял ему распространяться»* [Rothman, 2005, p. 106], – пишет Ротман, практически дословно повторяя тезис Д. Дормона.

Особое место историк уделяет проработке вопроса определения причин, предпосылок и предыстории вооруженного выступления рабов, что позволяет ему зачастую приходиться к весьма интересным выводам. Например, Ротман выдвигает предположение об активном участии в восстании беглых рабов. Он даже иллюстрирует это утверждение установленным фактом, что среди убитых и казненных оказались имена двух невольников, которые за год до этого совершили побег [Rothman, 2005, p. 109]. Еще более смелым предположением является связь рабского бунта в Луизиане с восстанием 1810 г. в Новой Испании под руководством

Мигеля Идальго. Весть о последнем, по мнению Ротмана, вполне могла докатиться до Нового Орлеана и вдохновить тамошних рабов на выступление [Rothman, 2005, p. 109].

В описании хода мятежа Ротман придерживается того же нарратива, что и его предшественники, но снабжает его большим количеством деталей и важных уточнений. Так, например, американский историк упоминает об остановке армии рабов численностью в 200–300 человек на сахарной плантации Фортъе, куда они прибыли около 16.00 9 января [Rothman, 2005, p. 111]. Но, самое главное, Ротман, опираясь на прямые и косвенные источники, поименно называет многих участников выступления и суммирует имеющиеся статистические данные. *«Из 115 рабов, убитых, заключенных в тюрьму или пропавших без вести по состоянию на 18 января, 15 были с плантации Андре, 13 – с поместья Мейллон, 11 – с плантации Кеннера и Хендерсона, 8 – с плантации Даниэля Кларка, 7 – с плантации Ахилла Труара, 7 – с плантации Джорджа Венпрендера, 6 – вдовы Трепанье и 6 – вдовы Жоржа Деслонда, в дополнение к другим, с более чем двадцати плантациями»* [Rothman, 2005, p. 111–112], – отмечает автор.

Подавление восстания он описывает, практически в точности повторяя рассказ Д. Дормона, но дополняя его новыми уточняющими деталями: *«На мятежников надвигалось несколько групп вооруженных людей. Первым был сбор примерно из 80 добровольцев с западного берега Немецкого побережья, организованный Шарлем Перре и раненым, осиротевшим Мануэлем Андре, который сбежал от нападавших и переправился через реку. В отряд Перре входило несколько свободных цветных людей, которых он позже похвалил за их «неутомимое рвение и бесстрашное мужество». Регулярные войска и две роты городских добровольцев, служивших под командованием генерала Уэйда Хэмптона, также выдвинулись навстречу повстанцам. Джон Шоу, командующий флотом в Новом Орлеане, отправил группу из нескольких морских офицеров и сорока матросов, которые присоединились к отряду Хэмптона, когда они шли вверх по реке «по дорогам, наполовину погруженным в грязь». Третий отряд легкой артиллерии и драгун под командованием майора Гомера Мильтона поднимался по реке по пути в Батон-Руж; они развернулись, когда узнали о восстании, и направились к Немецкому побережью. Еще одна разношерстная группа из примерно сотни добровольцев собралась возле плантации Фортъе вечером 9 числа»* [Rothman, 2005, p. 113–114].

Отдельного упоминания восстание 1811 г. удостоилось в энциклопедии под редакцией профессора **Джуниуса Петера Родригеса** 2007 г. «Рабство в Соединенных штатах» [Rodriguez, 2007, p. 315–316], в котором в сокращенном варианте воспроизводится повествование все того же Д. Дормона. Единственное отличие заключается в том, что локализация начала восстания – приходы Святого Чарльза и Святого Иоанна – отмечается в 40 милях (а не в 36) от Нового Орлеана, а количество погибших значится «примерно 60» (а не 66). Впрочем, это можно списать на неточность.

2008 г. ознаменовался выходом магистерской диссертации **Натана Бумана** «Убивать белых: восстание рабов в Луизиане в 1811 г.» [Vuman, 2008], защищенной в Университете Луизианы. На 98 страницах автор проводит довольно подробный и обстоятельный анализ указанных событий.

Третья, четвертая и частично пятая главы исследования посвящены рассмотрению комплексов причин и предпосылок восстания. Исследователь выделяет социальные (рост городского населения, усиление эксплуатации рабов и расового контроля, формирование «трехкастового» общества), экономические (господство крупных плантаций и небольших фермерских хозяйств, роль Миссисипи как важнейшей транспортной артерии и в системе орошения, значительная роль теневой экономики, сахарный бум, особенности хозяйственного цикла), демографические (рост негритянского населения, в том числе за счет эмиграции из Сан-Доминго), этнокультурные (мультикультурность региона, влияние идей Французского просвещения и Великой Французской революции, значительный процент франко- и испаноговорящих поселенцев), климатические (наличие неосвоенной и труднопроходимой области болотистых лесов, служивших надежным укрытием для беглых ра-

бов), внешнеполитические (Гаитянская революция, продажа Луизианы и испанское влияние) и внутривластные (политика губернатора У.Ч. Клэйборна, ограничительные законы) факторы, способствующие складыванию взрывоопасной ситуации.

Ход восстания подробно воспроизводится Н. Буманом в пятой главе. При этом автор специально упоминает о тенденциозности и противоречивости источниковой базы [Vuman, 2008, p. 66]. Начало восстания Буман напрямую связывает с окончанием уборки урожая. Данный период предоставлял рабам ограниченную свободу, а белых плантаторов делал наиболее уязвимыми из-за череды празднеств [Vuman, 2008, p. 67]. Опираясь на материалы дела, автор отмечает, что план восстания был тщательно проработан и согласован 5 января на тайной встрече, организованной Ш. Деслондом. Причем, по словам Бумана, все проходило в обстановке строжайшей секретности. 7 января заговорщики даже задержали одного из рабов Элизабет Трепанье, которого подозревали в предательстве [Vuman, 2008, p. 68]. Учитывая негативный организационный опыт Вирджинских заговоров рабов 1800 и 1802 г. [Шумаков, Заговор Габриэля..., 2022], раскрытых в результате предательства, данную меру можно назвать вполне обоснованной и логичной. Вслед за А. Трэшером Н. Буман предполагает, что план включал в себя одновременное продвижение к Новому Орлеану и восстание в городе [Vuman, 2008, p. 69–70].

Описание первого эпизода автор дополняет важной деталью. По его мнению, целью повстанцев должен был стать склад боеприпасов и оружия на плантации М. Андре. Однако расчет Деслонда и его «лейтенантов» оказался неверным, т. к. основные запасы оружия были вывезены еще в конце 1810 г. [Vuman, 2008, p. 71].

Безусловным достоинством работы является еще более детальное восстановление маршрута продвижения повстанческой армии. После имения Андре рабы проследовали на плантацию Анны Бод Паумет Деслонд, затем прошли через плантации Ахилла Труара, Жана Трепанье, Пьера Пэна и Александра Лабранша, Бернара Бернуди, Шарбонне, Ричарда Батлера и Сэмюэля Маккатчена, Жана Арно, Жана Ноэля Дестреана и, наконец, оказались в имении Фортье. Ключевую роль в разгроме Буман отвел отряду Мануэля Андре, переправившемуся на восточный берег и внезапно атаковавшему восставших около плантации Бернуди. В то время как роль сил У. Хэмптона и Гомера Мильтона в разгроме рабов определяется им как чисто вспомогательная, а о действиях отряда Джона Шоу в своем описании автор не упоминает вовсе. Зато особое внимание Н. Буман уделяет подготовке города к обороне. *«Клэйборн полностью сосредоточил свое внимание на наступающей африканской армии. После командующий Буллингни начал патрулирование Немецкого побережья, Клэйборн приказал Хэмптону «выставить охрану на мосту Байю с инструкцией офицеру не допускать негров к мосту и не переправляться через него. Он хотел создать укрепленные узкие места, чтобы сдержать продвижение повстанцев, готовясь к возможной контратаке»*, [Vuman, 2008, p. 77] – писал он. В своих рассуждениях Буман явно опирается на переписку У. Клэйборна.

Безусловно, самым масштабным и известным исследованием восстания 1811 г. является труд бостонского историка *Дэниэла Расмуссена* «Нерассказанная история крупнейшего восстания рабов в Америке» [Rasmussen, 2011]. Несмотря на крайне высокие оценки данной работы в американском академическом сообществе⁷ [About Daniel Rasmussen, 2020] и восторженные отзывы ведущих изданий [The Latest Reviews of American Uprising, 2020], с научной точки зрения указанная монография далеко не безупречна и вызывает ряд серьезных вопросов. Она, буквально, переполнена явно вымышленными художественными деталями, а используемый ссылочный аппарат зачастую не позволяет установить источник того или иного утверждения автора.

Как и Адам Ротман, Расмуссен сосредотачивается на воссоздании атмосферы хозяйственного быта на плантациях близ Нового Орлеана и биографиях рабов и плантаторов.

⁷ Например, диссертация Д. Расмуссена на тему Луизианского восстания была удостоена премии Кэтрин Энн Хаггинс, премии Перри Миллера и премии Томаса Темпла Хупса и высшей академической награды Гарварда.

Примечательно, что главным героем его рассказа стал не Шарль Деслонд, а рабы Джеймса Брауна – Кук и Куамана, прибывшие из Африки в 1806 г.

Д. Расмуссен не утруждает себя подробным анализом объективных причин, останавливаясь на выделении безусловного влияния Гаитянской революции, которому посвящает отдельную главу. Далее автор делает довольно странное утверждение: *«Нигде в Америке рабство не было таким эксплуататорским, а прибыль не была столь высокой, как на тростниковых полях Луизианы. Рабы работали дольше, подвергались более жестоким наказаниям и жили меньше, чем в любом другом рабовладельческом обществе в Северной Америке»* [Rasmussen, 2011, p. 35]. Расмуссен не поясняет, на основании чего он пришел к подобным выводам. Описывая политическую жизнь Луизианы, американский историк безапелляционно заявляет, что основными противоречиями были споры по поводу политики «американизации», проводимой новым губернатором У. Клэйборном, в то время как вопрос рабского восстания не стоял на повестке дня. *«Сосредоточенные на политических интригах, они не замечали все более радикального тона политических дискуссий в рабских кварталах. Они не смогли понять, что настоящий конфликт в сердце Нового Орлеана был не между французами и американцами, а между белой элитой и огромным африканским низшим классом»*, – писал Д. Расмуссен [Rasmussen, 2011, p. 43]. Данное утверждение идет вразрез с другими исследованиями, отмечавшими постепенное нарастание сопротивления со стороны рабской общины.

Другой важной сюжетной линией в повествовании Расмуссена является американо-испанское противостояние, которое, по мнению автора, отвлекало внимание губернатора. *«Захваченный своими экспансионистскими планами, он даже не замечал необычного боя африканских барабанов на рыночной площади и не подозревал об угрозе, кипевшей под безмятежной поверхностью плантации за городом»* [Rasmussen, 2011, p. 50], – писал выпускник Гарварда Д. Расмуссен.

Что касается мотивов, то автор и вовсе ограничивается одними предположениями: *«Мы никогда не узнаем, что мотивировало это судьбоносное решение, какие факторы Шарль взвешивал, когда решил отказаться от безопасности и привилегий своего положения и стал самостоятельно замысливать уничтожение системы, из которой он, по сути, извлекал прямую выгоду. Возможно, мать Шарля нашептала ему историю собственного изнасилования или внушила ему чувство гнева и негодования по отношению к классу белых плантаторов. Возможно, у сыновей и братьев семьи Трепанье женищина Шарля использовалась для развлечения. Возможно, Шарль больше не мог соглашаться жестоко избивать своих братьев-рабов. Возможно, он не мог вынести обиды, ревности и ожесточения всех тех, кто трудился по восемнадцать часов в день в поле под его командованием и управлением»* [Rasmussen, 2011, p. 60].

Описание самого восстания изобилует невероятным количеством ярких и явно художественных деталей, большинство из которых, несомненно, являются плодами фантазии автора. Сам же маршрут продвижения к Новому Орлеану Расмуссен обозначает следующим образом: плантация Мануэля Андре – плантация Ахилла Труара – плантация Александра Лабранша – плантация Адларда Фортье – плантация Джеймса Брауна – плантация Франсуа Трепанье – плантация Бернара Бернуди – Красная церковь – плантация Дестреан – плантация Мейлиона – плантация Кеннера и Хендерсона – плантация Фортье. Единственным, кто оказал сопротивление, был Франсуа Трепанье. Примерно в 18.00 9 января началось выдвижение навстречу мятежникам отрядов У. Хэмптона (две роты добровольческого ополчения и тридцать регулярных солдат) и Д. Шоу (40 моряков). Арьергардное столкновение повстанцев (порядка 200 человек) с отрядом (80 человек) Мануэля Андре и Шарля Перре близ плантации Бернуди состоялось после этого 10 января. Расмуссен выделяет факторы внезапности, лучшей подготовки, достаточного запаса боеприпасов и удобного ландшафта, позволившие плантаторам разгромить рабов. И тем не менее американский историк настаивает на ожесточенном сопротивлении повстанцев, лишившихся 15–20 человек убитыми и 50 пленными – по данным некоего испанского шпиона, или 40–45 убитых и 25 пленных – по свидетельству самого Шарля Перре [Rasmussen, 2011, p. 94]. Расмуссен напоминает о встрече отрядов Г. Мильтона и

У. Хэмптона, но не придает этому факту решающего значения. Зато детально описывает попытку атаки последнего на укрепления повстанцев на сахарном заводе Жака Фортье, предпринятую в 4.00 9 января. Рабы, по мнению автора, не оказали сопротивления и отступили на северо-запад (15 миль) к плантации Бернуди. Расмуссен называет «классической западноафриканской военной уловкой, сработавшей просто изумительно» [Rasmussen, 2011, p. 88–89]. При этом стоит отметить, что, в отличие от своих предшественников, автор меняет последовательность событий. По его мнению, столкновение на плантации Бернуди состоялось спустя пять часов после занятия силами Хэмптона имения Фортье.

Заключение

Таким образом, историю изучения январского восстания рабов 1811 г. можно условно разделить на два этапа.

На первом – с 1811 по 1939 – наблюдается господство традиционалистских (консервативных) трактовок рассматриваемого события, согласно которым причиной выступления стал некий корыстный умысел кучки чернокожих заговорщиков, стремление к грабежу и пьянству со стороны местного чернокожего населения, а также фактор внешнего влияния (Испания и Гаити). Причем все указанные причины не раскрываются, а просто допускаются, что называется, по умолчанию. Это обусловлено как доминированием расистских представлений, так и скудностью и тенденциозностью источниковой базы. Основная опора делается именно на газетные публикации, которые практически не подвергаются критическому осмыслению и зачастую и вовсе воспроизводятся в первоначальном варианте. Трансляция данных нарративов приводит к явным ошибкам, таким как игнорирование роли отряда М. Андре и Ш. Перре, известного в основном по переписке, и гиперболизированная газетная история «героя-одиночки» Франсуа Трепанье. При этом нужно отметить, что во всех приведенных работах речь идет не о полноценном исследовании восстания, а лишь об упоминании. Иными словами, ни один из авторов на этом этапе не ставил своей целью проведение подробного анализа указанного события.

Второй период – с 1939 по наши дни – ознаменовался отходом от устаревшего традиционалистского подхода. На этом этапе в американской историографии изучения восстания 1811 г. отчетливо просматриваются две разнонаправленные, но в то же время взаимодополняющие тенденции. Первая связана с пересмотром прежних представлений о событии и попытками внедрения марксистского (прогрессивистского) анализа, выраженного в работах Г. Аптекера и А. Трэшера. Так же как и в случае с традиционалистским подходом, этим попыткам недостает все того же критического подхода и внимания к конкретным деталям. Оба автора используют сюжет восстания для иллюстрации своих тезисов, не сильно утруждая себя поиском доказательств и восстановлением хронологии. Вторая же тенденция, напротив, предполагает беспристрастный формалистский подход, который выражается в скрупулезном рассмотрении, воспроизведении и расширении источниковой базы, а также сознательном избегании обобщающих выводов. Главным его недостатком является то, что особое внимание к деталям, как правило, не позволяет увидеть важные закономерности и провести необходимые параллели.

Несмотря на все перечисленные проблемы, связанные с изучением, и отсутствие полноценных исследований, стоит отметить, что за последние годы интерес к восстанию на Немецком побережье 1811 г. в американском обществе все же заметно вырос. Примером этому служит выход целого ряда исследований, самым известным из которых стала книга Д. Расмуссена, а также открытие нескольких музеев и туристических маршрутов [Johnson, 1996, p. 52] на месте событий. В 2019 г. состоялась реконструкция восстания, организованная известным чикагским художником *Скотом Тайлером* (псевдоним Дред Скотт) [Reenacting the German Coast Uprising, 2019]. Это позволяет надеяться на то, что в скором будущем указанная тема станет не менее популярной, чем восстание Ната Тернера.

Список литературы

- Шумаков А. А. 2022. Заговор Габриэля 1800 г.: история несостоявшегося восстания. Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Т. 8. 3 (31): 125–142.
- Шумаков А. А. 2023. Орлеанское восстание рабов 1811 г.: причины, ход, последствия. Вестник Брянского государственного университета. 1 (55): 163–172.
- Шумаков А.А. 2022. Причина поражения восстания Ната Тернера. Via in tempore. История. Политология. Т. 49. 3: 563–574.
- Шумаков А.А. 2022. Причины и предпосылки восстания Ната Тернера в американской историографии. Вестник Брянского государственного университета. 2 (52): 154–163.
- About Daniel Rasmussen. 2020. URL: <http://www.danrasmussen.net/about-the-author/> (дата обращения: 10 декабря 2022).
- Aptheker H. 1974. American Negro Slave Revolts, new edition, New York: International Publishers, (original edition: Columbia University Press, 1943), 565.
- Barnes R.L. 2019. America's Largest Slave Revolt. The German Coast Uprising of 1811. URL: <https://ushistoryscene.com/article/german-coast-uprising/> (дата обращения: 10 декабря 2022).
- Buman N.A. 2008. To kill whites: the 1811 Louisiana slave insurrection. LSU Master's Theses. Louisiana State University and Agricultural and Mechanical College, 98.
- Condon J.F., Howe W.W., Martin F.-X. 1882. The history of Louisiana, from the earliest period. New Orleans: James A. Gresham, 469.
- Davis W.C. 2005. The Pirates Lafitte: The Treacherous World of the Corsairs of the Gulf. Orlando, FL: Harcourt, Inc., 706.
- Dormon J.H. 1977. The Persistent Specter: Slave Rebellion in Territorial Louisiana. Louisiana History 28 (Fall 1977), 389–404.
- Gayarré C. 1903. History of Louisiana. New Orleans: F.F. Hansell & Bro., Ltd. V. 4, 591.
- Johnson M. 1996. Louisiana, Why Stop?: A Guide to Louisiana's Roadside Historical Markers, Houston: Gulf Publishing Co., 158
- Kendall J. S. 1939. Shadow Over the City. Louisiana Historical Quarterly 22 (January 1939), 142–65.
- Paquette P.L. German Coast Slave Insurrection of 1811. German Coast Slave Insurrection of 1811. 2011. URL: <https://64parishes.org/entry/slave-insurrection-of-1811> (дата обращения: 10 декабря 2022).
- Phillips U.B. 1929. American Negro slavery: a survey of the supply, employment and control of Negro labor as determined by plantation régime. New York: Appleton, 523.
- Rasmussen D. 2011. American Uprising: The Untold Story of America's Largest Slave Revolt. New York: Harper, 200.
- Reenacting the German Coast Uprising. 2019. URL: <https://64parishes.org/reenacting-the-german-coast-uprising> (дата обращения: 10 декабря 2022).
- The Latest Reviews of American Uprising. 2020. URL: <http://www.danrasmussen.net/the-latest-reviews/> (дата обращения: 10 декабря 2022).
- Thompson T.M. 1990. National Newspaper and Legislative Reactions to Louisiana's Deslondes Slave Revolt of 1811: A Thesis. ...master's thesis, University of New Orleans, 29.
- Thrasher A, ed. 1996. On to New Orleans! Louisiana's Heroic 1811 Slave Revolt. 2nd ed. New Orleans: Cypress Press, 317.
- Rodriguez J.P. 2007. Slavery in the United States: A Social, Political, and Historical Encyclopedia, two volumes. Santa Barbara, California Denver, Colorado Oxford, England, 793.

References

- Shumakov A. A. 2022. Zagovor Gabrielya 1800 g.: istoriya nesostoyavshegosya vosstaniya [Gabriel's Plot of 1800: The Story of the Failed Uprising]. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates. Tom 8. 3 (31): 125–142.
- Shumakov A. A. 2023. Orleanskoe vosstanie rabov 1811 g.: prichiny, hod, posledstviya [Orleans Slave Revolt of 1811: causes, course, consequences]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 1 (55): 163–172.
- Shumakov A.A. 2022. Prichina porazheniya vosstaniya Nata Ternera [Reasons for the defeat of the Nat Turner uprising]. Via in tempore. Istoriya. Politologiya. T. 49. 3: 563–574.

- Shumakov A.A. 2022. Prichiny i predposylki vosstaniya Nata Ternera v amerikanskoj istoriografii [The causes and prerequisites of the Nat Turner uprising in American historiography]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2 (52): 154–163
- About Daniel Rasmussen. 2020. URL: <http://www.danrasmussen.net/about-the-author/> (дата обращения: 10 декабря 2022).
- Aptheker H. 1974. American Negro Slave Revolts, new edition, New York: International Publishers, (original edition: Columbia University Press, 1943), 565.
- Barnes R.L. 2019. America's Largest Slave Revolt. The German Coast Uprising of 1811. URL: <https://ushistoryscene.com/article/german-coast-uprising/> (дата обращения: 10 декабря 2022).
- Buman N.A. 2008. To kill whites: the 1811 Louisiana slave insurrection. LSU Master's Theses. Louisiana State University and Agricultural and Mechanical College, 98.
- Condon J.F., Howe W.W., Martin F.-X. 1882. The history of Louisiana, from the earliest period. New Orleans: James A. Gresham, 469.
- Davis W.C. 2005. The Pirates Lafitte: The Treacherous World of the Corsairs of the Gulf. Orlando, FL: Harcourt, Inc., 706.
- Dormon J.H. 1977. The Persistent Specter: Slave Rebellion in Territorial Louisiana. Louisiana History 28 (Fall 1977), 389–404.
- Gayarré C. 1903. History of Louisiana. New Orleans: F.F. Hansell & Bro., Ltd. V. 4, 591.
- Johnson M. 1996. Louisiana, Why Stop?: A Guide to Louisiana's Roadside Historical Markers, Houston: Gulf Publishing Co., 158
- Kendall J. S. 1939. Shadow Over the City. Louisiana Historical Quarterly 22 (January 1939), 142–65.
- Paquette P.L. German Coast Slave Insurrection of 1811. German Coast Slave Insurrection of 1811. 2011. URL: <https://64parishes.org/entry/slave-insurrection-of-1811> (дата обращения: 10 декабря 2022).
- Phillips U.B. 1929. American Negro slavery: a survey of the supply, employment and control of Negro labor as determined by plantation régime. New York: Appleton, 523.
- Rasmussen D. 2011. American Uprising: The Untold Story of America's Largest Slave Revolt. New York: Harper, 200.
- Reenacting the German Coast Uprising. 2019. URL: <https://64parishes.org/reenacting-the-german-coast-uprising> (дата обращения: 10 декабря 2022).
- The Latest Reviews of American Uprising. 2020. URL: <http://www.danrasmussen.net/the-latest-reviews/> (дата обращения: 10 декабря 2022).
- Thompson T.M. 1990. National Newspaper and Legislative Reactions to Louisiana's Deslondes Slave Revolt of 1811: A Thesis. ...master's thesis, University of New Orleans, 29.
- Thrasher A, ed. 1996. On to New Orleans! Louisiana's Heroic 1811 Slave Revolt. 2nd ed. New Orleans: Cypress Press, 317.
- Rodriguez J.P. 2007. Slavery in the United States: A Social, Political, and Historical Encyclopedia, two volumes. Santa Barbara, California Denver, Colorado Oxford, England, 793.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 06.12.2022

Received 06.12.2022

Поступила после рецензирования 25.02.2023

Revised 25.02.2023

Принята к публикации 25.02.2023

Accepted 25.02.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шумаков Андрей Андреевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Тульский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Тула, Россия

Andrey A. Shumakov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanitarian Disciplines, Tula Branch of the Russian University of Economics. G.V. Plekhanov, Tula, Russia

 [ORCID: 0000-0003-4184-6232](https://orcid.org/0000-0003-4184-6232)

УДК 94(3)+172.15(497.5)

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-377-384

Оригинальное исследование

Иллиризм как основа становления хорватской национальной идентичности

Мишнев С.Н. , Черномурова А.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: 1394191@bsu.edu.ru, 1377361@bsu.edu.ru

Аннотация. В конце XVIII в. миру была явлена идеология национализма, распространившаяся в Западной Европе в ходе наполеоновских войн. Она же проникла в начале XIX в. в южнославянские земли Балканского п-ова. События конца XX – нач. XXI вв. в Восточной Европе заставляют нас обратить свой взор к древним истокам истории данного региона как к источнику их генезиса. Статья посвящена исследованию эволюции термина «иллиризм», его содержательным изменениям применительно к сербохорватской истории, а также роли в нём концептов античной истории. Особое внимание в статье уделено такому феномену XIX века, как иллирийское движение, а также фигуре его основоположника, лингвиста Людевита Гая – создателя гаевицы, современной хорватской письменности на основе латинского алфавита и наследия Яна Гуса. Также рассматривается литературное наследие «иллирийцев» Деметра Димитрие и Ивана Мажуранича. В частности, примечательно их обращение к классической античности и к истории древних иллирийцев, в которой особую роль играет фигура царицы Тевты. На этих и иных примерах продемонстрировано использование рецепции античности для реализации тех или иных культурно-идеологических целей хорватской национальной идеи. В качестве итога данного процесса анализируется феномен Венского литературного соглашения 1850 года, которое позволило реализоваться общему сербохорватскому литературному языку в виде двух субдиалектов штокавского диалекта сербохорватского разговорного языка.

Ключевые слова: иллиризм, античность, гаевица, сербохорватский язык, панславизм, национализм

Благодарности: Работа подготовлена при поддержке гранта НИУ «БелГУ» для создания и развития молодежных студий научно-инновационного творчества (приказ ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ» № 992-ОД от 22.08.2022). Студия «Цитадель «Хронос»; проект «От древней истории к новым нациям: этнос, нация, национализм в прошлом и настоящем» (научный руководитель студии д-р ист. наук, проф. Н.Н. Болгов).

Для цитирования: Мишнев С.Н., Черномурова А.Н. 2023. Иллиризм как основа становления хорватской национальной идентичности. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 377–384. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-377-384

The Illyrian Movement as the Basis of Genesis of the Croatian National Identity

Sergey N. Mishnev , Alexandra N. Chernomurova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: 1394191@bsu.edu.ru, 1377361@bsu.edu.ru

Abstract. By the end of the 18th century, the ideology of nationalism was revealed to the world, which spread in Western Europe during the Napoleonic wars. It also had spread in the South Slavic lands of the Balkan Peninsula's western part at the beginning of the 19th century. The events of the late 20th and early

21st centuries in Eastern Europe force us to turn our attention to the ancient origins of the history of this region as the source of their genesis. The article is devoted to the study of the evolution of the term «Illyrianism», its substantive changes in relation to Serbo-Croatian history, as well as the role of the concepts of ancient history in it. Particular attention is paid to such a phenomenon of the 19th century as the Illyrian movement, as well as to the figure of its founder, the linguist Ljudevit Gaj, the creator of the Gajic alphabet, modern Croatian writing system based on the Latin alphabet and the legacy of Jan Hus. The literary legacy of the «Illyrians» Demeter Dimitrie and Ivan Mazhuranich is also considered. In particular, their appeal to classical antiquity and to the history of the ancient Illyrians, in which the figure of Queen Teuta plays a special role, is noteworthy. These and other examples demonstrate the use of the reception of antiquity for the realization of certain cultural and ideological goals of the Croatian national idea. As a result of this process, the phenomenon of the Vienna Literary Agreement of 1850 is analyzed, which allowed the common Serbo-Croatian literary language to be realized in the form of two sub-dialects of the Shtokavian dialect of the Serbo-Croatian spoken language.

Keywords: illyrism, antiquity, gajica, Serbo-Croatian language, Pan-Slavism, nationalism

Acknowledgements: The work was prepared with the support of a grant from the National Research University «BelSU» for the creation and development of youth studios of scientific and innovative creativity (order of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education NRU «BelSU» No. 992-OD dated August 22, 2022). Studio «Citadel» Khronos»; project «From ancient history to new nations: ethnos, nation, nationalism in the past and present» (scientific director of the studio, Doctor of History, Prof. N.N. Bolgov).

For citation: Mishnev S.N., Chernomurova A.N. 2023. The Illyrian Movement as the Basis of Genesis of the Croatian National Identity. *Via in tempore. History and political science*, 50 (2): 377–384 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-377-384

Введение

В XVIII – начале XIX вв. восточно-балканский регион, довольно долгое время бывший смежной зоной влияния Османской империи и европейских держав (в основном, Священной Римской империи), начинает осознавать себя в положении региона фронта. Подобная самоидентификация, как отмечают исследователи, связана с формированием оппозиции «свой – чужой», роли транскультурного «моста» [Андреева, 2014, с. 3]. И в этом процессе идеология национализма, пришедшая из Западной Европы в период наполеоновских войн, сыграла комплементарную роль в этом процессе.

Националистические идеи пришли отнюдь не на пустое место. Балканский регион к концу XVIII в. вёл достаточно активную культурную жизнь. К тому времени данные территории входили в состав Венгерского королевства в составе империи Габсбургов. Южнославянские этнические группы вполне чётко отделяли себя не только от немцев и мадьяров, но и друг от друга, в т. ч. и на языковом уровне. Взгляд на эту специфическую этноязыковую общность определял, в свою очередь, не только характер межэтнических отношений в регионе, но и специфику политической идеологии, которая становилась провозвестником балканского политогенеза.

Когда мы говорим о Хорватии и о процессе складывания хорватского национализма, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой одновременного существования сразу нескольких протонационалистических концепций, конкурирующих между собой. Наиболее результативной и плодотворной оказалась концепция иллиризма.

Согласно данной концепции, хорваты, как и словенцы, боснийцы, а также далматины, являются потомками автохтонного населения Адриатического побережья Балканского полуострова, известного в античной истории как иллирийцы. Также в основных вариантах данной концепции подчёркивается отличие данной этнической общности от сербского населения.

Объект и методы исследования

Объектом данного исследования является история развития восточноевропейского национализма в XX веке, тогда как предметом работы является специфика зарождения хорватского национализма, в основном в рамках иллирийского концепта. Методологической основой исследования стала теория локальных цивилизаций, подчеркивающая культурное своеобразие в истории, а также методы анализа и синтеза, историко-сравнительный и историко-типологический методы, историко-биографический метод. Именно через анализ наследия отдельных представителей иллирийского движения в Хорватии специфика данного явления раскрывается наиболее убедительно.

Результаты и их обсуждение

Содержание термина «иллирийцы» применительно к истории южных славян данного региона в исторической перспективе менялось со времён Ренессанса и до второй половины XIX века. Наиболее характерной меняющейся содержательной чертой данного термина является широта объекта, по отношению к которому он употреблялся. Можно однозначно сказать, что исторически в перспективе преобладала тенденция к сужению содержания термина.

Отождествление славян и иллирийцев нам известно с эпохи Возрождения. В частности, такое равнозначное использование двух терминов можно встретить в речи «О происхождении и славе славян» В. Прибоевича, далматина из Венеции [Pribojević, 1951, p. 249]. В его представлении прародина славян располагалась на Балканах, вдоль течения реки Дунай [Болдин, Страхов, 2021, с. 15]. Именно отсюда вышли Чех, Лех и Рус, основатели Чехии, Польши и Руси. Но Прибоевич относил к славянам и многих деятелей античности, как то Аристотеля и его ученика Александра Македонского, вследствие чего именно славяне, согласно его концепции, одержали сокрушительную победу над персами в битве при Гавгамелах. Более того, фракийцы и вандалы тоже были отнесены им к славянским племенам, из чего следует также и славянское разграбление Рима и Карфагена.

Несколько более подробно концепция иллирийского происхождения славян изложена в работе Мавро Орбини «Славянское царство», опубликованная в 1601 г. Главной целью своего труда Орбини называл реконструкцию славянского «героического века», о котором мало что известно в силу отсутствия у тогдашних славян исследователей, способных записать сведения о данном периоде [Орбини, 1722, с. 7]. Данная книга внесла весомый вклад в развитие идеологии панславизма [Лециловская, 1976, с. 76]. В России она была переведена в 1722 г., причём Пётр Великий лично отдавал указ на осуществление перевода. Идеи Мавро Орбини использовались как средство легитимизации продвижения страны на земли западных славян [Лециловская, 1976, с. 9].

В XVIII в. у М. Орбини появился продолжатель в лице историка и лингвиста Павао Витезовича. Его «Возрождённая Хорватия» [Vitezovic, 1997, p. 173] имеет некоторые сходства с предшественниками по охвату; так, у него к Хорватии относятся, помимо остальных южнославянских территорий, Польша и Россия. Как можно догадаться, Витезович использует хорватов (а значит, и иллирийцев) и, соответственно, славян как взаимозаменяемые термины.

Как мы можем видеть, термин «иллирийцы» использовался преимущественно хорватами и далматинами, и в их понимании данные термины синонимичны понятию «славянин». Но ситуация начала заметно меняться, когда появились необходимые для того политические условия. В 1790–1791 гг. на т. н. «Хорватском соборе» хорваты фактически были вынуждены признать венгерский сюзеренитет. Вместе с тем, что немаловажно, мадьяризация в языковой сфере встретила в Хорватии ожесточённое сопротивление [Формирование наций, 1981, с. 228], и альтернативой в качестве языка межнационального общения стала латынь (пусть это и распространилось лишь на дворянское сословие

[Фрейдзон, 2001, с. 94]). Именно такая сложная языковая ситуация дала возможность южным славянам Адриатического побережья почувствовать свою инаковость.

Следующим рубежом развития национальных иллирийских идей, как уже было сказано, стали наполеоновские войны. По Шёнбруннскому миру к наполеоновской Франции отходили земли австрийской короны на Адриатическом побережье – графство Гёрц (Горица), Истрия с Триестом, Крайна, Фиуме (совр. Риека). Все данные территории с того момента получили название Иллирийских провинций [Кулаковский, 1894, с. 247] и вошли в состав империи Наполеона.

Нельзя сказать, что правление французов было широко поддержано местными жителями, однако французы разрешили использование словенского и хорватского языков в качестве государственных языков, а все жители стали равны перед законом. Несмотря на своё короткое существование, Иллирийские провинции стали первой реализацией идеи единой Иллирии, а также сыграли роль унитарной идеологии для будущих «иллирийцев».

В 1814 г. Иллирийские провинции вернулись под австрийскую корону, однако запущенные французами социокультурные процессы были уже неостановимы.

В 1830-х гг. на территории расселения хорватов в Габсбургской империи начинает формироваться новое иллирийское движение. Оно было направлено на продвижение хорватского языка в качестве национального языка «иллирийских земель». Адепты данного движения считали, что словенцы, хорваты, далматы, боснийцы [Фрейдзон, 2001, с. 88] (а некоторые адепты включали сюда и сербов) являются потомками автохтонного для Адриатического побережья Балкан иллирийцев. Это движение являлось реакцией на проводимую венграми мадьяризацию населения подконтрольных территорий [Сташин, 2019, с. 228], в числе которых было и королевство Хорватия. Возникнув как феномен в конце 1820-х гг., мадьяризация шла вразрез с желаниями хорватских интеллектуалов, которые в большинстве своём хотели вывести свой язык на высокий европейский уровень.

Основателем иллирийского движения считается Людевит Гай, этнический немец, который в 1830 г. создал современную письменность хорватского языка, названую гаевицей в его честь. Людевит Гай в своей публикации «Kratka osnova hrvatsko-slavenskoga pravopisanja» использовал наиболее распространённый у хорватов штокавский диалект [Фрейдзон, 2001, с. 104], что сразу же дало возможность интересующимся хорватам прочесть данный труд. Письменность была создана на основе латиницы с добавлением некоторых букв с диакритическими знаками, впервые придуманными Яном Гусом.

Главную задачу «иллирийского» (хорватского) языка Людевит Гай видел в объединении всех иллирийских народов, поскольку штокавский диалект могли понимать также и носители чакавского и кайкавского диалектов «иллирийского» языка, и в силу этого он считал свою работу достоянием всего иллирийского народа во всём его многообразии [Malić, 1997, pp. 30–31].

Однако фактическим годом основания иллирийского движения считается 1836 г., когда Людевит Гай переименовал издаваемую им газету с «Novine Horvatske» на «Ilirske narodne novine», а журнал с «Danicza horvatzka, slavonzka y dalmatinzka» на «Danica ilirska» [Ильина, 2015, с. 10–11]. Это было связано с приверженностью Гая идее культурно-политического единства всех южных славян (иллирийцев с некоторой славянской и немецкой примесью), которую он и помещал в содержательную часть своих газет [Karaula, 2019, p. 132].

С приближением 1840-х гг. иллирийское движение разделяется на два направления: первое возглавлял Людевит Гай, стремящийся к суверенному политическому объединению иллирийских народов (или хотя бы к большей автономии внутри Венгерского королевства), второе же возглавлял Янко Драшкович, который считал, что Хорватии надлежит оставаться под управлением Габсбургов [Župan, 2016, p. 295].

Одним из важнейших культурных деятелей иллирийского движения следует также назвать Деметра Димитрие. Он являлся выходцем из зажиточного рода греческих купцов

[Živančević-Sekeruš, 1992, p. 153], жил в Загребе. Его перу принадлежит первая национальная драма на хорватском языке – «Тевта». Произведение повествует о древней Иллирии во время правления царицы Тевты [Demeter, 1891, p. 29], воюющей с римлянами. Эта драма считается главным произведением всего иллирийского движения, а её литературные качества во многом наследуют лучшим образцам европейской драматургии, в частности У. Шекспиру.

С другой стороны, Димитрие также был и первым представителем иллирийского движения, который обратился к мифологии древних иллирийцев [Thomas, 1998, p. 16]. До него иллиризм говорил лишь о происхождении и языковой общности южнославянских народов на Адриатическом побережье Балканского полуострова, но Димитрие сумел привлечь внимание и к античной части богатой истории данного региона, чем в дальнейшем пользовались многие хорватские и боснийские националистические деятели.

Помимо Деметра Димитрие, к классическому наследию активно обращался поэт Иван Мажуранич. Обращения в его стихах часто адресовались прямо:

Grozno sa mudrim kopje napúti jih
Merjati perom, besna zasedati
Paripa mesto; daj na tihom
*Zvezdo, njima vojevat Pegazu!*⁸
[Danica, 1835, p. 6].

Но отсылки к иллиризму могли принимать и скрытый вид, существуя на грани структуры и содержания произведения. Так, например, поэма «Vjekovi Illugije» (1838) состоит из чисто буколического описания местности, но в тексте перед читателями представала отнюдь не греческая Аркадия, а Иллирия [Mažuranić, 1965, p. 19].

Таким образом, «иллирийский» язык обретал свою жизнь не только как средство бытового и делопроизводственного общения, но и как инструмент развития национальной литературы, и в этом отношении «иллирийцы» подражали лучшим представителям западной культуры и в том числе активно осваивали и использовали приёмы эпохи классицизма [Župan, 2016, p. 288].

Апофеозом данного течения следует считать Венское литературное соглашение между крупнейшими хорватскими (Людевит Гай, Деметр Димитрие, Иван Мажуранич, Иван Кукулевич-Сакцинский), сербскими (Вук Караджич, Джуро Даничич) и словенскими (Франц Миклошич) исследователями, литераторами и лингвистами. Данное соглашение привело к признанию основными народами Адриатического побережья Балканского полуострова общего литературного языка южных славян со спецификацией некоторых региональных черт [История Югославии, 1963, с. 461].

Можно сказать, что цель иллирийского движения в создании общего литературного языка для всех южных славян региона тем самым была выполнена.

Заключение

Анализ развития идей хорватского национализма в XVII – 1-й пол. XIX вв. позволяет рассматривать иллиризм как концепцию надэтнической общности южных и отчасти западных славян Адриатического побережья Балканского полуострова. Данная концепция возводила корни этих народов к древним иллирийцам – народности, которая населяла территорию Западных Балкан во времена Римской империи.

⁸ Ужасный, с мудрым копьем, оставь их
Измерить пером, заняв яростно
город Парипа; замолчи,
Звезда, используй их для борьбы с Пегасом!

Тем не менее с XVII по XIX в. наполнение этой идеи имело тенденцию изменяться (или, правильнее сказать, сужаться в соответствии с необходимостью в четкой дефиниции этнического происхождения). Если В. Прибоевич применял иллиризм к огромному количеству как народов ему современных, так и древних, то впоследствии мы можем наблюдать выделение в качестве «иллирийцев» сугубо западных славян – хорватов, словенцев, боснийцев и изредка сербов. Вместе с тем характерно, что античная идея воспринималась хорватскими идеологами скорее как «антитезис» славянскому или иллирийскому «тезису» во все периоды развития национальной идеи.

На фоне нарастающей мадьяризации региона это привело к появлению такого феномена в истории югославянской культуры, как полноценное культурно-историческое и лингвистическое движение, направленное на создание письменности для наиболее распространенного диалекта сербохорватского языка – штокавского. В то же время активное появление и развитие литературно-публицистических проектов в данном регионе вело к оформлению не только политической, но и культурной дифференциации южнобалканских народностей.

Выделение самостоятельного (иллирийского) литературного языка в рамках Венского литературного соглашения 1850 г. стало венцом развития национальной хорватской идеи в XIX веке.

Список литературы

- Андреева А.А. 2014. «Фронтир» как культурно-историческая категория. В: Вестник Майкопского государственного технологического университета, 3: 1–4.
- Болдин В.А., Страхов А.Б. 2021. «Иллирийский миф» как фактор формирования национальной идентичности балканских народов: история и современность. В: Русская политология, 18 (1): 14–19.
- Ильина Г.Я. 2015. Хорватская литература XX века. М., Индрик, 440.
- История Югославии: в двух томах. 1963. Т. 1. Под редакцией Ю.В. Бромлея, И.С. Достян, В.Г. Карасева, С.А. Никитина. М., Издательство Академии наук СССР, 736.
- Кулаковский П.А. 1894. Иллиризм: Исследования по истории хорватской литературы периода Возрождения. Варшава, тип. Варш. учеб. окр., 516.
- Лещиловская И.И. 1976. Концепции славянской общности в конце XVIII – первой половине XIX в. В: Вопросы истории, 12: 75–92.
- Орбини М. 1722. Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского, и их цареи и владетели под многими именами, и со многими царствиями, королевствами, и провинциями. СПб., Санкт-Петербургская типография, 335.
- Сташин И.А. 2019. Предпосылки зарождения иллиризма в Хорватии. В: Вестник НАСА, 15 (1): 226–230.
- Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Исторический и историко-культурный аспекты. Под редакцией И.С. Миллера, С.М. Стецкевич, В.А. Якубского и др. М., Наука, 1981.
- Фрейдзон В.И. 2001. История Хорватии: краткий очерк с древнейших времён до образования республики (1991 г.). СПб., Алетейя, 318.
- Danica Ilirska. 1836. Т. 1. Ed. by Ljudevit Gay. Zagreb, Franje Suppana, 532.
- Demeter D. 1891. Teuta tragedija u pet čina. Grobničko polje pjesma. Zagreb, Tisak Karla Albrechta, 187.
- Karaula Ž. 2019. Jedan povijesni izvor o nastanku ilirizma: „Kako je postao Ilirizam?“ In: Zbornik Janković, 4: 129–134.
- Malić D. 1997. Razvoj hrvatskog književnog jezika. In: Hrvatska gramatika. Zagreb, Školska knjiga: 30–31.
- Mažuranić I. 1965. Smrt Smail-age Čengića. Zagreb, Zora, 125.
- Pribojević V. 1951. O podrijetlu i zgodama slavena. Zagreb, JAZU, 249.
- Thomas G. 1998. The Impact of the Illyrian Movement on the Croatian Lexicon. In: Slavistische Beiträge: Band 223. München, Verlag Otto Sagner, 291.

- Vitezovic Ritter P. 1997. *Ozivljena Hrvatska*. Zagreb, Latina et Graeca, Hrvatski institut za povijest, Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 173.
- Živančević-Sekeruš I. 1992. *Croatian Writers in the Byronic Mould*. In: *The Modern Language Review*, 87 (1): 143–156.
- Župan D. 2016. *Kulturni i intelektualni razvoj u Hrvatskoj u «dugom» 19. stoljeću*. In: *Temelji moderne Hrvatske. Hrvatske zemlje u "dugom" 19. stoljeću*. Zagreb, Matica hrvatska: 273–308.

References

- Andreeva A.A. 2014. «Frontir» kak kul'turno-istoricheskaya kategoriya [«Frontier» as a cultural and historical category]. V: *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of Maikop State Technological University], 3: 1–4.
- Boldin V.A., Strahov A.B. 2021. «Illiriskij mif» kak faktor formirovaniya nacional'noj identichnosti balkanskih narodov: istoriya i sovremennost' [«Illyrian myth» as a factor in the formation of the national identity of the Balkan peoples: history and modernity]. V: *Russkaya politologiya* [Russian political science], 18 (1): 14–19.
- Il'ina G.Ya. 2015. *Horvatskaya literatura XX veka* [Croatian literature of the 20th century]. M., Indrik, 440.
- Istoriya Yugoslavii: v dvuh tomah* [History of Yugoslavia: in two volumes]. 1963. T. 1. Pod redakciej Yu.V. Bromleya, I.S. Dostyan, V.G. Karaseva, S.A. Nikitina. M., Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 736.
- Kulakovskij P.A. 1894. *Illirizm: Issledovaniya po istorii horvatskoj literatury perioda Vozrozhdeniya* [Illyricism: Studies in the History of Croatian Literature in the Renaissance Period]. Varshava, tip. Varsh. ucheb. okr., 516.
- Leshchilovskaya I.I. 1976. *Koncepcii slavyanskoj obshchnosti v konce XVIII – pervoj polovine XIX v.* [The concepts of the Slavic community at the end of the 18th – the first half of the 19th centuries]. V: *Voprosy istorii* [Questions of history], 12: 75–92.
- Orbini M. 1722. *Kniga istoriografiya pochatiya imene, slavy i razshireniya naroda slavyanskogo, i ih carei i vladetelei pod mnogimi imyanami, i so mnogimi carstvuyami, korolevstvami, i provinciami* [The book of historiography of the beginning of the name, glory and expansion of the Slavic people, and their kings and rulers under many names, and with many kingdoms, kingdoms, and provinces]. SPb., Sankt-Peterburgskaya tipografiya, 335.
- Stashin I.A. 2019. *Predposylki zarozhdeniya illirizma v Horvatii* [Prerequisites for the emergence of Illyrianism in Croatia]. V: *Vestnik NASA* [NASA Bulletin], 15 (1): 226–230.
- Formirovanie nacij v Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evrope: Ist. i ist.-kul't. aspekty* [Formation of nations in Central and South-Eastern Europe: Historical and historical-cultural aspects.]. Pod redakciej I.S. Millera, S.M. Steckeovich, V.A. Yakubskogo i dr. M., Nauka, 1981.
- Frejdzon V.I. 2001. *Istoriya Horvatii: kratkij ocherk s drevnejshih vremyon do obrazovaniya respubliki (1991 g.)* [The History of Croatia: A Short Essay from the Earliest Times to the Formation of the Republic (1991)]. SPb., Aletejya, 318.
- Danica Ilirska. 1836. T.1. Ed. by Ljudevit Gay. Zagreb, Franje Suppana, 532.
- Demeter D. 1891. *Teuta tragedija u pet čina. Grobničko polje pjesma*. Zagreb, Tisak Karla Albrechta, 187.
- Karaula Ž. 2019. *Jedan povijesni izvor o nastanku ilirizma: „Kako je postao Ilirizam?“* In: *Zbornik Janković*, 4: 129–134.
- Malić D. 1997. *Razvoj hrvatskog književnog jezika*. In: *Hrvatska gramatika*. Zagreb, Školska knjiga: 30–31.
- Mažuranić I. 1965. *Smrt Smail-age Čengića*. Zagreb, Zora, 125.
- Pribojevic V. 1951. *O podrijetlu i zgodama slavena*. Zagreb, JAZU, 249.
- Thomas G. 1998. *The Impact of the Illyrian Movement on the Croatian Lexicon*. In: *Slavistische Beiträge: Band 223*. München, Verlag Otto Sagner, 291.
- Vitezovic Ritter P. 1997. *Ozivljena Hrvatska*. Zagreb, Latina et Graeca, Hrvatski institut za povijest, Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 173.
- Živančević-Sekeruš I. 1992. *Croatian Writers in the Byronic Mould*. In: *The Modern Language Review*, 87 (1): 143–156.
- Župan D. 2016. *Kulturni i intelektualni razvoj u Hrvatskoj u «dugom» 19. stoljeću*. In: *Temelji moderne Hrvatske. Hrvatske zemlje u "dugom" 19. stoljeću*. Zagreb, Matica hrvatska: 273–308.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 03.12.2022

Received 03.12.2022

Поступила после рецензирования 21.12.2022

Revised 21.12.2022

Принята к публикации 21.12.2022

Accepted 21.12.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мишнев Сергей Николаевич, студент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0005-5186-0339](https://orcid.org/0009-0005-5186-0339)

Sergej N. Mishnev, student, Department of World History, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Черномурова Александра Николаевна, студентка кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0007-1256-2712](https://orcid.org/0009-0007-1256-2712)

Aleksandra N. Chernomurova, student, Department of World History, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(430)+94(4)

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-385-394

Оригинальное исследование

США – Европейский союз: история и перспективы взаимоотношений

Родович Ю.В.

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, 300026, г. Тула, просп. Ленина, 125
E-mail: yura.rodovich@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается эволюция отношений между США и европейскими институтами с начала процесса послевоенной интеграции в Европе до наших дней. Постепенно они приобретали характер сотрудничества, хотя и неравного. Процесс евроинтеграции способствовал укреплению позиций Европейского Экономического Сообщества, а затем и Европейского союза по отношению к США. Американский президент Д. Трамп продемонстрировал свое намерение подорвать и даже разрушить Евросоюз. При президенте Дж. Байдене США добились беспрекословного следования ЕС в русле курса Вашингтона. Американская экономика выигрывает от перемещения компаний, капиталов и рабочих рук из Европы, что позволит за счёт выкачивания европейских ресурсов легче пережить нынешний глобальный экономический кризис. Но Соединенные Штаты могут в длительной перспективе лишиться статуса доминирующей в мире резервной валюты. Тогда для Европы появится шанс для возрождения ее экономики.

Ключевые слова: США, трансатлантические отношения, Европейский союз, НАТО

Для цитирования: Родович Ю.В. 2023. США – Европейский союз: история и перспективы взаимоотношений. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 385–394. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-385-394

USA – European Union: History and Prospects of Relations

Yury V. Rodovich

Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University,
125 Lenin Avenue, Tula, 300026, Russia
E-mail: yura.rodovich@mail.ru

Abstract. The article examines the evolution of relations between the United States and European institutions from the beginning of the process of post-war European integration to the present day. Gradually, they acquired the character of cooperation, albeit unequal. The process of European integration contributed to strengthening the positions of the European Economic Community, and then the European Union in relation to the United States. American President Donald Trump has demonstrated his intention to undermine and even destroy the European Union. Under President J. Biden, the United States has achieved unquestioning adherence to the EU in line with Washington's course. The American economy benefits from the relocation of companies, capital and workers from Europe, which will make it easier to survive the current global economic crisis by pumping out European resources. But the United States may lose its status as the world's dominant reserve currency in the long term. Then there will be a chance for Europe to revive its economy.

Key words: United States, transatlantic relations, European Union, NATO

For citation: Rodovich Yu.V. 2023. USA – European Union: History and Prospects of Relations. Via in tempore. History and political science, 50 (2): 385–394 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-385-394

Введение

Соединенные Штаты Америки и Западная Европа образуют единое цивилизационное, геоэкономическое и геополитическое пространство. Однако опыт истории свидетельствует о неравноправном характере их отношений [Носов; Ушанов, 2020; Häring 2019; Jean-Dominique Giuliani, 2020; Pour aider l'Ukraine..., 2022]. Цель настоящей статьи – показать эволюцию взаимодействия Соединенных Штатов и Европейского союза с учетом новых материалов и исследований.

Результаты и их обсуждение

Согласно «доктрине Монро» 1823 г., американская территория не должна быть объектом колонизации европейских держав, а США не должны вмешиваться в дела стран Европы [Из седьмого ежегодного послания Конгрессу...]. Приоритетной для Вашингтона в XIX в. была Латинская Америка.

В апреле 1917 г. США вступили в Первую мировую войну на стороне Антанты и вышли из войны с мощной экономикой, укрепившейся за счёт европейских военных заказов. Они превратились также в мирового кредитора. При заключении в 1919 г. Версальского мира руководство США попыталось перестроить миропорядок на основе либеральных воззрений президента В. Вильсона. Однако предложенная Вильсоном Лига наций (в реальности без участия в ней США) не смогла уберечь мир от Второй мировой войны.

Через пять лет после того как Европа была втянута в эту войну, американские войска в июне 1944 г. высадились на берегах Франции, чтобы прочно обосноваться на европейском континенте.

В послевоенный период происходил процесс европейской интеграции. Обычно этот процесс связывают с именами европейских политиков Ж. Монне, Р. Шумана, У. Черчилля. Но французский исследователь Ф. де Вилье в книге «Я потянул за ниточку лжи, и все получилось», опираясь на архивные документы, раскрыл заинтересованную роль Соединенных Штатов и трех «соучастников» – Р. Шумана, Ж. Монне и В. Хальштейна – в европейском строительстве [Delawarde, 2019]. Еще накануне войны немецкий юрист В. Хальштейн высказывал наднациональные идеи. В 1944 г., будучи лейтенантом вермахта, он попал в плен к американцам. После окончания войны стал первым директором университета во Франкфурте-на-Майне. Затем по приглашению американских властей преподавал в Джорджтаунском университете в Вашингтоне. Вернувшись в Германию, участвовал в создании ФРГ и служил статс-секретарём МИД. Ж. Монне в 1957 г., попросив у своего друга Ш. Стоуна, бывшего сотрудника американской разведки, грант в 100 тыс. долл., получил большую сумму со счетов Chase Manhattan Bank, президентом которого был Дж. Макклой, офицер военной разведки, входивший в администрацию Ф. Рузвельта, а впоследствии президент Фонда Форда. Таким образом, американская разведка, Белый дом, американские банки и фонды способствовали созданию будущего ЕС. В 1958 г. Монне стал первым председателем Европейской комиссии. В 1963 г., после подписания канцлером ФРГ К. Аденауэром с французским президентом Ш. Де Голлем Елисейского договора о дружбе и сотрудничестве между ФРГ и Францией, чтобы не допустить создания мощного союза двух крупнейших государств Западной Европы, Монне по указанию американцев провёл «операцию по саботажу» [Бенедиктов, 2019]. Под его влиянием депутаты германского бундестага добавили к Елисейскому договору преамбулу, в которой подчёркивалась заинтересованность ФРГ в поддержании тесных связей с США [Giuliani]. Используя Монне, американцы утвердили стратегию, направленную на ограничение

как внешнеполитического превосходства Германии, так и растущей мощи Франции передачей части национальных полномочий по принятию решений в Брюссель. За выполнение этой операции в 1964 г. Центру документации Монне был перечислен новый грант. Второй «отец» евроинтеграции Р. Шуман находился в состоянии «полного подчинения» разведчикам США. Подробности финансирования Шумана со стороны Американского комитета объединённой Европы, созданного после войны Б. Донованом, бывшим главой Управления стратегических служб США, отражены в его переписке с американскими хозяевами [Бенедиктов, 2019].

Почему США в период с 1945 г. по конец 1950-х гг. были заинтересованы в европейской интеграции? Они нуждались в укреплении капитализма и стабильной ситуации в Западной Европе, в обширном европейском рынке, для чего им необходимо было помочь странам региона в восстановлении разрушенной экономики. Также США стремились усилить экономическую и политическую зависимость западноевропейских стран от себя. На реализацию этих намерений был направлен «план Маршалла». В 1953 г. между США и Европейским сообществом были установлены дипломатические отношения, а в 1956 г. в Люксембурге открыто американское представительство при Европейском объединении угля и стали (ЕОУС), а затем при Европейском Экономическом Сообществе (ЕЭС). С 1961 г. по сей день оно находится в Брюсселе. В 1954 г. в Вашингтоне был открыт офис ЕОУС, который в 1967 г. стал представлять Европейские сообщества [Носов, 2014].

С начала 1960-х по конец 1980-х гг. отношения между Соединёнными Штатами и странами Западной Европы претерпели некоторые изменения. Укреплению позиций Западной Европы по отношению к США способствовал процесс экономической интеграции. В 1967 г. вступил в силу Договор об учреждении единой Комиссии и единого Совета Европейских сообществ (ЕЭС, ЕОУС, Евратома). В 1968 г. был создан таможенный союз. В 1979 г. прошли прямые выборы в Европейский парламент. Тогда же была учреждена Европейская валютная система. В 1984 г. был разработан проект Договора о Европейском союзе. Его основные положения позднее стали базой для заключения в 1986 г. Единого Европейского Акта. Западная Европа стала претендовать на повышение самостоятельности в мировой политике. А сотрудничество США с ЕЭС стало сочетаться с конкуренцией. Одной из первых попыток институализировать отношения между ними стало создание в 1972 г. Трансатлантического парламентского диалога [Носов, 2014].

Начало 1990-х гг. было ознаменовано интенсификацией процесса европейской интеграции. В феврале 1992 г. в г. Маастрихте страны – члены Европейских сообществ подписали Договор о создании Европейского союза.

В ноябре 1990 г. была принята Атлантическая декларация, определившая пути развития отношений между ЕС и США [Transatlantic Declaration on EC – US Relations, 1990]. Тогда же были приняты решения о необходимости постоянного диалога между Брюсселем и Вашингтоном. В мае 1993 г. был проведён первый саммит ЕС – США. До мая 2014 г. состоялось 28 подобных встреч [Носов, 2014]. В 1995 г. на саммите США – ЕС в Мадриде была принята Новая Трансатлантическая Программа, провозгласившая новый этап развития отношений между Брюсселем и Вашингтоном. Ею были предусмотрены обеспечение стабильности и мира, демократии и развития, ответ глобальным вызовам, расширение торгово-экономического и иного сотрудничества, «строительство мостов» через Атлантику в сферах бизнеса, науки, образования, развитие парламентских связей [The New Transatlantic Agenda]. В 1998 г. в Лондоне было подписано Соглашение о трансатлантическом экономическом партнерстве, предусматривающее снижение торговых барьеров, расширение сотрудничества в рамках Всемирной торговой организации, охраны окружающей среды, охраны интеллектуальной собственности [Transatlantic Economic Partnership, 1998]. Однако наличие экономических противоречий между партнерами и отсутствие договоренностей по нетарифным методам регулирования торговли сдерживали развитие сотрудничества.

Рамки по продвижению трансатлантической экономической интеграции были определены в апреле 2007 г. в специальном документе, содействующем созданию безбарьерного трансатлантического рынка. На его основе был создан Трансатлантический экономический совет [Transatlantic Economic Council]. В 2013 г. начались переговоры о широкомасштабном соглашении о свободной торговле – Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП). К переговорам по ТТИП подтолкнули мировой финансово-экономический кризис, когда внешний спрос стал необходимым источником поддержания экономического роста, а также усиление позиций Китая и других развивающихся стран как конкурентов [Ушанов, 2020, с. 3]. Переговоры по ТТИП активно проходили в 2013–2016 гг. (было проведено 15 раундов). В ходе переговоров между их участниками были выявлены противоречия, основными из которых в торговой политике США и ЕС стали нетарифные барьеры ЕС, которые, как считали США, ограничивали товарную структуру и объем американских поставок в страны Европы [Ушанов, 2020, с. 7–8]. К концу срока президентства Б. Обамы переговорный процесс зашел в тупик.

С приходом Д. Трампа в Белый дом внешнеэкономическая политика США резко изменилась. США отвергли инициированную ими глобализацию мировой экономики и либерализацию внешнеэкономических связей и перешли к политике протекционизма под лозунгом «Америка прежде всего». Президент Д. Трамп продемонстрировал свое намерение подорвать и даже развалить Евросоюз, поддержав выход из ЕС Великобритании. США добивались уступок и преференций от своих партнеров. Они «заморозили» на неопределенный период переговоры по ТТИП [Ушанов, 2020, с. 4].

Перезапустить трансатлантические отношения после смены американской администрации было непросто. С одной стороны, по мнению французского общественного деятеля, председателя фонда Роберта Шумана Ж.-Д. Джулиани, суть политики нового президента США Дж. Байдена состояла «в первую очередь в обеспечении американского лидерства перед лицом стремительного нарастания могущества Китая и в отношении Европы» [Jean-Dominique Giuliani, 2020]. С другой стороны, позиции сторон не совпадали по широкому кругу вопросов: тарифов, патентов на вакцины, обмен данными пользователей. США и Европа по-разному подходили к торговле с Китаем: США запретили ввоз товаров, сделанных в Синьцзяне, а у ЕС таких ограничений нет. Разногласия касались также цен на лекарства, налогов на IT-сектор, искусственного интеллекта. В Вашингтоне негативно отнеслись к новой «углеродной» инициативе ЕС (введении налога на углеродоемкие товары и изделия, в первую очередь сталь, алюминий, цемент, удобрения и электроэнергию), а также к европейской программе реформ в сельском хозяйстве, направленной на его «озеленение» к 2030 г.). Разные подходы у США и ЕС к газопроводам по дну Балтийского моря [Shapiro, 2021].

Официальные лица США регулярно критиковали европейские страны за несправедливое преследование американских технологических компаний в ходе ряда антимонопольных расследований и предложений по регулированию. Многие в ЕС считают, что эта политика занимает центральное место в усилиях блока и по восстановлению своего места на вершине цифрового рейтинга наряду с США и Китаем. На урегулирование разногласий был направлен проект, для обсуждения которого на середину июня 2022 г. была назначена встреча в Брюсселе президента США Дж. Байдена и президента Европейской комиссии У. фон дер Ляйен [Jacoro, Mark, 2021].

Трансатлантические партнеры уже выдвинули несколько проектов по противодействию китайскому проекту «Один пояс – один путь» и продвижению альтернатив китайским инвестициям. Инициатива администрации Байдена на саммите G7 в июне 2022 г. «Партнерство по глобальной инфраструктуре и инвестициям» (PGII) означала привлечение 600 млрд долл. в течение пяти лет для продвижения проектов, поддерживающих гендерное равенство, безопасные сети и цифровую инфраструктуру, а также для содействия переходу к «зеленой» экономике. Со своей стороны, ЕС запустил в декабре 2021 г. Global

Gateway – новую европейскую стратегию развития высокотехнологичных, экологических и безопасных глобальных связей в сферах цифровизации, энергетики, транспорта, здравоохранения, образования и исследований [Nietsche, Lokker, 2022].

Во внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов важное место отводилось Украине. Одной из задач Вашингтона стало стремление добиться отказа европейцев от сотрудничества с РФ и переориентацию их экономик на полное сотрудничество с США. Украине при этом отводилась роль барьера, который должен был прервать сложившиеся тесные европейские связи с Россией [Кубасов, 2014]. Украина рассматривалась США и как инструмент для противостояния коллективного Запада с РФ. Для реализации своих планов США в феврале 2014 г. инициировали антиконституционный государственный переворот в Киеве. После этого они вовлекли страны – члены Европейского союза в санкции против России, включившей в свой состав Крым.

Однако эти санкции негативно отразились на экономике ЕС. По подсчетам немецких экспертов, еще в 2019 г. из ежемесячно теряемых 4 млрд долл. 45 % (1.8 млрд) недополучили страны, которые ввели санкции против России, а оставшиеся 55 % – сама Россия. При этом 92 % всех потерь стран – организаторов санкций приходилось на государства – члены Евросоюза, в том числе 38 % (667 млн долл.) – на ФРГ [Häring, 2019].

Антироссийские санкции существенно возросли после начала в феврале 2022 г. Российской Федерацией специальной военной операции на Украине.

Предпринимая санкционные меры, США стремились переложить свой гигантский государственный долг, достигший в октябре 2022 г. более 31 трлн долл. [Rapreport, Tankersley], на страны Европейского союза, чтобы нанести ущерб экономике ЕС [Володин прогнозирует ущерб экономике ЕС]. Только прямые, счетные потери Евросоюза от санкций в 2023 г. могут превысить 400 млрд долл., заявил президент России В.В. Путин на заседании Петербургского международного экономического форума. По словам Путина, рост инфляции в некоторых странах ЕС уже превысил 20 % [Путин оценил прямые потери стран Евросоюза]. По подсчетам аналитиков консалтинговой компании «Яков и партнеры» (бывшее подразделение McKinsey в РФ), санкционная политика и стремление ЕС отказаться от российских энергоресурсов могут стоить Европе до 1,6 трлн евро в 2023 г. Основным негативным эффектом является возможная потеря конкурентоспособности и последующее закрытие ряда наиболее энергоемких отраслей из-за нехватки газа и роста стоимости энергоносителей в целом [Милькин, 2022].

Высокие цены на энергоносители в Европе вместе с дефицитом газа вынудили многие фирмы в сфере энергетики, металлургии и химической промышленности переводить свои капиталы в США. Таким образом, Европе грозит деиндустриализация.

Рядовые европейцы переплачивают за бензин, газ и электричество. Чтобы не зависеть от российских энергоносителей, власти ФРГ предложили своим гражданам меньше отапливать свое жилище, меньше ходить в сауны и отказаться от душа [Газета Bild призвала немцев реже ходить в душ...].

Д. Трамп предпринимал попытки ослабить конкурентоспособность своего основного соперника в Европе – Германии и других западноевропейских стран, настойчиво требуя отказаться от проекта «Северный поток – 2», чтобы захватить энергетический европейский рынок, вытеснив Россию. При Дж. Байдене эта политика была продолжена. США добились от ФРГ и других стран-членов ЕС отказаться от запуска уже построенного газопровода «Северный поток – 2». А в конце сентября 2022 г. в результате диверсии были значительно повреждены газопроводы «Северный поток – 1» и «Северный поток – 2». Многие факты указывали на заинтересованность американской стороны в этом террористическом акте. Так, в начале февраля 2022 г. Дж. Байден озвучил желание уничтожить эти трубопроводы: «Если Россия вторгнется, если ее танки и войска пересекут границу Украины, то не будет никакого «Северного потока – 2», мы положим ему конец» [Remarks by President Biden and Chancellor Scholz..., 2022]. К этому следует добавить благодарность

США за повреждение газопровода от бывшего министра иностранных дел Польши Р. Сикорского [Сикорский обрадовался повреждению «Северного потока»..., 2022]. Операцию по подрыву газопроводов «Северный поток» провели военные и спецслужбы США.

О деталях диверсии со ссылкой на источник в администрации США рассказал американский публицист С. Херш, лауреат Пулитцеровской премии 1970 г. В публикации Херша отмечалось, что американские глубоководные водолазы в ходе учений НАТО Baltops летом 2022 г. установили под «Северные потоки» взрывчатку, которую спустя три месяца активировали норвежцы. Президент США Дж. Байден решился на диверсию на «Северных потоках» после более девяти месяцев сверхсекретных обсуждений с командой по национальной безопасности [US bombed Nord Stream gas pipelines..., 2023]. Прекращение работы российских газопроводов надолго лишает страны – члены ЕС важнейших энергоресурсов, что усугубляет тяжелейшее положение их экономик. А американский сжиженный природный газ обходится европейцам в четыре раза дороже, чем тот же объем топлива из России.

США, как справедливо отметила французская *Le Monde*, разоряют Европу не только сокращением поставок российских энергоресурсов из-за санкций. По указанию американцев ЕС увеличивает военные расходы и выдает все больше кредитов тем предприятиям, которые производят оружие [Pour aider l'Ukraine..., 2022]. На середину января 2023 г. ЕС профинансировал вооружение Украины на 11,5 млрд евро [Евросоюз поставил Украине вооружений на 11,5 миллиарда евро..., 2023]. Страны НАТО обещали Киеву поставки тяжелых вооружений, включая танки. По сообщению агентства Bloomberg, в ходе саммита Евросоюза в Брюсселе 9 февраля 2023 г. лидеры ЕС ясно дали понять украинскому президенту В. Зеленскому, что готовы направить больше военной помощи Украине, хотя никто не взял на себя обязательств по предоставлению истребителей, чего он добивался на этой встрече [Ukraine Latest..., 2023]. Подтверждается мысль, высказанная главой МИД России С.В. Лавровым, что страны ЕС стали сливаться с НАТО и «будут, по сути дела, выполнять функции его придатка» [Евросоюз планирует стать придатком НАТО..., 2022].

Заключение

Таким образом, отношения между США и Евросоюзом прошли несколько этапов. В 1950-е – 1960-е гг. сотрудничество сочеталось с конкуренцией. Развитие процесса европейской интеграции способствовало укреплению позиций Западной Европы по отношению к США. В начале третьего десятилетия XXI в. Соединенные Штаты «подмяли под себя всю Европу». При президенте Дж. Байдене они добились беспрекословного следования Европы в русле американского курса [Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова, 2022]. Им удалось сплотить Запад на антироссийской основе. Они добились существенного ослабления своего конкурента – Европейского союза, а также обеспечения того, чтобы ЕС был ближе к США, чем к Китаю, оплачивал большую часть расходов на собственную оборону. Поставки в страны ЕС американского сжиженного природного газа обходятся европейцам гораздо дороже, чем прежние поставки газа из России по трубопроводам. Европа столкнулась с проблемой деиндустриализации. Американская экономика выигрывает от бегства компаний, капиталов и рабочих рук из Европы, что позволит ей за счёт выкачивания европейских ресурсов легче пережить начавшийся глобальный экономический кризис. Однако Соединенные Штаты могут в длительной перспективе лишиться статуса доминирующей в мире резервной валюты. Тогда для Европы появится шанс для возрождения ее экономики. Но для этого необходима смена политических элит в европейских странах.

Список литературы

- Бенедиктов К. Европейский союз придумали в Третьем рейхе, а создавали его американские агенты. 9.03.2019. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/416217> (дата обращения: 27.09.2022).
- Володин прогнозирует ущерб экономике ЕС из-за госдолга США 5.10. 2022. URL: https://regnum.ru/news/3716064.html?utm_source=yhnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 15.10.2022).
- Газета Bild призвала немцев реже ходить в душ и отказаться от мыла. 21.04. 2022. URL: <https://rg.ru/2022/04/21/gazeta-bild-prizvala-nemcev-rezhe-hodit-v-dush-i-otkazatsia-ot-myla.html> (дата обращения: 5.10.2022).
- Евросоюз планирует стать придатком НАТО, заявил Лавров. 13.05. 2022. URL: <https://ria.ru/20220513/evrosoyuz-1788265664.html/> (дата обращения: 28.09.2022).
- Евросоюз поставил Украине вооружений на 11,5 миллиарда евро, сообщили в ЕК 18.01.2023. URL: <https://ria.ru/20230118/vooruzheniya-1845738173.html/> (дата обращения: 09.02.2023).
- Из седьмого ежегодного послания Конгрессу президента Джеймса Монро 2 декабря 1823 года. В: История США. Хрестоматия, сост. Э.А. Иванян. 2-е изд., стереотип. Москва, Дрофа, 2007: 75–78.
- Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова телеканалу РБК, Москва, 16 марта 2022 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804655 (дата обращения: 5.10.2022).
- Кубасов Ю. Украинский капкан. Из беседы сотрудника Агентства Национальной Безопасности США с представителями немецких СМИ. 24.04.2014. URL: https://ruskline.ru/analitika/2014/04/25/ukrainskij_kapkan (дата обращения: 2.10.2022).
- Милькин В. Эксперты оценили последствия энергетической войны Европы с Россией в 1,6 трлн евро. 5.10. 2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/10/05/943914-eksperti-otsenili-posledstviya-energeticheskoi-voini> (дата обращения: 7.10.2022).
- Носов М.Г. 2014. Отношения ЕС – США: политика, экономика, безопасность. В: Современная Европа.4: 8 –22.
- Путин оценил прямые потери стран Евросоюза от антироссийских санкций. 17.06. 2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2022/06/17/927183-putin-otsenil-pryamie-poteri-evrosoyuza> (дата обращения: 4.10.2022).
- Сикорский обрадовался повреждению «Северного потока» и поблагодарил США. URL: 27.09.2022. <https://ria.ru/20220927/sikorskiy-1819939377.html> (дата обращения: 5.10.2022).
- Ушанов С.А. 2020. США – Евросоюз: внешнеэкономическая политика США в контексте трансатлантического экономического партнерства. Автореферат дис... канд. экономических наук. Москва, 33.
- Delawarde D. J'ai tiré sur le fil du mensonge et tout est venu. 13.03. 2019. URL: <https://reseauinternational.net/jai-tire-sur-le-fil-du-mensonge-et-tout-est-venu/> (accessed: 3.10.2022).
- Gunkel Ch. Sealed with a Kiss Treaty Heralded New Era in Franco-German Ties. 22.01.2013. URL: <https://www.spiegel.de/international/europe/the-elysee-treaty-has-been-a-cornerstone-of-european-stability-a-879002.html> (accessed: 3.10.2022).
- Häring N. Fast 700 Millionen US-Dollar pro Monat: Deutschland leidet unter Russland-Sanktionen. 11.10.2019. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/international/krim-streit-fast-700-millionen-us-dollar-pro-monat-deutschland-leidet-unter-russland-sanktionen/25107884.html>(accessed: 3.10.2022).
- Jean-Dominique Giuliani: «Les Européens doivent plus que jamais privilégier leurs intérêts». 11/11/2020. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/election-de-biden-les-europeens-doivent-plus-que-jamais-se-penser-en-puissance_2138415.html (accessed: 3.10.2022).
- Jacopo B., Mark S. US and Europe to forge tech alliance amid China's rise. June 9, 2021. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.74054f59-63442af6-4bb81810-74722d776562/https/www.politico.eu/article/europe-and-the-us-must-compete-with-china (accessed: 3.10.2022).

- Nietsche C., Lokker N. Europe and the US must compete with China. October 10, 2022. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.74054f59-63442af6-4bb81810-74722d776562/https/www.politico.eu/article/europe-and-the-us-must-compete-with-china
- Pour aider l'Ukraine, l'Europe et les Etats-Unis tentent de dépasser leur rivalité sur l'armement. 27.09.2022. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2022/09/27/armement-la-guerre-en-ukraine-ravive-la-rivalite-entre-l-europe-et-les-etats-unis_6143318_3210.html (accessed: 3.10.2022).
- Rappeport A., Tankersley J. U.S. National Debt Tops \$31 Trillion for First Time. 4.10. 2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/10/04/business/national-debt.html> (accessed: 7.10.2022).
- Remarks by President Biden and Chancellor Scholz of the Federal Republic of Germany at Press Conference. 7.02.2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/02/07/remarks-by-president-biden-and-chancellor-scholz-of-the-federal-republic-of-germany-at-press-conferenc> (accessed: 3.10.2022).
- Shapiro J. Opinion. Biden Talks a Big Game on Europe. But His Actions Tell a Different Story. 06/04/2021. URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2021/06/04/biden-administration-europe-focus-491857> (accessed: 3.10.2022).
- The New Transatlantic Agenda. URL: https://eeas.europa.eu/us/docs/new_transatlantic_agenda_en.pdf (accessed: 3.10.2022).
- Transatlantic Declaration on EC – US Relations, 1990. URL: http://eeas.europa.eu/us/docs/trans_declaration_90_en.pdf (accessed: 3.10.2022).
- Transatlantic Economic Council, United States Department of State URL: <https://2009-2017.state.gov/p/eur/rt/eu/tec/index.htm> (accessed: 3.10.2022).
- Transatlantic Economic Partnership 1998. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/us/docs/trans_econ_partner_11_98_en.pdf (accessed: 3.10.2022).
- Ukraine Latest: Scholz Urges Speedy Delivery of Leopard 2 Tanks. 9.02. 2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-02-09/ukraine-latest-zelenskiy-tours-europe-with-calls-for-more-aid?srnd=premium-europe>
- US bombed Nord Stream gas pipelines, claims investigative journalist Seymour Hersh February 08 2023, The Times. URL; <https://www.thetimes.co.uk/article/us-bombed-nord-stream-gas-pipelines-claims-investigative-journalist-seymour-hersh-s730dnfz> (accessed:9.02.2022).

References

- Benediktov K. Evropejskij sojuz pridumali v Tret'em rejhe, a sozdavali ego amerikanskije agenty [The European Union was invented in the Third Reich, and it was created by American agents]. 9.03.2019. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/416217> (data obrashhenija: 27.09.2022).
- Volodin prognoziruuet ushherb jekonomike ES iz-za gosdolga SShA [Volodin predicts damage to the EU economy due to the US government debt]. 5 oktjabrja 2022. URL: https://regnum.ru/news/3716064.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (data obrashhenija: 15.10.2022).
- Gazeta Bild prizvala nemcev rezhe hodit' v dush i otkazat'sja ot myla [The newspaper Bild urged Germans to shower less often and give up soap]. 21.04. 2022. URL: <https://rg.ru/2022/04/21/gazeta-bild-prizvala-nemcev-rezhe-hodit-v-dush-i-otkazatsia-ot-myla.html> (data obrashhenija: 5.10.2022).
- Evrosojuz planiruet stat' pridatkom NATO, zajavil Lavrov [The European Union plans to become an appendage of NATO, Lavrov said]. 13.05. 2022. URL: <https://ria.ru/20220513/evrosoyuz-1788265664.html/> (data obrashhenija: 28.09.2022).
- Evrosoyuz postavil Ukraine vooruzhenij na 11,5 milliarda evro, soobshhili v EK [The European Union supplied Ukraine with arms worth 11.5 billion euros, the EC reported]. 18.01.2023. URL: <https://ria.ru/20230118/vooruzheniya-1845738173.html/> (data obrashheniya: 09.02.2023).
- Iz sed'mogo ezhegodnogo poslanija Kongressu prezidenta Dzhedmsa Monro 2 dekabrja 1823 goda [From President James Monroe's Seventh Annual Address to Congress, December 2, 1823]. Istorija SShA. Hrestomatija, sost. Je.A. Ivanjan. 2-e izd., stereotip. Moskva: Drofa, 2007. 75–78.
- Interv'ju Ministra inostrannyh del Rossijskoj Federacii S.V. Lavrova telekanalu RBK [Interview with the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov to RBC TV channel]. Moskva,

- 16 marta 2022 goda (data obrashhenija: 5.10.2022).
URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804655
- Kubasov Ju. Ukrainiskij kapkan. Iz besedy sotrudnika Agentstva Nacional'noj Bezopasnosti SShA s predstaviteljami nemeckih SMI [Ukrainian trap. From the conversation of an employee of the US National Security Agency with representatives of the German media]. 24.04.2014. URL: https://ruskline.ru/analitika/2014/04/25/ukrainiskij_kapkan (data obrashhenija: 2.10.2022).
- Mil'kin V. Jeksperty ocenili posledstviya jenergeticheskoy vojny Evropy s Rossiej v 1,6 trln evro [Experts estimated the consequences of the energy war between Europe and Russia at 1.6 trillion euros]. 5.10.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/10/05/943914-eksperti-otsenili-posledstviya-energeticheskoi-vojni> (data obrashhenija: 7.10.2022).
- Nosov M.G. 2014. Otnosheniya ES-SSHA: politika, ekonomika, bezopasnost' [EU-US Relations: Politics, Economics, Security]. *Sovremennaya Evropa*. 4: 8–22.
- Putin ocenil prjamyje poteri stran Evrosojuza ot antirossijskih sankcij [Putin assessed the direct losses of the EU countries from anti-Russian sanctions]. 17 ijunja 2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2022/06/17/927183-putin-otsenil-pryamie-poteri-evrosoyuza> (data obrashhenija: 4.10.2022).
- Sikorskij obradovalsja povrezhdeniju «Severnogo potoka» i poblagodaryl SShA [Sikorsky rejoiced at the damage to Nord Stream and thanked the United States]. URL: [27.09.2022https://ria.ru/20220927/sikorskiy-1819939377.html](https://ria.ru/20220927/sikorskiy-1819939377.html) (data obrashhenija: 5.10.2022).
- Ushanov S.A. 2020. SShA – Evrosojuz: vneshnejekonomicheskaja politika SShA v kontekste transatlanticheskogo jekonomicheskogo partnerstva [USA – EU: US Foreign Economic Policy in the Context of the Transatlantic Economic Partnership]. *Avtoreferat dis... kand. jekonomicheskikh nauk*. Moskva, 33.
- Delawarde D. J'ai tiré sur le fil du mensonge et tout est venu. 13.03. 2019. URL: <https://reseauinternational.net/jai-tire-sur-le-fil-du-mensonge-et-tout-est-venu/> (accessed: 3.10.2022).
- Gunkel Ch. Sealed with a Kiss Treaty Heralded New Era in Franco-German Ties. 22.01.2013. URL: <https://www.spiegel.de/international/europe/the-elysee-treaty-has-been-a-cornerstone-of-european-stability-a-879002.html> (accessed: 3.10.2022).
- Häring N. Fast 700 Millionen US-Dollar pro Monat: Deutschland leidet unter Russland-Sanktionen. 11.10.2019. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/international/krim-streit-fast-700-millionen-us-dollar-pro-monat-deutschland-leidet-unter-russland-sanktionen/25107884.html> (accessed: 3.10.2022).
- Jean-Dominique Giuliani: «Les Européens doivent plus que jamais privilégier leurs intérêts». 11/11/2020. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/election-de-biden-les-europeens-doivent-plus-que-jamais-se-penser-en-puissance_2138415.html (accessed: 3.10.2022).
- Jacopo B., Mark S. US and Europe to forge tech alliance amid China's rise. June 9, 2021. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.74054f59-63442af6-4bb81810-74722d776562/https/www.politico.eu/article/europe-and-the-us-must-compete-with-china (accessed: 3.10.2022).
- Nietsche C., Lokker N. Europe and the US must compete with China. October 10, 2022. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.74054f59-63442af6-4bb81810-74722d776562/https/www.politico.eu/article/europe-and-the-us-must-compete-with-china
- Pour aider l'Ukraine, l'Europe et les Etats-Unis tentent de dépasser leur rivalité sur l'armement. 27.09.2022. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2022/09/27/armement-la-guerre-en-ukraine-ravive-la-rivalite-entre-l-europe-et-les-etats-unis_6143318_3210.html (accessed: 3.10.2022).
- Rapport A., Tankersley J. U.S. National Debt Tops \$31 Trillion for First Time. 4.10. 2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/10/04/business/national-debt.html> (accessed: 7.10.2022).
- Remarks by President Biden and Chancellor Scholz of the Federal Republic of Germany at Press Conference. 7.02.2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/02/07/remarks-by-president-biden-and-chancellor-scholz-of-the-federal-republic-of-germany-at-press-conferenc> (accessed: 3.10.2022).

- Shapiro J. Opinion. Biden Talks a Big Game on Europe. But His Actions Tell a Different Story. 06/04/2021. URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2021/06/04/biden-administration-europe-focus-491857> (accessed: 3.10.2022).
- The New Transatlantic Agenda. URL: https://eeas.europa.eu/us/docs/new_transatlantic_agenda_en.pdf (accessed: 3.10.2022).
- Transatlantic Declaration on EC – US Relations, 1990. URL: http://eeas.europa.eu/us/docs/trans_declaration_90_en.pdf (accessed: 3.10.2022).
- Transatlantic Economic Council, United States Department of State URL: <https://2009-2017.state.gov/p/eur/rt/eu/tec/index.htm> (accessed: 3.10.2022).
- Transatlantic Economic Partnership 1998. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/us/docs/trans_econ_partner_11_98_en.pdf (accessed: 3.10.2022).
- Ukraine Latest: Scholz Urges Speedy Delivery of Leopard 2 Tanks. 9.02. 2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-02-09/ukraine-latest-zelenskiy-tours-europe-with-calls-for-more-aid?srnd=premium-europe>
- US bombed Nord Stream gas pipelines, claims investigative journalist Seymour Hersh February 08 2023, The Times. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/us-bombed-nord-stream-gas-pipelines-claims-investigative-journalist-seymour-hersh-s730dnfz> (accessed: 9.02.2022).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 30.01.2023

Received 30.01.2023

Поступила после рецензирования 25.04.2023

Revised 25.04.2023

Принята к публикации 25.04.2023

Accepted 25.04.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Родович Юрий Владиславович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия

Yury V. Rodovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Archeology, Tula State Pedagogical University. L.N. Tolstoy, Tula, Russia

 [ORCID: 0000-0002-4551-908X](https://orcid.org/0000-0002-4551-908X)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94(47).01

Оригинальное исследование

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-395-405

Славянская и древнерусская пехота VI–XI вв.: эволюция тактики и вооружения

Хлапонин А.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: 999014@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье проанализированы сведения письменных источников и археологический материал по военному делу ранних славян и Древнерусского государства. Выделено 3 ключевых периода в развитии тактики и «матчасти»: конец V – середина VI века, период легкой конницы и легкой пехоты; вторая половина VI – середина IX века, оформляются профессиональные дружинные контингенты, востребованные и в качестве наемников. Третий период – вторая половина IX–XI века – для восточных славян знаменуется влиянием варягов, которые изменяют баланс сил и позволяют контролировать торговые пути и сформировать государство.

Ключевые слова: славяне, история военного дела, пехота, Раннее Средневековье, вооружение, тактика

Для цитирования: Хлапонин А.В. 2023. Славянская и древнерусская пехота VI–XI вв.: эволюция тактики и вооружения. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 395–405. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-395-405

Slavic and Ancient Russian Infantry of the VI–XI Centuries: the Evolution of Tactics and Weapons

Andrey V. Khlaponin

Belgorod National Research University,

85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

Email: 999014@bsu.edu.ru

Abstract. This article analyzes information from written sources and archaeological material on the military affairs of the Early Medieval Slavs and the Ancient Russian state. There are 3 periods in the development of tactics and arms: the end of the V – the middle of the VI century, the period of light cavalry and light infantry, the period of raids on Byzantium; the second half of the VI – the middle of the IX century, the Slavs move from raids to the conquest of the Balkans, at the same time professional militia contingents are formed. Slavs used armor, bladed weapons, compound bows. During this period, the states and proto-states of the southern and Western Slavs were formed. The third period – the second half of the IX–XI century is marked by Varangian influence. Scandinavian detachments are changing the balance of power on the territory of the future Old Russian state, which will allow straddling trade routes and accelerate the process of politogenesis.

Keywords: Slavs, history of military affairs, infantry, Early Middle Ages, weapons, tactics

For citation: Khlaponin A.V. 2023. Slavic and Ancient Russian Infantry of the VI–XI Centuries: the Evolution of Tactics and Weapons. *Via in tempore. History. Political science*, 50 (2): 395–405 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-395-405

Введение

В изучении военного дела славян Раннего Средневековья наметились некоторые традиционные постулаты, которые с незначительными коррективами дублируются из исследования в исследование со времен XIX столетия. Так, в историографии данной проблемы ученые условно выделяют доваряжский и варяжский периоды в развитии военного дела, отмечая бедность оружейной матчасти ранних славян и новаторство варягов, принесших тяжелое вооружение и традицию ведения ближнего боя в плотных пехотных построениях. Доваряжский период, ссылаясь на письменные источники, традиционно описывают как «эпоху» легкой пехоты с дротиками, которая полевых сражений избегает, организации и строя не знает, предпочитает нападать из засад и воевать на пересеченной местности. Однако и наши представления о письменных источниках, и данные археологии существенно меняются, что должно способствовать формированию новых представлений о военном деле раннесредневековых славян.

Объект и методы исследования

Объектом данного исследования является славянская и древнерусская пехота эпохи Раннего Средневековья. Нашей задачей было объяснить развитие вооружения и тактики пехоты этого периода с позиций материализма. В ходе исследования использовались диахронный, историко-генетический, историко-сравнительный методы исторического познания.

Результаты и их обсуждение

Военное дело славян VI – 1-й половины IX вв. в историографии традиционно описывается с опорой на письменные источники об экспансии славян на Балканы, их союзах и столкновениях с гуннами, готами, аварами, франками. Со времен XIX столетия вооружение и тактика славян описываются на основе ряда византийских источников. Исследователи рисуют картину массового применения метательных копий как основного или даже единственного оружия. Славянам приписывается ведение преимущественно «партизанской» войны с укрыванием на пересеченной местности и уходом от столкновений на открытых равнинных ландшафтах [Гейсман, 1893–1896; Разин, 1999; Нефедкин, 2003; Шувалов, 2004].

В основном подобное описание вооружения и тактики подкрепляется ссылками на «Стратегикон» (псевдо) Маврикия – своего рода «полевой устав», наставление для византийских полководцев по борьбе с различными народами, в т. ч. славянами.

«Пребывая в состоянии анархии и взаимной вражды, они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном строю не стремятся, ни показываться в местах открытых и ровных не желают. Если же и приходится им отважиться при случае на сражение, они с криком все вместе понемногу продвигаются вперед. И если неприятели поддаются их крику, они стремительно нападают; если же нет, прекращают крик и, не стремясь испытать силу своих врагов в рукопашной схватке, убегают в леса, имея там большое преимущество, поскольку умеют сражаться подобающим образом в тесных местах», – дается в «Стратегиконе» исчерпывающая и безапелляционная оценка уровню военного дела славян [Маврикий, 2004, с. 190–191].

Со ссылками на этот хрестоматийный труд, написанный на рубеже VI–VII столетий, славян описывают как слабовооруженных, «невоинственных» людей, которые избегают ближнего боя, строя не знают, забрасывают врага стрелами и дротиками, после чего могут

имитировать атаку и либо громят дрогнувшего неприятеля, либо отступают, если он не поддался «психической атаке».

Однако при более внимательном изучении корпуса византийских источников мы можем обнаружить странное противоречие: при общей характеристике военного дела славян ромеи описывают их в духе вышеописанного «канона», но, когда дело доходит до упоминания конкретных перипетий вторжения славян в Византию, картина рисуется несколько иная.

«Вступая же в битву, большинство идет на врагов пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, панциря же никогда на себя не надевают; некоторые же не имеют [на себе] ни хитона, ни [грубого] плаща, но, приспособив только штаны, прикрывающие срамные части, так и вступают в схватку с врагами», – описывает вооружение и защитное снаряжение славян Прокопий Кесарийский [Прокопий, 1994, с. 185].

Подобный текст в целом соответствует тенденции в описании экипировки славянских воинов, однако все тот же Прокопий описывает, как в Италии в «узком месте» 300 антов и вспомогательные отряды крестьян сражались с войском под предводительством готов, «опрокинули врагов и произошло великое их избиение» [Прокопий, 1994, с. 187].

То есть византийский автор приписывает не знающим доспехов антам воинскую доблесть и стойкость, недвусмысленно приравненную к спартанской. Далее, при описании вторжения славян через Дунай в 547 году, историк указывает на многочисленность и силу их войска, которое смогло «овладеть там и многими крепостями, считавшимися раньше надежными» [Прокопий, 1994, с. 189].

Блокирование, осада, а уж тем более взятие крепостей штурмом – это серьезнейший комплекс инженерно-фортификационных мероприятий, который прямо противоречит сюжету о неорганизованной толпе с дротиками без представлений о строе, дисциплине и следовании общему плану. Тем более в пользу силы и организованности войска славян говорит упоминание 15-тысячного войска архонтов Византии, которые лишь преследовали вторгнувшегося врага, но не решились или не смогли навязать ему сражение. Очевидно, что даже более многочисленное скопление метателей дротиков не могло представлять столь серьезную угрозу для византийского войска, которое в этот период включало и тяжелую пехоту, и застрельщиков, и конницу, как легкую, так и тяжелую [Банников, Морозов, 2013].

Византийский книжник упоминает и ряд других событий, которые характеризуют славян как исключительно боеспособных воинов, – описывает, как склавины на службе у Византии добыли «языка» для полководца Велизария [Прокопий, 1994]. Отдельного внимания заслуживает эпизод с Хильбудием – римским военачальником, о существовании которого упоминает только Прокопий.

Хильбудий был приближенным Юстиниана, назначенным на должность магистра во Фракии. На протяжении трех лет (видимо, с 530 по 533 год) полководец успешно сдерживал натиск славян и гуннов, ходил через Дунай в карательные экспедиции, пока одна из них не закончилась разгромом войска и гибелью полководца [Прокопий, 1994]. Никаких подробностей византийский книжник не приводит, однако очевидно, что практически полное уничтожение даже «малого войска» предполагает, что славяне дали полевое сражение, возможно, устроили засаду. Но, так или иначе, подобный результат невозможен при тактике, описанной в «Стратегиконе» и вторящих ему источниках.

Описывает Прокопий и вторжение славян начала 550-х годов (причем упоминает именно «склавинов» как самостоятельную силу, а не чьих-либо союзников). Славянское войско в три тысячи человек разделяется на две части, в сражениях разбивают войска архонтов Фракии и Иллирии, вновь берут ряд крепостей, в полевом сражении уничтожают войско во главе с телохранителем императора Асвадом. Историк упоминает, что войско Асвада включало «многочисленные и отборные» отряды конницы. С учетом того, что византийская армия этого периода в самом деле обладала конницей, как легкой, зачастую

сформированной из наемных кочевников, так и тяжелой – знаменитыми катафрактариями, возникает закономерный вопрос: каким образом состоящее из легкой пехоты, слабоорганизованное войско может не просто противостоять подобной силе, но и одерживать верх?

К счастью, помимо письменных источников, в нашем распоряжении имеются данные археологии. Так, исследователь эпохи великого переселения народов и Раннего Средневековья в целом Михаил Михайлович Казанский в своих исследованиях обобщает сведения о находках оружия на территориях расселения славян в V–VII столетиях. Ученый отмечает распространение в культурном слое славянских памятников элементов конной упряжи, роговых накладок лука, наконечников стрел, топоришков-чеканов [Казанский, 2019b]. То есть у нас есть основания утверждать, что наряду с легкой пехотой, метателями дротиков, натиск на Византию в VI–VII веках осуществляла еще и легкая конница, вооруженная сложносоставными луками.

Наличие как минимум двух «родов войск» уже позволяет говорить об определенных возможностях тактического взаимодействия. К примеру, легкая конница способна своими маневрами и обстрелом неприятеля из луков увести с поля боя его конницу, чередуя обстрелы и отступления «в парфянском стиле». Легкая конница может спровоцировать атаку противника, подведя его под шквал дротиков и стрел, метаемых пехотой. Наконец, наличие конницы позволяет решить вопросы разведки, конные разъезды не позволят застигнуть войско врасплох, могут ввести врага в заблуждение относительно направления основного удара, что особенно важно для успеха грабительских походов.

Вместе с тем стоит дать взвешенную оценку феномену вооруженной дротиками легкой пехоты. На наш взгляд, мнение о второстепенности, вспомогательном характере вооруженных дротиками воинов не вполне соответствует действительности. Общеизвестно, что знаменитые римские легионы, костяком которых была тяжелая пехота, тем не менее массово вооружались метательными копьями – пилумами. Забрасывание врага дротиками позволяло нанести противнику потери, а также повредить щиты, что предreshало исход последующего ближнего боя. Более того, римляне широко применяли легкую пехоту, на отряды которой возлагались исключительно задачи обстрела неприятеля. А по мере того, как Рим сталкивался с новыми врагами и новыми вызовами, возрастала потребность в увеличении доли войск с метательным оружием, тенденция эта намечается еще в I столетии до н. э. [Банников, 2015].

Более того, в римской армии, которая была «законодательницей мод» своего времени, метательное оружие активно совершенствовалось, на смену пилуму со временем приходят плумбаты или мартиобабулы («марсовы шипы») – более короткие специфические дротики, которые каждый воин носил уже несколько, в отличие от пилума [Банников, Морозов, 2013].

Очевидно, что метательные копья являются эффективным оружием, особенно в случае массового применения, которое обеспечивает массивный и плотный обстрел. Град дротиков был способен раскалывать щиты, ранить и убивать воинов, разрушая их боевые порядки. При этом стоит отметить, что наконечник копья и наконечник дротика практически во всех культурах имеют сходные формы, различаются они лишь в размере, причем не всегда можно провести четкую грань между еще метательным копьем и уже копьем ближнего боя. Решающим фактором здесь является скорее длина древка, но, по понятным причинам, археология не может дать однозначного ответа на вопрос о длине древка у славянского дротика, а письменные данные не достаточно полны.

Наконец, никакого унифицированного, приведенного к некоему ГОСТу дротика у раннесредневековых славян существовать не могло, габариты оружия у каждого воина могли быть индивидуальными, зависящими от конкретных задач, предпочтений и габаритов самого владельца. Военный историк П.В. Шувалов, а вслед за ним А.К. Нефедкин на основе византийских источников приводят длину дротика в 120 см [Нефедкин, 2003]. Даже если согласиться, что в среднем примерно такими были «лонхидии» славян, это ору-

жие при необходимости уже можно использовать в ближнем бою, ровно также и копье для ближнего боя в критической ситуации можно метнуть.

Нефедкин в статье «Тактика славян в VI в.» пытается реконструировать военное дело ранних славян, трактуя известное по письменным источникам наличие у воинов щитов следующим образом – у условно первой «шеренги» славянской пехоты были щиты, а стоящие в глубине этого разреженного строя (по мнению исследователя, щиты не образовывали сомкнутую линию) воины укрывались от неприятельского метательного оружия за щитоносцами. По всей видимости, подобная формация позволяла забрасывать врага копьями, кроме того, отдельные воины могли покидать строй и метать дротики, выбегая вперед [Нефедкин, 2003].

Хотелось бы высказать некоторый скептицизм относительно подобного видения военного дела. Стрельба из лука на поле боя предполагает массовое выпускание стрел по навесной траектории. При «разреженном» построении даже сам щитоносец от града стрел может быть сколько-нибудь защищен лишь при условии «лобового» обстрела. Обстрел с флангов уже может быть чреват фатальными последствиями, повторимся, даже для самого щитоносца. А уж стоящие позади него воины и подавно от навесного обстрела не будут никоим образом защищены. Стоит также добавить, что не только стрелы, но и дротики можно метать по навесной траектории, что также повышает уязвимость пехоты.

Для противостояния массированному обстрелу, очевидно, можно использовать либо максимально разреженный, шахматный строй, в котором нет места щитоносцам с «крепкими, но труднопереносимыми щитами, либо сомкнутое построение, обеспечивающее надежное прикрытие, но ограничивающее возможности для собственного применения метательного оружия (вероятно, метать копья в этом случае будет передняя шеренга). Вероятно, оба тактических построения могли применяться славянами, однако описанный исследователем усредненный вариант, по нашему мнению, не имеет военно-тактического смысла.

Наличие же у славян неких щитов, больших и малых, широкое применение древкового оружия делают возможным и массовое участие в ближнем бою, тем более что сами византийцы упоминают атаки славян на дезорганизованного обстрелом противника.

В пользу «исторической реабилитации» якобы не умеющих воевать славян говорит уже упомянутый выше факт того, что сами византийцы используют славянских наемников. Равно как и эффективность экспансии славян на Балканы доказывает нам, что славянское войско отнюдь не было слабым или небоеспособным.

Таким образом, на основе свидетельств письменных источников мы можем судить о череде походов славян на Византию как успешном вторжении. Воюющая на несколько «фронтов», ослабленная империя оказалась не готова отразить натиск славянских племен. Очевидно, что успешные грабительские набеги, увод пленных привели, говоря языком классиков, к концентрации прибавочного продукта в славянских обществах.

Красноречиво пишет об этом Иоанн Эфесский: «И они обогатились и приобрели золото, и серебро, и табуны лошадей, и много оружия. И они выучились воевать лучше, чем ромеи, [они], люди простые, которые не осмеливались показаться из лесов и защищенных деревьями [мест] и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев, а именно это – метательные копья» [Иоанн, 1994, с. 279]. Описание это относится к походу, который предприняли славяне «в третьем году... правления победительного Тиберия» – имеется в виду Тиберий II и, соответственно, 581 год.

Военные акции запустили процесс оформления воинской элиты, социальной прослойки, которая могла себе позволить отличное от большинства воинское снаряжение, а также заниматься войной на постоянной основе, что способствовало приобретению специфических, профессиональных навыков. Собственно, об этих изменениях и говорит Иоанн Эфесский, указывая, что в последней четверти VI века военное дело славян уже разительно отличается от хрестоматийного образа прячущихся в лесу варваров с дротиками. Отсюда же и упоминаемые византийцами славянские наемники, котировавшиеся в самой империи.

Относительно изменений, произошедших в военном деле славян в последней четверти VI столетия, показательным является и уже упомянутый выше «Стратегикон». Несмотря на общее описание славян как аморфного войска, не знающего строя и единого командования, автор при описании тактики набегов на славянские укрепленные поселения упоминает неких «наиболее подготовленных юношей», которые нападают на врага, и византийцы «оказываются не в состоянии причинить вред своим противникам» [Маврикий, 1994, С. 194].

Безотносительно вопроса авторства «Стратегикона», стоит признать, что написавший этот трактат человек явно разбирался в военном деле, весьма детально описал и тактику окружающих Византию народов и осветил вопросы организации и подготовки собственного войска. «Стратегикон» писался со знанием дела, человеком опытным в военных делах. Тем более интересно упоминание «наиболее подготовленных» славянских воинов – не является ли это историческим свидетельством того, что у славян рубежа VI–VII веков оформилась воинская прослойка, которая отличается от основной массы своими навыками, а также экипировкой и тактикой?

Мы полагаем, что здесь речь идет о группе воинов, которые сковывают силы врага в ближнем бою, имеют соответствующее этой цели оружие, именно поэтому (псевдо) Маврикий выделяет их из общей массы славянских воинов. Иными словами, в этот период уже можно говорить о существовании у славян профессиональных дружин, использующих защитное снаряжение и клинковое вооружение.

Неслучайно византийские источники второй половины VI–VII веков содержат упоминания об особенно ловких и имеющих привилегированный статус славянских воинах. Например, у Агафия Миренейского при описании ирано-византийской войны 541–562 годов упоминаются славянские полководцы «Усигард и Дабрагез» во главе отрядов византийской армии. В описании сражений есть любопытный эпизод: «И прежде чем они стали приближаться и прятаться [под «черепашу»], некто именем Сваруна, славянин, бросает копьё в более уязвимого [из намеревавшихся спрятаться под «черепашу»] и поражает его насмерть» [Агафий, 1994, с. 297].

Разумеется, у нас нет сведений о расстоянии, на котором был выполнен бросок, однако общее представление о военном деле говорит нам о том, что метательное оружие со времен Античности применяется массово и для обстрела неприятельского строя. Способность воина Сваруна поразить одиночную цель точным броском – показатель незаурядных возможностей, выходящих за рамки массового уровня владения оружием.

Отдельного внимания заслуживают организационные возможности славянского войска, которое, по данным письменных источников, умело использует полевую фортификацию, владеет осадным искусством.

Показателен в этом отношении эпизод, описанный Фиофилактом Симокаттой, о нападении тысячи византийцев на 600 славян, возвращающихся домой с рабами и добычей в обозе. «Поскольку варвары не могли избежать столкновения, они устроили крепость из составленных повозок, в середине обвода поместив детей и женщин Ромен, приблизившись к гетам, таково древнее имя этих варваров, не решались сойтись с ними врукопашную: они боялись дротиков, которые варвары со своего укрепления метали в коней» [Феофилакт, 1995, с. 31].

Фактически славянские воины применили вагенбург – полевое укрепление из повозок, которое при массовом применении оружия дальнего боя позволило отразить натиск византийской кавалерии. В конечном счете византийцы спешили и лишь в ходе тяжелого штурма смогли захватить укрепление, пленников спасти, по свидетельству автора, не успели.

В «Чудесах Святого Дмитрия Солунского» упоминаются нападения славян на Фессалоники, защититься от которых якобы помог святой покровитель. Так, говорится о пятидесяти тысячах воинов, внезапно подошедшем к стенам города и представлявшем собой «из-

бранный цвет всего народа славян». Византийцы вышли из города и дали полевое сражение, сумев отразить нападение. Интерес для нас представляет характер описания боя – прямым текстом говорится, что горожане вступили в ближний бой с «фалангой варваров» [ЧСД, 1995].

В описании второй осады, предпринятой в 617 году славянами и аварами, «ЧСД» упоминает многочисленную осадную «матчасть» – ограду из щитов, башни, подвижные галереи, камнеметы и тараны, а также почти увенчавшуюся успехом попытку вручную обрушить городскую стену [ЧСД, 1995].

Конечно, нельзя от религиозного текста ожидать достоверного описания, и это описание можно воспринять скептически. Однако совсем иным представляется текст «ЧСД» Собрании II, написанный, по-видимому, в 80-х – 90-х годах VII столетия. Пространность его изложения говорит о богатом источниковом материале, можно предположить, что анонимный книжник сам был свидетелем некоторых событий. Показателен в этом отношении тот факт, что в тексте вместо классических антов и склавинов упоминается длинный перечень славянских племен – «бесчисленное множество, состоявшее из дрогувитов, сагудатов, велегезитов, ваюнитов, верзитов и других народов [ЧСД, 1995, с. 125].

Для нас этот источник интересен описаниями организации осады – славяне используют лодки «моноксилы» для блокады города с моря, в то время как значительные силы окружают Фессалоники с суши. Автор утверждает, что на четвертый день осады славяне уже перешли к решительному штурму на суше и на море одновременно, причем пытались подавить защитников города обстрелом из камнеметов и тучей стрел. Крайне любопытно, что в описании совершенного святым чуда (якобы «варваров» объял ужас, флот пришел в расстройство и славяне сами себя перебили) говорится о применении славянами мечей против своих же соратников [ЧСД, 1995].

Как известно, меч является наиболее дорогостоящим, статусным предметом вооружения, требующим к тому же специфических навыков в обращении. Таким образом, перед нами свидетельство того, что у осаждавших Салоники славян в VII веке были профессиональные дружины.

Византийские письменные источники, даже при условии, что они практически синхронно указывают на изменения в развитии военного дела славян, можно было бы упрекнуть в некоей предвзятости, тенденциозности, а описание вооруженных мечами, знающих осадное дело славян списать на стремление преувеличить «варварскую угрозу». Не являются ли все приведенные выше описания «тучи стрел», камнеметов, грозных войск лишь письменным образом наподобие миллионной армии персов у Геродота?

Современные данные археологии говорят об обратном – науке известны находки элитного доспешного снаряжения, конской упряжи, клинкового оружия, обнаруженные в ареале распространения славянских археологических культур. Таковы, например, находки каркасных шлемов (т. н. шпангенхельмов) византийского типа на территории современной Брянской области [Казанский, 2019а].

У постзарубинецкой и киевской культур известны находки шпор, выполненных из цветных металлов и имеющих богатый орнамент. Широко известны элементы пластинчатого доспеха, найденные в Хотомельском городище, а также Картамышевский меч [Казанский, 2019а].

Таким образом, наличие воинской элиты у славян VI–VII веков подтверждается археологическим материалом. Возможную критику, связанную с относительной немногочисленностью находок элитного вооружения (в сравнении, например, с франками или скандинавами Раннего Средневековья), можно парировать двумя аргументами.

Во-первых, археологические раскопки на славянских поселениях и могильниках продолжаются из года в год, накопление новых находок лишь является вопросом времени, а попытки типологизировать известный археологический материал уже предпринимаются.

Во-вторых, богатство оружейных находок у ряда германских племен связано со спецификой представлений о загробной жизни и соответствующим погребальным обрядом. Сравнительная малочисленность находок у той или иной культуры отнюдь не указывает на ее пацифизм.

В противном случае в рядах не умеющих воевать «пацифистов» оказались бы, например, представители Черняховской археологической культуры, представленной относительно небольшим числом находок оружия, в особенности статусного [Магомедов, Левада, 1994]. Однако Черняховская культура исследователями ассоциируется с восточными готами – безжалостными завоевателями, наводившими ужас на Европу и в 410 году взявшими Рим. Очевидно, что было бы ошибкой буквально соотносить количество оружейных находок и уровень развития военного дела.

Для восточных славян важной вехой в развитии военного дела стал варяжский период. Традиционно в историографии сюжет о призвании варягов ассоциируется с ключевой точкой в процессе оформления Древнерусского государства, немаловажным аспектом политоге­неза было и военное дело. Однако что могли принести малочисленные скандинавские дружины (по-видимому, насчитывавшие несколько десятков воинов), если славяне уже имеют профессиональные дружины с элитным вооружением, институт княжеской власти и укрепленные поселения в качестве политических центров?

В период IX–XI веков на территории зарождающегося Древнерусского государства резко появляется и расцветает культура богатых воинских погребений с богатым инвентарем, в том числе широко представленным клинковым вооружением и защитной экипировкой [Кирпичников, 1966].

В связи с этим возникает соблазн заявить, что скандинавские, варяжские воины вызвали некие кардинальные перемены в местном военном деле, даже отождествить появление кольчуг, шлемов, щитов с умбонами исключительно со скандинавским фактором.

Но, как уже говорилось ранее, находки защитной экипировки на территории славянских памятников известны. Общее же количество находок оружия не всегда коррелируется с уровнем развития и распространенности военного дела, находки в погребениях, которые составляют абсолютное большинство оружия IX–XI веков, являются лишь отражением особенностей погребального обряда, буквально переносить количество найденной «матчасти» на уровень военного дела было бы логической ошибкой. Развивая это заблуждение, можно прийти к выводу, что в XII–XIII веках древнерусское военное дело вновь приходит в упадок, поскольку количество воинских погребений снова сокращается (на деле это связано с христианизацией и соответствующим изменением представлений о загробной жизни [Кирпичников, 1966].

На деле в варяжский период происходит появление «импортных», довольно немногочисленных отрядов тяжелой пехоты ближнего боя, которая сражается в сомкнутом строю, может перемещаться по морю или рекам, что значительно ускоряет нападение и повышает эффективность как набегов, так и полноценных завоеваний. При этом ни клинковое вооружение, ни доспехи варягов, очевидно, не были чем-то невероятным и сверхтехнологичным по меркам местного населения.

Мы полагаем, что внесенная варягами лепта в развитие военного дела состоит в изменении баланса сил, который со времен VI века описывался византийцами как «народовластие», «состояние анархии и взаимной вражды». Если между славянскими «суперсоюзами» идет перманентное противостояние, то, очевидно, множество примерно равных соперников друг друга уравнивает. В случае успешного грабительского похода или даже выигранного сражения едва ли у победившей стороны останется достаточно сил, чтобы захватить укрепленные поселения и удержать их во время набега со стороны других племенных коалиций.

Между тем вызревают экономические предпосылки к оформлению государства – необходимость контролировать торговые пути, постепенный рост интенсивности земле-

деля. Вероятно, скандинавские дружины способствовали разрыву «порочного круга», позволив от хаотичных взаимных набегов перейти к объединению. Вероятно, изменение баланса сил привело к изменению положения, при котором «земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет» [ПВЛ, 1950, с. 18].

Соответственно, в период второй половины IX–XI веков формирующееся Древнерусское государство располагает легкой пехотой, славянской и скандинавской пехотой ближнего боя. Возможно, имеются некоторые контингенты легкой конницы, в том числе финно-угорской. У ряда племенных объединений финно-угров, в частности, у мерян, наблюдается культ коня, широко распространены погребения людей с элементами лошадиного костяка и оружием – саблями, мечами, пиками, стрелами и дротиками [Белорыбкин, 2003].

Как уже говорилось ранее, славянам был известен сложносоставной лук с роговыми накладками, а как минимум с IX столетия этот технологичный вид метательного оружия становится господствующим, что подтверждается археологически [Медведев, 1966].

Попытка умозрительной реконструкции тактики древнерусского войска этого периода рисует нам следующую картину: легкая пехота в сочетании с легкой конницей забрасывает неприятельский строй градом стрел и дротиков, выбивая противников и раскалывая щиты. После этого «импортная» формация пехоты – стена щитов – вступала в ближний бой [Пенской, Щендрыгин, 2011].

Вероятно, в ближний бой вступали и славянские «наиболее подготовленные юноши», могла вступить в схватку и легкая пехота. Данная комбинация родов войск позволила объединить территории Древнерусского государства, добить Хазарский каганат, предпринять серию набегов на Византию и взять под контроль стратегические торговые пути.

Однако в дальнейшем, ввиду необходимости противостояния конным кочевникам, развитие военного дела на Руси пошло по пути профессиональных конных дружин, пехота же становится второстепенной и вспомогательной силой.

Заключение

Таким образом, в развитии пехоты славян и Древней Руси VI–XI вв. мы выделили 3 ключевых эволюционных этапа. Первый период очерчивается концом V – серединой VI века. Благодаря описаниям из византийских источников мы можем судить о славянах как преимущественно легкой пехоте и немногочисленной легкой коннице, осуществляющих грабительские набеги, порой дающих сражения и осаждающих города.

Со второй половины VI столетия можно говорить о завоевании Балкан славянами, византийские авторы отмечают появление качественно отличающихся контингентов войск, обогащение славян, усвоение ими искусства осады крепостей. Славянские профессиональные воины широко применяются Византией как наемники, известны археологические находки элитарного славянского вооружения, в том числе кавалерийского.

Третий период – вторая половина IX–XI века знаменуется варяжским влиянием. Скандинавские отряды изменяют баланс сил на территории будущего Древнерусского государства, перманентное противостояние славянских и финно-угорских обществ сменится объединением, запустится процесс политогенеза. Дальнейшее развитие военного дела будет связано с развитием профессиональной конницы.

Список литературы

- Банников А.В. 2015. Причины и характер изменений в римском вооружении I–III вв. н. э. В: Проблемы истории, филологии, культуры. 3: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 77–90.
- Банников А.В. Морозов, М.А. 2013. Византийская армия (IV–XII в.). СПб., ЕВРАЗИЯ, 688.

- Белорыбкин Г.Н. 2003. Западное Поволжье в Средние века. Пенза: Пензенский государственный педагогический университет, 199.
- Гейсман П.А. 1893–1896. Краткий курс истории военного искусства в средние и новые века. Т. 1. СПб.: Тип. С.Н. Худекова, 170.
- Иоанн Эфесский. 1994. Церковная история. Пер. Н.И. Серикова. М., Восточная литература, 284.
- Казанский М.М. 2019. О военной организации славян в V–VII веках: вожди, профессиональные воины и археологические данные. *Stratum plus*. 5, Кишинев, Огнем и мечом, 15–28.
- Казанский М.М. 2019. Степные традиции в славянском вооружении и конском снаряжении в V–VII вв. В: Краткие сообщения института археологии. М., ИА РАН, 253–269.
- Кесарийский П. 1994. Тайная история. Пер. С.А. Иванова, Л.А. Гиндина, В.Л. Цымбурского. М., Восточная литература, 170–250.
- Кирпичников А.Н. 1966. Древнерусское оружие. 1. М., Наука, 189.
- Маврикий. 2004. Стратегикон. Пер. В.В. Кучмы. СПб., Алетейя, 64–232.
- Магомедов Б.В., Левада М.Е. 1994. Оружие Черняховской культуры. В: Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Симферополь, Таврия, 304–323.
- Медведев А.Ф. 1966. Луки и стрелы, самострелы. М., Наука, 154.
- Миренейский А. 1994. История. Пер. И.А. Левинская, С.Р. Тохтасьев. М., Восточная литература, 311.
- Нефёдкин А.К. 2003. Тактика славян в VI в. (по свидетельствам ранневизантийских авторов). *Византийский временник*. 62. М., ИА РАН, (87): 79–91.
- Пенской В.В., Щендрыгин А.Н. 2011. Тактика ранних славян и «Стена» Святослава в «Истории» Льва Диакона (к проблеме военно-технической революции в Восточной Европе в IX в. и образования древнерусского государства). *Via in tempore. История. Политология*, 1. 124–130.
- Лихачев Д.С., Романов Б.А. 1950. «Повесть временных лет». Ч. 1. М-Л.: Издательство АН СССР, 504.
- Разин Е.А. 1999. История военного искусства. СПб., Полигон. 655.
- Симокатта Ф. 1995. История. Пер. С.А. Иванов. М., Восточная литература. 10–64.
- Чудеса святого Дмитрия Солунского. 1995. Пер. О.В. Иванова. М., Восточная литература. 91–211.
- Шувалов П.В. 2004. Оружие ранних славян. Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье: Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова: 254–264.

References

- Bannikov A.V. 2015. Prichiny i kharakter izmeneniy v rimskom vooruzhenii I–III vv. n. e. [The causes and nature of changes in the Roman armament of the I–III centuries A.D.]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 3: Magnitogorskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet im. G.I. Nosova, 77–90 (in Russian).
- Bannikov A.V., Morozov, M.A. 2013. Vizantiyskaya armiya (IV–XII v.) [The Byzantine Army IV–XII]. SPb., EVRAZIYa, 688 (in Russian).
- Belorybkin G.N. 2003. Zapadnoe Povolzh'e v Srednie veka [Western Volga Region in the Middle Ages]. Penza: Penzenskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 199 (in Russian).
- Geysman P.A. 1893–1896. Kratkiy kurs istorii voennogo iskusstva v srednie i novye veka [A short course in the history of military art in the Middle and New Centuries]. Т. 1. SPb.: Тип. S.N. Khudekova, 170.
- Ioann Efesskiy. 1994. Tserkovnaya istoriya [Church history]. Per. N.I. Serikova. M., Vostochnaya literatura, 284 (in Russian).
- Kazanskiy M.M. 2019. O voennoy organizatsii slavyan v V–VII vekakh: vozhd'i, professional'nye voiny i arkheologicheskie dannye [About the military organization of the Slavs in the V–VII centuries: leaders, professional warriors and archaeological data]. *Stratum plus*. 5, Kishinev, Ognem i mehom, 15–28 (in Russian).
- Kazanskiy M.M. 2019. Stepnye traditsii v slavyanskom vooruzhenii i konskom snaryazhenii v V–VII vv. [Steppe traditions in Slavic armament and horse equipment in the V–VII centuries]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii*. M., IA RAN, 253–269 (in Russian).

- Kesariyskiy P. 1994. Taynaya istoriya [The Secret History]. Per. S.A. Ivanova, L.A. Gindina, V.L. Tsymburskogo. M., Vostochnaya literatura, 170–250 (in Russian).
- Kirpichnikov A.N. 1966. Drevnerusskoe oruzhie [Ancient Russian weapons]. 1. M., Nauka, 189 (in Russian).
- Mavrikiy. 2004. Strategikon. Per. V.V. Kuchmy. SPb., Aleteyya, 64–232 (in Russian).
- Magomedov B.V., Levada M.E. 1994. Oruzhie Chernyakhovskoy kul'tury [Weapons of the Chernyakhovsky culture]. Vizantiya i narody Prichernomor'ya i Sredizemnomor'ya v rannee srednevekov'e (IV–IX vv.). Simferopol', Tavriya, 304–323 (in Russian).
- Medvedev A.F. 1966. Luki i strely, samostrely [Bows, arrows and crossbows]. M., Nauka, 154 (in Russian).
- Mireneyskiy A. 1994. Istoriya [History]. Per. I.A. Levinskaya, S.R. Tokhtas'ev. M., Vostochnaya literatura, 311 (in Russian).
- Nefedkin A.K. 2003. Taktika slavyan v VI v. (po svidetel'stvam rannevizantiyskikh avtorov) [Tactics of the Slavs in the VI century (according to early Byzantine authors)]. Vizantiyskiy vremennik. 62. M., IA RAN, (87): 79–91 (in Russian).
- Penskoj V.V. Shchendrygin A.N. 2011. Taktika rannikh slavyan i «Stena» Svyatoslava v «Istorii» L'va Diakona (k probleme voenno-tehnicheskoy revolyutsii v Vostochnoy Evrope v IX v. i obrazovaniya drevnerusskogo gosudarstva) [Tactics of the early Slavs and the "Wall" of Svyatoslav in the "History" of Leo the Deacon (on the problem of the military-technical revolution in Eastern Europe in the IX centuries and the formation of the Ancient Russian state)]. Via in tempore. Istoriya. Politologiya, 1. 124–130.
- Likhachev D.S., Romanov B.A. 1950. «Povest' vremennykh let» [The Tale of Bygone Years]. Ch. 1. M-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 504 (in Russian).
- Razin E.A. 1999. Istoriya voennogo iskusstva [History of military art]. SPb., Poligon. 655 (in Russian).
- Simokatta F. 1995. Istoriya [Hystory]. Per. S.A. Ivanov. M., Vostochnaya literatura. 10–64 (in Russian).
- Chudesa svyatogo Dmitriya Solunskogo [Miracles of St. Demetrius of Thessalonica]. 1995. Per. O.V. Ivanova. M., Vostochnaya literatura. 91–211 (in Russian).
- Shuvalov P.V. 2004. Oruzhie rannikh slavyan [Weapons of the early Slavs]. Kul'turnye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem Srednevekov'e: Doklady nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 60-letiyu so dnya rozhdeniya E.A. Goryunova: 254–264 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.05.2023

Received 21.05.2023

Поступила после рецензирования 01.06.2023

Revised 01.06.2023

Принята к публикации 01.06.2023

Accepted 01.06.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Хлапонин Андрей Вячеславич, аспирант кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Andrey V. Khlaponin, Postgraduate student of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0000-8049-2823](https://orcid.org/0009-0000-8049-2823)

УДК 94(47).026
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-406-413
Обзорная статья

Роль Византийской империи в церковной политике Древнерусского государства в середине XI века: на примере поставления митрополита Илариона

Соломин В.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 1200751@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы взаимоотношения Руси и Византии в церковной политике. Оцениваются особенности взаимоотношений между патриархом и императором и их соответствие идее «симфонии властей». Проанализирована степень зависимости Киевской митрополии от византийских иерархов. Изучена роль греческих митрополитов в древнерусской политике. Выделены основные гипотезы, раскрывающие обстоятельства поставления Илариона и реакцию светских и церковных властей Константинополя на это событие. Оцениваются обстоятельства поставления Илариона. Оценивается возможность наличия конфликта между Русью и Византией в 1051 году. Изучаются мотивы Ярослава и возможность воспользоваться внутрицерковным конфликтом в Византии. Проанализирована теория о поставлении Илариона в 1044 году и дальнейшем его утверждении Константинополем в 1051 году. Изучена возможность договоров между монархами. Проведён анализ внешнеполитического положения Византии к 1051. Выявлены основные сильные и слабые стороны гипотез.

Ключевые слова: Ярослав Мудрый, Древняя Русь, митрополит Иларион, Византия, церковь

Для цитирования: Соломин В.А. 2023. Роль Византийской империи в церковной политике Древнерусского государства в середине XI века: на примере поставления митрополита Илариона. Via in tempore. История. Политология, 50 (2): 406–413. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-406-413

The Role of the Byzantine Empire in the Church Policy of the Old Russian State in the Middle of the 11th Century: on the Example of Enthronement of Metropolitan Hilarion

Vladimir A. Solomin

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: 1200751@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of the relationship between Rus' and Byzantium in church politics. The peculiarities of the relationship between the patriarch and the emperor and their correspondence to the idea of "symphony of authorities" are assessed. The degree of dependence of the Kyiv Metropolis on the Byzantine hierarchs is analyzed. The place of the Kyiv Metropolitanate has been assessed within the framework of the study of the role of the Greek metropolitans in ancient Russian politics. The main hypotheses are identified, revealing the circumstances of the appointment of Hilarion and the reaction of the secular and ecclesiastical authorities of Constantinople to this event. The circumstances of Hilarion's appointment are assessed. The possibility of a conflict between Russia and Byzantium in 1051 is assessed. The motives of Yaroslav and the opportunity to take advantage of the intra-church conflict in Byzantium are being studied. The theory about the appointment of Hilarion in

1044 and his further approval by Constantinople in 1051 is analyzed. The possibility of treaties between monarchs has been studied. The analysis of the foreign policy position of Byzantium by 1051 is carried out. Their main strengths and weaknesses of the hypotheses are revealed.

Keywords: Yaroslav the Wise, Ancient Rus', metropolitan Hilarion, Byzantine Empire, church

For citation: Solomin V.A. 2023. The Role of the Byzantine Empire in the Church Policy of the Old Russian State in the Middle of the 11th Century: on the Example of Enthronement of Metropolitan Hilarion. *Via in tempore. History and political science*, 50 (2): 406–413 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-406-413

Введение

Изучение деятельности митрополита Илариона невозможно без понимания специфики церковной политики Византийской империи. Пресвитер также был связан с Византией. На данный момент в научном сообществе принято полагать, что будущий митрополит получил богословское образование на Афоне или в Константинополе [Подскальски, 1996, с. 148]. Также вопрос обстоятельств и причин его поставления непосредственно связан с русско-византийскими отношениями.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются русско-византийские отношения в религиозной сфере в середине XI века и реакция византийских властей на поставление митрополита Илариона в 1051 году.

Теоретико-методологическую основу исследования составили принципы историзма, всесторонности и объективности, хронологический, историко-сравнительный и ретроспективный методы, а также были применены анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение

Согласно анализу доступных исследований, взаимоотношения между Церковью и государственной властью в Византии не были однозначными. Императорская власть в Византии стремилась к участию в церковных делах вплоть до назначения и отстранения церковных деятелей. Духовенство играло же посредническую роль в политике, однако, по замечанию русского исследователя Н.А. Скабалановича, имело властные полномочия [Скабаланович, 2004, с. 74]. Очевидным является то, что «симфония властей» не воплощалась на практике. Нарушения государства принципом «симфонии властей» позволяли говорить как византийским иерархам, так и некоторым исследователям, в частности П.В. Безобразову, о сложившемся доминировании светской власти над церковной, однако власть императора над патриархией не была абсолютной [Казанцев, 2021, с. 101]. Тем не менее именно к XI веку государственная власть получила контроль над высшими церковными иерархами [Казанцев, 2021, с. 105].

Вышеупомянутая характеристика соотношения светской и церковной властей в Византийской империи важна для комплексного понимания важности церковной политики как византийского, так и древнерусского монархов во внешней политике. Одним из наиболее фундаментальных вопросов в данной проблеме является древнерусско-византийские отношения в церковной сфере. На данный момент известно о том, что большинство киевских митрополитов в домонгольскую эпоху были греками. Однако греки-митрополиты не влияли на международные отношения и не являлись особыми политическими фигурами [Щапов, 1989, с. 170]. Более того, можно считать, что власть византийского патриарха над Киевской митрополией не была всеобъемлющей. Киев находился далеко от Константинополя, и вмешательство князей, как и разобщённость народов, не поз-

воляли управлять церковью так же эффективно, как другими греческими митрополиями [Доброклонский, 2001, с. 30].

Отметим, что пассивность греков-митрополитов и сложности в управлении не побуждали Византию оставить попытки влиять на Русскую церковь. Греки ссылались на 28-ой канон Халкидонского собора, дающий возможность на исключительное право Константинополя на поставление митрополитов и епископов в назначенных землях [Темчин, 2010, с. 192]. При создании Киевской митрополии практика поставления митрополитом патриархов в выбранных диоцезах превратилась в политический акт, и эта же логика могла использоваться при хиротонии митрополитов [Щапов, 1989, с. 169].

Стремление аккумулировать большую власть над церковью в своих руках косвенно прослеживается через запрет на открытие второй митрополии на Руси, что привело к негативным последствиям [Ульянова, 2011, с. 31]. Патриарх и император не только назначали митрополитов, но и вели надзор над складывающейся ситуацией и разрешали церковные споры [Шапошников, Федоров, 2006, с. 56]. Отдельно стоит изучить вопрос дани. Так, Л.Е. Шапошников также утверждал о наличии дани и права ставропигии у патриарха [Шапошников, Федоров, 2006, с. 56]. В свою очередь, за дань могли признать различного рода подарки, которые получали византийские иерархи, приезжающие в Киев. Проблема ставропигии остаётся дискуссионной ввиду подчинения монастырей епископам и князьям, а не патриарху [Щапов, 1989, с. 167].

Тем не менее следует выделить высокое положение Русской церкви в Константинопольском патриархате. Сразу после крещения Руси была создана митрополия, главы которой поставлялись патриархом [Ульянова, 2011, с. 27]. Я.Н. Щапов также указывал на особый статус Киевской митрополии. Она была самой большой епархией и территориально совпадала с территорией Киевской Руси [Щапов, 1989, с. 165].

Данное положение церкви неизбежно привело бы к попытке местной элиты к интронизации своего митрополита. Итогом ряда исследований стало выделение двух гипотез интронизации Илариона: самовольное решение князя Ярослава вследствие ряда событий, связанных с политикой Византийской империи, или же убеждение патриархии или договор с императором об интронизации иерарха русского происхождения.

Согласно первой гипотезе, князь Ярослав поставил собственного митрополита в знак протеста с Византией во время некоего конфликта с ней в 1051 году. О наличии конфликта между Киевом и Константинополем указывает Никоновская летопись. Согласно её тексту, вследствие «брани и нестроения» был поставлен Иларион в соответствии с Первым правилом святых апостолов [Никоновская летопись, 1869, с. 83]. Однако в ней содержится поздняя вставка. В более ранних летописях указывался лишь факт поставления митрополита князем и епископами [Лаврентьевская летопись, 1846, с. 67]. Тем не менее в историческом сообществе рассматривается вероятное соперничество между Русью и Византией как повод для «акта 1051 года». Итогом данного соперничества, согласно отечественному историку В.В. Милькову, стала временная автокефалия церкви [Мильков, 2009, с. 122].

Краеугольным камнем данной гипотезы является обязательное непризнание Константинополем сложившихся в Киеве церковных реалий. Так или иначе, возвращение греческого митрополита в 1055 году преподносится как победа Константинополя над Киевом и возвращение старых порядков [Темчин, 2010, с. 192]. В качестве одной из причин возвращения греков на киевскую кафедру выдвигают ослабление верховной власти в Киеве [Петрушко, 2007, с. 45]. Со смертью Ярослава и уходом Илариона связывают и преследования некоторых священников, в частности Луки Жидяты. В его судебном преследовании В.В. Мильков видел отражение негативной реакции Константинополя на поставление Илариона Ярославом без их санкции [Мильков, 2009, с. 142].

Стоит также отметить, что ряд учёных не воспринимал стремление Ярослава поставить негреческого иерарха во главе митрополии как попытку разрыва отношений с Византийской империей. А.О. Ульянова отметила, что возможной причиной хиротонии Илари-

она по воле князя являлась вакантностью митрополичьей кафедры на протяжении нескольких лет, что не коррелирует с утверждением о политической значимости поставления митрополитов. После поставления Иларион обратился к патриарху с просьбой благословить назначение на сан митрополита [Ульянова, 2011, с. 27]. Теория о конфликте опровергается и зарубежными историками. Так, английский историк Джонатан Харрис указывал на то, что после войны 1043 года Русь и Византия больше не выступали друг против друга в роли противников [Харрис, 2017, с. 188].

Вне зависимости от решения Синода большинство учёных сходится во мнении, что Ярослава устроила бы автономия, при которой Русь получала право самостоятельно избирать митрополита [Петрушко, 2007, с. 45]. На это указывает и летопись, согласно которой разрыва отношений с Константинопольским патриархатом не планировалось [Никоновская летопись, 1869, с. 83].

Утверждение Илариона в сан митрополита могло быть связано не только с внешнеполитическими событиями. Настолование «русина» в митрополиты могло стать отражением внутрицерковной борьбы между византийским монашеством и Константинопольским патриархом. Так, Ярослав мог воспользоваться конфликтом и поддержать Студийских и Афонских монахов. Их поддержка позволила поставить в митрополиты Илариона, используя древнее правило собора епископов митрополии при содействии светских властей [Роменский, 2021, с. 116]. При этом важным будет заметить, что Ярослав не выступал в роли оппозиции к государственной власти империи или же к Константинопольской церкви как таковой. Его оппонентом выступал непосредственно патриарх Михаил Керуларий [Карпов, 2001, с. 421].

Другой теорией является наличие договорённости между князем и императором о поставлении русина в сан митрополита. Так, с 90-х годов XX века в отечественной историографии появляется теория, согласно которой Илариона могли назначить на место митрополита во время конфликта с Византией, однако к 1051 году легитимность его сана была принята после переговоров с Константинополем [Кожяев, 2010, с. 46]. Однако версия с поглощением реальной даты поставления датой утверждения патриархом является спорной. Непосредственно митрополит указывал 1051 как год своего поставления [Исповедание веры, 2011, с. 122].

Следует отметить, что в поздних исторических источниках также упоминается схожая версия о ходе поставления Илариона в 1051 году. Так, западнорусский церковный деятель Захария Копыстенский отмечал, что вопрос с интронизацией Илариона решался уже после мира с Константинополем. По версии архимандрита, после поставления по инициативе Ярослава пресвитер обращался к патриарху с просьбой признать каноничность его интронизации, на что патриарх дал согласие [Палинодия, 1878, стлб. 1010]. Однако данный источник имеет низкую степень аутентичности и опирается на вставку из Никоновской летописи. Помимо данного источника, в XVI–XVII веках сообщалось о поставлении через «грамоту Керулария», однако данные сведения оцениваются исследователями как догадки. Тем не менее отечественный исследователь С.В. Перевезенцев указывал на то, что Константинополь впоследствии мог признать каноничность поставления митрополита, указывая на его включение в официальные списки русских митрополитов [Перевезенцев, 2015, с. 21].

Более вероятной является теория, что Византийская империя приняла своё решение, не опираясь на сложившуюся в прошлом десятилетии конфликтную ситуацию. Так, Византия в 1147 году не поддержала кандидатуру Климента Смолятича – второго митрополита русского происхождения. В свою очередь, реакция византийцев на поставление Илариона не сохранилась в источниках [Ужанков, 2013, с. 102].

Оба варианта теории о договоре сводятся к тому, что в 1051 году между Киевом и Константинополем не было конфликтной ситуации. Не все учёные считали поставление Илариона следствием самовольной политики Ярослава, направленной на автономию национальной церкви. Согласно заключению немецкого слависта Герхарда Подскальски, гипотеза об антивизантийской церковной политике Ярослава основывается на не связанных между собой предположениях и не соотносится с заключённым вскоре династическим бра-

ком между сыном Ярослава Всеволодом и дочерью Константина IX [Подскальски, 1996, с. 149]. А.П. Доброклонский, хоть и был сторонником самовольного поставления митрополита, указывал, что Ярославу методами дипломатии удалось убедить Константинополь в отсутствии претензий к существующему церковному порядку, что было подтверждено в будущем уже после смерти Ярослава [Доброклонский, 2001, с. 30–31].

Исходя из выше указанных фактов, ряд учёных пришел к выводу, что настолование Илариона могло пройти без существенных изменений в сущности процесса настолования. Пресвитер оставил запись о том, что епископы в Киеве его посвятили и поставили в митрополиты [Слово о законе и благодати, 1997, с. 60]. Немецкий славист Людольф Мюллер обратил внимание на то, что избрание не упоминалось самим митрополитом. Исходя из вышеперечисленных фактов и аутентичных источников, опровергающих традиционный формат интронизации иерарха, он сделал выбор, что избрание осуществил патриарший синод [Мюллер, 2000, с. 91].

Однако важным будет упомянуть, что ошутимая часть исследователей основывает свои доводы на том, что молчание источников свидетельствует об отсутствии негативной реакции Константинополя [Темчин, 2010, с. 180]. На этот факт указывает и немецкий филолог Герхард Подскальски. Тем не менее его заключение сводится к тому, что конфликт между Константинополем и Киевом в 1051 году маловероятен [Подскальски, 1996, с. 149].

Стоит отметить, что интронизация митрополитов происходила не только с согласия патриарха и Синода, но и учитывалось мнение императора [Шапошников, Федоров, 2006, с. 56]. Из этого может следовать, что договорённость между Ярославом Мудрым и Константином IX по интронизации Илариона является возможным вариантом объяснения положения в сан митрополиты не грека. Вполне вероятно, что на дипломатическое решение проблемы мог повлиять император. Немаловажным является и наличие родственных связей Константина и Ярослава. Император имел достаточно влияния на Церковь, чтобы Синод утвердил необходимого кандидата. Данная теория объясняет отсутствие негативной информации касательно «акта 1051 года» [Мюллер, 2000, с. 92].

Отдельного изучения требуют взаимоотношения Константина IX и Ярослава Мудрого. В исторических исследованиях мы можем найти несколько точек зрения на поставленную проблему. С одной стороны, мы видим наличие в некотором роде пренебрежительного отношения со стороны императора и константинопольского двора к бывшим союзникам [Темчин, 2010, с. 180]. Г.Г. Литаврин указывал на то, что мир 1046 года не помешал Константину относиться к Руси недостаточно почтительно [Литаврин, 2000, с. 325]. С другой стороны, Людольф Мюллер указывал на то, что после династического брака между ними установились тёплые отношения [Мюллер, 2000, с. 92]. На наш взгляд, отношения могли улучшиться после восстановления союзнических отношений. Так, уже в 1047 году древнерусские войска отправились на помощь императору с целью подавления мятежа Льва Торника [Литаврин, 2000, с. 274]. Это могло быть поводом идти на временные уступки в церковном вопросе.

Важно отметить и политическую ситуацию в 1051 году. Византийская империя столкнулась с усилившимся натиском печенегов на северные границы. Сложившаяся ситуация не способствовала обострению отношений с Русью. Наоборот, отмечается сближение между двумя странами на фоне угрозы налётов со стороны печенегов [Карпов, 2001, с. 428]. В определённый момент мы можем наблюдать потепление отношений. Так, мы наблюдали отправку византийских певчих в Киев для обучения священнослужителей церковному пению [Доброклонский, 2001, с. 31]. В этом исследователь видел проявление любезности со стороны византийцев, полагая, что интронизация Илариона прошла без проблем для русско-византийских отношений.

Отметим также и то, что Церковь в Византии хоть и попала в определённую зависимость от воли императора, но не была полностью подчинена ему. Византийские патриархи имели определённую власть в обществе, чтобы выразить несогласие императорскому диктату в церковной политике [Казанцев, 2021, с. 121]. Исходя из этого, мы делаем вывод, что в слу-

чае наличия договорённости между императором и князем, церковные иерархи в Константинополе не выразили недовольства в связи с данным решением.

Заключение

Завершая анализ поставленной проблемы, перейдём к следующим выводам:

Несмотря на формальное действие «симфонии властей» в Византийской империи, император мог напрямую влиять на решения Церкви. В свою очередь, власть патриарха была менее значимой, хоть он и мог частично влиять на политику страны и уйти в оппозицию монарху;

Патриарх стремился сохранить влияние на Киевскую митрополию и право поставлять митрополита, однако полноценный контроль за митрополией был невозможным, а греческие иерархи не были активными акторами в политической жизни Руси;

Ряд учёных полагал, что поставление Илариона произошло без санкции патриарха и восстановление грека-митрополита после смерти Ярослава отражало желание Константинополя пресечь попытку древнерусских князей построить автономную церковь, однако версия о конфликте является спорной с точки зрения достоверности;

Отсутствие реакции патриарха на поставление «русина» в митрополиты могло означать возможность договорённости между монархами о признании данной кандидатуры и убеждении, что на Руси не стремятся к отделению от патриархата. Византия не стала идти на конфликт, чему могли повлиять потепление отношений между монархами и наличие печенежской угрозы.

Список литературы

- Доброклонский А.П. 2001. Руководство по истории Русской Церкви. Москва, Крутицкое Патриаршее подворье, 936 с.
- Исповедание веры. 2011. В кн.: Митрополит Иларион. Слово о законе и благодати. Москва, Институт русской цивилизации: 116–122.
- Казанцев Д.А. 2021. Византия и Русь. Статус государя как отражение политической культуры (конец IX – начало XVI века). Москва, Инфра-М, 210 с.
- Карпов А.Ю. 2001. Ярослав Мудрый. Москва, Молодая гвардия, 583 с.
- Кожаев М.М. 2010. Учение о власти в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона. Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 1: 44–54.
- Лаврентьевская летопись. 1846. В кн.: Полное собрание русских летописей. Т. 1. Санкт-Петербург, Типография Эдуарда Праца: 1–209.
- Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. 1862. Полное собрание русских летописей. Т. 9. Санкт-Петербург, Типография Эдуарда Праца, 286 с.
- Литаврин Г.Г. 2000. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). Санкт-Петербург, Алетейя 398 с.
- Мильков В.В. 2009. Духовная дружина русской автокефалии: Иларион Киевский. Россия XXI. 4: 112–155.
- Мюллер Л. 2000. Митрополит Иларион: жизнь и творчество. В кн.: Понять Россию: историко-культурные исследования. Москва, Прогресс-Традиция: 88–124.
- Палинодия. 1878. В кн.: Русская Историческая Библиотека издаваемая археографическою комиссиею. Т. 4. Санкт-Петербург, Хромолитография А. Траншкля: 313–1200.
- Перевезенцев С.В. 2015. Церковь и государство в Киевской Руси в XI–XII вв. Вестник Липецкого государственного педагогического университета. 3: 17–25.
- Петрушко В.И. 2007. История Русской Церкви с древнейших времён до установления патриаршества. Москва, Изд-во ПСТГУ, 356 с.
- Подскальски Г. 1996. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Санкт-Петербург: Византинороссика, 572 с.
- Роменский А.А. 2021. История Руси и Русской Церкви в трудах Анджея Поппэ. Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. № 1 (13): 108–126.

- Скабаланович Н.А. 2004. Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия Болгаробойцы II до воцарения Алексея I Комнина. Т. 2. Санкт-Петербург, Издательство Олега Абышко, 416 с.
- Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона. 1997. В кн.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. Санкт-Петербург, Наука: 26–61.
- Темчин С.Ю. 2010. О реакции Константинополя на поставление Киевского митрополита Илариона. В кн.: Именослов. История языка. История культуры. Санкт-Петербург, Алетейя: 180–192.
- Ужанков А.Н. 2013. «Слово о законе и благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. Москва, НИЦ «Академика», 350 с.
- Ульянова А.О. 2011. Правовая автономия болгарской, русской, молдавской и валашской церквей в Константинопольском патриархате в Средние века. Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1: 7–34.
- Харрис Д. 2017. Византия: История исчезнувшей империи. Москва: Альпина нон-фикшн, 386 с.
- Шапошников Л.Е., Федоров А.А. 2006. История русской религиозной философии. Учебное пособие для вузов. Москва, Высшая школа, 447 с.
- Щапов Я.Н. 1989. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. Москва, Наука, 232 с.

References

- Dobroklonskiy A.P. 2001. *Rukovodstvo po istorii Russkoy Tserkvi* [Guide to the history of the Russian Church]. Moskva, Krutitskoe Patriarshee podvor'e, 936 p. (in Russian).
- Ispovedanie very [Confession of faith] 2011. In: *Mitropolit Ilarion. Slovo o zakone i blagodati* [Metropolitan Hilarion. Sermon on Law and Grace]. Moskva, Institut russkoy tsivilizatsii: 116–122 (in Russian).
- Kazantsev D.A. 2021. *Vizantiya i Rus'*. Status gosudarya kak otrazhenie politicheskoy kul'tury (konets IX – nachalo XVI veka) [Byzantium and Rus'. The Status of the Sovereign as a Reflection of Political Culture (late 9th – early 16th century)]. Moskva, Infra-M, 210 p. (in Russian).
- Karpov A.Yu. 2001. *Yaroslav Mudryy* [Yaroslav the Wise]. Moskva, Molodaya gvardiya, 583 p. (in Russian).
- Kozhaev M.M. 2010. *Uchenie o vlasti v «Slove o zakone i blagodati» mitropolita Ilariona* [The Doctrine of Power in Metropolitan Hilarion's «Sermon on Law and Grace»]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 1: 44–54 (in Russian).
- Lavrent'evskaya letopis'* [Laurentian Chronicle]. 1846. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles]. Т. 1. Sankt-Peterburg, Tipografiya Eduarda Pratsa: 1–209 (in Russian).
- Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoy letopis'yu* [Chronicle collection, called the Patriarch's or Nikon Chronicle]. 1862. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles]. Т. 9. Sankt-Peterburg, Tipografiya Eduarda Pratsa, 286 p. (in Russian).
- Litavrin G.G. 2000. *Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus' (IX – nachalo XII v.)* [Byzantium, Bulgaria, Ancient Rus' (IX – early XII century)]. Sankt-Peterburg, Aleteyya, 398 p. (in Russian).
- Mil'kov V.V. 2009. *Dukhovnaya družhina russkoy avtokefalii: Ilarion Kievskiy* [Spiritual squad of Russian autocephaly: Hilarion of Kiev]. *Rossiya XXI*. 4: 112–155 (in Russian).
- Myuller L. 2000. *Mitropolit Ilarion: zhizn' i tvorchestvo* [Metropolitan Hilarion: life and work]. In: *Ponyat' Rossiyu: istoriko-kul'turnye issledovaniya* [Understanding Russia: Historical and Cultural Studies]. Moskva, Progress-Traditsiya: 88–124 (in Russian).
- Palinodiya* [Palinode]. 1878. In: *Russkaya Istoricheskaya Biblioteka izdavaemaya arkhograficheskoyu kommissieyu* [Russian Historical Library published by the archeographic commission]. Т. 4. Sankt-Peterburg, Khromolitografiya A. Transhklya: 313–1200.
- Perevezentsev S.V. 2015. *Tserkov' i gosudarstvo v Kievskoy Rusi v XI–XII vv.* [Church and state in Kievan Rus in the XI–XII centuries]. *Vestnik Lipetskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3: 17–25 (in Russian).
- Petrushko V.I. 2007. *Istoriya Russkoy Tserkvi s drevneyshikh vremen do ustanovleniya patriarshestva* [History of the Russian Church from ancient times to the establishment of the patriarchate]. Moskva, Izd-vo PSTGU, 356 p. (in Russian).
- Podskal'ski G. 1996. *Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kievskoy Rusi (988–1237 gg.)* [Christianity and Theological Literature in Kievan Rus (988–1237)]. Sankt-Peterburg: *Vizantinorossika*, 572 p. (in Russian).

- Romenskiy A.A. 2021. Istoriya Rusi i Russkoy Tserkvi v trudakh Andzheya Poppe [History of Rus' and the Russian Church in the writings of Andrzej Poppe]. Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. 1 (13): 108–126 (in Russian).
- Skabalanovich N.A. 2004. Vizantiyskoe gosudarstvo i Tserkov' v XI veke. Ot smerti Vasiliya Bolgaroboytsy II do votsareniya Alekseya I Komnina [Byzantine state and church in the 11th century. From the death of Basil the Bulgar-Slayer II to the accession of Alexei I Komnenos]. Т. 2. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 416 p. (in Russian).
- Slovo o zakone n blagodati mitropolita Kievskogo Ilariona [Sermon on Law and Grace by Metropolitan Hilarion of Kiev]. 1997. In: Library of Literature of Ancient Rus'. Т. 1. Sankt-Peterburg, Nauka: 26–61 (in Russian).
- Temchin S.Yu. 2010. O reaktsii Konstantinopolya na postavlenie Kievskogo mitropolita Ilariona [On the reaction of Constantinople to the appointment of Metropolitan Hilarion of Kiev]. In: Imenoslov. Istoriya yazyka. Istoriya kul'tury [Imenoslov. History of language. History of culture]. Sankt-Peterburg, Aleteyya: 180–192 (in Russian).
- Uzhankov A.N. 2013. «Slovo o zakone i blagodati» i drugie tvoreniya mitropolita Ilariona Kievskogo ["Sermon on Law and Grace" and other works of Metropolitan Hilarion of Kiev]. Moskva, NITs «Akademika», 350 p. (in Russian).
- Ul'yanova A.O. 2011. Pravovaya avtonomiya bolgarskoy, russkoy, moldavskoy i valashskoy tserkvey v Konstantinopol'skom patriarkhate v Srednie veka [Legal autonomy of the Bulgarian, Russian, Moldavian and Wallachian churches in the Patriarchate of Constantinople in the Middle Ages]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya. 1: 7–34 (in Russian).
- Kharris D. 2017. Vizantiya: Istoriya ischeznuvshey imperii [Byzantium: A History of a Lost Empire]. Moskva: Al'pina non-fikshn, 386 p. (in Russian).
- Shaposhnikov L.E., Fedorov A.A. 2006. Istoriya russkoy religioznoy filosofii. Uchebnoe posobie dlya vuzov [History of Russian religious philosophy. Textbook for universities]. Moskva, Vysshaya shkola, 447 p. (in Russian).
- Shchapov Ya.N. 1989. Gosudarstvo i tserkov' Drevney Rusi X–XIII vv. [State and Church of Ancient Rus' X–XIII centuries]. Moskva, Nauka, 232 p. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.05.2023

Received 04.05.2023

Поступила после рецензирования 15.05.2023

Revised 15.05.2023

Принята к публикации 16.05.2023

Accepted 16.05.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Соломин Владимир Алексеевич, аспирант кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Vladimir. S. Solomin, PhD student of the Department of Russian History and Records science, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-5677-8853](https://orcid.org/0000-0002-5677-8853)

УДК 069.013(42) + 930

DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-414-428

Оригинальное исследование

«Кружала» – циркули XVI–XVIII вв. в собраниях Музея М.В. Ломоносова МАЭ (Кунсткамера) РАН

Лупанова Е.М.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)

Российской академии наук,

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3

E-mail: lupanova@kunstkamera.ru

Аннотация. Теоретической основой исследования циркулей из собрания отдела «Музей М.В. Ломоносова» в составе Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) является концепция Р. Харре о магической силе материальных предметов, имеющей значение только в контексте определенных нарративов, об изменении смысла вплоть до утраты при эволюции нарратива. В качестве исторических источников использованы как сами музейные предметы, так и печатные руководства по артиллерии XVII – начала XVIII в. Циркули, хотя и известны в течение очень длительного времени, именно в XVI–XVIII приобрели нехарактерное для них в другие исторические периоды высокое военное значение. Эти инструменты были необходимы для изготовления орудий и снарядов, выявления и исправления недостатков в полевых условиях, для выравнивания ствола пушки при подготовке к стрельбе, для решения графическим способом расчетных задач по наводке орудия и корректировке огня, как часть комплекта с линейками со шкалой Гартмана и аналогичными счетными устройствами. Ранние экземпляры представляют собой изящные вычурные предметы, изготавливавшиеся если не в единственном экземпляре, то в очень малом количестве. Для более позднего времени характерны простые и практичные инструменты, относительно простые в изготовлении и имевшие гораздо более широкое распространение.

Ключевые слова: циркуль, музейный предмет, артиллерия, социальный контекст, история бытования

Для цитирования: Лупанова Е.М. 2023. «Кружала» – циркули XVI–XVIII вв. в собраниях Музея М.В. Ломоносова МАЭ (Кунсткамера) РАН. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 414–428. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-414-428

Compasses of 16-th – 18-th Centuries in M.V. Lomonosov's Museum MAE (Kunstkamera) RAS

Yevgenia M. Lupanova

Peter the Great's Museum for anthropology and ethnography (Kunstkamera)

Russian academy of sciences,

3 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia

E-mail: lupanova@kunstkamera.ru

Abstract. The theoretic base for the research of compasses from M.V. Lomonosov's museum (the department of Peter the Great's Museum for anthropology and ethnography (Kunstkamera)) is the concept of R. Harre about the magical power of material objects, that get sense only in definite context; the sense changes and sometimes is even lost with narrative-shifts. The sources for the research are the museum objects and print artillery manuals of the 17th – early 18th century. Compasses, though known for a long time, got in the 16–18th centuries high military significance, not typical for them in other periods.

Compasses were necessary for making cannons and balls, defect discover and correction, leveling barrel before the shot, solving calculating tasks by graphical methods, as a part of set with Hartmann's scale rulers or some other analogue instruments. Early examples are elegant objects made if not as the only unique ones, that not in big number. Later compasses are comparatively simple and broadcast.

Keywords: compasses, museum object, artillery, social context, history of usage

For citation. Lupanova Ye.M. 2023. Compasses of 16-th – 18-th Centuries in M.V. Lomonosov's Museum MAE (Kunstkamera) RAS. Via in tempore. History and political science, 50 (2): 414–428 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-414-428

Введение

По словам британского исследователя Рома Харре, «Материальные предметы способны обладать магической силой только в контексте соответствующих нарративов» [Харре, 2006, с. 120]. Он поясняет, что под магической силой подразумевается сила, напрямую не связанная с физическими свойствами предмета; такие объекты как флаг или доллар нуждаются в социальном контексте; при отсутствии нарратива их существование теряет смысл. Рассмотрение музейной коллекции научных инструментов с такой позиции имеет веские основания: показания барометра обретают смысл только при наличии разработанной системы определения изменений погоды в зависимости от колебаний атмосферного давления, показания медицинского термометра или тонометра нуждаются в информации о том, какая температура или давление является нормальной для человеческого тела, а какая требует незамедлительных мер, и т. д. Иногда можно наблюдать изменение значения предмета при изменении нарратива, но сохранении функционала. Так, микроскоп прошел путь от «куриозитета», представляющего привычные предметы в необычном виде, к научному инструменту, позволяющему изучать жизнь микроорганизмов; телескоп – от атрибута астрологов, составляющих гороскопы, к непременной части оснащения современной астрономической обсерватории [Иванов, 2004]. Бытование нарратива поддерживает значение предмета в социуме, исчезновение – влечет за собой забвение магической силы и утраты значимости предмета.

Идея о значимости социального контекста для существования артефакта довольно широко распространена в исследованиях по социологии, философии, антропологии [Хайдеггер, 1993; Топоров, 1995; Торчинов, 2005; Копытофф, 2006; Верле, 2013], но до сих пор на удивление мало использовалась мало при изучении музейных предметов и разработке концепций экспозиций. В качестве редкого исключения можно выделить выставочный проект «Автосохранение» виртуальной лаборатории современного искусства «Кластер» [Посуденко, 2020]. Вместе с тем именно в области музейных проектов открываются широчайшие возможности применения теории на практике, а отказ от внимательного отношения к концепции антропологии вещей влечет за собой формирование и распространение искаженных (порой до неузнаваемости) представлений об историческом прошлом [Верле, 2019].

Объекты и методы исследования

В коллекционных фондах Музея М.В. Ломоносова МАЭ РАН хранится целый ряд предметов, зарегистрированных в официальных документах как «неизвестного назначения» (т. е. фактически утратившими свое значение, ставшее совершенно непонятным); атрибуция зачастую является неполной, подчас чисто условной, и открывает простор для исследовательской работы, не завершающейся установлением правильного наименования артефакта. Мало увидеть в изделии просто «солнечно-звездные часы» или «вакуумный насос», важно понять культурный контекст бытования и окружавшие его нарративы.

Примером такой работы является изучение «кружал» (циркулей), хранящихся в отделе «Музей М.В. Ломоносова» МАЭ РАН. Тексты учетной документации отличаются скупостью, а в научных публикациях этим предметам до сих пор не уделялось внимания.

Хранящиеся в музеях артефакты являются важными историческими источниками [Прищепова, 2014; Белков, 2016; Рыгалова, Рыгалов, 2018; Минина, 2020], зачастую очень малоизученными. Письменными источниками для изучения социального контекста этих предметов в военной среде являются руководства по артиллерии XVII–XVIII вв., «Устав ратных, пушечных и других дел» 1607 г., «Описание артиллерии» Т.Н. Бринка 1710 г. и «Новейшее основание и практика артиллерии» Э. Брауна.

В фондах Музея Ломоносова хранится 18 циркулей. Из них два – пропорциональные, каждый из которых является универсальным и уникальным инструментом, заслуживающим особого внимания к себе и потому исключенными из объекта исследования в рамках данной статьи, посвященной более простым и распространенным артефактам.

Циркули XVI–XVII вв. – многофункциональные инструменты

Два наиболее ранних циркуля (МЛ-2810 и МЛ-3675, рис. 1 и рис. 2) являются одновременно наиболее сложными по технике изготовления и по функционалу. Они явно относятся к артиллерийским, о чем свидетельствует наличие шкалы Гартмана с подписями на немецком языке «дюйм», «каменное ядро», «железное», «свинцовое», указывающие на вид снаряда, для которого шкала позволяет решать уравнения, известными и переменными в которых являются масса и диаметр. При помощи таких шкал и угломерных приспособлений рассчитывали также дальность выстрела и необходимое количество пороха. Шкала была разработана в XVI в. нюрнбергским механиком Г. Гартманом на основе теоремы итальянского математика Н. Тарталья: «веса подобных тел, сделанных из одного материала, относятся как кубы сходственных измерений». Так как основой расчетов являются степенные функции, на обоих инструментах можно увидеть три шкалы с неравномерным уменьшающимся шагом, в одном случае – вдоль ножки циркуля, в другом – на центральном круге.

Рис. 1. Кронциркуль. Неизвестный немецкий мастер. Середина XVI – первая половина XVII в.

Источник: МАЭ (Кунсткамера) РАН. МЛ-2810, МАЭ № 7717-4

Fig. 1. Compasses. Unknown German master. Middle 16th – first half of the 17th century.

MAE (Kunstkamera) RAS. ML-2810, MAE № 7717-4

На циркуле МЛ-3675 указан год изготовления – 1568, другой предмет датируется второй половиной XVI–XVII вв. Циркуль МЛ-3675 оформлен просто, на нем отсутствуют декоративные украшения, он имеет две прямые ножки. Циркуль МЛ-2810 является намного более сложным и изысканным инструментом, богато украшенным растительным орнаментом и двумя гербами, обычно объединявшимися в герб курфюршества Саксония: один со скрещенными мечами, другой с полосатым фоном, пересеченным по диагонали короной. Циркуль имеет четыре слегка загнутые внутрь ножки (т. е. относится к кронциркулям), образованные двумя стальными деталями, соединенными в центре. Его конструкция свидетельствует о том, что он предназначался для измерения диаметров снарядов или толщины стенок ствола. На дисках выгравированы восемь различных шкал с неравномер-

ными делениями. Положение стрелки зависит от положения ножек. То есть при непосредственном измерении диаметра можно было увидеть на шкалах вес, произвести дальнейшие расчеты, связанные с дальностью выстрела. Потертости свидетельствуют о частом перемещении положения стрелки в период использования.

Рис. 2. Кронциркуль. Неизвестный немецкий мастер. 1568 г.

Источник: МАЭ (Кунсткамера) РАН. МЛ-3675

Fig. 2. Compasses. Unknown German master. 1568. MAE (Kunstkamera) RAS. ML-3675

Усовершенствованную модификацию циркуля представляет собой также инструмент МЛ-2808 (рис. 3).

Рис. 3. Измерительный инструмент. Неизвестный мастер. Середина XVI – первая половина XVII в.

Источник: МАЭ (Кунсткамера) РАН. МЛ-2808

Fig. 3. Measuring instrument. Unknown German master. Middle 16th – first half of the 17th century
MAE (Kunstkamera) RAS. ML-2808

Он состоит из двух изогнутых ножек, на раздвоенных концах которых находится по две иглы. На задней стороне ножки имеют по граненому колечку, через которое проходит винт, заканчивающийся фигурными ручками. Винт служит для изменения положения ножек. Спереди подвешены параллельные шкалы с движущейся по ним горизонтальной шкалой, шкалы равномерные, нумерация через 5: горизонтальная (15–0–15), вертикальная (0–5–65). Инструмент использовался для измерения диаметров снарядов или толщины стенок ствола, в качестве отвеса и, вероятно, как прицельная планка (вертикальная разметка с равномерным шагом характерна для прицельных планок, но обычно они снабжались бегунком (целиком), перемещавшимся между этими делениями; два паза и небольшое круглое отверстие позволяют со значительной долей вероятности предположить утрату детали в центральной части, по которой перемещался целик).

Совмещение прицельной планки с отвесом и инструментом для измерения диаметров можно наблюдать также на примере инструмента МЛ-3663 (рис. 4). Прицельная планка состоит из линейки со шкалой, имеющей равномерный шаг, равный 2,43 см с нумерацией через 1 (1–18), каждый из которых разделен на четверти, заканчивающейся стрелкой со шкалой.

Рис. 4. Прицельная планка с калибровальным циркулем. Кристоф Трекслер (?). Последняя четверть XVI – первая треть XVII в. Источник: МАЭ (Кунсткамера) РАН. МЛ-3663
Fig. 4. Aiming plank with artillery compasses. Christoph Trechsler (?). Last quarter of 16th – first third of the 17th century. MAE (Kunstkamera) RAS. ML-3663

Фигурная гравированная планка свободно перемещается по линейке и при необходимости фиксируется винтом, несет на себе коробочку, в которую вмонтирован очень чувствительный указатель вертикального положения, закрытый стеклом и крышкой. Верхняя и нижняя плоскости коробочки гравированы и имеют ступенчатые выступы. Внизу коробочки находится железный винт с фигурным барашком, с помощью которого коробочка крепится на линейке. С другой стороны к этой планке под прямым углом крепится при помощи винта поперечная планка с подвижными боковыми «плечиками», положение которых также фиксируется при помощи фигурных винтов. Каждое «плечико» несет на себе железный винт с двумя кронштейнами и фигурным барашком. Плечики с загнутыми краями и стрелками по краям имеют шкалы без нумерации; цена делений равна цене делений на линейке, каждое деление разделено на

половины и на восьмые части; на стрелках нанесена гравировка. Эта гравировка, как и имеющаяся на коробочке, допускает двоякую трактовку. Помимо чисто декоративной функции она может играть роль схемы рассеивания снарядов или заключать в себе подобную справочную информацию. Между плечиками в центре инструмента нанесены инициалы мастера – С.Т., возможно, указывающие на Кристофа Трекслера-старшего, дрезденского оружейного и инструментального мастера, работавшего при саксонском курфюршеском дворе во второй половине XVI – начале XVII в., либо на его сына, Кристофа Трекслера-младшего, занимавшегося тем же ремеслом.

Четыре рассмотренных инструмента позволяют производить и измерения, и расчеты. В целом для ранних инструментов эпохи энциклопедической науки было характерно совмещение разных функций. С течением времени вместе со специализацией областей знаний усиливались тенденции специализации инструментов, повышения степени их точности, отказа от декоративных элементов. На большинстве других циркулей, хранящихся в коллекции Музея Ломоносова МАЭ РАН, нет ни украшений, ни шкал Гартмана; внешне они во многом похожи на современные измерительные инструменты. Только один из них имеет дуговую шкалу с подписью «Rinland Inches», размеченную на девять равных нумерованных делений, каждое из которых делится еще на половины и четверти.

Еще одним инструментом для измерения диаметров снарядов или толщины стенок ствола является предмет с инвентарным номером МЛ-2798.

Рис. 5, 6. Приспособление для определения калибра орудия.

Неизвестный мастер. 1636 г. Источник: МАЭ (Кунсткамера) РАН. МЛ-2798

Fig. 5, 6. Artillery compasses. Unknown master. 1636. MAE (Kunstkamera) RAS. ML-2798

На профилированных ножках с прорезными чеканными подставками растительного орнамента, на которые прикреплены на винтах две параллельные, скрепленные в конце планкой, зубчатые рейки, проходящие сквозь четырехугольные отверстия горизонтальной свинченной планки. На концах ножек находится четыре иглки для крепления на орудии. В середине имеется диск с винтом в центре. Инструмент позволяет измерять снаряды диаметром до 11,8 см. В центре смонтирована прицельная планка с бегунком, имеющим визир в центре. С одного конца прикреплены две параллельные перекладные полосы, соединенные чеканной пластинкой. Надпись указывает на изготовление инструмента в 1636 г. и на инициалы мастера «V.S.M.F.».

Место изготовления большинства циркулей музейного собрания неизвестно, но в основном они, видимо, были изготовлены в Европе. Аналогичные инструменты были известны в России в XVII–XVIII вв.

Циркули XVIII в., сужение функциональности и упрощение оформления

Циркули XVIII в. в коллекциях Музея Ломоносова, естественным образом, представлены шире, чем более ранние – количество изготавливавшихся инструментов со временем росло, и если предыдущий параграф был посвящен четырем предметам, то в этом можно рассказать о двенадцати. Вместе с тем объем этого рассказа будет отличаться в другую сторону. Отсутствие декоративных элементов и строгая узкая функциональность артефактов практически не оставляют простора для исследовательской фантазии.

Восемь предметов – МЛ-427 (рис. 7), МЛ-440 (рис. 8), МЛ-441 (рис. 9), МЛ-3710 (рис. 10), МЛ-2762 (рис. 11), МЛ-2763 (рис. 12), МЛ-432 (рис. 13), МЛ-438 (рис. 14) – представляют собой типичные циркули-измерители, отличающиеся друг от друга преимущественно конструкцией и оформлением крепления. Все шесть циркулей латунные, имеют прямые стальные ножки, предназначенные для измерения и процарапывания отметок на металлических или деревянных поверхностях. МЛ-2762, МЛ-2763 изготовлены из упругой стальной пластины, в которую вмонтирован винт для изменения расстояния между ножками; остальные – из двух деталей, скрепленных между собой винтом.

Циркуль МЛ-427 является простейшим вариантом пропорционального циркуля – скрепляющий винт находится не на концах двух деталей, а примерно на расстоянии $1/3$ двух коротких частей и, соответственно, $2/3$ – от длинной части; разница между широким и узким растворами – ровно в два раза.

Рис. 7. Циркуль-измеритель. Неизвестный мастер. XVIII в.
Источник: МАЭ (Кунсткамера) РАН. МЛ-427
Fig. 7. Compasses. Unknown master. 18th century.
MAE (Kunstkamera) RAS. ML-427

Рис. 8. Циркуль-измеритель. Неизвестный мастер. XVIII в.

Источник: МАЭ (Кунсткамера) РАН. МЛ-440

Fig. 8. Compasses. Unknown master. 18th century. MAE (Kunstkamera) RAS. ML-440

Рис. 9. Циркуль-измеритель. Неизвестный мастер. XVIII в.

Источник: МАЭ (Кунсткамера) РАН. МЛ-441

Fig. 9. Compasses. Unknown master. 18th century. MAE (Kunstkamera) RAS. ML-441

Рис. 10. Циркуль-измеритель. Неизвестный мастер. XVIII в.

Источник: МАЭ (Кунсткамера) РАН. МЛ-3710

Fig. 10. Compasses. Unknown master. 18th century. MAE (Kunstkamera) RAS. ML-3710

Рис. 11. Циркуль-измеритель. Неизвестный мастер. XVIII в.
Источник: МАЭ (Кунсткамера) РАН. МЛ-2762
Fig. 11. Compasses. Unknown master. 18th century. MAE (Kunstkamera) RAS. ML-2762

Рис. 12. Циркуль-измеритель. Неизвестный мастер. XVIII в.
Источник: МАЭ (Кунсткамера) РАН. МЛ-2763
Fig. 12. Compasses. Unknown master. 18th century.
MAE (Kunstkamera) RAS. ML-2763

Рис. 13. Циркуль-измеритель. Неизвестный мастер. XVIII в.
Источник: МАЭ (Кунсткамера) РАН. МЛ-432
Fig. 13. Compass. Unknown master. 18th century.
MAE (Kunstkamera) RAS. ML-432

Рис. 14. Циркуль-измеритель. Неизвестный мастер. XVIII в.
Источник: МАЭ (Кунсткамера) РАН. МЛ-438
Fig. 14. Compass. Unknown master. 18th century.
MAE (Kunstkamera) RAS. ML-438

Кронциркуль МЛ-442 (рис. 15, 16) имеет дуговую шкалу с надписью «Rinland inches» (рейнские дюймы). Шкала размечена на 9 нумерованных делений, каждое из которых, в свою очередь, разделено на половины и четверти. Предмет похож на образец, представленный на иллюстрации книги «Описания артиллерии» Т.Н. Бринка (Л. 58) (рис. 17).

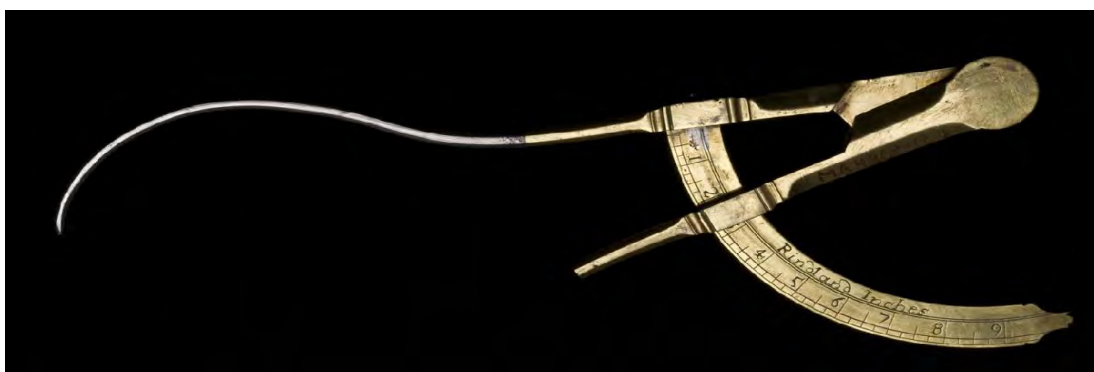

Рис. 15, 16. Циркуль-измеритель. Неизвестный мастер. XVIII в.
Источник: МАЭ (Кунсткамера) РАН. МЛ-442
Fig. 15, 16. Compasses. Unknown master. 18th century.
MAE (Kunstkamera) RAS. ML-442

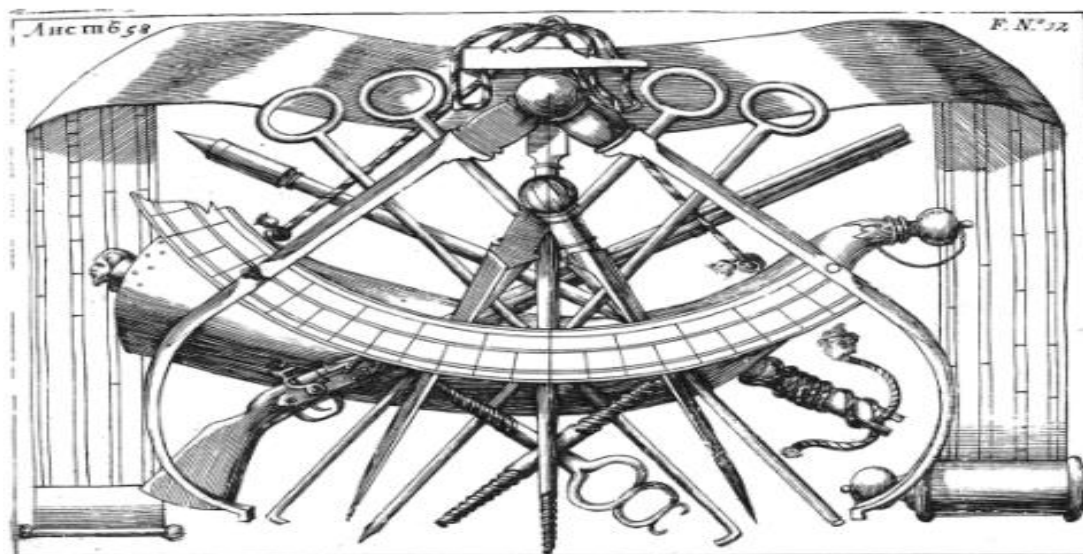

Рис. 17. Иллюстрация из книги Т.Н. Бринка «Описание артиллерии»
Источник:

https://books.google.ru/books?id=whqOBQAAQBAJ&pg=PT78&hl=ru&source=gb_s_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false

Fig. 17. Illustration from T.N. Brink's "Description of Artillery"

https://books.google.ru/books?id=whqOBQAAQBAJ&pg=PT78&hl=ru&source=gb_s_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false

Два других циркуля с прямыми ножками (один с двумя (МЛ-3676, рис. 18), другой также с третьей укороченной (МЛ-3711, рис. 19)) имеют дужки без разметки, предназначенные только для укрепления конструкции. Потертости на поверхности свидетельствуют о более интенсивном использовании обоих циркулей для измерения небольших размеров.

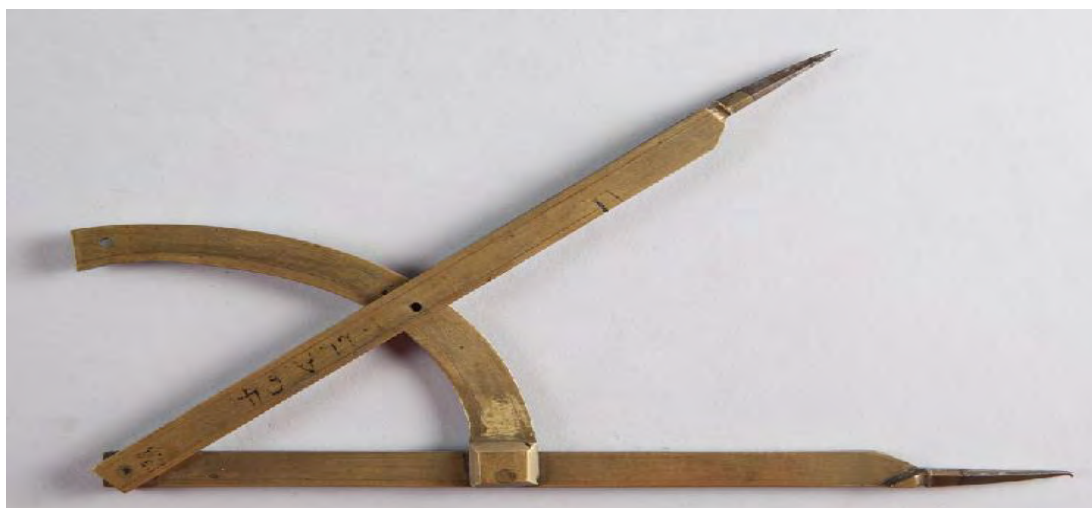

Рис. 15. Циркуль-измеритель. Неизвестный мастер. XVIII в.
Источник: МАЭ (Кунсткамера) РАН. МЛ-3676

Fig. 15. Compasses. Unknown master. 18th century.
MAE (Kunstkamera) RAS. ML-3676

Рис. 16. Циркуль-измеритель. Неизвестный мастер. XVIII в.

Источник: МАЭ (Кунсткамера) РАН. МЛ-3711

Fig. 16. Compass. Unknown master. 18th century. MAE (Kunstkamera) RAS. ML-3711

Циркули на страницах русскоязычных печатных руководств по артиллерии XVII – XVIII вв.

В русскоязычной литературе по артиллерии этого периода можно почерпнуть сведения о принципах их использования, то есть как раз те нарративы, о которых говорилось во вводной части статьи.

С циркуля как с самого важного инструмента начинается «Описание артиллерии» Т.Н. Бринка: «Началнейшее, во-первых, орудие, еже пушкарю подобает при себе имети есть циркуль, и ему нужно употребление его ведати».

Значение циркуля подчеркивается еще раз в главе 6 «Омылки, от которых всякому разумному пушкарю себя оберегати подобает», начинающейся с подробного рассмотрения инструментов, «которыми может пушку и что к ней принадлежит, правдива ль она вылита, осмотреть и дело свое полезно исправить». Отсутствие таких инструментов относится к числу опаснейших просчетов («омылков»), «которыми не толко пушкарь себе бедство, но и самой смертной случаи может нанести». Первыми из этих инструментов названы «циркуль ручной прямой, другои кривой», далее следуют «размерительный жезл, молот, ... бурав», протравки, щупы, натруска, пальник, фузея. Далее Т.Н. Бринк пишет о материалах, из которых изготавливались эти предметы, – преимущественно железо, но с оговорками: «циркули могут деланы быть из меди, или по нужде железа гипкого и со стальными или укладными концами» [Бринк, 1710, с. 56]. На материалах коллекций Музея Ломоносова МАЭ РАН как раз можно наблюдать использование «сталных укладных концов» при изготовлении циркулей как с прямыми, так и с дугообразными ножками (МЛ-427, МЛ-432, МЛ-438, МЛ-441, МЛ-442, МЛ-3676); сохранились в собрании и два металлических циркуля-измерителя с винтовой конструкцией (МЛ-2762, МЛ-2763).

Вскоре после Полтавской баталии был дважды (в 1709 и в 1710 гг.) опубликован русский перевод немецкого руководства «Новейшее основание и практика артиллерии» Э. Брауна. В нем, в частности, говорилось, что, прибыв на место назначения, пушкарь или канонир должен осмотреть вверяемые ему орудия и весь необходимый для их использования инвентарь и оценить, пригодны ли они для использования. В числе прочих операций предписывалось: «...пушку испытати, имеет ли она на одной стороне толико меди, колико на другой, чтоб же то уведать, тебе есть ему взяти дужной циркель, им же пушку в дуле отвне и внутрь объятии везде по пушке» [Браун, 1709, с. 35]. Кронциркуль также рекомендовалось использовать при выравнивании оси ствола орудия [Браун, 1709, с. 38].

Из самого раннего русского руководства для артиллеристов, «Устава ратных, пушечных и других дел», следует, что циркуль использовался:

- при изготовлении орудий и снарядов;
- при выявлении и исправлении недостатков в полевых условиях;

- для выравнивания ствола пушки при подготовке к стрельбе;
- для решения графическим способом расчетных задач по наводке орудия и корректировке огня;
- как часть комплекта с линейками со шкалой Гартмана и аналогичными счетными устройствами (позже вместо них стали использоваться бегунки; так появились логарифмические линейки) [Радишевский, с. 86, 139–141, 173, 211].

В XIX в. производство орудий и снарядов стало более стандартизированным, соответственно, упростилась процедура их проверки и установки на поле боя, стали применяться оптические прицельные приспособления, для расчетов появились логарифмические линейки, а затем и арифмометры. На фоне этих процессов область использования циркулей сужалась, их конструкция упрощалась, а прежний широкий функционал уходил в область забытого прошлого, менялись нарративы, связанные с использованием этого инструмента.

Заключение

В заключение можно сделать вывод о том, что изучение музейных артефактов в комплексе с работами по артиллерии XVII–XVIII в. позволяет понять базовые принципы их использования. Такие инструменты были необходимы в период отсутствия стандартизированного производства. Измерение диаметра ствола орудия и ядра было необходимо:

- для оценки совместимости одного с другим;
- для расчета количества пороха, необходимого для выстрела;
- корректировки огня.

Как и сейчас, сфера использования циркулей не ограничивалась военным делом. Инструмент широко применялся в различных отраслях производства, картографии и навигации. Вполне логично, что и в других сферах он выполнял более широкий набор функций до появления более совершенных и специализированных инструментов.

Музейные артефакты позволяют проследить эволюцию предмета. Артиллерийские кронциркули XVI–XVII в. представляют собой изящные вычурные предметы, изготовившиеся если не в единственном экземпляре, то в очень малом количестве. Концы их лишь слегка закруглены. Для XVIII в. характерны простые и практичные инструменты с дугообразными или прямыми ножками, они имели гораздо более широкое распространение.

Современные нарративы, связанные с военным делом, существенно отличаются от имеющих историческое значение. Еще в XX веке циркуль для артиллеристов стал инструментом, предназначенным для работ с картами и для выполнения чертежей [Артиллерия, 1953; Учебник, 2004]. Таким образом, можно сделать вывод об изменении значения предмета при его сохранении на протяжении длительного времени, т. е. об изменении его магического значения, если оперировать понятиями, предложенными Р. Харре.

Список источников

- Артиллерия. 1953. М, Воен. изд, 480.
Браун Э. 1709. Новейшее основание и практика артиллерии. М., [Московский печатный двор], 196.
Бринк Т.Н. 1710. Описание артиллерии. М, Печатный двор, 96
Радишевский О.М. 1781. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. СПб., Гос. Военная коллегия. 231.
Учебник сержанта ракетных войск и артиллерии. 2004. М., Воениздат, 420.

Список литературы

- Белков П.Л. 2016. Китайские вещи в системе музейных источников по собраниям императорской Кунсткамеры и Музея императорской Академии наук последних десятилетий XVIII – первых десятилетий XIX в. Кюнеровский сборник. Материалы восточноазиатских и юго-восточноазиатских исследований. Вып. 8. СПб, МАЭ РАН: 33–51.
Верле А.В. 2013. «Не наша вещь»: философские заметки к исторической антропологии идентичности. *Метаморфозы истории*. 4: 12–29.

- Верле А.В. 2019. Бессмысленная вещь: заметки к антропологической онтологии смысла. Неканоническая этика. Сборник статей V апрельской междисциплинарной международной научной конференции. Вып. V. СПб, тип. М. Батасовой: 77–83.
- Иванов К.В. 2004. Первые телескопы: на пути от раритета к «философскому» инструменту. Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 6 (38): 87–94.
- Копытофф И. 2006. Культурная биография вещей: товаризация как процесс. Социология вещей. М, Территория будущего: 134–168.
- Махо О.Г. 2017. Предмет в итальянском искусстве Ренессанса. Артефакт и арт-объект. Актуальные проблемы теории и истории искусства. 7: 490–496.
- Менш П.В. 2020. Предмет как носитель данных. Вопросы музеологии. 2014. 1 (9): 145–156.
- Минина Е.В. 2020. Музейные коллекции как источник по истории науки и техники. Вестник Томского государственного университета. Серия «История». 67: 176–174.
- Никонова А.А. Артефакт, вещь, музейный предмет/экспонат как исторический источник: тревога смысла. Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки. М., ИНИОН РАН: 63–69.
- Посуденко С.А. 2020. Городское пространство и память: архитектура как свидетельство (на примере выставочного проекта «Autosave / Автосохранение»). *Studia Culturae*. 46: 222–237.
- Прищепова В.А. 2014. К методике работы с музейными иллюстративными коллекциями: на примере материалов по этнографии народов Центральной Азии МАЭ РАН. Вопросы музеологии. 2 (10): 130–138.
- Рыгалова М.В., Рыгалов Е.В. 2018. Музейные коллекции как исторический источник (обзор отечественной историографии). Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 5 (103): 135–139.
- Себрукович В.Ю. 2018. Понимание термина «артефакт культуры» в музееведческом контексте. Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования. Сборник статей по материалам XVIII Международной научно-практической конференции. М., Интернаука: 38–43.
- Топоров В.Н. 1995. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., Прогресс, 621.
- Торчинов Е.А. 2005. Пути философии Востока и Запада: Познание запредельного. СПб., Азбука-классика, 473.
- Хайдеггер М. 1993. Время и бытие. М., Республика: 316–326.
- Харре Р. 2006. Материальные объекты в социальных мирах. Социология вещей. М., Территория будущего: 118–133.

References

- Belkov P.L. 2016. Kitayskiye veshchi v sisteme muzeynyh istochnikov po sobraniyam imperatorskoy Kunstkamery i Muzeya imperatorskoy Akademii nauk poslednih desyatiletiiy XVIII – pervyh desyatiletiiy XIX v. [Chinese objects in the system of museum sources on the base of Emperor Kunstkamera and Museum of Emperor Academy of Sciences of last decades of 18th – first decades of 19th century]. *Kyunerovskiy sbornik. Materialy vostochnoaziatskih i yugo-vostochnoaziatskih issledovaniy*. Vyp. 8. St. Petersburg, MAE RAN: 33–51 (in Russian).
- Verle A.V. 2013. «Ne nasha veshch'»: filosofskiye zametki k istoricheskoy antropologii identichnosti [Not our stuff: philosophical notes to historical anthropological identity]. *Metamorfozy istorii*. 4: 12–29 (in Russian).
- Verle A.V. 2019. Bessmyslennaya veshch': zametki k antropologicheskoy ontologii smysla. Nekanonicheskaya etika [Senseless stuff: notes to anthropological ontology of sense. Not-canonic ethics]. *Sbornik statey V april'skoy mezhdistsiplinarnoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Vyp. V. St. Petersburg, tip. Moscow, Batasovoy: 77–83 (in Russian).
- Ivanov K.V. 2004. Pervyye teleskopy: na puti ot rariteta k «filosofskomu» instrument [First telescopes: on the way to rarity to “philosophical” instrument]. *Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 6 (38): 87–94 (in Russian).
- Kopytoff I. 2006. Kul'turnaya biografiya veshchey: tovarizatsiya kak protsess [Cultural biography of object: process of creating commercial product]. *Sotsiologiya veshchey*. Moscow, Territoriya budushchego: 134–168 (in Russian).

- Maho O.G. 2017. Predmet v ital'yanskom iskusstve Renessansa [Object in Italian art of Renaissance]. Artefakt i art-ob'yekt. Aktual'nyye problemy teorii i istorii iskusstva. 7: 490–496 (in Russian).
- Mensh P.V. 2020. Predmet kak nositel' dannyh [Object as the carrier of sense]. Voprosy muzeologii. 2014. 1 (9): 145–156 (in Russian).
- Minina E.V. 2020. Muzeinye kollektzii kak istochnik po istorii nauki i tekhniki [Museum collections as the sources for history of sciences and technique]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriia». 67: 176–174 (in Russian).
- Nikonova A.A. Artefakt, veshch, muzeinyi predmet/eksponat kak istoricheskii istochnik: trevoga smysla. Rol veshchestvennykh istochnikov v informatsionnom obespechenii istoricheskoi nauki. Moscow, INION RAN: 63–69 (in Russian).
- Posudenko S.A. 2020. Gorodskoye prostranstvo i pamyat': arhitektura kak svidetel'stvo (na primere vystavochnogo proyekta «Autosave / Avtosohraneniye») [Urban space and memory: architecture as evidence (using the example of the exhibition project "Autosave ")]. Studia Culturae. 46: 222–237 (in Russian).
- Prishchepova V.A. 2014. K metodike raboty s muzeinymi illiustrativnymi kollektsiiami: na primere materialov po etnografii narodov Tsentralnoi Azii MAE RAN [To the method of work with illustrative collections: on the example of ethnic materials of Central Asia MAE RAS]. Voprosy muzeologii. 2 (10): 130–138 (in Russian).
- Rygalova M.V., Rygalov E.V. 2018. Muzeinye kollektzii kak istoricheskii istochnik (obzor otechestvennoi istoriografii) [Museum collections as the historical source (survey of Russian historiography)]. Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arkheologiya. 5 (103): 135–139.
- Sebrukovich V.Yu. 2018. Ponimaniye termina «artefakt kul'tury» v muzeyevedcheskom kontekste [Understanding of the term "cultural artifact" in the museological context.]. Kul'turologiya, iskusstvovedeniye i filologiya: sovremennyye vzglyady i nauchnyye issledovaniya. Sbornik statey po materialam XVIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moscow, Internauka: 38–43 (in Russian).
- Toporov V.N. 1995. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoeic]. Moscow, Progress, 621.
- Torchinov Ye.A. 2005. Puti filosofii Vostoka i Zapada: Poznaniye zapredel'nogo [The Ways of philosophy of the East and the West: The Knowledge of the beyond]. St. Petersburg, Azbukaklassika, 473 (in Russian).
- Haydegger M. 1993. Vremya i bytiye [Time and life]. Moscow, Respublika: 316–326 (in Russian).
- Harre R. 2006. Material'nyye ob'yekty v sotsial'nyh mirah [Material object in social worlds]. Sotsiologiya veshchey. Moscow, Territoriya budushchego: 118–133 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.02.2023

Поступила после рецензирования 15.05.2023

Принята к публикации 17.05.2023

Received 17.02.2023

Revised 15.05.2023

Accepted 17.05.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгения Михайловна Лупанова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия

 [ORCID: 0000-0003-0266-2887](https://orcid.org/0000-0003-0266-2887)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yevgenia M. Lupanova, PhD in history, senior researcher of Peter the Great's Museum for anthropology and ethnography (Kunstkamera), St. Petersburg, Russia

УДК 930

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-429-441

Обзорная статья

Переворот 11–12 марта 1801 года: современные подходы к изучению вопроса

Никишин Б.А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
E-mail: b.nickishin@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению современных подходов к изучению трагической гибели императора Павла I. Автор последовательно обращается к различным проблемным вопросам, связанным с переворотом 11–12 марта 1801 г. Особое внимание уделяется трактовке мартовских событий 1801 г., внутренним и внешним причинам антипавловского заговора, плану переворота и моделям поведения русских тираноборцев, конституционным проектам участников заговора, количеству заговорщиков, роли цесаревича Александра Павловича в перевороте, судьбе цареубийц после переворота, реакции членов императорской фамилии и российского общества на мартовские события 1801 г. Автор приходит к выводу, что цареубийство 1801 г. оказало значительное влияние на десокрализацию личности монарха, который стал восприниматься аристократией как простой смертный. Идея цареубийства не одобрялась и не воспринималась обществом.

Ключевые слова: Павел I, Александр Павлович, политическая элита, заговор, «английский след», дворцовый переворот, цареубийство

Для цитирования: Никишин Б.А. 2023. Переворот 11–12 марта 1801 года: современные подходы к изучению вопроса. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 429–441. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-429-441

The Coup of March 11–12, 1801: Modern Approaches to the Study of the Issue

Boris A. Nikishin

St. Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia
E-mail: b.nickishin@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of modern approaches to the study of the tragic death of Emperor Paul I. The author consistently addresses various problematic issues related to the coup of March 11–12, 1801. Particular attention is paid to the interpretation of the March events of 1801, internal and external causes of the anti-Paul conspiracy, and the coup plan and behavior patterns of Russian tyrant-fighters, the constitutional projects of the participants in the conspiracy, the number of conspirators, the role of Tsarevich Alexander Pavlovich in the coup, the fate of the regicides after the coup, the reaction of members of the imperial family and Russian society to the March events of 1801. Summing up, the author comes to the conclusion that the regicide of 1801 had a significant influence on the desocralization of the personality of the monarch, who began to be perceived by the aristocracy as a mere mortal. The idea of regicide was not approved and was not accepted by society.

Keywords: Paul I, Alexander Pavlovich, political elite, conspiracy, «english trace», palace coup, regicide

For citation: Nikishin B.A. 2023. The Coup of March 11–12, 1801: Modern Approaches to the Study of the Issue. *Via in tempore. History and political science*, 50 (2): 429–441 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-429-441

Введение

Первая русская революция 1905–1907 гг. создала условия для появления в России публикаций и исследований, посвящённых перевороту 11–12 марта 1801 г.⁹. 17 октября 1905 г. был обнародован Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» [ПСЗ РИ, 1908], который положил начало ослаблению цензуры. Благодаря новым правилам о печати были опубликованы воспоминания участников и современников переворота 1801 г. [Цареубийство, 1908].

Дореволюционные и советские исследователи неоднократно обращались к свидетельствам мемуарного характера, которые являются единственными источниками, освещающими трагические события марта 1801 г. Историкам достаточно подробно удалось восстановить ход событий и наметить проблемные вопросы. Вместе с тем вплоть до конца XX в. переворот и цареубийство не получили целостного осмысления.

Среди крупных историографических работ, посвящённых заговору и перевороту 1801 г., следует отметить подробный обзор дореволюционной литературы, составленный советским историком С.Б. Окунем [Окунь, 1973]. Отечественная историография переворота вплоть до начала XXI в. представлена в работах Ю.А. Сорокина, А.В. Скоробогатова, С.Л. Григорьева и Л.В. Выскочкова [Сорокин, 1996; Скоробогатов, 1999; Григорьев, 2000; Выскочков, 2017].

Несмотря на солидную историографию по данному вопросу, переворот 1801 г. продолжает притягивать к себе внимание новых исследователей, которые разрабатывают проблемные вопросы и дополняют уже созданные нарративы. На основании современного положения в историографии С.Л. Григорьев справедливо указывает на важность комплексного рассмотрения и изучения свидетельств современников и трудов историков [Григорьев, 2000, с. 60]. Научные дискуссии по поводу причин, хода и значения цареубийства 1801 г. в русской истории не утихают и по сей день.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является переворот 11–12 марта 1801 г. на основе комплексного анализа публикаций в современной историографии. Рассматриваются работы историков, посвящённые различным аспектам подготовки и осуществления переворота и хронологически охватывающие период с 1991 по 2021 г.

В качестве основного принципа исследования выступает принцип историзма, который базируется на системном анализе событий и фактов в контексте эпохи (рубеж XVIII – XIX вв.). В процессе научного исследования проблемы были использованы хронологический и историко-сравнительный методы. С помощью этих методов удалось успешно рассмотреть все события в их развитии и взаимной связи, а также выявить общее и особенное во взглядах историков на различные аспекты переворота 11–12 марта 1801 г.

Результаты и их обсуждение

Особым сюжетом, притягивающим внимание исследователей павловского царствования, являются события, связанные с трагической гибелью императора в марте 1801 г.

⁹ До начала XX века господствовала официальная версия, закреплённая в манифесте о вступлении Александра I на престол, согласно которой император Павел I скоропостижно скончался от апоплексического удара (инсульта).

В современной историографии переворота 11–12 марта 1801 г. можно выделить целый ряд проблемных вопросов: внутренние причины антипавловского заговора [Михайлова, 1993; Сафонов, 1995; Фишер, 1997; Семёнов, 2011; Панкова, 2016; Коршунова, 2016, 2017; Выскочков, 2017; Половинкина, 2017; Шульман, 2019; Ахмедова, 2021]; роль внешнеполитического фактора («английский след») в убийстве Павла I [Сорокин, 2006; Томсинов, 2008; Семёнов, 2011; Коршунова, 2016; Выскочков, 2017; Шульман, 2019; Мещерякова, 2020; Ахмедова, 2021]; план переворота и модели поведения русских тираноборцев [Артамонов, 2006; Скоробогатов, Куанчалева, 2009; Летягин, 2014; Петров, Рудакова, 2020]; конституционные проекты участников антипавловского заговора [Сафонов, 1995; Захаров, 2009]; количество заговорщиков [Сорокин, 2006; Скоробогатов, Куанчалева, 2009; Боханов, 2010]; роль цесаревича Александра Павловича в перевороте [Сафонов, 1995; Захаров, 2009; Выскочков, 2017; Ахмедова, 2021]; судьба цареубийц после переворота [Сафонов, 2016, 2018; Шляпникова, 2017; Бессонов, 2014]; реакция членов императорской фамилии и российского общества на мартовские события 1801 г. [Павлова, 2006, 2008; Сорокин, 2006; Выскочков, 2017; Коршунова, 2018].

Трагическая гибель императора Павла I рассматривается в целом ряде учебных пособий, монографий [Заичкин, Почкаев, 1994; Сорокин, 1996; Скоробогатов, 1999; Каменский, 2001; Песков, 2005; Томсинов, 2008; Боханов, 2010; Дворниченко, 2010; Карасёва, 2010; Курукин, 2012; Выскочков, 2017; Коршунова, 2018] и диссертационных исследований [Сорокин, 1999; Захаров, 2001; Артамонов, 2006; Павлова, 2008].

Среди исследователей ведётся дискуссия относительно того, как следует трактовать мартовские события 1801 г. Одни исследователи склонны относить переворот 1801 г. к дворцовым переворотам XVIII в., другие, напротив, считают мартовские события 1801 г. политическим убийством или выступлением дворянства, которое боролось за свои неотъемлемые права.

Сравнивая переворот 1801 г. с двумя предыдущими переворотами (1741 и 1762), А.Н. Боханов замечает, что история с Павлом I существенно отличается от предыдущих случаев. Являясь законным наследником своих родителей, Павел Петрович был первым российским императором, которому «присягали на верность не только должностные гражданские и военные лица, но и вся масса населения» [Боханов, 2010, с. 302]. Принципиальным отличием также является сакральный статус Павла I, который, в отличие от Иоанна Антоновича и Петра III, был коронован. В таком случае, замечает А.Н. Боханов, заговорщики «свергали и убивали не только Императора, но и Помазанника Божия» [Там же].

По мнению Е.В. Павловой, главным отличием мартовского переворота 1801 г. от «эпохи дворцовых переворотов» является «участие в заговоре наследника престола» [Павлова, 2006, с. 74]. Е.В. Павлова приходит к выводу, что «Александр Павлович по закону и вере являлся преступником, совершив дважды грех – против императора и отца» [Павлова, 2006, с. 75]. Вместе с тем исследователь признаёт, что «российский закон не предусматривал возможности сопротивления воле монарха» [Павлова, 2008, с. 20]. Выступление аристократии против Павла I было единственной возможностью заявить о своём несогласии с государем.

С.С. Ахмедова замечает, что в результате дворцовых переворотов XVIII в. смена правителя не приводила к кардинальным изменениям во внутренней и внешней политике [Ахмедова, 2021, с. 12]. После цареубийства 1801 г. происходят серьёзные изменения. Вступив на престол, Александр Павлович в качестве идеала провозгласил царствование Екатерины II, а во внешней политике решительно отказался от конфронтации с Англией.

Многие историки отмечают, что возникновение антипавловского заговора было обусловлено целым комплексом причин и обстоятельств: отказ от традиций екатерининского правления, попытка решения крестьянского вопроса, «жизнь по средствам», военные реформы и политика в отношении гвардии, полицейские запреты и вмешательство в частную

жизнь, резкое изменение внешнеполитического курса, перестановки в правительственных кругах, непоследовательная политика и нежелание ограничивать свою власть, месть императору за себя или своих родственников и др. [Сафонов, 1995, с. 18–20; Фишер, 1997, с. 372; Сорокин, 2006, с. 20–21; Павлова, 2008, с. 19; Захаров, 2009, с. 202; Каменская, 2015, с. 4–9; Выскочков, 2017, с. 126; Половинкина, 2017, с. 123; Шульман, 2019, с. 34–35].

В качестве объективных причин антипавловского заговора Н.В. Коршунова выделяет «изменение места, роли, статуса монарха в России» [Коршунова, 2017, с. 121]. В результате модернизационных реформ Петра I сформировался слой чиновничества, который выслугой добивался чинов и наград. «Новые аристократы были преданы конкретному правителю, а не монархической идее в целом», – замечает Н.В. Коршунова [Коршунова, 2017, с. 121]. Изучив социальную психологию дворянства на рубеже XVIII–XIX вв., А.М. Панкова заметила, что правление Павла I шло по пути дальнейшей абсолютизации власти монарха и неизбежно вступало в конфликт с интересами дворянства [Панкова, 2016, с. 265]. М.Л. Половинкина считает, что дворянство было заинтересовано в сохранении самодержавия, но при этом не собиралось лишаться своей доли в управлении страной [Половинкина, 2017, с. 120–121].

Ю.А. Сорокин впервые акцентировал внимание на роли внешнеполитического фактора («английский след») в организации цареубийства [Сорокин, 2006, с. 17–20]. Большинство исследователей сходятся во мнении, что английский посол в России Чарльз Уитворт оказывал финансовую поддержку дворцовой оппозиции [Сорокин, 2006, с. 17; Томсинов, 2008, с. LVI–LXI; Коршунова, 2016, с. 78–79; Мещерякова, 2020, с. 45; Ахмедова, 2021, с. 12]. Уитворт имел тесные отношения с непосредственными лидерами антипавловского заговора: любовные отношения с О.А. Жеребцовой и дружеские отношения с Н.П. Паниным [Коршунова, 2016, с. 79; Ахмедова, 2021, с. 13]. Помимо финансирования заговора англичанами, Л.В. Выскочков прослеживает ещё один «английский след». Исследователь отводит одну из ведущих ролей в перевороте немцу из Ганновера, английскому подданному Л.Л. Беннигсену [Выскочков, 2017, с. 129]. При этом среди исследователей ведутся споры относительно участия британского правительства в организации заговора [Сорокин, 2006, с. 17–18; Томсинов, 2008, с. LVIII–LXI; Шульман, 2019, с. 41–42].

В воспоминаниях П.В. Лопухина называется даже «цена убийства» Павла I – 2 миллиона рублей, которые О.А. Жеребцова получила от английского правительства – по одной версии, в Петербурге для обустройства заговора, а по другой – в Лондоне уже после цареубийства [Шульман, 2019, с. 40]. Однако не стоит недооценивать уровень слежки за деятельностью Уитворта в России. Первое документальное свидетельство о заговоре – депеша английского посла своему кабинету от 18 марта 1800 г., содержащая сведения о психической болезни Павла I, была выявлена в результате перлюстрации. Исходя из этого, К.Д. Шульман считает, что «английские деньги» не могли пройти незамеченными [Шульман, 2019, с. 42].

А.О. Мещерякова связывает переворот 1801 г. с деятельностью «английской партии» (Ч. Уитворт, О.А. Жеребцова, С.Р. Воронцов, Н.П. Панин, П.А. Пален), которая выступала против «русско-французского сближения и реализации совместных внешнеполитических проектов», разрабатываемых «русской партией» во главе с Ф.В. Ростопчиным [Мещерякова, 2020, с. 45–46]. Противостояние двух партий при дворе завершилось 20 февраля 1801 г. с отставкой Ф.В. Ростопчина со всех занимаемых постов.

Весной 1800 г. существенно ухудшаются отношения между Россией и Англией, что находит отражение в разрушении дипломатических каналов связи. По мнению Ю.А. Сорокина, формирующийся русско-французский союз «нёс смертельную угрозу для Британской империи» [Сорокин, 2006, с. 19]. С.С. Ахмедова считает, что в сложившейся ситуации заветной целью для британцев могла быть только смена внешнего курса России. Для достижения этой цели необходим был переворот и свержение Павла I. Кроме того, активная внешняя политика Павла I затрагивала английские сферы влияния на Кавказе и в Индии [Ахмедова, 2021, с. 13].

Вместе с тем С.С. Ахмедова указывает и на наличие внутренних мотивов переворота и отмечает, что «английское золото» следует рассматривать как катализатор, который ускорил и без того назревшие внутренние проблемы [Там же]. Согласно Н.В. Коршуновой, «не возникни среди правящих кругов серьёзного недовольства политикой Павла I, никакие “английские гиней” роли бы не сыграли» [Коршунова, 2016, с. 80]. К тому же, если придерживаться точки зрения, что «политическая элита России конца XVIII в. была подкуплена англичанами», то можно прийти к выводу «о полной неспособности руководства страны проводить самостоятельную политику» [Коршунова, 2016, с. 78].

В.А. Семёнов не разделяет точку зрения, согласно которой сближение России с Францией было губительно для Англии. Историк обращает внимание, что в царствование Екатерины II и Александра I отношения с Англией развивались неоднозначно. При Екатерине II серьёзное обострение в отношениях с Англией наблюдалось в 1791 г., а при Александре I – в 1807 г. Как в первом, так и во втором случае конфронтация с Англией не привела к возникновению заговора. По мнению В.А. Семёнова, английское правительство не принимало участия в перевороте 1801 г. [Семёнов, 2011, с. 204].

Первые заговоры и интриги против Павла I начали возникать сразу же после восшествия императора на престол. Н.В. Михайлова отмечает, что особенно сильная оппозиция Павлу I сложилась в гвардии, которая негативно восприняла нововведения императора [Михайлова, 1993, с. 53]. Первый заговор возник летом 1797 г. и был связан с деятельностью оппозиционно настроенных офицеров, которые в Смоленске создали нелегальную организацию («канальский цех» или «кружок Смоленских якобинцев»). Во главе «конспирации» стояли отставные полковники А.М. Каховский, П.С. Дехтерёв и П.В. Киндяков. Целью тайной организации была борьба с деспотизмом Павла I посредством агитации и подготовки государственного переворота. Благодаря высокой степени конспирации организация просуществовала около двух лет, после чего о ней стало известно правительству и началось следствие [Михайлова, 1993, с. 54–56].

Второй заговор сложился весной 1800 г. по инициативе вице-канцлера графа Н.П. Панина, который выступил с идеей введения конституции и ограничения самодержавия посредством регентского совета. С.С. Ахмедова отмечает, что Н.П. Панин был сторонником введения регентства английского типа, при котором управление страной осуществляется совместно регентом, парламентом и кабинетом министров. При этом план Н.П. Панина отвергал убийство Павла I и ограничивался лишь свержением неугодного монарха [Ахмедова, 2021, с. 14–15].

Третий заговор оформился осенью 1800 г. после отставки Н.П. Панина. Главою заговора стал военный губернатор Санкт-Петербурга граф П.А. Пален, который, как отмечает В.Ю. Захаров, являлся сторонником физического устранения Павла I и навязывания молодому Александру конституционного акта [Захаров, 2009, с. 202].

Опираясь на воспоминания современников, Д.С. Артамонов прослеживает тираноборческую традицию в интерпретации заговора. Эта традиция нашла отражение в уверенности заговорщиков в том, что они являются «освободителями отечества от павловской тираннии», а также «в проведении исторических параллелей между Палом I и Цезарем, цесаревичем Александром Павловичем и Брутом» [Артамонов, 2006, с. 13–14]. Л.Н. Летягин, рассматривая тему «мартовских ид» в русской истории, пришёл к выводу, что начиная с убийства Юлия Цезаря «тираноборчество» становится устойчивой исторически востребованной поведенческой моделью вне зависимости от эпохи [Летягин, 2014, с. 24]. По мнению Л.Н. Летягина, «ориентированность на исторические примеры повышала... статус любого противозаконного акта» [Летягин, 2014, с. 25].

Д.С. Артамонов замечает, что тираноборческая модель отражается также в поэтических произведениях начала XIX в. При этом проникновение республиканских идей привело к видоизменению тираноборческой модели, которая сохранила образ тирана и утратила образ тираноборца. «Тираноборца должен был заменить народ, но отношение к народному восстанию

было сугубо негативным, поэтому альтернативой ему становится дворцовый переворот, понимаемый как тираноборческий акт», – заключает Д.С. Артамонов [Артамонов, 2006, с. 14].

А.В. Петров и С.В. Рудакова, рассматривая миф о цареубийстве в стихах поэта С.С. Боброва, замечают, что все стихотворения¹⁰ «подчинены раскрытию идеи о торжестве рокового в истории, о случайном, которое выражает Божественную волю» [Петров, Рудакова, 2020, с. 86–89]. В стихотворении «Ночь», по мнению исследователей, С.С. Бобров проводит параллель между Павлом I и Цезарем, находя соответствия между событиями 44 г. до н. э. и 1801 г. [Петров, Рудакова, 2020, с. 88–89].

Примечательно, что как среди мемуаристов, так и среди исследователей нет единого мнения относительно числа заговорщиков: Ю.А. Сорокин отмечает, что общая численность заговорщиков составляла 60 человек, но при этом о заговоре знало большее число лиц [Сорокин, 2006, с. 26]; А.В. Скоробогатов и Л.Ш. Куанчалеева, основываясь на исследовании американского историка Дж. Кинни, выделяют 68 заговорщиков [Скоробогатов, Куанчалеева, 2009, с. 113]; А.Н. Боханов указывает, что участниками заговора против Павла I были 70 человек [Боханов, 2010, с. 329].

А.В. Скоробогатову и Л.Ш. Куанчалеевой удалось определить индивидуальный правовой статус 58 участников переворота, а также точный возраст 38 человек и приблизительный возраст 24 лиц. По возрастному составу исследователи условно разделили участников заговора на три группы: от 30 до 40 лет (подавляющее число заговорщиков); от 40 до 50 лет (3); старше 50 лет (4) [Скоробогатов, Куанчалеева, 2009, с. 114]. Исходя из такого деления, можно заключить, что большинство заговорщиков застали «золотой век дворянства» и не желали никаких перемен. Согласно исследователям, средний возраст участников заговора равняется 24 годам. Это означает, что они начали службу при Павле I и в полной мере испытали на себе все её тяготы. Кроме того, люди этой возрастной группы являлись сверстниками Александра Павловича и могли питать надежду на улучшение своего положения при новом монархе [Там же].

А.В. Скоробогатов и Л.Ш. Куанчалеева предпринимают попытку реконструировать план действий заговорщиков. Исследователи выделяют три этапа: арест верных Павлу сановников и окружение Михайловского замка гвардейскими полками; подписание акта об отречении и отправка экс-монарха в Петропавловскую крепость; вступление на престол императора Александра I [Скоробогатов, Куанчалеева, 2009, с. 116]. Правовое обеспечение переворота, согласно А.В. Скоробогатову и Л.Ш. Куанчалеевой, могло состоять из двух важных аспектов: подготовки соответствующих документов и присяги новому императору Сената и Синода [Скоробогатов, Куанчалеева, 2009, с. 117].

Сложнее обстоит дело с воссозданием событий, развернувшихся непосредственно в опочивальне Павла I. Несмотря на существенные расхождения в мемуарах, большинство исследователей склонны считать, что заговорщики предложили императору отречься, но получив решительный отказ и даже сопротивление со стороны Павла, в драке убили императора. По мнению А.В. Скоробогатова и Л.Ш. Куанчалеевой, данная версия «позволяет объяснить, почему заговорщики шли в замок с документами об отречении или регентстве, а закончили “кровавой бойней”» [Скоробогатов, Куанчалеева, 2009, с. 117].

Ю.А. Сорокин считает, что заговорщики изначально собирались убить императора, а манифест об отречении должен был лишь придать им решительности. «Пален и другие организаторы понимали, что одно дело заставить дворянина участвовать в низложении “сумасшедшего” императора и совсем другое – в цареубийстве. Манифест об отречении здесь был как нельзя кстати», – отмечает Ю.А. Сорокин [Сорокин, 2006, с. 27].

Попутно возникает вопрос – сколько заговорщиков добралось до спальни императора? Мнения историков по этому вопросу существенно расходятся. Исследователи назы-

¹⁰ В 1801–1804 гг. поэт С.С. Бобров написал «триптих» о смерти императора Павла I: «Глас возродённой Ольги к сыну Святославлню», «Ночь» и «Горжественное утро. – Марта 12 1801 года».

вают от шести до четырнадцати цареубийц [Скоробогатов, Куанчалеева, 2009, с. 117; Сафонов, 2017, с. 141; Шульман, 2019, с. 34].

Опираясь на выписки из дневника барона К.И. Остен-Сакена, М.М. Сафонов называет имена шестерых человек, которые находились в опочивальне императора ночью 11 марта 1801 г.: П.А. Зубов, Н.А. Зубов, Л.Л. Беннигсен, В.М. Яшвиль, И.М. Татаринов, Лешерн фон Гертцфельдт [Сафонов, 2017, с. 141; Он же, 2018, с. 41–44]. Среди цареубийц М.М. Сафонов отмечает ведущую роль П.А. Зубова, который выступил в качестве оратора и призвал заговорщиков к активным действиям, и В.М. Яшвиля, который нанёс сильный удар императору. При этом М.М. Сафонов отвергает первенствующую роль Л.Л. Беннигсена и Н.А. Зубова в убийстве Павла I [Сафонов, 2018, с. 43]. Я.Ф. Скарятин, который во многих мемуарах фигурирует как «убийца Павла», согласно М.М. Сафонову, в ту ночь не был среди цареубийц [Сафонов, 2017, с. 141]. В выписках из дневника К.И. Остен-Сакена среди цареубийц также не упоминаются А.В. Аргамаков, Е.С. Горданов, В.А. Мансуров, П.А. Талызин, Ф.П. Уваров, Д.Н. Бологовский, Н.М. Бороздин и И.Г. Вяземский. Вместе с тем впервые среди цареубийц появилось имя отставного полковника лейб-кирасирского полка Лешерна фон Гертцфельдта [Сафонов, 2018, с. 44].

Ю.А. Молин и И.А. Гарманов полагают, что разночтения в исследованиях возникают от того, что «некоторые из участников происходившего вошли в спальню позднее первоначальной группы или, наоборот, покинули комнату ранее финала. Сыграл свою роль и полумрак, при котором развернулась трагедия» [Молин, Гарманов, 2022, с. 60].

В.А. Бессонов ставит под сомнение участие генерал-майор В.М. Яшвиля в цареубийстве [Бессонов, 2014]. Рассматривая биографию братьев В.М. и Л.М. Яшвилей, В.А. Бессонов предполагает, что «участником цареубийства был не Владимир Михайлович, а его родной брат Лев». [Бессонов, 2014, с. 44]. По мнению исследователя, историографическая традиция отождествления В.М. Яшвиля с участником заговора напрямую связана с тем, «как сложились после смерти Павла I судьбы братьев Яшвилей» [Бессонов, 2014, с. 51]. Если Лев Михайлович продолжил службу и построил успешную карьеру, то его старший брат Владимир Михайлович вышел в отставку и оказался в ссылке [Бессонов, 2014, с. 60–61].

Противоположной точки зрения придерживается М.М. Сафонов, который считает, что генерал-майор В.М. Яшвиль участвовал в цареубийстве. Историк не согласен с В.А. Бессоновым, что отставка и дальнейшая ссылка В.М. Яшвиля была ошибкой и старший брат пострадал за младшего. Несмотря на то, что официального расследования цареубийства не проводилось, неофициально выявлением участников антипавловского заговора занималась вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. Александр I, отстраняя от службы и отправляя в ссылку В.М. Яшвиля, опирался в том числе и на требования матери [Сафонов, 2016, с. 164–166].

Особый интерес представляет участие в заговоре цесаревича Александра Павловича. С.С. Ахмедова считает, что Александр сыграл ключевую роль в заговоре против Павла I. «Он знал о намерениях заговорщиков и даже одобрял их», – отмечает С.С. Ахмедова [Ахмедова, 2021, с. 15]. По мнению М.М. Сафопова, «Александр никогда не давал согласия на убийство отца, но он позволил действовать заговорщикам от своего имени и в глазах общественного мнения навсегда остался отцеубийцей» [Сафонов, 1995, с. 8].

Ю.А. Сорокин заметил, что привлечение Александра Павловича к заговору «придало акции некое подобие законности, угроза возмездия отступала, появлялась надежда на милости в случае успеха» [Сорокин, 2006, с. 22]. Л.В. Выскочков считает, что Александр Павлович был причастен к заговору. «Без молчаливого согласия Александра выступление было бы проблематично, если и возможно, то смертельно опасно для его руководителей и участников», – заключает Л.В. Выскочков [Выскочков, 2017, с. 132]. Представления Александра о том, что его отцу будет сохранена жизнь и он будет жить как частный человек в Михайловском замке, Л.В. Выскочков объясняет наивностью или лицемерием великого князя [Выскочков, 2017, с. 131].

О желании Александра править самостоятельно говорит тот факт, что активные участники заговора вскоре после воцарения Александра попали в опалу и были высланы из Петербурга [Скоробогатов, Куанчалева, 2009, с. 118; Шляпникова, 2017, с. 144]. А.Н. Боханов указывает на печальную судьбу заговорщиков и их потомков, которые «умерли до срока или явили образец полной и беспорной физической и умственной деградации» [Боханов, 2010, с. 329].

Отдельным сюжетом является проблема отношения членов царской фамилии и русского общества к мартовским событиям 1801 г. Переворот 1801 г. оказал сильное влияние на императорскую семью. Вступив на престол, Александр Павлович стал воспринимать власть как тяжкое бремя, которое будет с ним всю жизнь. Потрясённая цареубийством императрица Елизавета Алексеевна призывала Александра Павловича «смотреть на власть как на искупление». Мария Фёдоровна беспощадно преследовала цареубийц и стала истинной хранительницей памяти покойного супруга. После переворота 1801 г. Константин Павлович потерял интерес к престолу. Николай Павлович беспощадно уничтожал документы, которые могли бросить тень на Александра I и династию [Павлова, 2008, с. 13]. Е.В. Павлова обращает внимание, что официального расследования цареубийства не велось из-за участия наследника в заговоре. Безнаказанность цареубийц и оправдание переворота 1801 г. на самом высоком уровне являлось политической мерой и во многом было обусловлено зависимостью молодого императора Александра I от цареубийц [Павлова, 2008, с. 13–20].

В российском обществе смерть Павла I воспринимали радостно (столичное дворянство и чиновничество) или спокойно и даже равнодушно (большинство народа) [Высочков, 2017, с. 149–153; Коршунова, 2018, с. 183]. Ю.А. Сорокин отмечал, что русское общество встретило известие о кончине Павла I с безразличием. Добрую память об императоре продолжали хранить лишь немногие из его ближайшего окружения [Сорокин, 2006, с. 27–28].

Говоря о трагической гибели Павла I и последующих негативных оценках государственной деятельности и личности императора, М.М. Сафонов, перефразируя известную поговорку, справедливо замечает, что «побеждённого не оправдывают». Трагическая гибель Павла I наложила неизгладимый отпечаток на восприятие личности императора и его царствования [Сафонов, 1995, с. 15].

Заключение

Таким образом, анализ современных подходов к изучению переворота 11–12 марта 1801 г. позволил выявить основные тенденции в изучении вопроса.

Сравнение переворота 1801 г. с дворцовыми переворотами XVIII в. породило дискуссию относительно трактовки этого события. Исследователи выделили множество отличительных черт переворота 1801 г.: сакральный статус коронованного императора, участие в заговоре наследника престола, серьёзные изменения во внутренней и внешней политике.

Говоря о внутренних причинах антипавловского заговора, исследователи склонны выделять целый комплекс причин и обстоятельств, приведших к трагическим событиям. Это и отказ от традиций екатерининского правления, и крайне непоследовательная политика императора, который желал стремительно решить все проблемы государства, не уделяя при этом должного внимания интересам и настроениям аристократии.

Особое внимание исследователи уделяют роли внешнеполитического фактора в организации цареубийства. Подробно рассматривается деятельность английского посла в России Ч. Уитворта и его связь с заговорщиками. При этом среди исследователей ведутся споры относительно участия британского правительства в организации заговора.

Реконструируя план действий заговорщиков, исследователи обращают внимание на правовое обеспечение переворота. Вместе с тем прослеживается тираноборческая традиция в интерпретации заговора. Особое место занимают конституционные проекты Н.П. Панина и П.А. Палена.

Как среди мемуаристов, так и среди исследователей нет единого мнения относительно числа заговорщиков. По-видимому, активных участников заговора было около 70 человек, однако при этом о заговоре знало большее число лиц.

Большинство исследователей приходят к выводу, что цесаревич Александр Павлович сыграл ключевую роль в перевороте, поскольку он знал и одобрял намерения заговорщиков. После переворота успех главных заговорщиков продлился недолго и вскоре сменился опалой и забвением. Официального расследования царевубийства не велось. Императорская фамилия понимала, что любое расследование может бросить тень не только на Александра I, но и на всю династию.

Переворот 1801 г. имел огромное значение для последующего развития России, поскольку именно тогда были подняты важнейшие вопросы о пределах верности монарху, преемственности, незыблемости и сакральности самодержавия, а также «политической оправданности» насильственного свержения власти. Царевубийство 1801 г. оказало значительное влияние на эволюцию представлений аристократии о личности монарха, который стал восприниматься как простой смертный. Идея царевубийства не одобрялась и не воспринималась обществом.

Список литературы

- Артамонов Д.С. 2006. Тираноборческие и террористические идеи в русской политической культуре первой четверти XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 20.
- Ахмедова С.С. 2021. Политическое убийство 11 марта 1801 года и конституционный проект Н.П. Панина. *Кронос: общественные науки*, 3 (23): 12–16.
- Бессонов В.А. 2014. Генерал-майор Владимир Михайлович Яшвил. *Российская история*, 3: 44–61.
- Боханов А.Н. 2010. Павел I. М., Вече, 448.
- Высочков Л.В. 2017. Россия на грани веков. Царствование Павла I. 1796–1801. Учебное пособие. СПб., Серебряный век, 164.
- Григорьев С.Л. 2000. События 11 марта 1801 года в записках современников и трудах дореволюционных историков. Орёл шестого легиона. Тез. докл. студ. науч.-практ. конф. Екатеринбург: 60–62.
- Дворниченко А.Ю. 2010. Российская история с древнейших времён до падения самодержавия. Учебное пособие. М., Весь Мир, 944.
- Заичкин И.А., Почкаев И.Н. 1994. Русская история. От Екатерины Великой до Александра II. М., Мысль, 765.
- Захаров В.Ю. 2001. «Всемиловнейшая Жалованная Грамота российскому народу» 1801 г. в контексте развития конституционной мысли в России во второй половине XVIII – начале XIX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 20.
- Захаров В.Ю. 2009. Конституционные замыслы участников антипавловского заговора. *Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки*. 4: 202–203.
- Каменская Н.Е. 2015. Павел I и русское дворянство: проблемы взаимоотношений. *История. Историка. Источники: электронный научный журнал*, 1: 1–9.
- Каменский А.Б. 2001. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., РГГУ, 575.
- Карасева Е.И. 2010. Божий царь Павел I Петрович Романов. СПб., Царское дело, 525.
- Коршунова Н.В. 2016. Царевубийство 11 марта 1801 г.: свои или чужие? *Общество: философия, история, культура*, 12: 77–81.
- Коршунова Н.В. 2017. Дворцовые перевороты как инструмент утверждения абсолютной монархии в России в XVIII – начале XIX века. *Социум и власть*, 2 (64): 118–122.
- Коршунова Н.В. 2018. Крах политической доктрины императора Павла I, или как нельзя управлять страной. М., Центрполиграф, 223.
- Курукин И.В. 2012. Романовы. М., Молодая гвардия, 510.
- Летягин Л.Н. 2014. «Мартовские иды» в русской истории: исторический сценарий как поведенческая модель. *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*, 172: 23–33.

- Мещерякова А.О. 2020. Внешняя политика Павла I и идея «Русского Константинополя». Русско-Византийский вестник, 1 (3): 37–47.
- Михайлова Н.В. 1993. Смоленские якобинцы. Вестник ЧелГУ, 2: 53–59.
- Молин Ю.А., Гарманов И.А. 2022. Судебно-медицинские аспекты убийства императора Павла Первого. История Петербурга, 2 (86): 57–66.
- Окунь С.Б. 1973. Дворцовый переворот 1801 года в дореволюционной литературе. Вопросы истории. М., 11: 34–52.
- Павлова Е.В. 2006. Переворот 1801 года и царская фамилия. XII Всероссийские платоновские чтения. Самара: 74–79.
- Павлова Е.В. 2008. Переворот 1801 года и русское общество: вопрос о преемственности и легитимности самодержавной власти. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 22.
- Панкова А.М. 2016. Социальная психология дворянской интеллигенции на рубеже XVIII–XIX вв. (к вопросу об истоках декабризма). Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова, 1: 263–269.
- Песков А.М. 2005. Павел I. 4-е изд. М., Молодая гвардия, 422.
- Петров А.В., Рудакова С.В. 2020. Миф о цареубийстве 11 марта 1801 года в стихах С.С. Боброва. Ученые записки Петрозаводского государственного университета, 1: 86–91.
- Полное собрание законов Российской империи. 1908. Собрание 3-е. СПб., 25 (26803): 754–755.
- Половинкина М.Л. 2017. К вопросу об аристократической оппозиции в России во второй половине XVIII в. – начале XIX вв. История: факты и символы, 2 (11): 120–126.
- Сафонов М.М. 1995. Павел I и его время (Проблема реформ в правительственной политике России в конце XVIII в.). Император Павел Первый и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. СПб.: 9–26.
- Сафонов М.М. 1995. «Северный сфинкс». Смена, 296 (21283), 23 декабря.
- Сафонов М.М. 2016. Был ли Лев Яшвиль убийцей Павла I? Российская история, 2: 162–166.
- Сафонов М.М. 2017. «Народ безмолствует» (А.С. Пушкин, Н.М. Карамзин, А.Ф. Ланжерон). Карамзин и его эпоха: материалы Всероссийской научной конференции. М.: 134–143.
- Сафонов М.М. 2018. Неизвестный участник цареубийства 11 марта 1801 г. Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XIX вв. СПб.: 41–45.
- Семёнов В.А. 2011. «Павел, бедный Павел, бедный князь!». Павел I. Эпоха и личность. Утраченные иллюзии. Иллюстрированное издание по материалам одноименной выставки. М., ГМЗ «Царицыно»: 195–229.
- Скоробогатов А.В. 1999. Павел Первый в российской литературе. Казань: Форт-Диалог, 146.
- Скоробогатов А.В., Куанчалева Л.Ш. 2009. Дворцовый переворот 11 марта 1801 года (историко-правовое исследование). Russian Journal of Economics and Law, 2 (10): 113–119.
- Сорокин Ю.А. 1996. Павел I. Личность и судьба. М.: Мысль, 210.
- Сорокин Ю.А. 1999. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 49.
- Сорокин Ю.А. 2006. Заговор и цареубийство 11 марта 1801 года. Вопросы истории. 4: 15–29.
- Томсинов В.А. 2008. Император Павел I (1754–1801): государственный деятель и законодатель. Законодательство императора Павла I. М., Зерцало, 304.
- Фишер А. 1997. Павел I. Русские цари 1547–1917 гг. Ростов-на-Дону: 361–374.
- Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1908. 458.
- Шляпникова Е.А. 2017. Судьбы организаторов переворота 11 марта 1801 года. Filo Ariadne, 4 (8): 142–154.
- Шульман К.Д. 2019. К вопросу об источниках информации об участии английской разведки в убийстве императора Павла I. Вестник социально-гуманитарных исследований, 1 (1): 31–53.

References

- Artamonov D.S. 2006. Tiranoborcheskie i terroristicheskie idei v russkoy politicheskoy kul'ture pervoy chetverti XIX v. [Tyrannical and terrorist ideas in Russian political culture in the first quarter of the 19th century]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 20 (in Russian).

- Akhmedova S.S. 2021. Politicheskoe ubiystvo 11 marta 1801 goda i konstitutsionnyy proekt N.P. Panina [Political assassination on March 11, 1801 and N.P. Panin]. *Kronos: obshchestvennye nauki*, 3 (23): 12–16 (in Russian).
- Bessonov V.A. 2014. General-mayor Vladimir Mikhaylovich Yashvil' [Major General Vladimir Mikhailovich Yashvil]. *Rossiyskaya istoriya*, 3: 44–61 (in Russian).
- Bokhanov A.N. 2010. Pavel I [Paul I]. *M., Veche*, 448 (in Russian).
- Vyskochkov L.V. 2017. Rossiya na grani vekov. Tsarstvovanie Pavla I. 1796–1801 [Russia on the verge of centuries. Reign of Paul I. 1796–1801]. *Uchebnoe posobie. SPb., Serebryanny vek*, 164 (in Russian).
- Grigor'ev S.L. 2000. Sobytiya 11 marta 1801 goda v zapiskakh sovremennikov i trudakh dorevolutsionnykh istorikov [The events of March 11, 1801 in the notes of contemporaries and the works of pre-revolutionary historians]. *Orel shestogo legiona. Tez. dokl. stud. nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg*: 60–62 (in Russian).
- Dvornichenko A.Yu. 2010. Rossiyskaya istoriya s drevneyshikh vremen do padeniya samodержавiya [Russian history from ancient times to the fall of the autocracy]. *Uchebnoe posobie. M., Ves' Mir*, 944 (in Russian).
- Zaichkin I.A., Pochkaev I.N. 1994. Russkaya istoriya. Ot Ekateriny Velikoy do Aleksandra II [Russian history. From Catherine the Great to Alexander II]. *M., Mysl'*, 765 (in Russian).
- Zakharov V.Yu. 2001. «Vsemilostiveyshaya Zhalovannaya Gramota rossiyskomu narodu» 1801 g. v kontekste razvitiya konstitutsionnoy mysli v Rossii vo vtoroy polovine XVIII – nachale XIX vv. [«The most merciful Letter of Complaint to the Russian people» of 1801 in the context of the development of constitutional thought in Russia in the second half of the 18th – early 19th centuries]. *Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moskva*, 20 (in Russian).
- Zakharov V.Yu. 2009. Konstitutsionnye zamysly uchastnikov antipavlovskogo zagovora [The constitutional intentions of the participants in the Anti-Pavlovsk conspiracy]. *Vestnik MGOU. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. 4: 202–203 (in Russian).
- Kamenskaya N.E. 2015. Pavel I i russkoe dvoryanstvo: problemy vzaimootnosheniy [Paul I and the Russian nobility: relationship problems]. *Istoriya. Istoriki. Istochniki: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 1: 1–9 (in Russian).
- Kamenskiy A.B. 2001. Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt tselostnogo analiza) [From Peter I to Paul I: Reforms in Russia in the 18th Century (An Experience of a Holistic Analysis)]. *M., RGGU*, 575 (in Russian).
- Karaseva E.I. 2010. Bozhiy tsar' Pavel I Petrovich Romanov [Tsar of God Paul I Petrovich Romanov]. *SPb., Tsarskoe delo*, 525 (in Russian).
- Korshunova N.V. 2016. Tsareubiystvo 11 marta 1801 g.: svoi ili chuzhie? [Regicide on March 11, 1801: our own or others?]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 12: 77–81 (in Russian).
- Korshunova N.V. 2017. Dvortsovye perevoroty kak instrument utverzhdeniya absolyutnoy monarkhii v Rossii v XVIII – nachale XIX veka [Palace coups as a tool for establishing absolute monarchy in Russia in the 18th – early 19th centuries]. *Sotsium i vlast'*, 2 (64): 118–122 (in Russian).
- Korshunova N.V. 2018. Krakh politicheskoy doktriny imperatora Pavla I, ili kak nel'zya upravlyat' stranoy [The collapse of the political doctrine of Emperor Paul I, or how it is impossible to govern the country]. *M., Tsentropoligraf*, 223 (in Russian).
- Kurukin I.V. 2012. Romanovy [Romanovs]. *M., Molodaya gvardiya*, 510 (in Russian).
- Letyagin L.N. 2014. «Martovskie idy» v russkoy istorii: istoricheskiy stseneriy kak povedencheskaya model' [«The Ides of March» in Russian History: Historical Scenario as a Behavioral Model]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*, 172: 23–33 (in Russian).
- Meshcheryakova A.O. 2020. Vneshnyaya politika Pavla I i ideya «Russkogo Konstantinopolya» [Foreign policy of Paul I and the idea of "Russian Constantinople"]. *Russko-Vizantiyskiy vestnik*, 1 (3): 37–47 (in Russian).
- Mikhaylova N.V. 1993. Smolenskie yakobintsy [Smolensk jacobins]. *Vestnik ChelGU*, 2: 53–59 (in Russian).
- Molin Yu.A., Garmanov I.A. 2022. Sudebno-medsinskie aspekty ubiystva imperatora Pavla Pervogo [Forensic aspects of the assassination of Emperor Paul I]. *Istoriya Peterburga*, 2 (86): 57–66 (in Russian).

- Okun' S.B. 1973. Dvortsovyy perevorot 1801 goda v dorevolyutsionnoy literature [Palace coup of 1801 in pre-revolutionary literature]. *Voprosy istorii*. M., 11: 34–52 (in Russian).
- Pavlova E.V. 2006. Perevorot 1801 goda i tsarskaya familiya [The coup of 1801 and the royal family]. *XII Vserossiyskie platonovskie chteniya*. Samara: 74–79 (in Russian).
- Pavlova E.V. 2008. Perevorot 1801 goda i russkoe obshchestvo: vopros o preemstvennosti i legitimnosti samodержavnoy vlasti [The coup of 1801 and Russian society: the question of continuity and legitimacy of autocratic power]. *Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk*. Samara, 22 (in Russian).
- Pankova A.M. 2016. Sotsial'naya psikhologiya dvoryanskoy intelligentsii na rubezhe XVIII–XIX vv. (k voprosu ob istokakh dekabrizma) [Social psychology of the noble intelligentsia at the turn of the 18th – 19th centuries (to the question of the origins of decembrism)]. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova*, 1: 263–269 (in Russian).
- Peskov A.M. 2005. Pavel I [Paul I]. 4-e izd. M., Molodaya gvardiya, 422 (in Russian).
- Petrov A.V., Rudakova S.V. 2020. Mif o tsareubiystve 11 marta 1801 goda v stikhakh C.S. Bobrova [The myth of the regicide on March 11, 1801 in the verses of S.S. Bobrov]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1: 86–91 (in Russian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. 1908. *Sobranie 3-e*. SPb., 25 (26803): 754–755 (in Russian).
- Polovinkina M.L. 2017. K voprosu ob aristokraticheskoy oppozitsii v Rossii vo vtoroy polovine XVIII v. – nachale XIX vv. [On the question of the aristocratic opposition in Russia in the second half of the 18th century – early 19th century]. *Istoriya: fakty i simvoly*, 2 (11): 120–126 (in Russian).
- Safonov M.M. 1995. Pavel I i ego vremena (Problema reform v pravitel'svennoy politike Rossii v kontse XVIII v.) [Paul I and his time (The problem of reforms in the government policy of Russia at the end of the 18th century)]. *Imperator Pavel Pervyy i Orden Sv. Ioanna Ierusalimskogo v Rossii*. SPb.: 9–26 (in Russian).
- Safonov M.M. 1995. «Severnnyy sfinks» [«Northern Sphinx»]. *Smena*, 296 (21283), 23 dekabrya (in Russian).
- Safonov M.M. 2016. Byl li Lev Yashvil' ubiytsey Pavla I? [Was Lev Yashvil' the murderer of Paul I?]. *Rossiyskaya istoriya*, 2: 162–166 (in Russian).
- Safonov M.M. 2017. «Narod bezmolstvuet» (A.S. Pushkin, N.M. Karamzin, A.F. Lanzheron) [«The people are silent» (A.S. Pushkin, N.M. Karamzin, A.F. Lanzheron)]. *Karamzin i ego epokha: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. M.: 134–143 (in Russian).
- Safonov M.M. 2018. Neizvestnyy uchastnik tsareubiystva 11 marta 1801 g. [Unknown participant in the regicide March 11, 1801]. *Nemtsy v Sankt-Peterburge. Biograficheskiy aspekt. XVIII–XIX vv.* SPb.: 41–45 (in Russian).
- Semenov V.A. 2011. «Pavel, bednyy Pavel, bednyy knyaz'!» [«Paul, poor Paul, poor prince!»]. *Pavel I. Epokha i lichnost'. Utrachennyye illyuzii. Illyustrirovannoe izdanie po materialam odnoimennoy vystavki*. M., GMZ «Tsaritsyno»: 195–229 (in Russian).
- Skorobogatov A.V. 1999. Pavel Pervyy v rossiyskoy literature [Pavel the First in Russian literature]. *Kazan': Fort-Dialog*, 146 (in Russian).
- Skorobogatov A.V., Kuanchaleeva L.Sh. 2009. Dvortsovyy perevorot 11 marta 1801 goda (istoriko-pravovoe issledovanie) [Palace coup on March 11, 1801 (historical and legal research)]. *Russian Journal of Economics and Law*, 2 (10): 113–119 (in Russian).
- Sorokin Yu.A. 1996. Pavel I. Lichnost' i sud'ba [Pavel I. Personality and fate]. M.: Mysl', 210 (in Russian).
- Sorokin Yu.A. 1999. Rossiyskiy absolyutizm v posledney treti XVIII v. [Russian absolutism in the last third of the XVIII century]. *Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk*. Omsk, 49 (in Russian).
- Sorokin Yu.A. 2006. Zagovor i tsareubiystvo 11 marta 1801 goda [Conspiracy and regicide March 11, 1801]. *Voprosy istorii*. 4: 15–29 (in Russian).
- Tomsinov V.A. 2008. Imperator Pavel I (1754–1801): gosudarstvennyy deyatel' i zakonodatel'. *Zakonodatel'stvo imperatora Pavla I [Emperor Paul I (1754–1801): statesman and legislator Legislation of Emperor Paul I]*. M., Zertsalo, 304 (in Russian).
- Fisher A. 1997. Pavel I. Russkie tsari 1547–1917 gg. [Paul I. Russian Tsars 1547–1917]. *Rostov-na-Donu*: 361–374 (in Russian).
- Tsareubiystvo 11 marta 1801 goda: Zapiski uchastnikov i sovremennikov [Regicide March 11, 1801: Notes of participants and contemporaries]. SPb.: Izd. A.S. Suvorina, 1908. 458 (in Russian).

- Shlyapnikova E.A. 2017. Sud'by organizatorov perevorota 11 marta 1801 goda [The fate of the organizers of the coup on March 11, 1801]. *Filo Ariadne*, 4 (8): 142–154 (in Russian).
- Shul'man K.D. 2019. K voprosu ob istochnikakh informatsii ob uchastii angliyskoy razvedki v ubiystve imperatora Pavla I [On the question of sources of information about the participation of British intelligence in the assassination of Emperor Paul I]. *Vestnik sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*, 1 (1): 31–53 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 27.02.2023

Received 27.02.2023

Поступила после рецензирования 13.03.2023

Revised 13.03.2023

Принята к публикации 18.03.2023

Accepted 18.03.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Никишин Борис Андреевич, магистрант кафедры истории России с древнейших времён до XX века, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Nikishin Boris Andreevich, master student of the Department of History of Russia from Ancient Times to the 20th Century, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

 [ORCID: 0000-0002-9804-8058](https://orcid.org/0000-0002-9804-8058)

УДК 94+353.2

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-442-452

Оригинальное исследование

Эволюция правовой регламентации определения на гражданскую государственную службу в Российской империи в 30–90-е годы XIX века

Шатохин И.Т. , Шатохина С.Б.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: shatohin@bsu.edu.ru, shatohina@bsu.edu.ru ⁷

Аннотация. Изучение правовой регламентации определения на гражданскую государственную службу в Российской империи, начавшееся еще в имперский период, продолжается благодаря весьма обширной базе нормативных документов, что позволяет находить новые недостаточно изученные аспекты этой темы. Для решения поставленной задачи авторы опирались на уже введенные в научный оборот опубликованные нормативные документы, которые исследовались с использованием в основном историко-генетического, историко-сравнительного методов. Были определены основные тенденции в эволюционном развитии правовой регламентации определения на гражданскую государственную службу претендентов, которые касались возраста начала службы и занятия начальствующих должностей, роли уровня и качества образования в связке с сословной и национально-религиозной принадлежностью.

Ключевые слова: гражданская государственная служба, правовая регламентация службы, чиновничество, Российская империя, роль образования в карьере, возраст поступления на службу

Для цитирования: Шатохин И.Т., Шатохина С.Б. 2023. Эволюция правовой регламентации определения на гражданскую государственную службу в Российской империи в 30–90-е годы XIX века. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 442–452. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-442-452

Evolution of the Legal Regulation of the Definition of Civil Service in the Russian Empire in the 30–90s of the XIX Century

Ivan T. Shatokhin , Svetlana B. Shatokhina

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: shatohin@bsu.edu.ru, shatohina@bsu.edu.ru

Abstract. The study of the legal regulation of the definition of civil service in the Russian Empire, which began in the imperial period, continues thanks to a very extensive database of regulatory documents, which allows us to find new insufficiently studied aspects of this topic. To solve this problem, the authors relied on published normative documents already introduced into scientific circulation, which were studied using mainly historical-genetic, historical-comparative methods. The main trends in the evolutionary development of the legal regulation of the determination of applicants for civil service were identified, which concerned the age of the beginning of service and the occupation of senior positions, the role of the level and quality of education in conjunction with class and national-religious affiliation.

Key words: civil service, legal regulation of the service, officialdom, the Russian Empire, the role of education in a career, the age of admission to the service.

For citation: Shatokhin I.T., Shatokhina S.B. 2023. Evolution of the Legal Regulation of the Definition of Civil Service in the Russian Empire in the 30–90s of the XIX Century. *Via in tempore. History and political science*, 50 (2): 442–452 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-442-452

Введение

К 30-м годам XIX века в Российской империи сформировалась обширная правовая база, которая регламентировала всю разнообразную деятельность российского чиновничества всех многочисленных центральных и местных учреждений министерств и ведомств. В рассматриваемый период нормативная база продолжала развиваться, корректироваться и пополняться новыми правовыми актами. Общий объем таких документов составлял к началу XX века около десяти тысяч. Они были представлены, кроме законов, положениями, распоряжениями, инструкциями, циркулярами и иными актами. Содержательно эти документы регулировали множество вопросов формирования и деятельности коронных учреждений, в том числе вопросы определения на гражданскую государственную службу в различных ведомствах, порядка прохождения службы, получения классовых чинов, вопросы увольнения, награждения и наказания чиновников, их пенсионного обеспечения и т. п.

Изучение правовой регламентации государственной службы в России началось еще в имперский период. В основном это были работы историко-правового плана, в которых систематизировались правительственные меры и нормативные акты с целью выяснения, насколько эффективными они были для совершенствования правовой регламентации государственной службы [Евреинов, 1887; Карнович, 1897]. Исследователи XX века, работавшие в парадигме марксистско-ленинской методологии, в основном негативно оценивали деятельность государственного аппарата Российской империи, а потому и правовая база деятельности российского чиновничества либо оставалась вне поля исторического анализа, либо авторы акцентировали внимание на несомненно имевшихся негативных сторонах этой законодательной базы [Троицкий, 1974; Зайончковский, 1978; Ерошкин, 1981]. Более взвешенный, однако не лишенный порой комплиментарности в отношении законодательства Российской империи, подход наблюдается в работах историков конца XX – начала XXI века [Шепелев, 1999; Долгов, 2012; Дятлов, 2012; Воропанов, 2013; Белых, Дмитриев, 2021].

Объект и методы исследования

Для решения задач выяснения специфики эволюции правовой регламентации определения на гражданскую государственную службу в 30–90-е годы XIX века привлекались те нормативные документы, которые фиксировали все основные аспекты и обстоятельства приема на службу, действовавшие, скорректировавшиеся и вновь принимавшиеся в рассматриваемый период.

К середине XIX века кроме «Табели о рангах» в нормативно-правовую базу, на основе которой регулировались карьерная стратегия и тактика правительства, входили Основные законы Российской империи, петровский Генеральный регламент (1720 г.), «Устав о службе гражданской» (1832 г.), «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе» (1834 г.), «Положение об Инспекторском департаменте гражданского ведомства» (1846 г.) и другие многочисленные нормативные акты верховной власти, Государственного совета, Комитета министров, Сената [Мельников, Нечипоренко, 2003, с. 69]. Это были такие акты, как «Общий наказ гражданским губернаторам» 1837 года и его переработанный вариант 1876 года, «Устав о службе по определению от правительства», Закон 9 декабря 1856 года «О производстве в чины по службе гражданской», «Общее губернское учреждение» 1876 года и др.

Ведомственные инструкции были настолько многочисленными, что издавались целыми томами. Так, в 1856 году был издан сборник циркуляров и инструкций по деятель-

ности губернатора в 5 томах [Шумилов, 1991, с. 26]. Фактически все тома Свода Законов Российской империи содержат юридические акты о государственной гражданской службе. Третий же том Свода законов содержит только уставы, регламентирующие гражданскую службу: Устав о Службе по определению от Правительства (840 статей); Устав о Пенсиях и Единовременных пособиях (747 статей), Положение об особых преимуществах службы в отделенных местностях, а также в Губерниях Западных и Царства Польского (57 статей) Уставы эмеритальных касс гражданского ведомства (486 статей).

Поставленные задачи решались с использованием в основном историко-генетического, историко-сравнительного методов. Это позволило выявить изменения в возрасте приема на службу, как менялась роль уровня и качества образования в увязке с социальным статусом претендентов на классные должности в коронных учреждениях, изменения в порядке приема на службы представителей различных социальных и национально-религиозных групп населения империи.

Участие авторов в проведении исследования и подготовки статьи к публикации было следующим. И.Т. Шатохин – автор идеи исследования, анализировал источники, подготовил текст статьи, сформулировал методологию и выводы. С.Б. Шатохина участвовала в подборе источников и литературы, в написании и редактировании текста статьи, занималась оформлением научно-справочного аппарата и текста статьи в соответствии с требованиями журнала.

Результаты и их обсуждение

Основопологающим законом, регламентировавшим основы гражданской государственной службы, был «Устав о Службе по определению от Правительства» (далее – «Устав»). Вне сферы действия этого закона из гражданских служащих в рассматриваемый период были гражданские чиновники военного и морского ведомств, а также чиновники таможенного, лесного и горного ведомств. Служба гражданских чинов в них определялась специализированными уставами, определявшими в целом правовые основы деятельности учреждений этих ведомств. При этом на гражданскую службу очень часто принимались лица с сохранением за ними военных классов чинов, и в некоторых случаях на них распространялись правовые положения военных уставов. В качестве примера можно привести зафиксированный порядок, при котором в Министерстве путей сообщения инженерам-путейцам одновременно присваивались военные и гражданские классные чины.

Не менее важным документом в рассматриваемый период была «Общая роспись начальствующих и всех должностных лиц Российской империи», содержащаяся в виде приложения в Своде законов Российской империи в редакции 1857 года. Содержание ее было определено двумя именными указами императора Николая I, которые были даны в 1835 году. «Это расписание классов должностей как бы усовершенствовало «Табель о рангах», в которой имелось значительное смещение распределенных по классам должностей и чинов» [Мельников, Нечипоренко, 2003, с. 69].

Сложившаяся к началу осуществления буржуазных реформ нормативно-правовая база государственной службы отражала специфику государственного устройства и управления. Неограниченная монархия, опиравшаяся, прежде всего, на дворянство, во второй четверти XIX века уже не могло учитывать в своей внутренней политике роли и влияния отечественной бюрократии. Не удивительны в этих условиях слова Николая I, оценивающие степень реальных властных полномочий российской бюрократии: «моей империей управляют двадцать пять тысяч столоначальников» [Государственная служба, 2000, с. 64]. О степени всевластия в николаевской России чиновничества достаточно красочно написал иностранец Адольф де Кюстин. Он отмечал, что страной «управляет класс чиновников, прямо со школьной скамьи занимающих административные должности, и управляет часто наперекор воле монарха... И, как это ни звучит парадоксально, самодержец всероссийский часто замечает, что он вовсе не так всемогущ, как говорят, и с удивлением, в котором он

боится сам себе признаться, видит, что власть его имеет предел. Этот предел положен ему бюрократией...» [Адольф де Кюстин, 1991, с. 616].

В основу законодательства о гражданской службе Российской империи были положены три важнейших принципа организации государственной службы: определение на государственную службу от Правительства, ранжирование должностей, чинопроизводство по выслуге лет. Обратимся к юридически прописанным процедурам осуществления государственной службы и практике их реализации в российской провинции.

Прежде чем рассматривать процедуру приема на службу, выясним круг претендентов на должности в гражданских коронных учреждениях российской провинции. Границы этого круга были определены действующим и постоянно корректировавшимся законодательством. Вектор изменений законодательства по этому вопросу в рассматриваемый период был направлен на расширение и демократизацию состава претендентов на замещение различных должностей в учреждениях государственного управления, особенно на местах, при ужесточении требований к их профессионализму и образованию.

Доступ на государственную службу всегда имел и имеет ныне определенные ограничения. Традиционным, и не только для Российской империи, было ограничение для участия в государственном управлении для женщин. По существовавшей в России традиции женщины не принимались на чиновничьи должности в системе государственного управления. В российском законодательстве не существовало какого-либо специального оговоренного запрета для женщин на такую деятельность. Это не укладывалось в сложившуюся систему представлений о власти предрасположенных и общества в целом. Только по мере реализации реформ 1860–70-х годов женщины стали принимать «по найму» для работы в казенных медицинских и образовательных учреждениях, а затем на различные должности в почтово-телеграфных конторах. И обусловлено это было, с одной стороны, эмансипацией и стремлением женщин к самостоятельной общественно значимой деятельности, а с другой – ростом емкости рынка труда, особенно в таких сферах, которые были по силам и образовательной подготовке женщин. В 1889 году у женщин появились возможности для реализации себя в центральных и местных структурах Государственного контроля и Министерства путей сообщения на бухгалтерских и конторских должностях. При этом принимались они на эти должности «без предоставления сим лицам каких-либо прав и преимуществ, государственной службой приобретаемых» [Архипова, Румянцева, Сенин, 1999, с. 114]. Видя успехи женщин на государственной службе, борьбу за привлечение их на работу в земских управах предпринимают сами земцы в начале XX века. Так, летом 1905 г. комиссия Воронежской губернии земской управы в докладе на имя царя настойчиво предлагала привлечь «женщин к работе в местных органах самоуправления» [Михалев, 1999, с. 63].

Вторым ограничением естественного характера был возраст претендентов на службу в коронных учреждениях. Верхнего возрастного предела для государственной службы закон не предусматривал. Долгое время в России не было и установленного законом нижнего возрастного предела. В начале XIX века известны случаи, когда чиновничьи должности занимали дети в возрасте 9–13 лет. Такое положение дел не могло сохраняться, поэтому в 1828 году был установлен нижний возрастной порог для приема на службу – 14 лет, при этом делалась оговорка, что действительная служба начиналась только с 16 лет [Писарькова, 1995, с. 5]. Для занятия некоторых должностей, особенно начальствующих, устанавливался возрастной порог в 21 год, 25 и даже 35 лет [Архипова, Румянцева, Сенин, 1999, с. 115]. В дальнейшем этот общий нижний порог поступления на государственную службу прочно вошел в законодательство¹¹, таким образом, возраст поступления на службу был обусловлен возрастом служебной публичной дееспособности.

¹¹ Устав о службе по определению от Правительства, Ст. 14 // Свод Законов Российской империи. Т. III. – СПб., 1896.

На службу в систему государственного управления не могли быть приняты те, кого закон признавал частично или полностью недееспособным по состоянию здоровья¹². Это были лица, страдавшие различными психическими болезнями и расстройствами: безумные от рождения, сумасшедшие, страдающие одряхлением, лунатизмом и т. п.

Законодательство ограничивало или прямо запрещало проникновение на государственную службу тем, кто совершил преступления или запятнал себя порочающим поведением. Причем только одно обстоятельство категорически и навсегда закрывало дверь в коронное учреждение для занятия любой должности на государственной службе – исключение из службы по приговору суда с лишением всех прав состояния¹³. Даже отрешение по суду от должности не лишало это лицо права через три года обратиться к своему начальству с прошением об определении на службу. На усмотрение Правительствующего Сената передавались прошения тех лиц, которые пребывали под судом или следствием и освобождены были от уголовного преследования Высочайшим манифестом. Уволенные от службы за предосудительные поступки по распоряжению Императора могли вновь попытаться счастье вернуться на службу. Закон давал такую возможность. Изгнанный монархом с занимаемой должности мог по прошествии двух лет подать прошение на имя императора. К нему он должен был приложить свидетельство от губернского предводителя дворянства, если он был дворянин, или от уездного исправника, если он был выходцем из любого другого сословия, о добропорядочном поведении в эти годы. Свидетельство это должно было быть утверждено губернатором той губернии, в которой проживал претендент, пытавшийся возвратиться на службу. Только в таком случае император мог отменить свое прежнее решение и Высочайше разрешить уволенному им же ранее вернуться к служебной деятельности. В любое время мог просить начальство о поступлении на службу чиновник, удаленный начальством от должности за неспособность к службе, за неблагонадежность, за недоказанную вину, известную начальству¹⁴.

Такой законодательный либерализм вовсе не означал, что возможность возвращения на государственную службу предоставлялась начальством всем обратившимся по этому вопросу. Принимая на службу опорочившего себя преступлением или проступком, начальство брало на себя особую ответственность и ставило свою карьеру в зависимость от поведения в будущем неблагонадежного лица. Очень мало было начальствующих, которые так рисковали, добровольно ставя себя в зависимое положение. Кроме того, начальствующие имели большое количество законных оснований отказать в прошении такому лицу, так как нормативные документы требовали от принимаемых на службу быть образцом нравственности, быть честным, добропорядочным, стойким перед искушениями «мздоимства» и «сребролюбия». Таким образом, государство в лице начальства стремилось оградить авторитет корпуса государственных служащих, демонстрируя негативное отношение к коронным чиновникам, опорочившим себя на службе или в жизни.

Государство не приветствовало переход священнослужителей на другую государственную службу, устанавливая запретительные сроки для такого перехода. В течение 10 лет священникам и 6 лет диаконам было запрещено подавать прошение о приеме на любую должность в государственных структурах империи, если они по своей воле сложили с себя духовный сан. Этот срок для священников увеличивался до 20 лет, т. е. фактически до конца работоспособного возраста, если его изгоняли из церкви за неблаговидные поступки или пороки¹⁵. Так государство стремилось удержать духовенство в своей профессиональной нише. Ведь для представителей других сословий, оставивших по собственной воле государственную службу на гражданском или военном поприще, таких ограничений не было. Очень

¹² Устав о службе по определению от Правительства, Ст. 705.

¹³ Устав о службе по определению от Правительства, Ст. 199.

¹⁴ Устав о службе по определению от Правительства, Ст. 12, 195, 195, 197, 198, 788.

¹⁵ Устав о службе по определению от Правительства, Ст. 12.

часто оставляли службу по личным мотивам на долгие годы гражданские чиновники и военные, а затем возвращались в свое или другое ведомство, сохраняя классные чины¹⁶.

Весьма существенным ограничением круга претендентов на должности государственной службы было наличие и уровень образования кандидатов. К началу рассматриваемого периода неоднократно в законодательстве регламентировался вопрос образовательного минимума для занятия должностей в органах государственного управления и порядка продвижения по служебной лестнице. В 1834 г. принимается новое «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе», которое отменяет установленный ранее образовательный ценз. Положение сохранило правило, при котором количество лет выслуги зависело от уровня образования чиновника. Оно выражалось в трех траекториях выслуги лет для получения следующего классного чина в зависимости от образовательного уровня: высшее, среднее и домашнее [Мельников, Нечипоренко, 2003, с. 76]. Такой порядок просуществовал до 1857 года, когда выслуга лет перестала зависеть от того, с каким образованием человек занимал должность на государственной службе. Для начала службы был установлен минимальный образовательный ценз. Теперь при поступлении на службу претендент должен был представить документ об образовании не ниже объема уездного училища. Первый классный чин зависел от того, какое образование он имел, даже от того, с какими успехами он завершил обучение [Миронов, 2003, с. 203].

С формальной точки зрения уровень образования не имел решающего значения для занятия той или иной должности в аппарате государственного управления и карьерного успеха. Даже на рубеже XIX–XX веков для поступления на государственную службу было вполне достаточно иметь свидетельство об окончании уездного училища или выдержать экзамен в объеме учебной программы этого учебного заведения [Мельников, Нечипоренко, 2003, с. 78]. Тем не менее в условиях модернизационного развития страны во второй половине XIX века уровень образования выходит на первый план в числе факторов, определяющих карьеру чиновника. Наиболее высокими конкурентными преимуществами обладали выпускники высших учебных заведений, особенно специальных вузов, в своей профессиональной сфере.

Стремление выпускников высших учебных заведений поступить на государственную службу было обусловлено рядом льготных условий. Они начинали службу сразу с чинов X–IX классов. Привлекательными были также перспектива последовательного служебного продвижения по выслуге лет, законодательное обеспечение повышения в чинах, престижность статуса государственного служащего, достаточно высокое материальное содержание для классных чиновников, а также гарантированное пенсионное обеспечение. «Как показывает анализ занятости вузовских выпускников за 1898–1916 гг., 74 % их находилось на службе в государственном аппарате. По свидетельству руководителей народнохозяйственных вузов, распространенным явлением 90-х гг. являлось поступление молодых специалистов-отраслевиков на государственную службу, которая открывала им перспективу карьеры, предоставляла лучшие условия для самореализации, обеспечивала статусные, материальные и другие преимущества по сравнению с негосударственными секторами» [Мельников, Нечипоренко, 2003, с. 81–82].

Более пристальное внимание к образованию, его уровню и качеству – вполне закономерное явление в пореформенный период, обусловленное усложнением задач государственного управления в российской провинции, углублением его специализации. Однако даже в начале XX века минимальный образовательный ценз для занятия классных должностей государственной службы включал в себя лишь умение читать и писать. При этом такие минимальные требования не могли быть применены для кандидатов на должности, требовавшие получения профессиональной подготовки в специализированных образовательных учреждениях. Высшее или среднее профессиональное образование требовалось для службы в медицинских и образовательных учреждениях, в учреждениях горного и лесного ведом-

¹⁶ Устав о службе по определению от Правительства, Ст. 53, 191.

ства. В учреждениях суда, следствия и прокуратуры в исключительных случаях закон допускал при занятии должности наличие у чиновников многолетнего служебного опыта в этой сфере¹⁷. Для замещения вакансий во многих учреждениях Министерства внутренних дел, даже в местных учреждениях Министерства финансов, Государственного контроля наличие специального высшего или среднего образования не требовалось.

Сложная система ограничений для определения на службу в коронные учреждения определялась спецификой сформировавшейся к рассматриваемому периоду социальной политики Российской империи. Прежде всего, на классные должности в местных коронных учреждениях принимались представители тех социальных групп, на которые верховная власть могла положиться. Это, прежде всего, потомственные дворяне, личные дворяне и их сыновья, выходцы из православного, армяно-григорианского, евангелическо-протестантского духовенства, а также получившие в российских университетах степень доктора, магистра или кандидата сыновья художников и ученых. Всем этим лицам при подаче прошения достаточно было иметь минимальный образовательный ценз, чтобы занять одну из вакантных классных должностей в местном коронном учреждении. Для всех других социальных групп Российской империи законодательством были установлены разной степени сложности ограничения при поступлении на службу. Однако даже категорические ограничения имели исключения, обходные пути, установленные тем же законодательством. Вполне официально, согласно Уставу о гражданской службе, на должности VIII–XIV классов в исключительных случаях могли быть приняты лица без соответствующих классных чинов и даже не обладающие правом поступать на государственную службу. Устав определял 33 категории таких должностей [Черепанова, 2014, с. 169].

Одной из установленных законом лазеек для проникновения в корпус коронных классных чиновников было разрешение на занятия в канцеляриях должностей переписчиков, курьеров и других служительских мест выходцами их податных сословий. Существовал целый ряд малопrestижных и непривлекательных для дворян и иных привилегированных групп, хотя и требовавших специальной подготовки, но технического и вспомогательного характера, не дающих определенных перспектив карьерного роста. Это телеграфисты, кондукторы, письмоводители, канцелярские служители, библиотекари, бухгалтеры, учетчики, межевщики, топографы, переводчики, тюремные надзиратели, полицейские должности, актеры и иные театральные служители. На эти должности принимались прежде всего выходцы их всех состояний, в том числе и из податных сословий¹⁸. Через 20 лет беспорочной службы они имели законное право претендовать на первый классный чин, если по обстоятельствам службы они не добились этого ранее. Дети же этой категории и вовсе делали открытым доступ к государственной службе на классных должностях¹⁹.

Таким образом, заслуги отцов создавали еще одну лазейку для проникновения выходцев из непривилегированных сословий в состав российской провинциальной бюрократии, постоянно нуждавшейся в пополнении своих рядов. Более широкий путь проникновения в ряды коронного чиновничества лиц из бывших податных сословий в пореформенный период был обусловлен развитием образования. В этом отношении все, кто получил свидетельство об окончании среднего или высшего учебного заведения, были потенциальными кандидатами на классные должности в коронных учреждениях. Окончившие гимназии с особым отличием и награжденные при этом золотой или серебряной медалью, а также студенты духовных семинарий принимались на службу без учета социального происхождения с чином XIV класса Табели о рангах.

Для выпускников университетов были определены следующие условия получения классных чинов в том случае, если они поступали на государственную службу. XII класс-

¹⁷ Учреждение судебных постановлений. – СПб., 1917. – Ст. 6.

¹⁸ Устав о службе по определению от Правительства, Ст. 45, 145–146, 311.

¹⁹ Устав о службе по определению от Правительства, Ст. 5.

ный чин присваивался тем выпускникам университетов, которые получали дипломы второй степени, кандидатам в действительные студенты Варшавского и Юрьевского университетов, а также Демидовского юридического лицея. Обладателями X классного чина становились выпускники университетов с дипломом первой степени, действительные студенты Варшавского и Юрьевского университетов, а также Демидовского юридического лицея. Выпускники университетов со степенью кандидата могли рассчитывать на IX, а доктора – на VIII классный чин [Архипова, Румянцева, Сенин, 1999, с. 115–116].

В 1845 г. действительный студент Московского университета А.Ф. Писемский был принят на службу в Костромскую палату государственных имуществ канцелярским чиновником, и только по истечении полутора месяцев последовал указ Сената об утверждении его в чине губернского секретаря [Плеханов, 1986, с. 69].

Насколько заметным был поток разночинцев в чиновничий корпус, косвенно свидетельствует знаменитый циркуляр о «кухаркиных детях». В 1881 году этой мерой правительство попыталось воспрепятствовать размыванию дворянского доминирования в этой среде. Несмотря на то, что законодательство вводило определенные ограничения по сословному признаку, они не имели непреодолимого характера для поступления на государственную службу. Сословные ограничения, заложенные изначально в законодательство о государственной службе, к началу XX века в большинстве случаев утратили практическую целесообразность, стали анахронизмом.

Заключение

Устойчивой тенденцией в эволюции правовой регламентации приема претендентов на должности в гражданском управлении стало более пристальное внимание к уровню и качеству образования потенциальных чиновников. Усложнение управленческих функций, внедрение технологических новаций в условиях социально-экономической модернизации страны требовали более грамотных и подготовленных чиновников. В 30–90-е годы XIX века в Российской империи сформировались целые отрасли управления, в которых без специального, зачастую высшего образования невозможно было в принципе выполнять должностные обязанности.

К началу рассматриваемого периода в законодательство был введен нижний возрастной порог для приема на службу, а затем появились нижние возрастные ограничения на занятие тех или иных руководящих должностей в коронном управлении. Стали вводиться послабления, которые позволили замещать ряд должностей женщинами, однако это касалось в основном вспомогательного персонала.

Постепенно в рассматриваемый период преодолевались пережитки феодальной традиции в формировании российского чиновничества. Сословные и национально-религиозные ограничения и, наоборот, привилегии шаг за шагом уступали место более демократичной практике вовлечения в сферу управления прежде всего лиц, обладающих профессиональной подготовкой, в том числе и на различные руководящие позиции. Поэтому логическим завершением эволюции правовой регламентации определения на гражданскую государственную службу в рассматриваемый период можно считать Указ Николая II «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий». И хотя он был принят 5 октября 1906 года, но, несомненно, это был один из позитивных результатов первой русской революции, хотя он всего лишь де-юре закрепил то, что уже давно практиковалось в системе государственной службы: чиновничество постоянно пополнялось лицами, не имевшими формальных прав на занятие мест в коронных учреждениях.

Список литературы

Адольф де Кюстин. 1991. Россия в 1839 году. Россия первой половины XIX века глазами иностранцев / Сост. Ю.А. Лимонов. Ленинград, Лениздат: 421–660.

- Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. 1999. История государственной службы в России. XVIII–XX века. Москва, РГГУ, 231 с.
- Белых А.А., Дмитриев А.Л. 2021. Образование и происхождение: из истории гражданской службы в России в XIX веке. Экономическая политика. 16 (4): 144–169.
- Воропанов В.А. 2013. Развитие системы отбора и подготовки кадров государственной гражданской службы в Российской империи в первой половине XIX в. Социум и власть. 6 (44): 84–89.
- Государственная служба. 2000. Отв. ред. А.В. Оболонский. Москва, Издательство «Дело» АНХ, 512 с.
- Долгов А.А. 2012. Формирование правовых основ государственной службы и социальный состав служащих в Российской империи второй половины XVIII века. Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. 4 (18): 16–20.
- Дятлов В.А. 2012. Особенности социального положения чиновничества Российской империи в первой половине XIX века (на примере Пензенской и Саратовской губерний). Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского. 27: 601–604.
- Евреинов А.И. 1887. Гражданское чиновничество в России. Санкт-Петербург, Типогр. А.С. Суворина, 87 с.
- Ерошкин Н.П. 1981. Крепостническое самодержавие и его политические институты. Москва, Мысль, 252 с.
- Зайончковский П.А. 1978. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. Москва, Мысль, 288 с.
- Карнович Е.П. 1897. Русские чиновники в былое и настоящее время. Санкт-Петербург, Типогр. П.П. Сойкина, 127 с.
- Мельников В.П., Нечипоренко В.С. 2003. Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность. Москва, Издательство РАГС, 506 с.
- Миронов Б.Н. 2003. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин, 2: 583 с.
- Михалев О.Ю. Либеральное движение воронежских земцев в конце 1904–1905 годах // Общественная и культурная жизнь Центральной России в XVII – начале XX века: Сб. науч. трудов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. – С. 55–67.
- Писарькова Л.Ф. 1995. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века. Человек. 3. URL: http://vivovoco.nns.ru/VV/PAPERS/MEN/PISAR_1.HTM
- Плеханов С.Н. 1986. Писемский. Москва, Молодая гвардия, 285 с.
- Троицкий С.М. 1974. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. Москва, Наука, 384 с.
- Устав о службе по определению от Правительства. 1896. Свод Законов Российской империи Санкт-Петербург, 3: 1–727.
- Учреждение судебных постановлений. 1891. Санкт-Петербург, 231 с.
- Черепанова И.В. 2001. Государственная служба Российской империи XIX века (теоретическое исследование). Дис. ... канд. юр. наук. Омск, 233 с.
- Шепелев Л.Е. 1999. Чиновный мир России XVIII – начала XX в. Санкт-Петербург, Искусство-СПб, 477 с.
- Шумилов М.М. 1991. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX века. Москва, Прометей, 218 с.

References

- Adol'f de Kjustin. 1991. Rossiya v 1839 godu. Rossiya pervoj poloviny XIX veka glazami inostrancev [Russia in 1839. Russia in the first half of the 19th century through the eyes of foreigners]. Sost. Ju.A. Limonov. Leningrad, Lenizdat: 421–660 (in Russian).
- Arhipova T.G., Rumjanceva M.F., Senin A.S. 1999. Istorija gosudarstvennoj sluzhby v Rossii XVIII–XX veka [History of public service in Russia. XVIII–XX centuries]. Moskva, RGGU, 231 p. (in Russian).
- Belyh A.A., Dmitriev A.L. 2021. Obrazovanie i proishozhdenie: iz istorii grazhdanskoj sluzhby v Rossii v XIX veke [Education and origins: from the history of the civil service in Russia in the 19th century]. Jekonomicheskaja politika. 16 (4): 144–169 (in Russian).

- Cherepanova I.V. 2001. Gosudarstvennaja sluzhba Rossijskoj imperii XIX veka (teoreticheskoe issledovanie) [Public service of the Russian Empire in the 19th century (a theoretical study)]. Dis. ... kand. jur. nauk. Omsk, 233 p. (in Russian).
- Dolgov A.A. 2012. Formirovanie pravovyh osnov gosudarstvennoj sluzhby i social'nyj sostav sluzhashchih v rossijskoj imperii vtoroj poloviny XVIII veka [Formation of the legal foundations of public service and the social composition of employees in the Russian Empire in the second half of the 18th century]. Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2012. 4 (18): 16–20 (in Russian).
- Djatlov V.A. 2012. Osobennosti social'nogo polozhenija chinovnichestva rossijskoj imperii v pervoj polovine XIX veka (na primere Penzenskoj i Saratovskoj gubernij) [Features of the social position of the bureaucracy of the Russian Empire in the first half of the 19th century (on the example of the Penza and Saratov provinces)]. Penzenskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. V.G. Belinskogo. 27: 601–604 (in Russian).
- Evreinov A.I. 1887. Grazhdanskoe chinoproizvodstvo v Rossii [Civil chinoproizvodstvo in Russia]. Sankt-Peterburg, Tipogr. A.S. Suvorina, 87 p. (in Russian).
- Eroshkin N.P. 1981. Krepostnicheskoe samodержавие i ego politicheskie instituty [Feudal autocracy and its political institutions]. Moskva, Mysl', 252 p. (in Russian).
- Gosudarstvennaja sluzhba [Public service]. 2000. Otv. red. A.V. Obolonskij. Moskva, Izdatel'stvo «Delo» ANH, 512 p. (in Russian).
- Karnovich E.P. 1897. Russkie chinovniki v byloe i nastojashhee vremja [Russian officials in the past and present]. Sankt-Peterburg, Tipogr. P.P. Sojkina, 127 p. (in Russian).
- Mel'nikov V.P., Nechiporenko V.S. 2003. Gosudarstvennaja sluzhba v Rossii: otechestvennyj opyt organizacii i sovremennost'[Public service in Russia: domestic experience of organization and modernity]. Moskva, Izdatel'stvo RAGS, 506 p. (in Russian).
- Mironov B.N. 2003. Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social history of Russia in the period of the empire (XVIII – early XX century)]. Sankt-Peterburg, Dmitrij Bulanin, 2: 583 p. (in Russian).
- Mihalev O.Ju. Liberal'noe dvizhenie voronezhskih zemcev v konce 1904–1905 godah [Liberal movement of the Voronezh Zemstvo in late 1904–1905]. Obshhestvennaja i kul'turnaja zhizn' Central'noj Rossii v XVII – nachale XX veka: Sb. nauch. trudov. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta: 55–67 (in Russian).
- Pisar'kova L.F. 1995. Rossijskij chinovnik na sluzhbe v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka [Russian official in the service at the end of the 18th – the first half of the 19th century. Human. 3]. Chelovek. 3. URL: http://vivovoco.nns.ru/VV/PAPERS/MEN/PISAR_1.HTM (in Russian).
- Plehanov S.N. 1986. Pisemskij [Pisemsky]. Moskva, Molodaja gvardija, 285 p. (in Russian).
- Shepelev L.E. 1999. Chinovnyj mir Rossii XVIII – nachalo XX v. [Bureaucratic world of Russia XVIII – early XX century] Sankt-Peterburg, Iskusstvo-SPb, 477 p. (in Russian).
- Shumilov M.M. 1991. Mestnoe upravlenie i central'naja vlast' v Rossii v 50-h – nachale 80-h gg. XIX veka [Local government and central government in Russia in the 50s – early 80s. XIX century]. Moskva, Prometej, 218 p. (in Russian).
- Troickij S.M. 1974. Russkij absoljutzizm i dvorjanstvo v XVIII v.: formirovanie bjurokratii [Russian Absolutism and the Nobility in the 18th Century: The Formation of the Bureaucracy]. Moskva, Nauka, 384 p. (in Russian).
- Ustav o sluzhbe po opredeleniju ot Pravitel'stva [Charter on service by definition from the Government]. 1896. Svod Zakonov Rossijskoj imperii Sankt-Peterburg, 3: 1–727 (in Russian).
- Uchrezhdenie sudebnyh postanovlenij [The establishment of judgments]. 1891. Sankt-Peterburg, 231 p. (in Russian).
- Voropanov V.A. 2013. Razvitie sistemy otbora i podgotovki kadrov gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby v rossijskoj imperii v pervoj polovine XIX v. [Development of the system of selection and training of civil service personnel in the Russian Empire in the first half of the 19th century] Socium i vlast'. 6 (44): 84–89 (in Russian).
- Zajonchkovskij P.A. 1978. Pravitel'stvennyj apparat samodержavnoj Rossii v XIX v. [The government apparatus of autocratic Russia in the XIX century]. Moskva, Mysl', 288 p. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 23.05.2023
Поступила после рецензирования 01.06.2023
Принята к публикации 01.06.2023

Received 23.05.2023
Revised 01.06.2023
Accepted 01.06.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шатохин Иван Тихонович, профессор кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-4686-3560](https://orcid.org/0000-0002-4686-3560)

Ivan T. Shatokhin, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Шатохина Светлана Богдановна, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-9119-8774](https://orcid.org/0000-0002-9119-8774)

Svetlana B. Shatokhina, Associate Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 047.081/083(471.324)

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-453-461

Краткое сообщение

Крестьянская кооперация в кредитно-коммерческой и производственной сферах в начале XX века (по материалам Воронежской губернии)

Журавлёв С.С.¹ , Тимошинова Т.С.²

¹⁾ Воронежский институт МВД России,

Россия, 394065, Воронежская область, г. Воронеж, пр-т Патриотов, д. 53;

²⁾ МБОУ лицей № 7 г. Воронежа,

Россия, 394000, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Студенческая, д. 29

E-mail: zhuravlev310@yandex.ru, ttimoshinova@bk.ru

Аннотация. В настоящей статье на примере Воронежской губернии представлен анализ развития крестьянской кооперации в кредитно-коммерческой и производственной сферах в начале XX столетия. Автор рассмотрел конкретно-исторические условия приобщения крестьянского населения региона к участию в деятельности различных коммерческих и производственных объединений кооперативного типа, проанализировал основные формы кооперации крестьянства, организационно-правовую основу их функционирования в контексте социально-экономического развития Воронежской губернии начала XX века. На основе конкретных примеров из ранее неопубликованных документов центрального и местного архивов проиллюстрирована степень участия сельских товаропроизводителей в кооперативном движении региона. Всесторонний анализ источников показал, что доминирующие позиции в сфере кооперативного строительства в воронежском селе занимали производственные артели и ссудо-сберегательные товарищества. Сельскохозяйственная спецификация экономики региона в совокупности с коммерческой пассивностью сельских товаропроизводителей, слабый уровень финансовой грамотности крестьян, а также многочисленные патриархальные пережитки общества детерминировали ориентированность данного процесса преимущественно на кустарное производство.

Ключевые слова: крестьянская кооперация, кредитное товарищество, ссудо-сберегательное товарищество, производственная артель, аграрная реформа П.А. Столыпина, Воронежская губерния

Благодарности: работа выполнена при поддержке учителя истории и обществознания МБОУ Лицей № 7 г. Воронежа Тимошиновой Татьяны Сергеевны.

Для цитирования: Журавлёв С.С. 2023. Крестьянская кооперация в кредитно-коммерческой и производственной сферах в начале XX века (по материалам Воронежской губернии). Via in tempore. История. Политология, 50 (2): 453–461. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-453-461

Peasant Cooperation in the Credit, Commercial and Industrial Spheres at the Beginning of the XX Century (Based on the Materials of Voronezh Province)

Sergey S. Zhuravlev¹ , Tatiana S. Timoshinova²

¹⁾ Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 53 Patriotov Ave., Voronezh 394065, Voronezh Region, Russia;

²⁾ MBOU Lyceum No. 7 of Voronezh,

29 Studenetskay St., Voronezh 394000, Voronezh region, Russia

E-mail: zhuravlev310@yandex.ru; ttimoshinova@bk.ru

Abstract. The article presents an analysis of the development of peasant cooperation in the credit, commercial and industrial spheres at the beginning of the XX century on the example of Voronezh province. The authors consider specific historical conditions for involving peasant population of the region

in the activities of various commercial and industrial associations of cooperative type, analyze the main forms of cooperation of the peasantry, the organizational and legal basis of their functioning in the context of social and economic development of Voronezh province at the beginning of the XX century. Based on concrete examples from previously unpublished documents of the central and local archives, the degree of participation of rural producers in the cooperative movement of the region is illustrated. A comprehensive analysis of the sources has revealed that the dominant positions in the field of cooperative construction in Voronezh village were occupied by manufacturing artels and savings and loan partnerships. The agricultural specification of the region's economy combined with the commercial passivity of rural commodity producers, a weak level of peasants' financial literacy, as well as numerous patriarchal remnants of the society determined the orientation of this process mainly on handicraft production.

Keywords: peasant cooperation, credit partnership, savings and loan partnership, a manufacturing artel, P.A. Stolypin's agrarian reform, Voronezh Province

Acknowledgements: the work was carried out with the active support of the teacher of history and social studies of MBOU Lyceum No. 7 of Voronezh Timoshinova Tatiana Sergeevna.

For citation: Zhuravlev S.S., Timoshinova T.S. 2023. Peasant Cooperation in the Credit, Commercial and Industrial Spheres at the Beginning of the XX Century (Based on the Materials of the Voronezh Province). Via in tempore. History and political science, 50 (2): 453–461 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-453-461

Введение

Проблема формирования и развития капиталистических отношений в русской деревне в пореформенный период – начале XX в. – до сих пор выступает актуальной темой исследования в отечественной исторической науке. На территории Воронежской губернии, как и по всей России, капитализация крестьянского хозяйства происходила не только в производственной, но и коммерческой сферах деятельности. Новым явлением экономической жизни региона становится крестьянская кооперация, способствовавшая расширению хозяйственных возможностей наиболее предприимчивых слоев общества, реализации их предпринимательских способностей. Региональная специфика данного процесса выражалась в приоритете производственных артелей и ссудо-сберегательных товариществ над другими формами крестьянской кооперации. Производственные и коммерческие объединения крестьян здесь носили как неформальный, так и институционализированный характер, со своим уставом, правилами, подкрепленными официальными документами (договорами).

В целом кооперирование позволяло мелким собственникам увеличивать объемы выпускаемой продукции, повышать ее качество и ассортимент, формировало устойчивость к конкуренции со стороны крупного фабрично-заводского производства. Подобные обстоятельства важны в условиях возрождения в современной России малого и среднего бизнеса, выступающего залогом стабильности и экономического благополучия нации.

Объекты и методы исследования

Объект исследования – региональная экономика в начале XX столетия. Методологическая база: аналитико-синтетический, историко-сравнительный, историко-генетический, статистический методы. С помощью историко-генетического метода автор рассмотрел причины и предпосылки зарождения кооперативных начинаний в среде крестьянского населения Воронежской губернии в указанный период. Историко-сравнительный метод позволил установить черты сходства и отличия между отдельными формами крестьянской кооперации в производственной и коммерческой сферах. Статистический метод позволил проследить динамику участия крестьян в деятельности кооперативных объединений в начале XX в.

Результаты и их обсуждение

Важной особенностью социально-экономического развития российской экономики в пореформенный период стало активное проникновение элементов капиталистических от-

ношений не только в город, но и деревню. Будучи главным производителем сельскохозяйственной продукции, российский крестьянин, несмотря на свою патриархальность, отсутствие устойчивого стремления к любым хозяйственным инновациям, а также повальную финансовую безграмотность и коммерческую косность, всё-таки постепенно приобщался к новым рыночным условиям. Данный процесс в своей основе носил пролонгированный, неоднозначный и противоречивый характер, который был обусловлен пережитками феодально-крепостнического строя.

В рамках отечественной историографии советского периода актуальные проблемы крестьянской кооперации в начале XX в. исследованы в трудах таких историков, как С.С. Маслова [Маслов, 1968, 345 с.], Г.Р. Наумова [Наумова, 1990, с. 123–128], И.Д. Ковальченко [Ковальченко, 1991, С. 55–69],

Среди историков современного периода историографии можно отметить работы Н.П. Макарова [Макаров, 1956, 392 с.], М.Д. Карпачева [Карпачев, 1995, с. 5–24; Карпачев, 2004, с. 170–181], А.В. Перепелицына, В.А. Григоровой [Перепелицын, Григорова, 2022, с. 57–61] и др.

Хозяйственное благополучие крестьянской семьи в пореформенный период, как и в предыдущее время, напрямую зависело не только от объективных социально-экономических условий ведения быта, но и сугубо субъективных, поведенческих предпосылок, составлявших основу психологии сельского товаропроизводителя. Среди многочисленной категории крестьянства стали выделяться крепкие, инициативные хозяева, которые пополняли семейный бюджет за счет дополнительных источников дохода. В качестве них могли служить такие формы предпринимательской активности, как торговля, производство, отходничество, кооперация.

Последняя форма крестьянского предпринимательства получила широкое развитие в период активного проникновения финансового капитала в экономику российской деревни. Мощный импульс данному процессу был дан начавшейся в 1906 г. аграрной реформой П.А. Столыпина, способствовавшей расширению хозяйственных возможностей сельских товаропроизводителей [Агошкова, 2012, с. 41].

Важно отметить, что участие российского крестьянства в кооперативном движении имело под собой глубокие исторические корни. Традиция объединения отдельных домохозяйств в производственное, потребительское или финансово-кредитное сообщество складывалась на основе порядков общинного управления. Крестьянская община со своим патриархальным укладом жизни, круговой порукой и взаимопомощью выступала живым примером для строительства таких хозяйственных объединений кооперативного типа. Несмотря на то, что реформа П.А. Столыпина нанесла достаточно мощный удар по общинным порядкам в русской деревне, устойчивые коллективистские начала, испокон веков существовавшие в сельском мире, по-прежнему составляли основу мировоззрения крестьянства.

Многочисленные хозяйственные проблемы, которые возникали в жизни сельских товаропроизводителей, как правило, решались совместно при активном участии всех членов крестьянской общины. Достаточно упомянуть пресловутую традицию круговой поруки, которая обеспечивала целостность и самодостаточность общины, её устойчивость по отношению к «вызовам времени» [Агошкова, 2012, с. 42].

Вместе с тем участие в кооперативных начинаниях конца XIX – начала XX вв. обеспечивало сельским товаропроизводителям определенную стабильность и хозяйственную безопасность в условиях роста конкуренции со стороны крупного финансово-промышленного капитала. «Выжить» в непростых условиях рынка было проще тем предпринимателям, которые объединяли свои усилия для ведения совместного дела.

Прежде чем перейти к конкретно-историческому анализу развития крестьянской кооперации в кредитно-коммерческой и производственной сферах, необходимо остановиться на определении термина «крестьянская кооперация». Согласно «Большой советской энциклопедии», крестьянская кооперация представляет собой процесс вовлечения мелких раздробленных крестьянских хозяйств в различные формы кооперативов. Важное значение в

таких кооперативах приобретает объединение ресурсов (трудовых, производственных, финансовых) всех участников для ведения совместной деятельности [БСЭ, 1973, с. 145].

Крестьянская кооперация была представлена многочисленными формами, отличавшимися не только численностью его участников, но и организационно-правовыми аспектами деятельности.

Крестьянское кооперативное движение, наблюдавшееся в начале XX в. на территории Воронежской губернии, в целом соответствовало общероссийским тенденциям. Важной отличительной особенностью, отражавшей региональную специфику данного хозяйственного процесса, выступала преимущественная аграрная направленность кооперативных объединений.

Учитывая специфику экономики региона, в основе которой лежала агрокультура, преимущественное развитие здесь получили производственные объединения, которые, как правило, специализировались на обработке природного сырья, переработке сельскохозяйственной продукции (ячменя, пшеницы, овса, подсолнечника, сахарной свёклы и т. д.). В меньшей степени хозяйственная активность воронежских крестьян в сфере кооперации получила в финансово-кредитной и коммерческой (торговой) сферах. Подобные обстоятельства были детерминированы преимущественно натуральным характером крестьянского хозяйства, большим влиянием общинных патриархальных традиций, коммерческой косностью крестьян, их плохой финансовой грамотностью и незрелостью в вопросах ведения «бизнеса на кооперативных началах».

Среди производственных кооперативов, создававшихся крестьянами на территории региона, преимущественное распространение получали сельскохозяйственные товарищества, производственные товарищества, существовавшие в форме бытовых и производственных артелей. Основным сектором хозяйства для формирования производственных товариществ становилась кустарная промышленность, вызревание которой происходило на фоне эволюции многочисленных промысловых занятий местного населения²⁰.

В 1897 г. по всем регионам Российской империи происходило формирование коопераций в форме сельскохозяйственных товариществ. К 1903 г. статистами было зарегистрировано порядка 50 объединений подобного вида. Товарищества организовались людьми преимущественно из среды средних и крупных земельных собственников. На средства сельскохозяйственных товариществ осуществлялась помощь сельским жителям в приобретении необходимого инвентаря, рабочего скота, продовольствия и т. д. Важным направлением их деятельности выступал также сбыт готовой продукции на выгодных для сельхозпроизводителей условиях. В отдельных случаях товарищества выступали кредиторами сельских общинников под залог сельскохозяйственной продукции и иных товаров [Кооперации: свод трудов..., 1904, с. 23]

На территории Воронежской губернии в начале XX в. существовала практика объединения крестьян в кооперации в форме так называемых производственных товариществ. Производственная артель по сложившейся традиции формировалась посредством обычного устного соглашения между крестьянами. Какого-либо документального подтверждения факта сделки не требовалось. Как правило, крестьяне объединялись на временной (непостоянной) основе с целью выполнения работ, которые требовали определенных затрат: физических либо материальных. Чаще всего такие объединения возникали для совместной добычи строительного камня, вырубки лесных массивов, обработки сельскохозяйственных угодий, вылова рыбы и т. д.²¹

Важно отметить, что кооперирование крестьян осуществлялось также для выработки подсолнечного масла и помола муки. Материалы центрального (РГИА) и местного архива (ГАВО) содержат сведения о функционировании таких товариществ в сфере производства

²⁰ Кооперации: свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России, 1904. С. 22.

²¹ Кооперации: свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России, 1904. С. 28.

на территории региона. В документах РГИА (Ф. 573) представлены данные о функционировании вальцовой паровой мельницы, специализировавшейся на производстве подсолнечного масла и муки, на территории Бутурлиновского уезда Воронежской губернии. Согласно отчетам товарищества, в период с 1902 по 1903 гг. им было реализовано порядка 65,98 % мучной продукции и 41,45 % масла. При этом чистая прибыль от продажи муки составила примерно 23,19 %, а от продажи подсолнечного масла – 6,62 %²².

В материалах центрального архива имеются также сведения о размерах годовой прибыли, получаемой товариществами данного типа. В Воронежской губернии в начале XX в. успешно функционировало Товарищество маслобойного завода «Н. Клочкив и компания». К 1 сентября 1903 г. основной и оборотный капитал товарищества составлял 1 128 202 руб. Из них размер чистой прибыли, получаемой крестьянами, составлял 67 445 руб., то есть около 6 %. При этом производственные издержки предприятия на торгово-финансовые операции, амортизацию изношенного оборудования и иные расходы составляли 58 291 руб., или около 5 %²³. Учитывая процентное соотношение прибыли и издержек предприятия, можно констатировать, что оно было вполне эффективным (неубыточным).

Производственные кооперации занимались также изготовлением материалов для строительства, например, кирпича. Согласно сведениям Государственного архива Воронежской области (Ф. И-20), на территории слободы Троицкая Чижовской волости функционировал завод по производству строительного кирпича, организованный товариществом «Глинозём». Данное предприятие было снабжено новым оборудованием: имелся паровой пресс и машинное отделение общей стоимостью в 33 038 руб.²⁴

На территории Воронежского уезда в слободе Воронцовка отдельные категории зажиточного крестьянства на основе словесного договора кооперировались в небольшие группы по 5–6 чел. На совместный капитал они приобретали лесные угодья и осуществляли их вырубку. Полученная древесина делилась между всеми участниками по жребию. Экономическая целесообразность такого предприятия заключалась в том, что товарищество скупало необходимое сырье по более низкой по сравнению с рыночной ценой, а именно от 50 коп. до 1 руб. 00 коп. за 1 куб. древесины [Воронцов, 1895, с. 30].

Довольно показателен пример крестьян слободы Казинка Валуйского уезда Воронежской губернии, которые кооперировались в производственные группы для совместной обработки овчины на территории Купянского уезда. Подобная стратегия позволяла им успешно выдерживать конкуренцию со стороны местных мастеров, поскольку наймодатели, которыми выступали местные крестьянские общины, заключали с артельщиками договор на выгодных для каждой стороны условиях. Вместе с тем общины брали на себя обязательства не пользоваться услугами других мастеров [Воронцов, 1895, с. 38].

Среди кооперативных объединений крестьян на территории Воронежской губернии в начале XX в. встречались и торгово-промышленные заведения – торговые дома. Крестьяне создавали торговые дома в целях совместной реализации готовой продукции сельского хозяйства, ремесла, промысловой деятельности и т. д. Наибольшее распространение получила такая форма торгово-промышленной кооперации, как «товарищество на вере». Соучредители товарищества вступали в торговое соглашение на определенный срок с конкретным указанием времени, места и объемов торговли, а также о сроках функционирования предприятия. Досрочный выход из состава товарищества разрешался только в

²² Российский государственный исторический архив (Далее – РГИА). – Ф. 573. Департамент окладных сборов министерства финансов. Оп. 29. Промысловое отделение. 1872–1918 гг. Д. 400. Отчеты Товарищества Бутурлиновской вальцовой паровой мельницы. Л. 3, 3 об., 4, 4 об.

²³ РГИА. – Ф. 573. Департамент окладных сборов министерства финансов. Оп. 29. Промысловое отделение. 1872–1918 гг. Д. 402. Отчет товарищества маслобойного завода «Н. Клочкив и компания». Л. 3–4.

²⁴ Государственный архив Воронежской области (Далее – ГАВО). – Ф. И-20. Воронежская губернская земская управа. Оп. 1. Секретарский отдел. Д. 6873. Оценочная опись кирпичного завода товарищества «Глинозем» в сл. Троицкой Чижовской волости Воронежского уезда. Л. 1–23.

случае согласия всех остальных его учредителей либо наступления каких-либо неблагоприятных последствий (например, банкротства предприятия)²⁵.

Принципиально важным условием участия в деятельности торгового дома являлось то, что его соучредителям было категорически запрещено состоять членом другого товарищества подобного рода, либо оказать ему материальную поддержку в любой форме, либо открывать торговую точку на имя своего родственника, или в иной местности региона²⁶.

Согласно материалам земской статистики начала XX в., на территории региона с 1914 г. функционировал «Торговый дом И.Д. Гречишкина и Г.П. Козлова», главная контора которого располагалась в Воронеже. Уставной капитал дома составлял порядка 52 000 руб. Кооперативное заведение учреждалось на 3 года. Досрочная ликвидация предприятия была возможна по взаимному соглашению его членов. Торговый дом занимался реализацией изделий из кожи оптом и в розницу²⁷.

Специфическим отличием данного вида крестьянской кооперации выступало наличие строгой финансовой отчетности предприятия перед органами местного самоуправления губернии. Финансовый отчет о деятельности предприятия (с 1 января по 31 декабря включительно) предоставлялся соучредителями в городскую (либо уездную) управу не позднее 6 недель после окончания текущего года. Результаты отчета передавались с протоколом ревизионной комиссии²⁸.

Важной особенностью данного периода стало постепенное вовлечение крестьянства в товарно-денежные отношения. В начале XX в. среди коммерческих объединений крестьян получили распространение кредитные и ссудо-сберегательные товарищества. На территории Воронежской губернии степень участия крестьян в деятельности коопераций данного вида была незначительной в силу аграрной направленности хозяйства региона²⁹.

В качестве примера функционирования ссудо-сберегательных товариществ в регионе можно привести следующие объективные данные. На территории Богучарского уезда с 1901 г. функционировало Воробьёвское ссудо-сберегательное товарищество, оборотный капитал которого составлял 8 087 руб. 00 коп. Не меньшей хозяйственной значимостью обладало Третьяковское товарищество (Новохоперский уезд), уставной капитал которого составлял порядка 19 073 руб. 00 коп. Оно выдавало ссуды по 8 % годовых, а также принимало вклады от крестьян под 6 % соответственно³⁰.

Существовали и более упрощенные формы организации финансово-кредитных учреждений, которые не требовали фиксированной суммы уставного капитала. Так, на территории Острогожского уезда в начале XX в. функционировал так называемый заёмный журнал, по которому нуждавшиеся в денежных средствах обыватели могли получить заём от 5 до 10 руб. Максимальная сумма кредита здесь составляла порядка 500 руб. Денежные средства предоставлялись заемщикам до времени сбора урожая [Памятная книжка Воронежской губернии на 1904 г., 1904, с. 116].

Аналогично была организована деятельность Лизиновского³¹, Александровского³² ссудо-сберегательных товариществ.

²⁵ ГАВО. – Ф. И-19. Воронежская городская управа. Оп. 1. Хозяйственный стол. Д. 2963. Документы о регистрации товарищества «Торговый дом И.Д. Гречишкин и Г.П. Козлов». Л. 2 – 2 об.

²⁶ ГАВО. – Ф. И-19. Воронежская городская управа. Оп. 1. Хозяйственный стол. Д. 2963. Документы о регистрации товарищества «Торговый дом И.Д. Гречишкин и Г.П. Козлов». Л. 3.

²⁷ ГАВО. – Ф. И-19. Воронежская городская управа. Оп. 1. Хозяйственный стол. Д. 2963. Документы о регистрации товарищества «Торговый дом И.Д. Гречишкин и Г.П. Козлов». Л. 4 – 4 об.

²⁸ РГИА. – Ф. 395. Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия. Оп. 1. 1894–1913 гг. Д. 2086. Об утверждении устава маслодельного товарищества «Основание» в Веденском уезде Лифляндской губернии. Л. 8.

²⁹ Юбилейный земский сборник [1864–1914], 1914. С. 358.

³⁰ Памятная книжка Воронежской губернии на 1904 г., 1904. С. 114–115.

³¹ ГАВО. – Ф. И-20. Воронежская губернская земская управа. Оп. 1. Секретарский отдел. Д. 2516. Документы о состоянии сельского хозяйства по губернии. Л. 167–168.

Согласно сведениям Российского государственного исторического архива, на 1 января 1902 г. штатная численность Александровского товарищества Острогожского уезда Воронежской губернии составляла 1 296 чел. Данное предприятие выдавало ссуды населению на срок от 3 до 9 месяцев³³. Более длительные условия кредитования предоставляло Лизиновское товарищество – на срок до 1 года включительно³⁴.

Среди кредитных товариществ, функционировавших на территории Воронежской губернии в начале XX в., можно назвать Красно-Холмское (Катуховская волость Воронежского уезда), Шрамковское (Бирюченский уезд), которые в сравнении с ссудо-сберегательными товариществами имели сравнительно небольшой уставной капитал и могли осуществлять свою деятельность за счет бюджетных средств казны, пожертвований частных лиц, ассигнований со стороны земских органов и т. д. Например, в 1904 г. Красно-Холмское кредитное товарищество располагало уставным капиталом всего в 2 000 руб., выдавало кредиты под 12 % годовых, принимало вклады от населения – всего под 6 % годовых³⁵.

Важно отметить, что в 1902 г. всего по России таких кредитных товариществ было зарегистрировано 121. Однако реально функционировало только 91. В 1904 г. зарегистрировано 545, из них реально работало 452³⁶.

Данный показатель свидетельствует о низкой заинтересованности крестьянства принимать участие в деятельности финансово-кредитных учреждений кооперативного типа. Согласно данным «Памятной книжки Воронежской губернии на 1916 г.», в 1915 г. на территории губернии из общей численности населения в 3 776 564 чел. (данные на 1 января) примерно 267 468 чел. являлись членами финансово-кредитных организаций, то есть порядка 7,1 %³⁷.

Заключение

Таким образом, важным показателем развития капиталистических отношений в русской деревне, в том числе на территории Воронежской губернии, в начале XX в. выступало такое явление хозяйственной жизни, как крестьянская кооперация, являвшаяся одной из ключевых сфер применения предпринимательских способностей сельского мира. Основными формами крестьянской кооперации в регионе были объединения в производственной и коммерческой сферах.

Воплощением производственной сферы стали такие кооперативные объединения крестьян, как производственная артель и сельскохозяйственное товарищество. Кооперация крестьян в коммерческой и финансово-кредитной сферах нашла отражение в форме торгово-промышленных заведений (торговых домов), ссудо-сберегательных и кредитных товариществ.

Крестьянские кооперации могли носить временный (неинституциональный) характер и приобретать форму юридических лиц со своим уставом и обязательной финансовой отчетностью перед органами власти. В отдельных случаях требовалась фиксированная сумма уставного капитала.

Специфика хозяйственного развития Воронежского края в начале XX в., обусловленная преимущественно аграрной направленностью экономики региона, детерминировала приоритет крестьянской кооперации в производственной сфере над коммерческой и финансово-кредитной.

³² РГИА. – Ф. 573. Департамент окладных сборов министерства финансов. Оп. 29. Промысловое отделение. 1872–1918 гг. Д. 409. Отчеты Александровского ссудо-сберегательного товарищества. Л. 3–4.

³³ РГИА. – Ф. 573. Департамент окладных сборов министерства финансов. Оп. 29. Промысловое отделение. 1872–1918 гг. Д. 409. Отчеты Александровского ссудо-сберегательного товарищества. Л. 4.

³⁴ РГИА. – Ф. 573. Департамент окладных сборов министерства финансов. Оп. 29. Промысловое отделение. 1872–1918 гг. Д. 409. Отчеты Александровского ссудо-сберегательного товарищества. Л. 5.

³⁵ Памятная книжка Воронежской губернии на 1904 г., 1904. С. 112–113.

³⁶ Кооперации: свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России, 1904. С. 9.

³⁷ Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 г., 1916. С. 236–241.

Низкие показатели коммерческой активности воронежского села интерпретировались и социально-психологическими факторами, присущими мировоззрению крестьянства. Общинный характер труда, господство патриархального уклада жизни, низкий уровень коммерческой (финансовой) грамотности крестьян препятствовали формированию в их сознании рационализаторского подхода к финансово-кредитной сфере.

Тем не менее, принимая участие в деятельности кооперативных учреждений, крестьяне обеспечивали себе определенную хозяйственную стабильность, формировали устойчивость своего хозяйства к конкуренции со стороны крупного фабрично-заводского производства.

Список источников

- Государственный архив Воронежской области (Далее – ГАВО). – Ф. И-20. Воронежская губернская земская управа. Оп. 1. Секретарский отдел. Д. 6873. Оценочная опись кирпичного завода товарищества «Глинозем» в сл. Троицкой Чижовской волости Воронежского уезда. Л. 1–23.
- ГАВО. – Ф. И-20. Воронежская губернская земская управа. Оп. 1. Секретарский отдел. Д. 2516. Документы о состоянии сельского хозяйства по губернии. Л. 134, 167, 168.
- ГАВО. – Ф. И-19. Воронежская городская управа. Оп. 1. Хозяйственный стол. Д. 2963. Документы о регистрации товарищества «Торговый дом И.Д. Гречишкин и Г.П. Козлов». Л. 2, 2 об., 3, 4, 4 об.
- Российский государственный исторический архив (Далее – РГИА). – Ф. 573. Департамент окладных сборов министерства финансов. Оп. 29. Промысловое отделение. 1872–1918 гг. Д. 400. Отчеты Товарищества Бутурлиновской вальцово-паровой мельницы. Л. 3, 3 об., 4, 4 об.
- РГИА. – Ф. 573. Департамент окладных сборов министерства финансов. Оп. 29. Промысловое отделение. 1872–1918 гг. Д. 402. Отчет товарищества маслобойного завода «Н. Клочкин и компания». Л. 3–4.
- РГИА. – Ф. 573. Департамент окладных сборов министерства финансов. Оп. 29. Промысловое отделение. 1872–1918 гг. Д. 409. Отчеты Александровского ссудо-сберегательного товарищества. Л. 3, 4, 5.
- РГИА. – Ф. 395. Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия. Оп. 1. 1894–1913 гг. Д. 2086. Об утверждении устава маслodelьного товарищества «Основание» в Веденском уезде Лифляндской губернии. Л. 8.
- Кооперации: свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. Санкт-Петербург, 1904.
- Памятная книжка Воронежской губернии на 1904 г. Воронеж: Издание Воронежского губернского статистического комитета: Типолитография губернского правления, 1904.
- Юбилейный земский сборник [1864–1914]. Санкт-Петербург, 1914.

Список литературы

- Агошкова Н.В. 2012. История развития сельскохозяйственной кооперации в России (дореволюционный период). Вестник государственного и муниципального управления, 1: 39–45.
- Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 13. Москва: Советская Энциклопедия, 1973.
- Воронцов В.П. 1895. Артель в кустарном промысле. Санкт-Петербург, 456.
- Наумова Г.Р. 1990. Мелкая промышленность и развитие капитализма в России на рубеже XIX–XX веков. Преподавание истории в школе, 6: 123–128.
- Ковальченко И.Д. 1991. Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность). История СССР, 4: С. 55–69.
- Карпачев М.Д. 1995. Воронежская деревня в годы столыпинской земельной реформы. Русская провинция. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2: 4–35.
- Карпачев М.Д. 2004. Новые веяния в экономике воронежской деревни в годы проведения столыпинской аграрной политики. Из истории Воронежского края: сб. статей. Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 12: 170–181.
- Макаров Н.П. 1956. Крестьянское хозяйство и его эволюция. Москва: Наука, 392.
- Маслов С.С. 1968. Трудовые земледельческие артели: их значение, история их организация и устав. Москва: Наука, 345.

Перепелицын А.В., Григорова В.А. 2022. Кооперация крестьян Центрального Черноземья и развитие кустарной промышленности второй половины XIX – начала XX вв. Современная научная мысль, 6: 57–61.

References

- Agoshkova N.V. 2012. Istoriya razvitiya sel'skohozyajstvennoj kooperacii v Rossii (dorevolucionnyj period) [The history of the development of agricultural cooperation in Russia (pre-revolutionary period)]. Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya, 1: 39–45 (in Russian).
- Bol'shaya sovetskaya enciklopediya [The Great Soviet Encyclopedia]. V 30 t. T. 13. Moskva: Sovetskaya Enciklopediya, 1973.
- Voroncov V.P. 1895. Artel' v kustarnom promysle [Artel in handicrafts]. V.P. Voroncov. – Sankt-Peterburg, 456 (in Russian).
- Naumova G.R. 1990. Melkaya promyshlennost' i razvitie kapitalizma v Rossii na rubezhe XIX–XX vekov [Small industry and the development of capitalism in Russia at the turn of the XIX–XX centuries]. Prepodavanie istorii v shkole, 6: 123–128 (in Russian).
- Koval'chenko I.D. 1991. Stolypinskaya agrarnaya reforma (mify i real'nost') [Stolypin Agrarian Reform (myths and reality)]. Istoriya SSSR, 4: S. 55–69 (in Russian).
- Karpachev M.D. 1995. Voronezhskaya derevnya v gody stolypinskoj zemel'noj reformy. Russkaya provinciya [Voronezh village during the Stolypin land reform. Russian province]. Voronezh: Central'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 2: 4–35 (in Russian).
- Karpachev M.D. 2004. Novye veyaniya v ekonomike voronezhskoj derevni v gody provedeniya stolypinskoj agrarnoj politiki. Iz istorii Voronezhskogo kraja: sb. statej [New trends in the economy of the Voronezh village during the years of the Stolypin agrarian policy. From the history of the Voronezh Region: collection of articles]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gosuniversiteta, 12: 170–181 (in Russian).
- Makarov N.P. 1956. Krest'yanskoe hozyajstvo i ego evolyuciya [Peasant economy and its evolution]. Moskva: Nauka, 392 (in Russian).
- Maslov S.S. 1968. Trudovye zemledel'cheskie arteli: ih znachenie, istoriya ih organizaciya i ustav [Labor agricultural artels: their significance, history, organization and charter]. Moskva: Nauka, 345 (in Russian).
- Perepelitsyn A.V., Grigorova V.A. 2022. Kooperaciya krest'yan Central'nogo Chernozem'ya i razvitie kustarnoj promyshlennosti vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. [Cooperation of peasants of the Central Chernozem region and the development of handicraft industry in the second half of the XIX – early XX centuries] / Sovremennaya nauchnaya mysl', 6: 57–61 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.02.2023

Received 01.02.2023

Поступила после рецензирования 12.03.2023

Revised 12.03.2023

Принята к публикации 14.03.2023

Accepted 14.03.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Журавлёв Сергей Сергеевич, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин, Воронежский институт МВД России, г. Воронеж, Россия

[ORCID: 0000-0003-4433-4945](https://orcid.org/0000-0003-4433-4945)

Sergey S. Zhuravlev, Lecturer, Department of Social and Humanitarian, Economic and Legal Disciplines, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia

Тимошинова Татьяна Сергеевна, учитель истории и обществознания, МБОУ Лицей № 7 г. Воронежа, г. Воронеж, Россия

[ORCID: 0009-0004-7050-6143](https://orcid.org/0009-0004-7050-6143)

Tatiana S. Timoshinova, teacher of history and social studies MBOU Lyceum № 7 of Voronezh, Voronezh, Russia

УДК 94(470.56):[37.016:908]"1923/1927"
DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-462-469
Оригинальное исследование

Обеспечение краеведческим материалом комплексных школьных программ в школах Оренбуржья в 1923–1927 гг.

Калдузова Л.П.

Оренбургский государственный педагогический университет,
460014, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19
E-mail: vuvuzella056@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирована история становления школьного краеведения во взаимосвязи с возрождением краеведческого движения как в целом в стране, так и в Оренбургском крае. Прослежено включение государственных структур и научных краеведческих сил Оренбуржья в реализацию построения новой советской школы и становление школьного краеведения. Сделан вывод о том, что для школьного краеведения значимыми стали как программы Государственного ученого совета (ГУСа), так и «поворот» научных краеведческих обществ к нуждам советской школы и школьного краеведения. Мы рассмотрели этот исторический факт на анализе деятельности Общества по изучению Киргизского края. Руководствуясь задачами, поставленными Наркомпросом, это общество не ограничилось только научной деятельностью, но и включилось в практическую работу по обеспечению школы краеведческой литературой, которая послужила материалом для комплексных программ ГУСа.

Ключевые слова: краеведение, Общество изучения Киргизского края, советская единая трудовая школа, школьное краеведение, Киргизская Республика, программы ГУСа, «комплексы»

Благодарность: автор выражает благодарность своему научному руководителю профессору С.В. Любичанковскому за возможность участия в реализации проекта по изучению истории оренбургского краеведения.

Для цитирования: Калдузова Л.П. 2023. Обеспечение краеведческим материалом комплексных школьных программ в школах Оренбуржья в 1923–1927 гг. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 462–469. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-462-469

Provision of Local History Material for Comprehensive School Programs in the Schools of the Orenburg Region in 1923–1927

Larisa P. Kalduzova

Orenburg State Pedagogical University,
19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russia
E-mail: vuvuzella056@mail.ru

Abstract. The article analyzes the history of the formation of school local history in conjunction with the revival of the local history movement both in the country as a whole and in the Orenburg region. The inclusion of state structures and scientific local lore forces of the Orenburg region in the implementation of the construction of a new Soviet school and the formation of school local lore is traced. It is concluded that both the programs of the State Academic Council (GUSA) and the “turn” of scientific local history societies to the needs of the Soviet school and school local history have become significant for school local history. We examined this historical fact in the analysis of the activities of the Society for the Study of the Kyrgyz Territory. Guided by the tasks set by the People's Commissariat of Education, this society was not limited to scientific activities, but also got involved in practical work to provide the school with local history literature, which served as material for the comprehensive programs of the GUSA.

Key words: local history, the Society for the Study of the Kyrgyz Territory, the Soviet unified labor school, school local history, the Kyrgyz Republic, GUS programs, "complexes"

Acknowledgement: the author expresses his gratitude to his supervisor Professor S.V. Lyubichankovskiy for the opportunity to participate in the project to study the history of Orenburg local history.

For citation: Kalduzova L.P. 2023. Providing Local History Material for Comprehensive School Programs in the Schools of the Orenburg Region in 1923–1927. *Via in tempore. History and political science*, 50 (2): 462–469 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-462-469

Введение

Сегодня в отечественной методической мысли велико внимание к истории становления и развития школьного краеведения. Оренбургские историки обращаются к прошлому опыту как в силу научных интересов, так и для изучения опыта, который необходим для совершенствования методик преподавания нестандартных тем по истории родного края, формированию представлений учащихся о богатстве и многогранности отечественной истории [Любичанковский, 2022, с. 16].

Для школьного краеведения временной отрезок с 1923 по 1927 г. при всей его краткости стал во многом определяющим.

В 1923 г. в полном объёме были опубликованы программы Государственного учёного совета (ГУСа) для семилетней школы [Новые программы..., 1923]. Эти программы зачастую называют «революционными»: дореволюционная «школа учёбы» была с помощью этих программ окончательно разгромлена, предметное преподавание ушло вместе со «школой учёбы». На его место пришли «комплексы».

Вместе со школой «революционизировалось» и школьное краеведение. За указанный срок (с 1923 по 1927 год) оно прошло несколько стадий: от краткого периода ориентации на дореволюционное «родиноведение» до идеи «производственного» краеведения и далее – воплощение этой идеи в жизнь.

Особенностям указанного периода посвящена наша работа.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются инициативы органов Наркомпроса и научных краеведческих обществ по обеспечению краеведческим материалом комплексных школьных программ в школах Оренбуржья в 1923–1927 гг. Основой исследования являются историко-сравнительный, историко-структурный методы, методы исторической реконструкции и историко-педагогической интерпретации. Их использование позволило выявить историко-педагогическую картину становления школьного краеведения.

Результаты и их обсуждение

Анализ изученных источников и научной литературы позволил сделать вывод о том, что термин «производственное краеведение» впервые прозвучал на Первой Всероссийской конференции по переподготовке учительств, проходившей весной 1924 г. в Москве.

В резолюции конференция провозгласила: «прошлое не удовлетворяет потребностей как школы, так и государства», отсюда лозунг: От «родиноведения – к производствоведению».

Производствоведением были наполнены программы, разработанные Государственным учёным советом (ГУСом) Наркомпроса, в которых за основу были взяты не предметное, а комплексное преподавание. В «Схеме ГУСа» превалировал труд, производительные силы, производственные отношения, зависимость от них идеологической надстройки. Каждая комплексная тема связывалась с краеведением [Ловырев, 1926, с. 36]. Поясним это на примере методического сопровождения в помощь оренбургскому учителю, помещённого в региональном педагогическом журнале «Вестник просвещенца» № 12 за 1926 г.

На третий год обучения приходился комплекс «Наш край». Целевая установка данного комплекса прописывалась так: «Изучить основные виды труда нашего края (сельское хозяйство, добывающая и обрабатывающая промышленность) и обусловить состояние и развитие их природными усилиями (климат, почва, орошение, растительный мир и т. п.) и социально-экономическими предпосылками (общественные отношения, возникшие в процессе трудовой деятельности человека)» [А.Т., 1926, с. 29–38]. Тема сопровождалась кратким справочным материалом.

Историческое краеведение особо полно представлено в теме «Население нашего края». Целевая установка была сделана на то, как природные и политические условия сгруппировали в нашем крае различные слои населения. Далее шёл справочный материал: «Население в губернии 733 622 человека. Русских в сёлах 509 692 человека, в городах – 100 277 человек обоего пола. В том числе: киргиз всего – 21 274 человека, татар – 60 624 человека.

Основные причины, сгруппировавшие указанный состав населения, следующие: наличие степей, удобных земель, бегство от крепостничества и колонизации [Там же, с. 30].

Приведём т. н. «способы проработки» комплекса. Первое место заняла беседа, в ходе которой ставились задачи и проводились организационные моменты.

В ходе самостоятельной работы учащиеся должны были собрать информацию путём чтения литературы, опросов, бесед, экскурсий, обследований, лабораторных занятий по следующей тематике: Крепостничество и помещики (по воспоминаниям старожилов; эпизоды из борьбы крестьян волости с помещиками в прошлом и времена революции, включая события башкирского восстания, бунта Пугачёва, Октябрьская борьба).

Как живут крестьяне и их бытовые особенности с краткой характеристикой – предпринимчиво или нет и т. п. [А.Т., 1926, с. 31]. В ходе были специальные анкеты, экскурсии – в сельский совет, Волостной исполнительный комитет за статистическими сведениями о населении (количество, род занятий, грамотность), зарисовки на карте плотности населения губернии, уезда, волости, зарисовки и диаграммы на тему: классовый и национальный состав, план характерного жилища крестьянина, казака, киргиза, картинки из быта местного населения.

Далее как следствие обучения по комплексу эта тема прорабатывалась на занятиях по русскому языку, по математике.

По этой же схеме рассматривалась тема: «Виды труда нашего края». В ней уделялось место не только сельскохозяйственной информации, но и историко-краеведческой.

Приведём цитату из раздела «содержание темы»: Вязание пуховых платков (Орский уезд, Кумакская волость). Отмечается, что «вязание не организовано, кустарей нещадно эксплуатируют торгаши, скупая на 40–50 % ниже рыночных цен. Сейчас имеется тенденция организовывать вязальщиц-казачек в мощный союз» [Там же, с. 34].

Исторический экскурс предполагал вопросы о состоянии добычи и обработки продуктов сельского хозяйства, о способах обработки сельскохозяйственной продукции, о торговле и транспорте (нужно было собрать информацию о местных ярмарках, еженедельных базарах в крупных волостных центрах, участии оренбуржцев во всесоюзных ярмарках, о составе (и состоянии) гужевого транспорта, о Ташкентской и Орской железных дорогах, об Уфимском почтовом тракте, о начавшемся автобусном движении Оренбург – Уральск и др.) [Там же].

Обязательными считались экскурсии на железную дорогу (где это возможно) и земморганы, исполкомы, сельсоветы и партийные организации для получения сведений о хозяйстве края, знакомстве с их работой и выявления связи города и деревни [Там же, с. 35].

Тема, посвященная мероприятиям советской власти, направлениям на улучшение хозяйства края и быта его населения, предполагала тот же алгоритм: беседа, самостоятельный сбор материалов, экскурсии в показательный совхоз, агропункт, наблюдение над агромероприятиями, зарисовки типа «Старая и новая деревня», популяризация среди населения политики советской власти по улучшению хозяйства, по казачьему вопросу, всеобщему обучению [А.Т., 1926, с. 37].

Четвёртый год обучения предполагал проработку комплекса «Успехи сельского хозяйства». Политическая обстановка и идеологический настрой 1926 года ещё позволял озвучить такую цель: «1. Выяснить причины отсталости сельского хозяйства СССР от других культурных стран (традиционная косность, неподвижность, некультурность).

Предполагалось довести до сознания ребят, что улучшение сельского хозяйства и поднятия его производительности является залогом хозяйственного возрождения СССР и укрепления его политической мощности [Весина, 1926, с. 39].

Темы отчасти повторялись. Вновь обращались к проблеме старой и новой деревни:

- жизнь крестьян в старой деревне (темнота и невежество, бесправие, положение женщин, отношения старой власти к крестьянству);
- быт крестьян новой деревни при советской власти;
- культурные и общественные учреждения деревни;
- улучшение материального и правового положения крестьянина;
- улучшение положения женщин-крестьянок;
- мероприятия по охране труда, материнства и младенчества, красной свадьбы, октябрины и похороны [Там же, с. 39].

Методы работы по комплексу уже традиционны: экскурсия, лабораторные занятия, самостоятельное изготовление наглядных пособий по темам, устные доклады, чтение рекомендованной литературы, общественно-политическая деятельность, изучение темы с уклоном в грамматику, математику и т. д.

Необходимо отметить, что «комплексы» предполагали предварительное прочтение необходимой литературы, прежде чем начать самостоятельную работу. С учебной же литературой, особенно историко-краеведческого характера, было очень проблематично.

Без необходимых учебных книг, методических пособий учителя испытывали большие трудности, пытаясь работать по программам ГУСа. Отсюда и разгромные отчёты по проверке оренбургских школ. Так, в отчёте за 1925 год значилось: «Производственные планы в своей учебной части в большинстве своем копируют примерные комплексы, разработанные на Губернских курсах и конференциях, а потому в них слабо отражены местные краеведческие особенности. В производственных планах уездных школ первой ступени в комплексах третьего года обучения, имеющих определённый краеведческий характер, отсутствуют краеведческие объекты, не указано конкретно ни одного обследования, экскурсии намечены, но куда и с какой целью, не указано.

Производственные планы школ г. Оренбурга местным краеведческим материалом насыщены вполне достаточно, но сам материал носит иллюстрированный, описательный характер» [Весина, 1925, с. 16].

Весьма определённо прозвучало в отчёте о том, что все работы с программами ГУСа должны основываться на краеведческом материале, таким образом, в задачу учителей входит изучение этого краеведческого материала.

Проблема с краеведческими учебниками, пособиями была столь остра, что она заняла центральное место на первой Всероссийской конференции по учебной и детской книге, состоявшейся в Москве в мае 1926 г. Участники конференции вынесли в резолюцию настоятельную потребность учителя в «книге краеведческой» как по отдельным предметам, так и единой комплексной. Дополнением к ним должна стать методическая книга для учителя, в которую, имея в виду недостаточную теоретическую подготовку многих деревенских учителей, должны быть внесены основные элементы научных дисциплин.

В резолюции было особо подчёркнуто, что рабочая книга – книга краеведческая, создать её один центр без помощи мест не может [Дятлов, 1926, с. 19].

Попытки разрешить ситуацию с краеведческой информацией на местах наблюдались и в Оренбуржье. Научный потенциал у Оренбургского краеведения существовал. В крае проводились академические краеведческие изыскания Общества по изучению Киргизского края. Оно откликалось на нужду общества в плане просвещения и образования, чётко прозвучавшую на

второй Всесоюзной краеведческой конференции, состоявшейся в Москве в декабре 1924 г. В резолюцию конференции вошло Положение об укреплении связей краеведческого движения с просветительской работой и партийно-хозяйственным строительством [Ильина, 2001, с. 66–67].

В том же 1924 г. Общество по изучению Киргизского края образовало специальный отдел школьного краеведения. Поскольку в 1924 г. столица КССР была перенесена из Оренбурга в Кзыл-Орду, то «оренбургская история» указанного отдела была краткой.

Деятели общества по изучению киргизского края успели создать свой задел в оренбургском краеведении, который представлял несомненный интерес для педагогического сообщества края.

Перечислим только некоторые публикации в «Трудах общества изучения киргизского края», ценные для исторического краеведения, а также для школьного исторического краеведения. В первом выпуске «Трудов» была опубликована работа Н. Чулошникова «Очерк истории Башкирского землевладения до издания указа 1832 г.» [Чулошников, 1921].

Во втором выпуске Н.И. Бутовский представил очерк о жизни и деятельности В.Г. Короленко [Бутовский, 1921]. В том же выпуске первый ректор Оренбургского педагогического института (в 1920-е – ННО) познакомил читателей с оренбургским фольклором – «Частушки Оренбургского края» [Струминский, 1921]. В третьем номере помещены статьи В.Ф. Пищулина об отзвуках народовольческого движения в Оренбургском крае [Пищулин, 1922]. В шестом выпуске напечатаны ценные работы для учителей, посвящённые Оренбургской истории движения Емельяна Пугачёва [Рязанов, 1925б, с. 195–241].

Деятели общества изучения Киргизского края популяризировали историю края, печатаясь в региональной прессе. Так, например, А.Ф. Рязанов помещал свои очерки в ежемесячном журнале, органе КирЦНКа «Советская Киргизия», выходившем в 1923–1925 гг. в Оренбурге. Позднее – в местном педагогическом журнале, ориентированном именно на школьных учителей, педагогов профессиональных учебных заведений, библиотекарей, клубных работников [Рязанов, 1924а; Рязанов, 1924б; Рязанов, 1925а; Рязанов, 1928].

Позвоним себе предположить, что исследования, часть из которых мы перечислили, не могли решить проблему школьного краеведения в силу своего академизма, который требует наличия глубоких знаний по вопросу, проблеме. Но основная масса учителей их не имела, особенно в сельских школах. В том числе и этим объясняется создание в 1926 г. при Оренбургском отделе географического общества школьной краеведческой секции, на что была директива из центра [К вопросу об организации..., 1927, с. 68].

Оренбуржцы мыслили широко. Обоснованием создания указанной секции был отсыл к опыту российских губерний, которые вышли в передовики школьного краеведческого движения. Вместе с тем звучала мысль о том, что «не следует предаваться излишнему оптимизму и нужно помнить, что и в 1925 г. число краеведческих организаций всего нашего Союза всё же наполовину меньше, чем число краеведческих организаций в Латвии» [Там же, с. 69].

Обоснование организации школьной краеведческой секции было озвучено следующим образом: «Наш Оренбургский край в области краеведения мало изучен, и только школьная секция, располагая громадной агентурой в лице учителей и школьников, может положить начало краеведческому движению в Оренбургской губернии. При этом школьное краеведение отделяли от академического краеведения, ссылаясь на установки признанных лидеров: «краеведение начинается с того момента, когда между школой и средою устанавливается настоящая глубокая связь и взаимодействие, с того момента, когда работа входит в определённую систему и строится так, чтобы составлять органическую частицу того общего, огромного дела, которое ведут в краеведческие организации страны. До тех же пор, пока школа использует краеведческий момент только с точки зрения вспомогательного средства для усиления тех или иных дисциплин, для иллюстрации готовых выводов, краеведение в школе будет носить всё тот же эпизодический случайный характер, утрачивая этим самым свое организационно-воспитательное влияние и какую-либо научную ценность» [К вопросу об организации..., 1927, с. 68–69].

Энтузиасты же верили в свои силы и отметали опасения и пессимизм оппонентов, суть которых состояла в том, что школа не справится со столь серьёзной работой. В качестве аргументации приводились успешные проекты типа «Обследование крестьянского куроводства по Коломенскому уезду Московской губернии» [Там же, с. 69]. Доказывалось, что школьное краеведение должно принять форму кружков при школах первой и второй ступени. Координационным центром должна стать Краеведческая Секция при Географическом отделе. Примером была постановка дела в Московской губернии. Для Оренбургского школьного краеведения вполне пригодными посчитали разработанные типовые «Примерный устав волосного краеведческого кружка» (состав кружка, цели, управление), «Примерный устав школьного краеведческого кружка».

У Краеведческой секции Оренбургского Географического отдела был конкретный адрес: город Оренбург, Музей Наглядных Пособий, улица Неплюевская, дом 34.

Дальше начинается следующая страница истории школьного краеведения в Оренбуржье, в которой было несколько русел. Одно из них шло под девизом: «Подготовленный учитель – залог успешной краеведческой работы. Это тема отдельного исследования.

Заключение

Таким образом, рассмотрев изменения, произошедшие в школьных программах, в определении места в них краеведения, мы пришли к выводу о том, что сами идеи несли в себе много новаторского, творческого, направленного на активизацию познавательной деятельности учащихся. Одновременно эти новаторства должны были содействовать политико-идеологическим задачам по воспитанию «нового человека». Школьное краеведение от «знаниевого» «родиноведения» должно быть перейти к краеведению, основанном на практической деятельности. Но условия 1920-х годов мало способствовали такой перестройке. Учителя (и ученики) нуждались в краеведческой книге, в методических пособиях по краеведению. Отчасти эту нишу заполняли труды деятелей научных краеведческих обществ, их публикации не только в специализированных «Трудах...», но и в педагогических журналах, например, оренбургском «Вестнике просвещенца».

Попытка наладить систематическую связь со школьным учителем и научным краеведением зафиксирована в создании краеведческой секции Оренбургского Географического отдела. В 1926 при Оренбургском отделе Географического общества заработала школьная краеведческая секция.

Этот небольшой экскурс с 1923–1927 гг. показывает то, насколько сложным был процесс становления новой школы, как идеалы наталкивались на повседневность с её плохим материальным обеспечением, с нехваткой элементарных вещей, с дефицитом хорошо обученных и готовых к экспериментам учителей.

Список источников

Новые программы для единой трудовой школы. 1923. Науч-пед секция Государственного учёного совета. М., Гос. изд-во. Вып. 1.

Список литературы

- А.Т. 1926. Третий год обучения. Комплекс «Наш край». Вестник просвещенца. Оренбург. 5: 29–38.
- Бутовский Н.И. 1921. Владимир Галактионович Короленко. Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. Оренбург. Вып. 2.
- Весина И. 1926. Четвёртый год обучения. Комплекс «Успехи сельского хозяйства». Вестник просвещенца, Оренбург. 5: 38–46.
- Веснина Н. 1925. Очередные задачи Метбюро и организации работы. Вестник просвещенца, Оренбург. 1: 14–16.
- Дятлов М. 1926. Итоги 1-й Всероссийской конференции по учебной и детской книге. Вестник просвещенца, Оренбург. 8–9: 16–20.

- Ильина И.Н. 2001. Общественные организации России в 1920-е годы. М., Ин-т Рос. истории РАН. 215.
К вопросу об организации краеведческих ячеек. 1927. Вестник просвещенца, Оренбург. 1 (16): 68–73.
Ловырев Д. 1926. Ориентировочное краеведческое обследование села Бёрды Оренбургской волости, того же уезда (по материалам Губернской конференции РОШ). Вестник просвещенца. Оренбург. 12: 36–65.
Любичанковский С.В. 2022. Оренбургское отделение РИО: итоги работы и задачи на перспективу. Воронцово поле: Вестник фонда «История Отечества». 2: 16–19.
Пишулин В.Ф. 1922. Дело Нечаева и его отражение в Оренбургском крае. Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. Оренбург. Вып. 3.
Рязанов А.Ф. 1924а. Батыр Срым Датов (исторический очерк). Советская Киргизия. 10: 94–112.
Рязанов А.Ф. 1924б. Пугачевское Восстание 1773–1775 г. и хан Малой орды Нурали. Советская Киргизия. 99: 151–155.
Рязанов А.Ф. 1925а. Пугачевское восстание 1773–1775гг. Советская Киргизия. 1: 62–77.
Рязанов А.Ф. 1925б. Отголоски пугачевского восстания на Урале, в Киргиз-Кайсацкой Малой Орде и в Поволжье. Труды Общества изучения Казахстана. Т. VI: 195–241.
Рязанов А.Ф. 1928. Исторический Оренбург. Вестник просвещенца. Оренбург. 4: 41–52.
Струминский В.Я. 1921. Частушки Оренбургского края. Труды общества изучения Киргизского края. Оренбург. Вып. 2.
Чулошников Н. 1921. Очерк истории Башкирского землевладения до издания указа 1832 г. Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. Оренбург. Вып. 1.

References

- A.T. 1926. Tretiy god obucheniya. Kompleks «Nash kray» [Third year of study. Complex «Our land»]. Vestnik prosveshchentsa. Orenburg. 5: 29–38 (in Russian).
Butovskiy N.I. 1921. Vladimir Galaktionovich Korolenko [Vladimir Galaktionovich Korolenko]. Trudy Orenburgskogo obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraya. Orenburg. Vyp. 2 (in Russian).
Vesina I. 1926. Chetvertyy god obucheniya. Kompleks «Uspekhi sel'skogo khozyaystva» [Fourth year of study. Complex «Successes of agriculture»]. Vestnik prosveshchentsa, Orenburg. 5: 38–46 (in Russian).
Vesnina N. 1925. Ocherednye zadachi Metbyuro i organizatsii raboty [Immediate tasks of the Metburo and organization of work]. Vestnik prosveshchentsa, Orenburg. 1: 14–16 (in Russian).
Dyatlov M. 1926. Itogi 1-y Vserossiyskoy konferentsii po uchebnoy i detskoym knigam [Results of the 1st All-Russian Conference on Educational and Children's Books]. Vestnik prosveshchentsa, Orenburg. 8–9: 16–20 (in Russian).
Il'ina I.N. 2001. Obshchestvennyye organizatsii Rossii v 1920-e gody [Russian Public Organizations in the 1920s]. М., In-t Ros. istorii RAN. 215 (in Russian).
К вопросу об организационной структуре краеведческих ячеек [To the question of the organization of local lore cells]. 1927. Vestnik prosveshchentsa, Orenburg. 1 (16): 68–73 (in Russian).
Lovyrev D. 1926. Orientirovochnoe kraevedcheskoe obsledovanie sela Berdy Orenburgskoy volosti, того же уезда (по материалам Губернской конференции РОШ) [Approximate local history survey of the village of Berdy, Orenburg volost, the same county (based on the materials of the Provincial Conference of ROSH)]. Vestnik prosveshchentsa. Orenburg. 12: 36–65 (in Russian).
Lyubichankovskiy S.V. 2022. Orenburgskoe otdelenie RIO: itogi raboty i zadachi na perspektivu [Orenburg branch of RIO: results of work and tasks for the future]. Vorontsovo pole: Vestnik fonda «Istoriya Otechestva». 2: 16–19 (in Russian).
Pishchulin V.F. 1922. Delo Nechaeva i ego otrazhenie v Orenburgskom krae [The case of Nechaev and its reflection in the Orenburg Territory]. Trudy Orenburgskogo obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraya. Orenburg. Vyp. 3 (in Russian).
Ryazanov A.F. 1924a. Batyr Srym Datov (istoricheskiy ocherk) [Batyr Srym Datov (historical essay)]. Sovetskaya Kirgiziya. 10: 94–112 (in Russian).
Ryazanov A.F. 1924b. Pugachevskoe Vosstanie 1773–1775 g. i khan Maloy ordy Nurali [The Pugachev Uprising of 1773–1775 and the Khan of the Lesser Horde Nurali]. Sovetskaya Kirgiziya. 99: 151–155 (in Russian).
Ryazanov A.F. 1925a. Pugachevskoe vosstanie 1773–1775gg. [Pugachev uprising 1773–1775] Sovetskaya Kirgiziya. 1: 62–77 (in Russian).

- Ryazanov A.F. 1925b. Otgoloski pugachevskogo vosstaniya na Urale, v Kirgiz-Kaysatskoy Maloy Orde i v Povolzh'e [Echoes of the Pugachev uprising in the Urals, in the Kirghiz-Kaisatskaya Small Horde and in the Volga region]. Trudy Obshchestva izucheniya Kazakhstana. T. VI: 195–241 (in Russian).
- Ryazanov A.F. 1928. Istoricheskiy Orenburg [Historical Orenburg]. Vestnik prosveshchentsa. Orenburg. 4: 41–52 (in Russian).
- Struminskiy V.Ya. 1921. Chastushki Orenburgskogo kraya [Chastushki of the Orenburg Territory]. Trudy obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraya. Orenburg. Vyp. 2 (in Russian).
- Chuloshnikov N. 1921. Ocherk istorii Bashkirskogo zemlevladieniya do izdaniya ukaza 1832g. [Essay on the history of Bashkir land tenure before the decree of 1832 was issued] Trudy Orenburgskogo obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraya. Orenburg. Vyp. 1 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 08.05.2023

Received 08.05.2023

Поступила после рецензирования 15.05.2023

Revised 15.05.2023

Принята к публикации 17.05.2023

Accepted 17.05.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Калдузова Лариса Петровна, магистрант исторического факультета, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

Larisa P. Kalduzova, MA student of History Department, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

 [ORCID: 0009-0002-9723-9896](https://orcid.org/0009-0002-9723-9896)

УДК 94(47).084.8 «1942/1943»
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-470-483
Оригинальное исследование

Специфика оперативно-служебной деятельности органов НКВД в Сталинградской битве

Стрельников М.А.

Волгоградский государственный университет,
Россия, 400062, г. Волгоград, пр. Университетский, 100
E-mail: sash123450@mail.ru

Аннотация. Аббревиатура НКВД более известна с «тёмной стороны», которая связана с непродолжительным периодом 1937–38 гг. – т.н. «большим террором». В этой связи стоит обратиться к рассмотрению оперативно-служебной деятельности НКВД в Сталинградской битве, которая отражает реальную работу органов государственной безопасности и правопорядка в сложнейший период истории страны, а также раскрывает ещё одну сторону грандиозного сражения периода Великой Отечественной войны. В статье была рассмотрена оперативно-служебная деятельность видов войск НКВД, принимавших участие в Сталинградской битве, – внутренних, конвойных, по охране войскового тыла действующей Красной армии, по охране железных дорог, по охране особо важных объектов промышленности, а также особых отделов НКВД и Управления НКВД СССР по Сталинградской области. На основе введения новых источников были установлены неточности отечественной историографии. Также автором представлены количественные результаты оперативно-служебной деятельности НКВД в Сталинградской битве.

Ключевые слова: НКВД, Сталинградская битва, оборона Сталинграда, 10-я стрелковая дивизия ВВ НКВД, РКМ, Управление НКВД СССР по Сталинградской области, охрана тыла, оперативно-служебная деятельность, государственная безопасность, общественный порядок

Для цитирования: Стрельников М.А. 2023. Специфика оперативно-служебной деятельности органов НКВД в Сталинградской битве. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 470–483. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-470-483

The Specifics of the Operational-Service Activities of the NKVD in the Battle of Stalingrad

Maksim A. Strelnikov

Volgograd State University,
100 Universitetsky Ave., Volgograd 400062, Russia
E-mail: sash123450@mail.ru

Abstract. The abbreviation NKVD is better known from the “dark side”, which is associated with a short period of 1937–38 – so-called “great terror”. In this regard, it is worth considering the activities of the NKVD in the Battle of Stalingrad, which reflects the real work of state security and law enforcement agencies in the most difficult period in the history of the country, and also reveals another side of the grandiose battle during the Great Patriotic War. The article considered the operational-service activities of the branches of the NKVD troops that took part in the Battle of Stalingrad – internal, escort, guarding the military rear of the active Red Army, guarding railways, guarding especially important industrial facilities, as well as Special departments of the NKVD and Directorate of the NKVD of the USSR in the Stalingrad region. Based on the introduction of new sources, inaccuracies in Russian historiography were established. The author also presents the quantitative results of the operational activities of the NKVD in the Battle of Stalingrad.

Keywords: NKVD, Battle of Stalingrad, defense of Stalingrad, 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD, RKM, Directorate of the NKVD of the USSR for the Stalingrad region, rear security, operational and service activities, state security, public order

For citation: Strelnikov M.A. 2023. The Specifics of the Operational-Service Activities of the NKVD in the Battle of Stalingrad. *Via in tempore. History and political science*, 50 (2): 470–483 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-470-483

Введение

Деятельность органов НКВД в Сталинградской битве – весьма интересный и сложный вопрос. Во-первых, это выражается в специфике их работы. Во-вторых, в трудности получения материалов по данной теме, поскольку их большая часть хранится в ведомственных архивах (МВД РФ, Минобороны РФ, ФСБ РФ, ФСВНГ РФ). Однако, в связи с их рассекречиванием, публикацией в сборниках документов или размещением в базах данных, например, «Память народа», можно сказать, что данный вопрос неудовлетворительно отражён в историографии.

В то же время современная отечественная историография имеет ряд проблем по названной теме. Деятельность НКВД (в различных аспектах) интересует достаточно многих исследователей³⁸, однако большинство работ не являются специализированными – посвящёнными деятельности НКВД в Сталинградской битве.

Непосредственно по деятельности НКВД в Сталинградской битве исследования привлекают авторов по нескольким направлениям: опыт применения формирований НКВД [Дубовицкая, Лысенков, 2012; Ченцов, 2013; Кардаш, 2017], в т. ч. на примере отдельных видов войск – внутренние (далее – ВВ НКВД) [Бунин, 2012] и по охране войскового тыла действующей Красной армии (далее – ОВТ НКВД) [Дёмина, 2015], участие 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД в обороне г. Сталинграда [Шитько, 2015; Аблизин, Ананьев, 2017], обеспечение государственной безопасности [Цветков, 2007; Першин, 2019], применение заградительных формирований [Новожилов, 2012], деятельность рабоче-крестьянской милиции (далее – РКМ НКВД) и охрана общественного порядка [Третьяков, 2018; Самарский, 2019], разведывательная деятельность и борьба с диверсионной деятельностью противника [Епифанов, 2019; Лебедев, Тимофеева, Тюрин, 2020] и иные исследования.

Однако проблема состоит в том, что эти исследования посвящены конкретным аспектам. Причём порой имеют неточности и ошибки. Например, самым частым является упоминание, что 10-я стрелковая дивизия ВВ НКВД была единственной или первой награждена орденом Ленина [Рогожкин, 2011, с. 7; Бунин, 2015, с. 12; Емельянов, 2019, с. 75]. Это является грубым нарушением, т. к. высшим советским орденом воинские формирования активно награждались ещё до Великой Отечественной войны. Также дивизия не является «единственным награждённым соединением» за заслуги в Сталинградской битве, поскольку ещё была награждена 5-я истребительно-противотанковая бригада [Бородин, Красавин, Логинов, 1975, с. 348].

Всесторонние исследования деятельности НКВД в Сталинградской битве почти не проводятся, за исключением Н.Н. Старикова и В.С. Христофорова [Христофоров, 2008; Стариков, 2015; Стариков, 2016]. В то же время выводы данных авторов также можно подвергнуть пересмотру на основе опубликованных и неопубликованных материалов.

Так, Н.Н. Стариков делает достаточно много ошибок в датах и цифрах, а также в географических привязках. Например, им упоминается, без ссылки на источник³⁹, о некоей обороне «моста на р. Быстрая» [Стариков, 2016, с. 162]. Такой реки в Сталинградской обл. не бы-

³⁸ Широко представлены работники органов правопорядка, а также издательства вузов систем МВД РФ и ФСВНГ РФ.

³⁹ Это также его частая ошибка.

ло⁴⁰, а имеется р. Быстрый Ерик, на которой каких-либо железнодорожных сооружений не было⁴¹, а самая ближайшая ж.-д. станция – это ст. Донская в г. Калаче-на-Дону⁴². В то же время оборона моста через р. Чир⁴³ подтверждается документально⁴⁴.

Или, например, кажущаяся простой «неточностью», говорящая «лишь» о небрежности автора при подготовке текста: Сталинградский корпусной район ПВО в книге Николая Николаевича именуется «корпусом ПВО» [Стариков, 2016, с. 235], однако корпуса ПВО после их расформирования в 1941 г. будут вновь созданы лишь в 1944 г. Подобного рода «неточности» в элементарных базовых вещах сильно снижают научность работы.

Также у Н.Н. Старикова 249-й стрелковый полк конвойных войск НКВД (далее – КВ НКВД) продолжал существовать до 5 сентября 1942 г. включительно [Стариков, 2016, с. 245], хотя 2 сентября 1942 г. он был расформирован⁴⁵.

Крупной ошибкой В.С. Христофорова является указание, что ОВТ НКВД принимали участие в «тяжёлых оборонительных сражениях и боевых операциях против немецких войск» [Христофоров, 2008, с. 95]. Однако это не так, о чём далее будет сказано.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются особенности в деятельности органов НКВД в Сталинградской битве. При изучении были привлечены неопубликованные источники, вводимые впервые в научный оборот, – письменные (по типу) и относящиеся к делопроизводительной документации (по виду). В исследовании были использованы как общенаучные методы (анализ и синтез, дедукция, системный подход), так и частнонаучные. К последним относятся общеисторические методы, такие как проблемный, историко-генетический, нарративный, историко-сравнительный.

Результаты и их обсуждение

Говоря о деятельности НКВД в Сталинградской битве, отметим, что под НКВД понимаются как административно-территориальные органы, так и воинские формирования, принимавшие участие в сражении. Прежде стоит разобрать деятельность первых, а затем вторых. Необходимо отметить, что сведения достаточно отрывочны, поэтому будут разрывы в хронологических отрезках, иногда сведения будут резко прерываться.

Управление НКВД СССР по Сталинградской обл. (далее – УНКВД СО) в период Сталинградской битвы в первую очередь занималось вопросами обеспечения государственной безопасности и общественного порядка. Одной из ведущих задач была проверка документов у населения. Согласно материалам Управления ФСБ России по Волгоградской обл. (далее – УФСБ РФ ВО) и Центрального архива ФСБ России (далее – ЦА ФСБ РФ), в период 1 августа – 20 сентября 1942 г. было проверено документов у 269 тыс. чел.⁴⁶, в период до 22 сентября 1942 г.⁴⁷ – более 300 тыс. чел.⁴⁸, в период 12–16 октября 1942 г. –

⁴⁰ Р. Быстрая является притоком р. Северский Донец и протекает исключительно на территории Ростовской обл.

⁴¹ См. Центральный архив Министерства обороны России (ЦА МО РФ). Ф. 220. Оп. 220. Д. 119.

⁴² Схемы железных дорог и водных путей сообщения СССР / ред. Л.И. Шалыт; ЦУ ВОСО КА. М., Воениздат, 1943, С. 31.

⁴³ Имеется в виду район между ст. Паршин и ст. Обливская.

⁴⁴ Неизвестные страницы истории войск национальной гвардии Российской Федерации: Сборник архивных документов. Вып. 1 / авт.-сост. Ю.А. Марценюк (рук.), А.С. Беркутов, А.А. Климов, А.А. Штоппель. М., На боевом посту, 2017, с. 66.

⁴⁵ Приказ Министра Внутренних Дел Союза ССР за 1956 г. № 0205 / МВД СССР. М., МВД СССР, 1956, с. 45.

⁴⁶ Управление ФСБ России по Волгоградской обл. (УФСБ РФ ВО). Ф. 13. Д. 4. Л. 2.

⁴⁷ В документе лишь указано «за период боёв в Сталинграде».

⁴⁸ Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ РФ). Ф. Зос. Оп. 9. Д. 14. Л. 362–363.

29 тыс. чел.⁴⁹, в период 4–6 ноября 1942 г. – 36 тыс. чел.⁵⁰, в период 23 августа – 25 декабря 1942 г. – 750 тыс. чел.⁵¹. Данные по отдельным категориям задержанных представлены в таб. 1. Из указанных цифр можно сделать следующие выводы.

Таблица 1
Table 1

Количество проверенного и задержанного населения УНКВД СО за 1942 г.
The number of checked and detained population UNKVD SO for 1942

Период	1/VIII – 20/IX	VIII – 22/IX*	12–16/X	4–6/XI	23/VIII – 25/XII
Задержано, из них:	7 644	7 644	–	–	–
дезертиры ¹	576	2 000	575	275**	2 500
преступный и уголовный элемент	1 739	1 739	–		–
контрреволюционный элемент, в т. ч. агенты вражеской разведки ²	–	348***	32	18	–
		30	3	5	
шпионы, диверсанты и вражеские парашютисты	–	15	–	–	255
мародёры, из них расстреляно:	–	174	–	–	574
		97			97
<i>Всего проверено:</i>	269 тыс.	св. 300 тыс.	29 тыс.	36 тыс.	750 тыс.

Сост. по: УФСБ РФ ВО. Ф. 13. Д. 3. Л. 48; Там же. Д. 4. Л. 2; ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 9. Д. 117. Л. 143, 145, 158; Там же. Ф. Зос. Оп. 9. Д. 14. Л. 362–363.

Примечания:

¹ В т. ч. учитываются уклоняющиеся от воинской службы.

² В тексте указано «немецкой разведки», однако это будет неверным наименованием.

* В тексте нет начальной даты, лишь указано «за период боёв за Сталинград».

** Учитываются обе категории.

*** В т. ч. учитываются данные по области.

Во-первых, данные за период августа – сентября 1942 г. из ЦА ФСБ РФ (см. стб. № 3) и сведения из УФСБ РФ ВО (см. стб. № 2) дополняют друг друга, например, количество задержанных, а также первые две категории идентичны, из чего следует, что за начало взята одна и та же дата. Расхождение по количеству проверенного населения можно объяснить тем, что в материалах УФСБ РФ ВО представлены неуточнённые сведения, поскольку остальные категории в них отсутствуют.

Во-вторых, в период октября – декабря 1942 г. было проверено примерно на треть больше населения (не более 450 тыс.), что и за период августа – сентября 1942 г. (не более 350 тыс.)⁵². Это говорит о том, что в период до обороны г. Сталинграда и в её начале, когда большая масса гражданского населения и отступающих войск концентрировалась в областном центре, у УНКВД СО была основная нагрузка по проверке и фильтрации гражданского населения и военнослужащих.

⁴⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 9. Д. 117. Л. 143, 145.

⁵⁰ Там же. Л. 158.

⁵¹ УФСБ РФ ВО. Ф. 13. Д. 3. Л. 48.

⁵² Здесь и далее все расчёты авторские.

В-третьих, среднесуточно проверялось 5–6 тыс. чел.⁵³, однако в период перед государственными праздниками проведение проверок и облав увеличивалось в несколько раз. Перед 25-й годовщиной Октябрьской революции – в 2 раза (12 тыс. чел. среднесуточно⁵⁴).

В-четвёртых, сведения за период конца августа – декабря 1942 г.⁵⁵ неточны (см. стб. № 6), поскольку количество задержанных дезертиров суммарно меньше, чем за малый период (1 августа – 22 сентября, 12–16 октября и 4–6 ноября 1942 г.). Даже если исходить из расчёта, что в период 23 августа – 22 сентября 1942 г. было задержано не более 500 дезертиров, хотя это маловероятно, то всё равно имеется расхождение: получается в период 23 августа – 22 сентября, 12–16 октября и 4–6 ноября 1942 г.⁵⁶ было задержано 1 175 чел. из данной категории⁵⁷, а в остальной период (23 сентября – 11 октября, 17 октября – 3 ноября и 7 ноября – 25 декабря 1942 г.⁵⁸) – 1 325 чел., что невозможно. Т. о. можно констатировать, что эти сведения необходимо уточнить. Также это относится к количеству расстрелянных мародёров, поскольку с конца сентября 1942 г. цифра не изменяется⁵⁹.

В-пятых, нами предполагается, что категория «шпионы» и «агенты разведки» могут быть тождественны.

Стоит отметить, что РКМ НКВД г. Сталинграда (далее – РКМ УНКВД СО) входила в состав УНКВД СО, поэтому также активно принимала участие в указанных мероприятиях. В таб. 2 представлены сведения о количестве задержанного населения в период 27 августа – 10 сентября 1942 г. РКМ УНКВД СО – 6 304 чел.⁶⁰ Если соотнести эту цифру с данными из таб. 1, то выйдет что РКМ УНКВД СО за 15 дней задержала 82,47 % от количества задержанных УНКВД СО за 51 день⁶¹.

Таблица 2
Table 2

Количество проверенного и задержанного населения РКМ УНКВД СО
(27 августа – 10 сентября 1942 г.)

The number of people checked and detained by RKM UNKVD SO (August 27 – September 10, 1942)

дезертиры	206	
уклоняющихся от воинского призыва	4 719	
бывшие в плену	1	
отстающих от своих воинских частей	83	
без документов	846	
мародёры (расхитители соц. собственности), из них расстреляно и отпущено:	449	
	48	2
<i>Всего задержано:</i>	6 304	

Сост. по: ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 11–37, 40–41, 48–49, 53–54 об., 62–63.

Исходя из количества задержанных по отдельным категориям и, соотнеся их с данными таб. 1, можно сделать вывод, что в отчётности УНКВД СО производится разделение на сведения по линии НКВД и по линии РКМ. Это можно отметить по категориям и показателям: число уклоняющихся от воинской службы (вместе с дезертирами – М. С.) или ма-

⁵³Ср. УФСБ РФ ВО. Ф. 13. Д. 4. Л. 2; Там же. Д. 3. Л. 48; ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 9. Д. 117. Л. 143, 145.

⁵⁴Ср. ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 9. Д. 117. Л. 158.

⁵⁵УФСБ РФ ВО. Ф. 13. Д. 3. Л. 48.

⁵⁶39 дней.

⁵⁷Если также предположить, что в период 4–6 ноября 1942 г. было задержано не более 100 дезертиров.

⁵⁸83 дня.

⁵⁹Ср. стб. № 3 и № 6.

⁶⁰ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 11–37, 40–41, 48–49, 53–54 об., 62–63.

⁶¹Ср. стб. № 3 таб. 1 и стб. № 2 таб. 2.

родёров не менее чем в 2 раз больше по линии РКМ УНКВД СО за меньший период⁶². Также РКМ УНКВД СО задерживала тех, кто находился в непосредственно прифронтовой полосе (бывшие в плену, отстающие от воинских частей и без документов), а УНКВД СО – в тыловой части (вражеские парашютисты и агенты разведки).

Также патрульные группы РКМ УНКВД СО выявляли места расхищения продуктов и промтоваров, в этой связи некоторые мародёры расстреливались на месте, выставлялись усиленные милицейские посты у некоторых объектов⁶³. Например, за мародёрство и дезертирство были расстреляны три милиционера (из особого и отдельного взводов милиции и 1-го районного отделения милиции г. Сталинграда⁶⁴). Кроме этого, сотрудники РКМ УНКВД СО вместе с организованными группами населения занимались очисткой улиц от трупов и завалов от бомбардировок города, поскольку коммунальные службы этим не занимались (таб. 3).

Таблица 3

Table 3

Результаты деятельности РКМ УНКВД СО (27 августа – 10 сентября 1942 г.)

Results of activity of the RKM UNKVD SO (August 27 – September 10, 1942)

Убрано трупов	505
Извлечено из-под завалов раненых	75
Возвращено имущества и продовольствия (т)	5,5
Сохранено от расхищения (т)	17

Сост. по: ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 11–37, 40–41, 48–49, 53–54 об., 62–63.

Принятыми мерами с 27 августа 1942 г. было зафиксировано уменьшение случаев расхищения имущества из государственных складов гражданским населением⁶⁵. В то же время расхищением продолжали активно заниматься военнотрудовые, особенно алкогольной продукции (особое значение имел пивной завод).

Кроме этого, меры по обеспечению государственной безопасности и общественного порядка осуществлялись на предприятиях оборонного значения г. Сталинграда оперативно-боевыми группами сотрудников УНКВД СО (далее – ОБГ УНКВД СО). Они обеспечивали бесперебойную отгрузку на фронт военной продукции, охрану предприятий, а также поддержание общественного порядка на территории Баррикадного, Краснооктябрьского, Тракторозаводского районов⁶⁶.

Также ОБГ УНКВД СО обеспечивали охрану продовольственных складов и их передачу формированиям Красной армии, организовывали тушение железнодорожных составов и речных судов⁶⁷.

Кроме этого, работники УНКВД СО занимались и боевой деятельностью – принимали участие в конце августа – начале сентября 1942 г. в отражении первых атак противника в черте г. Сталинграда⁶⁸, занимались разведывательной деятельностью, а также в состав УНКВД СО входили истребительные батальоны, которые принимали активное участие в боевых действиях⁶⁹.

⁶²Ср. стб. № 3 таб. 1 и стб. № 2 таб. 2.

⁶³ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 14.

⁶⁴Там же. Л. 14.

⁶⁵Там же. Л. 15–16.

⁶⁶УФСБ РФ ВО. Ф. 13. Д. 3. Л. 46.

⁶⁷Там же. Л. 47.

⁶⁸Р-н пос. СТЗ и центральных городских переправ № 1 и 2.

⁶⁹УФСБ РФ ВО. Ф. 13. Д. 3. Л. 46–48.

Говоря о воинских формированиях, можно назвать следующие виды войск НКВД – ВВ НКВД, КВ НКВД, ОВТ НКВД, по охране железных дорог (ОЖД НКВД), по охране особо важных объектов промышленности (ООВПП НКВД). Непосредственно боевую деятельность формирований мы не станем рассматривать⁷⁰, лишь отметим – войска НКВД активно её вели, в т. ч. на самых тяжёлых и угрожающих направлениях (р-н Латошинка – Спартановка, Ерманский р-н, пос. Минина, р-н элеватора, р-н Мамаева бугра и посёлков в заводских р-нах), начиная с 23 августа и до середины октября 1942 г. Причём зачастую перебрасываясь на новые рубежи обороны для ликвидации брешей во фронте по несколько раз в неделю⁷¹.

Однако не все виды войск принимали участие в боевых действиях, например, ОВТ НКВД, за исключением нескольких эпизодов. Самый крупный из них – бои 9-й заставы и отделения 6-й заставы 2-го стрелкового батальона 79-го пограничного полка ОВТ НКВД в районе причалов в г. Сталинграде (переправы № 1 и 2) с 14 ч. 14 сентября 1942 г. до 4 ч. 15 сентября 1942 г., т. е. до переправы первых подразделений 13-й гвардейской стрелковой дивизии⁷². Сразу отметим, что, во-первых, это только малая часть формирования – основная масса дислоцировалась на левом берегу р. Волги (р. п. Красная Слобода – М. С.)⁷³; во-вторых, данное боевое применение, как и остальные эпизоды, было случайным в связи с прорывом Вермахта в Ерманском районе; в-третьих, для помощи 79-му пограничному полку ОВТ НКВД по обороне переправ была направлена часть сил⁷⁴ оперативной группы УНКВД СО⁷⁵, которая насчитывала 80 чел. из числа работников УНКВД СО и РКМ УНКВД СО.

В целом войска НКВД не были предназначены к ведению боевых действий с регулярными формированиями Вермахта, поэтому несли высокие потери. Например, 18 сентября 1942 г. личный состав 271-го стрелкового полка ВВ НКВД 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД был сведён в батальон⁷⁶.

Стоит перейти к рассмотрению основного вопроса – оперативно-служебной деятельности, которая включала в себя: охрану режима прифронтовой полосы в данной местности (ВВ НКВД и ОВТ НКВД), охрану железных дорог и промышленных предприятий оборонного назначения (ОЖД НКВД и ООВПП НКВД), охрану и конвоирование заключённых и спецпоселенцев (КВ НКВД). Однако указанные задачи не только выполнялись непосредственными видами войск НКВД, но и другими. Например, охрану железнодорожных составов с продовольствием осуществляла 10-я стрелковая дивизия ВВ НКВД, а 178-й стрелковый полк ООВПП НКВД осуществлял, кроме охраны особо важных объектов, охрану войскового тыла действующей Красной армии⁷⁷. Также наравне с районными отделениями НКВД формирования ОВТ НКВД занимались вопросами отселения граждан из 25-километровой прифронтовой полосы.

ВВ НКВД в основном представлены 10-й стрелковой дивизией ВВ НКВД, если не учитывать 8-ю мотострелковую дивизию ВВ НКВД, которая до 20 июля 1942 г. переформировывалась в 63-ю стрелковую дивизию. Заградительная служба 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД включала в себя, кроме организации по наведению порядка в тылу фронта, фильтрации населения и отходящих воинских частей, также работу на переправах. Соединением были в конце июля 1942 г. взяты под охрану переправы через р. Волгу и р. Дон⁷⁸, а именно:

⁷⁰ Это весьма сложный и обширный вопрос, который стоит рассмотреть отдельно.

⁷¹ В первую очередь 10-я стрелковая дивизия ВВ НКВД.

⁷² Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 : сборник документов / ред. кол.: гл. ред. П.И. Зырянов [и др.]. М., Наука, 1968, С. 414–416.

⁷³ Там же. С. 406.

⁷⁴ Сведены в истребительную роту под руководством ст. лейтенанта ГБ И.Т. Петракова.

⁷⁵ УФСБ РФ ВО. Ф. 13. Д. 2. Л. 1, 10–11.

⁷⁶ ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 8. Л. 17 об.

⁷⁷ Неизвестные страницы истории войск национальной гвардии Российской Федерации : Сборник архивных документов. Вып. 2 / авт.-сост. Ю.А. Марценюк (рук.), А.С. Беркутов, А.А. Климов, А.А. Штоппель. М., На боевом посту, 2017, С. 62–65; ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 11. Л. 50.

⁷⁸ ЦА МО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 9. Л. 24–26.

Сталинград (городская)⁷⁹, х. Бобыли, Красная Слобода, Дубовка, Калач⁸⁰. В то же время в планах было взятие под охрану следующих переправ через р. Дон: Ново-Григорьевская, Сиротинская, Пятиизбянская, Верхне- и Нижне-Чирская; через р. Волгу: действующей Камышин – Николаев⁸¹ и организуемых Антиповская – левый берег, Балыклейская – левый берег, Пролейская⁸² – левый берег, Сталинград (СТЗ) – левый берег, Сталинград (завод «Красный Октябрь») – Скудры, Сталинград – Булгаковская, Сталинград – Каменнораярская, Сталинград – Николаевская. После прорыва Сталинградского фронта 23 августа 1942 г. подразделения Сталинградского гарнизона, в который входила 10-я стрелковая дивизия ВВ НКВД, составляя основное воинское формирование в его составе, были сосредоточены на рубеже Орловка – Городище – Опытная станция – Верхняя Ельшанка – Ельшанка⁸³ – Купоросное⁸⁴. С этого же дня начинается боевая деятельность соединения.

Отдельно стоит сказать об оперативно-служебной деятельности 3-го стрелкового батальона 271-го стрелкового полка ВВ НКВД и 1-го стрелкового батальона 272-го стрелкового полка ВВ НКВД, которые несли службу по обеспечению безопасности в г. Сталинграде: ими осуществлялась охрана различных складов и иных особо важных объектов, патрулирование улиц, пресечение попыток мародёрства. Так, 3-й стрелковый батальон нёс службу в Ворошиловском р-не, под охрану были взяты консервный завод, а также ряд складов – два вещевых, продовольственный, с макулатурой и ватой, бензохранилище; 1-й стрелковый батальон нёс службу в Ерманском р-не, под охрану были взяты центральные городские переправы, а также ряд складов – вещевой, винный, горюче-смазочных материалов, запчастей, кожаный, консервный, продовольственные, УВС и государственный холодильник. Эти мероприятия будут осуществляться 3-м стрелковым батальоном до 6 сентября 1942 г., а 1-м стрелковым батальоном – до 5 сентября 1942 г.⁸⁵

Также РКМ УНКВД СО наравне с подразделениями 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД осуществляли охрану объектов государственной собственности: было взято под охрану 4 магазина, предотвращена попытка расхищения на кондитерской фабрике им. Ленина, а также 9 сентября 1942 г. было подобрано 597 немецких пропагандистских листовок (контрреволюционного содержания) с Ерманском, Дзержинском и Ворошиловском районах. Всего за период 1 августа – 20 сентября 1942 г. было подобрано и уничтожено 12 тыс. листовок⁸⁶.

Основной задачей КВ НКВД было конвоирование заключённых и спецпереселенцев из тюрьмы и колоний УНКВД СО, чем и занимался 249-й стрелковый полк КВ НКВД⁸⁷. Однако формирование также осуществляло охрану внутренней тюрьмы, комплекса зданий УНКВД СО и спецгоспиталя. Позднее, в связи с прорывом противника с севера г. Сталинграда, из остатков строевых подразделений полка были сформированы две стрелковые, пулемётная роты и взвод связи⁸⁸.

ОВТ НКВД кроме охраны армейского тыла также осуществляли следующие мероприятия: охрана и конвоирование военнопленных (например, 21-я стрелковая бригада ОВТ НКВД), оказание первой медицинской помощи военнослужащим иных воинских

⁷⁹ Имеется в виду центральная городская переправа.

⁸⁰ Имеется в виду г. Калач-на-Дону.

⁸¹ Была отнесена к Воронежскому фронту, согласно карандашной записи на отчёте.

⁸² В документе не уточнено, какое именно с. Пролейка – Горная или Луговая, но по контексту понятно, что с. Луговая Пролейка.

⁸³ Имеется в виду пос. Ельшанка между Купоросным и Ниж. Ельшанкой (приг. Минина).

⁸⁴ ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 109.

⁸⁵ Сменён 270-м стрелковым полком ВВ НКВД до 7 сентября 1942 г.

⁸⁶ УФСБ РФ ВО. Ф. 13. Д. 4. Л. 3.

⁸⁷ Неизвестные страницы истории войск национальной гвардии Российской Федерации : Сборник архивных документов. Вып. 2 / авт.-сост. Ю.А. Марценюк (рук.), А.С. Беркутов, А.А. Климов, А.А. Штоппель. М., На боевом посту, 2017, с. 65.

⁸⁸ Там же. С. 66.

формирований (91-й пограничный полк ОВТ НКВД), борьба с отдельными группами противника в г. Сталинграде вплоть до 7 февраля включительно⁸⁹. Также производилась ликвидация мелких вооружённых групп на освобождённой территории⁹⁰. Например, в с. Арбузовке и с. Журавке 12-й и 3-й резервной заставами 91-го пограничного полка ОВТ НКВД было уничтожено 38 немецких военнослужащих и взято в плен 74 итальянских⁹¹.

По вопросу проверки документов у населения и военнослужащих и задержания нарушителей можно привести такие данные по выявленной документации: ВВ НКВД было задержано – 72 632 чел., ОВТ НКВД – 36 203 чел., ОЖД НКВД – 21 чел., т. е. всего – 108 856 чел. Данные представлены в таб. 4.

Таблица 4
Table 4

Количество задержанных военнослужащих, военнопленных и гражданского населения войсками НКВД за 1942 г.
 The number of servicemen, prisoners of war and civilians detained by the NKVD troops for 1942

Формирования ¹	Военнослужащие	Гражданские	Военнопленные	Общие	Даты ²
Внутренние войска НКВД					
269 сп ВВ НКВД	49	2	–	51	31/VIII – 13/IX
270 сп ВВ НКВД	8 188	329	–	8 517	25/VII – 2/IX (2, 4–11/VIII)*
271 сп ВВ НКВД	200	54	–	254	27/VIII – 6/IX
272 сп ВВ НКВД	289	161	–	450	27/VIII – 4/IX
3 сб 271 сп ВВ НКВД, 1 сб 272 сп ВВ НКВД	–	–	–	63 547	13/VII – 6/IX**
282 сп ВВ НКВД	–	–	–	–	Данных нет
Итого:	8 593	492	–	72 632***	
Войска НКВД по охране войскового тыла действующей Красной армии					
2 пп ОВТ НКВД	3 226	23	–	3 249	1–8/VIII
17 кпп ОВТ НКВД	232	52	10	294	20–24/XII
79 пп ОВТ НКВД	20 292	2 860	2	23 154	8/VIII – 26/XII
91 пп ОВТ НКВД	7 676	134	–	7 810	11–31/XII
125 осб ОВТ НКВД	1 189	262	37	1 488	XI–XII
ШВ ОВТ НКВД ЮЗФ	27	18	–	45	18/XI, 26/XII
РПГ ШВ ОВТ НКВД ЮЗФ	123	15	25	163	7/XII
Итого:	32 765	3 364	74	36 203	
Войска НКВД по охране железных дорог					
91 сп ОЖД НКВД	–	21	–	21	1/IX
Итого:	–	21	–	21	
Всего:	41 358	3 877	74	108 856	

Сост. по: ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 1–2, 7–43, 48–49, 53–54 об., 62–63, 108–109; Там же. Д. 62. Л. 49–54 об., 57–77 об., 80–91 об., 93–102 об., 104–110 об.; Там же. Ф. 220. Оп. 220. Д. 9. Л. 3, 8–9, 15–16; Там же. Ф. 232. Оп. 590. Д. 40. Л. 106–106 об., 118–119 об., 124–124 об.; Там же. Д. 147. Л. 32–39; Там же. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 14. Л. 182–183, 194–196, 239–247, 281–287; Там же. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 46. Л. 1–2 об., 14–18, 22–23 об.; Там же. Ф. 425. Оп. 10339. Д. 150. Л. 9–10 об., 27–27 об.; Там же. Ф. 456. Оп. 6850. Д. 20. Л. 1–19 об.

⁸⁹Там же. С. 56–61; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель» (1 января – 30 июня 1943 г.) / редкол. Н.П. Патрушев (предс.) [и др.]; гр. авт.-сост. сб. В.П. Ямпольский (рук.) [и др.]. М., Русь, 2008, С. 204–205; ЦА МО РФ. Ф. 456. Оп. 6850. Д. 20. Л. 16–16 об.

⁹⁰Это относится к оперативно-боевой деятельности войск НКВД.

⁹¹ЦА МО РФ. Ф. 456. Оп. 6850. Д. 20. Л. 18–19 об.

Примечания:

¹ Используются сокращения: сп – стрелковый полк, (о)сб – (отдельный) стрелковый батальон, (к)пп – (Краснознамённый) пограничный полк, РПГ – разведывательно-поисковая группа, ШВ – штаб войск, ЮЗФ – Юго-Западный фронт.

² Представлены хронологические периоды для каждого формирования отдельно исходя из текста источников.

* Для гражданского населения.

** В заглавии докладной записки указан период 13 июля – 10 сентября 1942 г., хотя по контексту ясно, что описывается период до октября 1942 г. включительно. В этой связи указан период до начала сентября 1942 г.

*** С вычетом задержанных 3-м стрелковым батальоном 271-го стрелкового полка ВВ НКВД и 1-м стрелковым батальоном 272-го стрелкового полка ВВ НКВД в период 27 августа – 6 сентября 1942 г. (187 чел., из которых 133 чел. – военнослужащие, 54 чел. – гражданские), задержанные основными силами 271-го стрелкового полка ВВ НКВД и 272-го стрелкового полка ВВ НКВД за данный период были учтены.

Как видно из стб. № 6 по материалам ЦА МО РФ, в наличие лишь неполные данные по отдельным хронологическим периодам, иногда – отдельным дням. Это в очередной раз говорит об основной проблеме темы – неполнота источниковой базы. В целом цифры говорят сами за себя: количество задержанных военнослужащих самое большое, поскольку войска находились в войсковом тылу, а военнопленных незначительно, поскольку в основном ОВТ НКВД не привлекались к боевым действиям.

Можно было бы дополнить данные таблицы цифрами Н.Н. Старикова, С.А. Лагодского и Ю.П. Ржевцева⁹², однако есть некоторые проблемы. Во-первых, у этих авторов нет точных ссылок на конкретные источники⁹³ [Лагодский, Ржевцев, 2014, с. 43–44, 56–57, 60, 106–107; Стариков, 2016, с. 130–133]. Во-вторых, значения результатов оперативно-служебной деятельности в обеих книгах совпадают⁹⁴, однако авторы используют разные дела и порой фонды Российского государственного военного архива (РГВА), что странно.

Стоит особо отметить, что вопрос специфики деятельности особых отделов НКВД в период Сталинградской битвы нами уже был исследован отдельно [Стрельников, 2021], поэтому нет необходимости повторяться.

В то же время не все направления деятельности органов НКВД можно охарактеризовать, поскольку некоторые материалы до сих пор находятся на специальном хранении. Например, о деятельности МПВО и иных подразделений УНКВД СО. Это остаётся проблемой для исследователей, что нами уже отмечалось [Стрельников, 2020, с. 191–192].

По вопросу потерь отметим, что также имеется проблема: подобных исследований не ведётся, хотя и присутствует расхождение в цифрах. Например, в постановлении Военного совета Сталинградского фронта от 12 ноября 1942 г. № 0820 сообщается о потерях 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД 3 983 чел.⁹⁵, а в историографии можно встретить цифру 7 280 чел.⁹⁶ [Емельянов, 2019, с. 75]. Данный вопрос нами будет рассмотрен в отдельном исследовании.

⁹² Данная книга С.А. Лагодского и Ю.П. Ржевцева не отражена в историографическом обзоре, поскольку авторы не профессиональные историки, а само исследование нельзя назвать полностью научным.

⁹³ Единственное указание есть однажды у С.А. Лагодского и Ю.П. Ржевцева [Лагодский, Ржевцев, 2014, с. 106–107], однако эти данные необходимо перепроверить. Хотя данные о количестве задержанных военнослужащих 270-м стрелковым полком ВВ НКВД идентичны выявленным нами, но указан иной временной период (26 июля – 1 сентября 1942 г.).

⁹⁴ Не совпадают только данные о деятельности 270-го стрелкового полка ВВ НКВД: 9 056 чел. [Стариков, 2016, с. 130–131] против 9 058 чел. [Лагодский, Ржевцев, 2014, с. 106–107].

⁹⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению (1 июля – 31 декабря 1942 г.) / редкол. Н.П. Патрушев (предс.) [и др.] ; гл. авт.-сост. сб. В.П. Ямпольский (рук.) [и др.]. М., Русь, 2003, с. 458.

Выводы

Подводя итог, можно отметить, что на основе введения новых источников было доказано, что войска НКВД и особые отделы НКВД заменили собой административно-территориальные органы НКВД в районах действия военного положения с теми же широкими полномочиями: занимались не просто возложенными на них задачами, а также иными.

Была рассмотрена оперативно-служебная деятельность войск НКВД в Сталинградской битве по их видам. Была подчеркнута их специфика, что отдельные виды войск НКВД применялись не только по своему профилю, но и по другим, а также вели боевую деятельность.

В свою очередь, было отмечено, что в тезисах некоторых исследователей, например, Н.Н. Старикова, стоит усомниться. Также был оспорен вывод В.С. Христофорова о боевом применении формирований ОВТ НКВД в период Сталинградской битвы.

Однако окончательным исследование не является в связи с «белыми пятнами» и необходимостью расширения источниковой базы за счёт более широкого включения материалов ведомственных архивов. Т. о., тему деятельности НКВД необходимо продолжать изучать.

Список источников

- Неизвестные страницы истории войск национальной гвардии Российской Федерации: Сборник архивных документов. Вып. 1 / авт.-сост. Ю.А. Марценюк (рук.), А.С. Беркутов, А.А. Климов, А.А. Штоппель. М., На боевом посту, 2017, 168 с.
- Неизвестные страницы истории войск национальной гвардии Российской Федерации: Сборник архивных документов. Вып. 2 / авт.-сост. Ю.А. Марценюк (рук.), А.С. Беркутов, А.А. Климов, А.А. Штоппель. М., На боевом посту, 2017, 144 с.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению (1 июля – 31 декабря 1942 г.) / редкол. Н.П. Патрушев (предс.) [и др.] ; гр. авт.-сост. сб. В.П. Ямпольский (рук.) [и др.]. М., Русь, 2003, 700 с.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель» (1 января – 30 июня 1943 г.) / редкол. Н.П. Патрушев (предс.) [и др.] ; гр. авт.-сост. сб. В.П. Ямпольский (рук.) [и др.]. М., Русь, 2008, 795 с.
- Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 : сборник документов / редкол.: гл. ред. П.И. Зырянов [и др.]. М., Наука, 1968, 708 с.
- Приказ Министра Внутренних Дел Союза ССР за 1956 г. № 0205 / МВД СССР. М., МВД СССР, 1956, 100 с.
- Схемы железных дорог и водных путей сообщения СССР / ред. Л.И. Шалыт ; ЦУ ВОСО КА. М., Воениздат, 1943, XXXIV, 54 с.
- Управление ФСБ России по Волгоградской обл. (УФСБ РФ ВО). Ф. 13. Д. 3.
УФСБ РФ ВО. Ф. 13. Д. 4.
- Центральный архив Министерства обороны России (ЦА МО РФ). Ф. 48. Оп. 451. Д. 53.
ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 62.
ЦА МО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 9.
ЦА МО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 119.
ЦА МО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 40.
ЦА МО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 147.
ЦА МО РФ. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 14.
ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 8.
ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 11.
ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 46.
ЦА МО РФ. Ф. 425. Оп. 10339. Д. 150.
ЦА МО РФ. Ф. 456. Оп. 6850. Д. 20.
- Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ РФ). Ф. 3. Оп. 9. Д. 117.
ЦА ФСБ РФ. Ф. Зос. Оп. 9. Д. 14.

⁹⁶Имеется в виду разница между указанной автором численностью личного состава до начала участия в боях при обороне г. Сталинграда и после вывода соединения из сражения. Данный расчёт следует из контекста, поскольку иных уточнений автор не даёт.

Список литературы

- Аблизин В.А., Ананьев С.В. 2017. Летопись героев. 282-й (Саратовский) полк 10-й стрелковой дивизии войск НКВД СССР в Сталинградской битве. Академический вестник войск национальной гвардии РФ, 2 (35): 35–40.
- Бородин А.М., Красавин В.С., Логинов И.М. 1975. Подвиг Сталинграда. Волгоград, Ниж.-Волж. кн. изд-во, 373 с.
- Бунин С.В. 2012. Внутренние войска в Сталинградской битве. Академический вестник ВВ МВД России, 4 (17): 10–16.
- Бунин С.В. 2015. Служебно-боевая деятельность войск НКВД в годы Великой Отечественной войны. Академический вестник ВВ МВД России, 1 (26): 9–15.
- Дёмина О.В. 2015. Служебно-боевая деятельность войск НКВД по охране тыла в годы Великой Отечественной войны. Академический вестник ВВ МВД России, 3 (28): 37–41.
- Дубовицкая Н.В., Лысенков С.Г. 2012. Войска НКВД в системе обороны Сталинграда. Вестник СПбУ МВД России, 4 (56): 20–23.
- Емельянов В.М. 2019. Участие войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне. Вестник Уральского института экономики, управления и права, 4 (49): 73–79.
- Епифанов А.Е. 2019. Сталинградские органы внутренних дел в борьбе с гитлеровскими военными преступниками (1942–1943 гг.). *Historia provinciae – Журнал региональной истории*, 3 (1): 318–370. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-1-5.
- Кардаш И.Л. 2017. Участие личного состава войск НКВД СССР в Сталинградской битве. Академический вестник войск национальной гвардии РФ, 2 (35): 3–7.
- Лагодский С.А., Ю.П. Ржевцев. 2014. Сталинград: подвиг солдат правопорядка. М., Директ-Медиа, 524 с.
- Лебедев С.В., Тимофеева Е.Г., Тюрин А.О. 2020. Борьба с диверсантами в годы Великой Отечественной войны на территории Нижнего Поволжья. Каспийский регион: политика, экономика, культура, 4 (65): 33–38.
- Новожилов В.Ю. 2012. Приказ № 227-1942 г. «Ни шагу назад»: правда и вымысел. Академический вестник ВВ МВД России, 4 (17): 17–22.
- Першин К.В. 2019. Деятельность органов государственной безопасности СССР по выявлению и расследованию военных преступлений в годы Великой Отечественной войны (на примере Сталинградской области). Вестник АН ЧР, 3 (46): 50–54.
- Рогожкин Н.Е. 2011. Внутренние войска МВД России: история и современность. Академический вестник ВВ МВД России, 1 (10): 3–14.
- Самарский А.Н. 2019. Организационно-правовые основы деятельности сотрудников милиции в период Сталинградской битвы 1942–1943 годов. *Философия права*, 2 (89): 34–39.
- Стариков Н.Н. 2015. Войска НКВД в Сталинградской битве. М., Алисторус, 400 с.
- Стариков Н.Н. 2016. Войска НКВД на фронте и в тылу. М., Эксмо, 320 с.
- Стрельников М.А. 2020. Сталинградская битва: проблематика вопроса. В кн.: Военная история России: проблемы, поиски, решения материалы Междунар. науч. конф., посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (Волгоград, 11–12 сентября 2020 г.). В 3 ч. Ч. 2. Волгоград, ВолГУ: 189–193.
- Стрельников М.А. 2021. Обобщённые банки данных (на примере ОБД «Память народа») как исторический источник о деятельности особых отделов НКВД в период Сталинградской битвы. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (3): 706–713. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-3-706-713.
- Третьяков В.И. 2018. Роль милиции и НКВД в Сталинградской битве. В кн.: Российская полиция: три века служения Отечеству: материалы юбилей. Междунар. науч. конф., посвящ. 300-летию рос. полиции (Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г.), СПб., СПбУ МВД РФ: 931–933.
- Христофоров В.С. 2008. Сталинград. Органы НКВД накануне и в дни сражения. М., Московские учебники и Картолитография, 240 с.
- Цветков А.И. 2007. Органы безопасности в Сталинградской битве. *Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer*, 9 (212): 117–126.
- Ченцов А.С. 2013. Войска НКВД в Сталинградской битве. *Родина*, 4: 98–100.
- Шитько В.В. 2015. Сибирские части в составе 10-й стрелковой дивизии войск НКВД. Академический вестник ВВ МВД России, 3 (28): 26–29.

References

- Ablizin V.A., Anan'ev S.V. 2017. Letopis' geroev. 282-y (Saratovskiy) polk 10-y strelkovoy divizii voysk NKVD SSSR v Stalingradskoy bitve [Chronicle of heroes. 282nd (Saratov) regiment of the 10th rifle division of the NKVD troops of the USSR in the Battle of Stalingrad]. *Akademicheskii vestnik voysk natsional'noy gvardii RF*, 2 (35): 35–40 (in Russian).
- Borodin A.M., Krasavin V.S., Loginov I.M. 1975. Podvig Stalingrada [The feat of Stalingrad]. Volgograd, Nizh.-Volzh. kn. Izd-vo, 373 p. (in Russian).
- Bunin S.V. 2012. Vnutrennie voyska v Stalingradskoy bitve [Internal Troops in the Battle of Stalingrad]. *Akademicheskii vestnik VV MVD Rossii*, 4 (17): 10–16 (in Russian).
- Bunin S.V. 2015. Sluzhebno-boevaya deyatel'nost' voysk NKVD v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Service and combat activities of the NKVD troops during the Great Patriotic War]. *Akademicheskii vestnik VV MVD Rossii*, 1 (26): 9–15 (in Russian).
- Demina O.V. 2015. Sluzhebno-boevaya deyatel'nost' voysk NKVD po okhrane tylu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Service and combat activities of the NKVD troops for the protection of the rear during the Great Patriotic War]. *Akademicheskii vestnik VV MVD Rossii*, 3 (28): 37–41 (in Russian).
- Dubovitskaya N.V., Lysenkov S.G. 2012. Voyska NKVD v sisteme oborony Stalingrada [Forces of National Committee of Internal Affairs in system of protection of Stalingrad]. *Vestnik SPbU MVD Rossii*, 4 (56): 20–23 (in Russian).
- Emel'yanov V.M. 2019. Uchastie voysk NKVD SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne [Participation of NKVD troops in the Great Patriotic War]. *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava*, 4 (49): 73–79 (in Russian).
- Epifanov A.E. 2019. Stalingradskie organy vnutrennikh del v bor'be s gitlerovskimi voennymi prestupnikami (1942–1943 gg.) [Stalingrad Internal Affairs Agencies in the Fight against the Nazi War Criminals (1942–1943)]. *Historia provinciae – Zhurnal regional'noy istorii*, 3 (1): 318–370. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-1-5 (in Russian).
- Kardash I.L. 2017. Uchastie lichnogo sostava voysk NKVD SSSR v Stalingradskoy bitve [Participation of personnel of the NKVD troops of the USSR in the Battle of Stalingrad]. *Akademicheskii vestnik voysk natsional'noy gvardii RF*, 2 (35): 3–7 (in Russian).
- Lagodskiy S.A., Yu.P. Rzhvetshev. 2014. Stalingrad: podvig soldat pravoporyadka. Moscow, Direkt-Media, 524 p. (in Russian).
- Lebedev S.V., Timofeeva E.G., Tyurin A.O. 2020. Bor'ba s diversantami v gody Velikoy Otechestvennoy voyny na territorii Nizhnego Povolzh'ya [Fight against diversants in the years of the Great Patriotic War on the territory of the Lower Volga region]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*, 4 (65): 33–38 (in Russian).
- Novozhilov V.Yu. 2012. Prikaz № 227-1942 g. “Ni shagu nazad”: pravda i vymysel [Order No. 227-1942 “Not a Step Back”: Truth and Fiction]. *Akademicheskii vestnik VV MVD Rossii*, 4 (17): 17–22 (in Russian).
- Pershin K.V. 2019. Deyatel'nost' organov gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR po vyyavleniyu i rassledovaniyu voennykh prestupleniy v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na primere Stalingradskoy oblasti) [Activities of the state security USSR to reveal and investigate war crimes during the Great Patriotic War (on the example of the Stalingrad region)]. *Vestnik AN ChR*, 3 (46): 50–54 (in Russian).
- Rogozhkin N.E. 2011. Vnutrennie voyska MVD Rossii: istoriya i sovremennost' [Internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia: history and modernity]. *Akademicheskii vestnik VV MVD Rossii*, 1 (10): 3–14 (in Russian).
- Samarskiy A.N. 2019. Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti sotrudnikov militsii v period Stalingradskoy bitvy 1942–1943 godov [Organizational legal foundations of activity of militia officers in the period of the Stalingrad battle of 1942–1943]. *Filosofiya prava*, 2 (89): 34–39 (in Russian).
- Starikov N.N. 2015. Voyska NKVD v Stalingradskoy bitve [Troops of the NKVD in the Battle of Stalingrad]. Moscow, Alistorus, 400 p. (in Russian).
- Starikov N.N. 2016. Voyska NKVD na fronte i v tylu [Troops of the NKVD at the front and in the rear]. Moscow, Eksmo, 320 p. (in Russian).

- Strelnikov M.A. 2020. Stalingradskaya bitva: problematika voprosa [Battle of Stalingrad: problems of question]. In: Voennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchenoy 75-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne (Volgograd, 11–12 September, 2020). V 3 ch. Ch. 2. Volgograd, Publ. VolGU: 189–193 (in Russian).
- Strelnikov M.A. 2021. Obobshchennye banki dannykh (na primere OBD “Pamyat’ naroda”) kak istoricheskiy istochnik o deyatel’nost’ osobykh otdelov NKVD v period Stalingradskoy bitvy [United open access data bank (for example united open access data bank “Memory of the People”) as a historical source on the activities of the Special Departments of the NKVD during the Battle of Stalingrad]. Via in tempore. Istoriya. Politologiya, 48 (3): 706–713. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-3-706-713 (in Russian).
- Tretyakov V.I. 2018. Rol’ militsii i NKVD v Stalingradskoy bitve [The role of the police and the NKVD in the Battle of Stalingrad]. In: Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu: materialy yubiley. Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 300-letiyu ros. politzii (Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 g.), St. Petersburg, SPbU MVD RF: 931–933 (in Russian).
- Khristoforov V.S. 2008. Stalingrad. Organy NKVD nakanune i v dni srazheniya [Stalingrad. Bodies of the NKVD on the eve and in the days of the battle]. Moscow, Moskovskie uchebniki i Kartolitografiya, 240 p. (in Russian).
- Tsvetkov A.I. 2007. Organy bezopasnosti v Stalingradskoy bitve [Security agencies in the Battle of Stalingrad]. Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel’ – Observer, 9 (212): 117–126 (in Russian).
- Chentsov A.S. 2013. Voyska NKVD v Stalingradskoy bitve [Troops of the NKVD in the Battle of Stalingrad]. Rodina, 4: 98–100 (in Russian).
- Shit’ko V.V. 2015. Sibirskie chasti v sostave 10-y strelkovoy divizii voysk NKVD [Siberian units as part of the 10th Infantry Division of the NKVD troops]. Akademicheskii vestnik VV MVD Rossii, 3 (28): 26–29 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.02.2023

Received 26.02.2023

Поступила после рецензирования 15.05.2023

Revised 15.05.2023

Принята к публикации 18.05.2023

Accepted 18.05.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Стрельников Максим Александрович, аспирант кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Maksim A. Strelnikov, postgraduate of Department of History and International Relations of Volgograd State University, Volgograd, Russia

 [ORCID: 0000-0002-8371-8127](https://orcid.org/0000-0002-8371-8127)

УДК 94:625.1/438«1939/1945»

DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-484-494

Оригинальное исследование

Эксплуатация Советским Союзом железных дорог Польши в 1944–1945 гг.

Буряк Ю.Ю.¹ , Шаповалов В.А.²

¹⁾ Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
Россия, 308012, г. Белгород, ул. Костюкова, 46;

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: yuriburyak@mail.ru, Shapovalov@bsu.edu.ru

Аннотация. Польским железным дорогам в годы Второй мировой войны суждено было стать стратегическими линиями на пути освобождения Красной Армией Европы от нацизма. Данное обстоятельство требовало от советского командования разработки новых подходов в управлении железнодорожным транспортом Польши с учетом существовавшей к концу 1944 г. модели администрирования и эксплуатации стальных магистралей сопредельных европейских государств, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков. Помимо традиционно использовавшихся военно-эксплуатационных отделений, железнодорожных эксплуатационных полков, а также военно-эксплуатационных управлений, был создан институт уполномоченных Центрального управления военных сообщений Красной Армии и народного комиссариата путей сообщения СССР. Вышеуказанный орган успешно себя зарекомендовал в реализации задач по перевозке воинских грузов и контингентов при одновременном восстановлении транспортировки народнохозяйственных грузов и пассажиров на территории Польши. Это дало основание для создания аналогичных институтов уполномоченных на магистралах Восточной Пруссии и Венгрии. Таким образом, в статье представлена во многом уникальная система управления железными дорогами сопредельного государства советскими военными и транспортными органами в годы войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, восстановление и эксплуатация Советским Союзом зарубежных железных дорог, система управления железными дорогами Польши на завершающем этапе войны, народный комиссариат путей сообщения, Служба военных сообщений Красной Армии

Для цитирования: Буряк Ю.Ю., Шаповалов В.А. 2023. Эксплуатация Советским Союзом железных дорог Польши в 1944–1945 гг. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 484–494. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-484-494

Operation of the Polish Railways by the Soviet Union in 1944–1945

Yuri Yu. Buryak¹ , Vladimir A. Shapovalov²

¹⁾ Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov,
46 Kostyukova St., Belgorod 308012, Russia;

²⁾ Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308007, Russia

E-mail: yuriburyak@mail.ru, Shapovalov@bsu.edu.ru

Abstract. During the Second World War, the Polish railways were destined to become strategic lines on the path of the Red Army's liberation of Europe from Nazism. This circumstance required the Soviet command to develop new approaches to the management of railway transport in Poland, taking into account the model of administration and operation of steel lines of neighboring European states that existed by the end of 1944, liberated from the Nazi invaders. In addition to the traditionally used military operational departments, railway operational regiments, as well as military operational directorates, an

institute was created for authorized representatives of the Central Directorate of Military Communications of the Red Army and the People's Commissariat of Railways of the USSR. The above body has successfully proven itself in the implementation of the tasks of transporting military cargo and contingents, while restoring the transportation of national economic cargo and passengers on the territory of Poland. This gave grounds for the creation of similar institutions of commissioners on the highways of East Prussia and Hungary. Thus, the article presents a largely unique system for managing the railways of the neighboring state by the Soviet military and transport authorities during the war years.

Keywords: The Second World War, restoration and operation of foreign railways by the Soviet Union, Polish railway management system at the final stage of the war, People's Commissariat of Railways, Military Communications Service of the Red Army

For citation: Buryak Yu.Yu., Shapovalov V.A. 2023. Operation of the Polish Railways by the Soviet Union in 1944–1945. *Via in tempore. History and political science*, 50 (2): 484–494 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-484-494

Введение

Данная научная публикация входит в цикл исследований, посвященных изучению системы управления и эксплуатации железнодорожных магистралей сопредельных СССР государств органами Народного комиссариата путей сообщения (НКПС) и Народного комиссариата обороны (НКО) в годы Великой Отечественной и Второй мировой войн. Базовой единицей для организации перевозок на зарубежных железнодорожных линиях являлось военно-эксплуатационное отделение (ВЭО). Данные формирования успешно себя зарекомендовали во время конфликта с Финляндией в 1939–1940 гг. [Буряк, 2017, с. 76]⁹⁷, в период обороны и освобождения территории СССР от оккупантов в 1941–1945 гг. [Клименко, Алдакимов, 1992, с. 193]⁹⁸. Поэтому ВЭО использовались советскими военными и транспортными органами фактически во всех сопредельных государствах в годы Второй мировой войны. Примечательно, что в Польше была создана уникальная более сложная система управления железнодорожным транспортом, которая отличалась от моделей администрирования магистральями в других государствах, которые освобождались от нацизма Красной Армией. Данное обстоятельство стало ключевым фактором для проведения отдельного научного исследования – без обобщенного представления (как это представлено в предыдущей публикации автора [Буряк, Шаповалов, 2023]) системы эксплуатации Советским Союзом зарубежных линий в годы Второй мировой войны.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступают железные дороги Польши на завершающем этапе Второй мировой и Великой Отечественной войн. Железнодорожный транспорт вышеуказанного государства эксплуатировался НКПС и НКО СССР в целях обеспечения потребностей Красной Армии в период освобождения Польского государства от нацистской Германии и ее союзников в Европе, а также окончательного разгрома гитлеровского режима Третьего рейха. В ходе исследования автором использовались специальные исторические методы: сравнительно-исторический, историко-системный, а также историко-генетический. Кроме того, применялись общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, обобщения и систематизации. Научная новизна исследования состоит в том, что в научный оборот вводятся ранее засекреченные материалы, а также в статье впервые представлена особая система организации управления железнодорожным транспортом НКО и НКПС СССР на территории Польши, экс-

⁹⁷ Сектор архивов ГП «Донецкая железная дорога» (далее СА ДонЖД). Ф. 32. Оп. 384. Д. 234. ЛЛ. 303, 340.

⁹⁸ Музей железных дорог России. Отчет о мобилизации железных дорог Советского Союза (по мобплану 1941 г.) в 4-х томах. Т. 2. Под общей редакцией директор-полковника движения В.В. Звонарева. ЦВМО МПС СССР, 1947–1948 гг. Л. 112.

плуатация которого играла ключевую роль при продвижении Красной Армии к Берлину. Ввиду вышесказанного, организация управления железными дорогами на территории Польши имела оригинальную, во многом уникальную структуру, которая успешно себя показала.

Результаты и их обсуждение

18 июля 1944 г. началось освобождение Польши от немецко-фашистских захватчиков [Освобождение Польши...]. Вместе с тем перед НКО и НКПС СССР встал вопрос эксплуатации и управления польскими железнодорожными линиями и станциями для обеспечения потребностей армии, а также восстановления народного хозяйства данного государства. К этому моменту руководство вышеуказанных комиссариатов уже имело опыт восстановления магистралей западноевропейской колеи и дальнейшей их эксплуатации. Весной 1944 г. после выезда и оценки оперативной обстановки по приказу И.В. Сталина на приграничные с СССР линии Румынии начальника Центрального управления военных сообщений (ЦУП ВОСО) Красной Армии И.В. Ковалева была сформирована общая концепция ремонта путей и искусственных сооружений, а также управления перевозочным процессом на магистралях сопредельных европейских государств. Ключевая роль в данном вопросе отводилась ВЭО, а также железнодорожным эксплуатационным полкам (ЧЭ) и Особого резерва колоннам паровозов (ОРКП)⁹⁹ НКПС, которые к тому времени успешно себя зарекомендовали [Вульф, 2018, с. 666].

Например, одним из первых, начавших управлять перевозками на территории Польши, было ВЭО-34. Его сформировали в сентябре 1943 г. на станции Ворошилов-Уссурийский (ныне Уссурийск) Приморской магистрали. В 1944 г. его коллектив успешно работал в южной части Белоруссии, а затем вслед за наступающими войсками вступил на территорию Польши. В январе 1945 г. вышеуказанное военно-эксплуатационное отделение возвратилось на Дальний Восток [Шалыт, 1943, с. 85; Конарев, 1987, с. 406; Лагутина, 2002, с. 148]. Также обслуживать в интересах наступающих войск РККА железные дороги в Восточной Европе вплоть до Берлина помогали ВЭО-12 (Оренбургской ж/д), ВЭО-20 (Сталинской ж/д), ВЭО-33 (Хабаровск Дальневосточной ж/д) [Конарев, 1987, с. 305–306].

В сопредельных государствах (преимущественно в Польше) отдельные железнодорожные линии (фактически по одной магистральной ветке для каждого фронта) перешивались на стандарт 1 524 мм для обеспечения скорейшего продвижения наших войск и, в частности, скорейшего вывоза силезского угля (из Польши) для нужд железных дорог и экономики западных областей СССР, ввиду дефицита донецкого и московского угля, длинных маршрутов доставки топлива из Кузбасса и Караганды. В итоге скорость и маневренность отечественных железнодорожных перевозок в сложившихся условиях нередко ошеломляла немецкое командование [Куманев, 1976, с. 330; Олейник, 1995, с. 123; Кузьмич, Левин, 2004, с. 12; Гайдамакин, Четвергов, 2012, с. 167].

В целом советским командованием польским магистралям отводилась особая роль ввиду их географического положения, а вместе с тем необходима была особая модель управления местным железнодорожным транспортом (отличавшаяся от других освобождаемых государств Европы). Из-за того, что через железные дороги Польши предполагалось генеральное наступление советских войск на Берлин, 7 октября 1944 г. вышло постановление ГКО СССР № 6658-С и приказ НКПС и ЦУП ВОСО РККА № С-918с/0206 от 21 октября 1944 г. В соответствии с вышеуказанными нормативными актами для осуществления бесперебойного обеспечения воинских перевозок на магистралях Польши создавался институт уполномоченных ЦУП ВОСО РККА и НКПС со штатом при железнодорожных дирекциях 83 чел. и в каждом эксплуатационном районе 42 чел.¹⁰⁰ После разгрома нацистской Германии основной работой подведомственных уполномоченным магистралей стала по-

⁹⁹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1884. Оп. 49-с. Д. 1682. ЛЛ. 101–103.

¹⁰⁰ Музей железных дорог России. Отчет о мобилизации железных дорог Советского Союза. Л. 206.

грузка грузов, вывозимых в СССР и для нужд Польской Республики [Конарев, 1987, с. 394; Куманев, 1988, с. 254]. Позднее институт уполномоченных был создан также и на железных дорогах Венгрии и Восточной Пруссии в соответствии с постановлением ГКО № 6980-С от 21 ноября 1944 г. и приказа НКПС (Л.М. Каганович) и начальника Тыла РККА (А.В. Хрулев) № СС-1057/Ц / 0030 от 4 декабря 1944 г. со штатом 224 чел. [Куманев, 1988, с. 254].

В соответствии с вышеуказанным постановлением ГКО СССР № 6658-с от 7 октября 1944 г. железнодорожная сеть Польши (как широкой колеи, так и европейской) находилась в ведении Отдела путей сообщения и связи Польского Комитета Национального Освобождения (ОПС ПКНО) и обслуживалась польскими железнодорожниками.

Участки польских железных дорог в 50-километровой зоне от линии фронта эксплуатировались только военно-эксплуатационными железнодорожными подразделениями Красной Армии. Вопросы, связанные с поддержанием в исправном состоянии путевого хозяйства, подвижного состава, производственных зданий, организацией поставок запасных частей, материалов и топлива, находились в ведении ОПС ПКНО¹⁰¹. В случае дефицита материалов и топлива вышеуказанный отдел ПКНО обращался за помощью в НКПС СССР.

Осуществление восстановительных работ первой очереди на магистралях Польши выполнялось УВВР РККА по мере продвижения Красной Армии с максимальным использованием местных материалов и рабочей силы из числа местного населения, которая выделялась польскими властями и железнодорожной администрацией.

Восстановительные работы второй очереди (усиление пропускной способности железнодорожных участков) производились силами и средствами ОПС ПКНО. При этом восстановительные организации Красной Армии оказывали ему помощь в выполнении вышеуказанных работ. Отдельно отметим, что после перешивки на советский стандарт колеи ключевого магистрального хода от Бреста до границы Германии во второй половине 1944 – начале 1945 гг. дальнейшая перешивка польских железных дорог была прекращена и при необходимости могла быть разрешена постановлением ГКО по ходатайству НКПС и НКО.

В октябре 1944 г. на железных дорогах Польши была сформирована следующая вертикаль уполномоченных:

- 1) Уполномоченный ЦУП ВОСО РККА (НКПС) при ОПС ПКНО. ГКО назначил генерал-майора технических войск П.И. Румянцева, его заместителем стал А.В. Цымбал;
- 2) Уполномоченный ЦУП ВОСО РККА (НКПС) при дирекциях польских железных дорог;
- 3) Уполномоченный ЦУП ВОСО РККА (НКПС) при эксплуатационных районах (отделениях) польских железных дорог;
- 4) Военные коменданты РККА, возглавлявшие комендантские участки, созданные на железнодорожных узлах и крупных станциях.

В аппарате Уполномоченного ЦУП ВОСО РККА (НКПС) при ОПС ПКНО начальником отдела движения был назначен Л.Н. Еськов, отдела подвижного состава – Б.В. Пермяков, административно-хозяйственного отдела – М.Н. Астахов, отдела связи – Б.И. Гудыма. Также создан был отдел планирования и учета воинских перевозок и дополнительная должность заместителя уполномоченного. Добавим, что уполномоченные ЦУП ВОСО РККА (НКПС) на железных дорогах Польши одновременно являлись уполномоченными НКПС СССР, работали по его директивам и указаниям, подчинялись его приказам.

Структура аппарата уполномоченных при эксплуатационных районах (отделениях) польских железных дорог была следующая – при Белостокском эксплуатационном районе (С.Г. Орлов), Люблинском отделении (А.П. Пичугин), Седлецком отделении (М.Н. Бражник), Жешувском отделении (А.П. Чеплашкин).

Также действовал аппарат уполномоченных при следующих дирекциях польских железных дорог:

¹⁰¹ Там же. ЛЛ. 209, 221–222.

- 1) Белостокская дирекция. Уполномоченный ЦУП ВОСО РККА (НКПС) А.Е. Котов, его заместитель Ф.Я. Талдаев;
- 2) Люблинская дирекция (1 600 км путей). Уполномоченный В.И. Козенко, его заместитель С.В. Калмыков;
- 3) Варшавская дирекция (1 860 км путей);
- 4) Лодзинская дирекция (1 800 км путей);
- 5) Жешувская (Краковская) дирекция (1 600 км путей). Уполномоченный С.А. Федоров, его заместитель А.В. Арутюнов;
- 6) Катовицкая дирекция (2 220 км путей);
- 7) Познаньская дирекция (2 800 км путей);
- 8) Гданьская дирекция (2 780 км путей).

В штате уполномоченных при Министерстве, дирекциях и в спецформированиях состояло 10 200 человек, остальной персонал состоял из местных железнодорожников Польши [Конарев, 1987, с. 394]¹⁰². Дополнительно отметим, что на железных дорогах Польши был обеспечен инспекторский контроль со стороны уполномоченных за безопасностью движения поездов. Таким образом, данная структура управления кардинально отличалась от модели эксплуатации и управления железнодорожным транспортом других государств.

Уполномоченные обязаны были предъявлять требования к польской администрации железнодорожного транспорта по разработке планов погрузки и выгрузки, срочного продвижения воинских эшелонов, обеспечения сохранности и норм использования подвижного состава, оперативного возвращения вагонов и локомотивов в СССР¹⁰³.

Все воинские перевозки РККА и войска Польского производились по приказам уполномоченных ЦУП ВОСО РККА (НКПС) и подчиненных им военных комендантов узлов и станций, которые должны были выполняться беспрекословно всеми администрациями польских железных дорог.

Ввиду эксплуатации на перешитых железнодорожных линиях Польши подвижного состава СССР приказы органов ОПС ПКНО по вопросам организации движения поездов, норм оборота вагонов и паровозов подписывались также соответствующими уполномоченными ЦУП ВОСО РККА (НКПС) или их заместителями, а на станциях – военными комендантами. Возврат паровозов и вагонов в СССР с железных дорог Польши осуществлялся администрацией польских магистралей по приказам Уполномоченных ЦУП ВОСО РККА (НКПС) [Лиддел Гарт, 1999, с. 696]¹⁰⁴.

Рассматривая общие показатели работы, отметим, что аппарат уполномоченного ЦУП ВОСО РККА при Польском Министерстве путей сообщения и аппараты уполномоченных при дирекциях и районах Польских железных дорог контролировали перевозки на линиях протяженностью 14 660 км из 23 647 км польских магистралей (в новых послевоенных границах Польши). Одной из ключевых задач вышеуказанных подразделений стало обеспечение потребностей 1-го и 2-го Белорусских и 4-го Украинского фронтов. До мая 1945 г. выгрузка на железных дорогах, подведомственных уполномоченным, превышала значительно погрузку. Основные грузы предназначались для советских войск, незначительный объем – польским войскам и промышленности с сельским хозяйством Польши. Так, в январе 1945 г. ежесуточно выгружалось в среднем 3 294 вагона, апреле 1945 г. – 3 294 вагона, в мае 1945 г. – 1 374 вагона, в июле 1945 г. – 787 вагонов. Для сравнения, погрузка соответственно составляла ежесуточно по вышеуказанным месяцам 1945 г. в среднем – 1 013 вагонов, 2 658 вагонов, 1 996 вагонов и 2 871 вагон.

После разгрома нацистской Германии основной работой подведомственных уполномоченным магистралей стала погрузка грузов, вывозимых в СССР и для нужд Польской

¹⁰² Там же. ЛЛ. 206–209, 223, 225–227.

¹⁰³ Там же. ЛЛ. 228, 230.

¹⁰⁴ Там же. ЛЛ. 224, 225.

Республики [Конарев, 1987, с. 394]. По железнодорожным линиям Польши, имевшим советский стандарт ширины пути, план работы был выполнен в первом полугодии 1945 г. на 91,5 %, в июле того же года – на 85 %. Ключевая причина такого результата кроилась в невозможности принять все груженные вагоны из СССР в течение января – июня 1945 г., а в июле 1945 г. не в полной мере был выполнен план погрузки. Ежедневно на железные дороги Польши из СССР в среднем шло 54 состава в течение января – июня 1945 г., передавался на советские железные дороги 51 поезд.

Дополнительно отметим, что с апреля по 15 августа 1945 г. было погружено на польских железных дорогах стандарта 1 524 мм 1 847 154 т угля (запланировано было 1 932 500 т угля погрузить). На железнодорожных линиях европейского стандарта при плане 1 025 235 т было погружено 814 384 т угля. Срыв плана был из-за дефицита вагонов. Дополнительно отметим, что с 1 по 15 августа 1945 г. для СССР было погружено для перевалки в портах Гдыня и Данциг (Гданьск) 44 764 т угля¹⁰⁵.

Отдельно стоит рассмотреть военно-эксплуатационные управления (ВЭУ), которые создавались для управления работой железных дорог государств, занятых Красной Армией, и освобожденных союзных государств по приказу НКПС № СС 1057-0030/Ц от 4 декабря 1944 г. Всего было сформировано 6 ВЭУ со штатом по 245 чел. в каждом подразделении [Павлов, Уздин, 1997, с. 372]. В связи с организацией ВЭУ управления эксплуатационных железнодорожных бригад упразднялось с переходом их штата в ВЭУ.

Таким образом, по мере восстановления участков их принимали во временную эксплуатацию железнодорожные части, которые свои участки передавали военно-эксплуатационным формированиям НКПС, которые, в свою очередь, состояли из управлений и отделений. Своим штатным составом управление (включало в себя 1 – 4 ВЭО и 1–3 ЧЭ) могло полностью обеспечить эксплуатацию железнодорожного направления протяженностью до 250 км, включало 2 распорядительные станции, 4 станции снабжения, 14 промежуточных станций, 2 оборотных депо, 2 дистанции пути, вагонный участок. Для эксплуатации головного участка (50 км от линии фронта), примыкавшего непосредственно к восстановленному, выделялся один ЧЭ. С помощью местных железнодорожников осуществлялись железнодорожные перевозки, ремонт подвижного состава, пути и железнодорожных зданий, искусственных сооружений (мостов, путепроводов и т. д.). При этом эксплуатация железнодорожных участков на территории, занятой РККА, осуществлялась в основном местными ресурсами – подвижным составом, а также материалами, топливом и оборудованием.

Руководитель управления подвижных формирований НКПС в оперативном отношении подчинялся командованию фронта, задания на перевозки получал от начальника ВОСО фронта [Ковалев, 1981, с. 378]. ВЭУ для удобства управления работой железных дорог в пределах фронта, как правило, располагались по месту дислокации Управления военных сообщений фронта (УП ВОСО фронта). В текущей работе по эксплуатации железных дорог начальник ВЭУ подчинялся также Военному совету соответствующего фронта. При этом ГКО СССР обязывал военные советы фронтов обеспечивать охрану железных дорог и технических сооружений, оказывать ВЭУ помощь материалами, топливом, содействовать в снегоборьбе, нормальной работе транспорта¹⁰⁶.

По решению ГКО ВЭУ являлись специальными формированиями военного времени с соответствующим довольствием персонала, оплатой труда, льготами (на основе постановления ГКО № 1095 от 3 января 1942 г.) и ответственностью по Уставам РККА и статьями УК СССР по воинским преступлениями.

В конце января 1945 г. ГКО СССР принял решение, по которому в полосе 1-го Украинского, 1-го и 2-го Белорусских фронтов необходимо иметь по одному главному направлению с шириной колеи 1 524 мм (перешли минимально необходимую длину путей) для

¹⁰⁵ Там же. ЛЛ. 207–208.

¹⁰⁶ Там же ЛЛ. 212–213, 214, 217–219.

быстрого продвижения военных контингентов и грузов из глубины Советского Союза без перегрузки. На остальных магистралях оставили европейскую колею с целью широкого использования трофейного подвижного состава. Были организованы пункты перегруза с советской колеи на пути стандарта 1 435 мм (Варшава, Демблин, Кутно, Познань, Барлоги). По мере продвижения советских войск на запад параллельно перемещались отдельные перегрузочные пункты [Конарев, 1987, с. 389–390].

С конца февраля 1945 г. руководство работой организованных ВЭУ было возложено на Центральное военно-эксплуатационное управление (ЦВЭУ) НКПС во главе с Каргиным, созданное по приказу наркомата № 194/Ц от 23 февраля 1945 г. ЦВЭУ НКПС руководило непосредственной деятельностью ВЭУ на фронтах, ВЭО, ЧЭ и другими специальными формированиями на зарубежных магистралях. Помимо этого, курировало работу уполномоченных НКПС и ЦУП ВОСО РККА на железных дорогах государств, занятых РККА, для нужд фронта и обеспечения выполнения планов НКО и НКПС СССР. Добавим, что в Центральном военном отделе (ЦВО) НКПС создавался специальный отдел для связи наркомата с ВЭУ. ВЭУ организовывали и обеспечивали перевозки по заданиям НКПС, ЦУП ВОСО, командования фронта, поддерживали в исправном состоянии подвижной состав, пути и технические сооружения. Обеспечивали в последующем по заданию советского правительства перевозки оборудования из Германии¹⁰⁷.

На территории Польши действовали ВЭУ №№ 4–6. ВЭУ-4 обслуживал 1-й Белорусский фронт по вопросам эксплуатации железных дорог Польши и Германии. В его состав входили ВЭО №№ 15 (Московско-Донбасской ж/д), 38 (Рязано-Уральской ж/д), 46 (Московско-Рязанской ж/д). Также в его подчинении работали ЧЭ-12, ЧЭ-13, 10 ОРКП (3 ОРКП на советской колее работали и 7 ОРКП на европейской колее). 1 июля 1945 г. в ВЭУ-4 работали 8 416 чел., а также 5 105 местных железнодорожников. По состоянию на 15 августа 1945 г. длина путей, которая эксплуатировалась ВЭУ-4, составляла 4 531 км.

С 25 февраля по 15 августа 1945 г. сотрудники ВЭУ-4 погрузили 229 740 вагонов (в том числе для фронта 1 500 вагонов), выгрузили 267 870 вагонов (из них 131 000 вагонов для фронта). С учетом того, что боевые действия закончились в Европе в мае 1945 г., основная масса фронтального снабжения от вышеуказанного объема была в марте – мае.

Сотрудники исследуемого ВЭУ участвовали в восстановлении и ремонте 10 основных и 8 оборотных паровозных депо, 36 пунктов водоснабжения локомотивов, 1 896 паровозов, 8 электростанций и 40 подстанций, 6 вагоноремонтных мастерских, 21 склада топлива. Было построено 23 км нового пути, перебито на советский стандарт 40 км европейской колеи, 95 стрелочных переводов. Восстановили дальнюю (магистральную) и станционную связь. Были перепрессованы на советский стандарт колеи 2 204 вагона.

Рассматриваемое ВЭУ также участвовало в демонтаже и отправке из Германии в СССР Бромбергского, Цеховского, Ресьидовского заводов, а также предприятия «Телефункен».

ВЭУ-5 обслуживало потребности 2-го Белорусского фронта, занималось эксплуатацией части железных дорог Восточной Пруссии, Польши и Германии. В состав ВЭУ входили ВЭО №№ 4 (Кировской ж/д), 7 (Калининской ж/д), 10 (Восточно-Сибирской ж/д) и 23 (Орджоникидзевской ж/д), ЧЭ-7, ЧЭ-14. 1 июля 1945 г. штат ВЭУ насчитывал 6 752 чел. и 776 местных железнодорожников. В зоне ответственности ВЭУ-5 были 140 км однопутных линий советского стандарта и 1 055 км линий с шириной колеи 1 435 мм [Ковалев, 1981, с. 369].

Помимо обеспечения нужд вышеуказанного фронта, ВЭУ-5 получало задания по погрузке и вывозу заводского оборудования Германии, верхнего строения пути немецких железных дорог (операция была выполнена до 1 августа 1945 г. с помощью 53 составов-вертушек), а также обеспечивало перевозки демобилизованных бойцов РККА. Для перевозки красноармейцев были сформированы силами ВЭУ-5 3 состава-вертушки, для перевозки репатриированных организованы были 5 составов-вертушек по 50 вагонов. Также из-за р. Одер были вывезены 180 трофейных паровозов. ВЭУ-5 оказывала помощь ВЭУ-1 в июле 1945 г. в перевозке 490 составов собственными локомотивами.

¹⁰⁷ Там же. ЛЛ. 210, 214–215, 217, 220–221, 234.

Кроме перевозочного процесса, коллектив ВЭУ-5 производил масштабные ремонтно-восстановительные работы на вверенном ему участке железных дорог: 42 паровоза (по плану был 31 локомотив), 3 408 вагонов, 449 вагонов переставлены на советские колесные пары стандарта 1 524 мм.

ВЭУ-6 создано было для обслуживания 1-го Белорусского фронта, а затем и 1-го Украинского фронта, впоследствии Центральной группы войск (ЦГВ) СССР. Добавим, что данное управление обслуживало, в частности, Домбровский угольный бассейн и Южную Силезию (крупный промышленный район) с большой сетью железных дорог. ВЭУ-6 включало в себя ВЭО №№ 14 (Московско-Курской ж/д), 24 (Северо-Кавказской ж/д), 35 (Куйбышевской ж/д), ЧЭ-9. Штат ВЭУ насчитывал 1 июля 1945 г. 7 417 чел. и имел в подчинении 3 515 местных железнодорожников. Эксплуатационная длина обслуживаемых железнодорожных путей составляла 110 км советского стандарта и 1 579 км однопутной европейской колеи. В марте 1945 г. ВЭУ-6 принимало ежедневно в среднем 712 вагонов, а в июле того же года – 1 579 вагонов (из них груженых – 671, порожних под погрузку – 907 вагонов). Выгружено было в марте и июле 1945 г. 1 046 и 480 вагонов соответственно. Участковая скорость поездов на подведомственных линиях в среднем составляла в марте 1945 г. 5,3 км/ч, а в июле того же года – 8,2 км/ч.

Таким образом, эксплуатационные характеристики железнодорожных путей ВЭУ-6 с каждым месяцем улучшались, лучше становилась и организация перевозочного процесса, и это несмотря на рост объемов перевозок. Также среднесуточный парк вагонов с марта по июль 1945 г. вырос с 2 276 до 15 030 единиц (практически в 6,6 раза). В течение июня – июля 1945 г. ВЭУ-6 активно вывозило оборудование (2 602 и 20 775 вагонов соответственно) и рельсы (1 143 и 3 095 вагонов соответственно)¹⁰⁸.

На перешитых линиях польских железных дорог под советский стандарт колеи закреплялись для работы с поездами особого резерва колонны паровозов (ОРКП) НКПС СССР. В Польше работали паровозные бригады и поездные вагонные мастера вместе с подвижным составом ОРКП № 5 (30 паровозов), ОРКП № 11 (20 паровозов), ОРКП № 20 (15 паровозов), ОРКП № 21 (15 паровозов), ОРКП № 35 (30 паровозов), ОРКП № 63 (20 паровозов), ОРКП № 110 (20 паровозов)¹⁰⁹.

К началу проведения Берлинской операции общая длина железнодорожной сети в полосе действия трех наступающих фронтов достигала 11 000 км. На каждом фронте было по одному главному направлению, перешитому на колею 1 524 мм. Здесь действовали 10 ВЭО и 5 ЧЭ. Они работали на наиболее напряженных направлениях протяженностью около 4 000 км. Остальные 7 000 км обслуживали местные железнодорожники. На основных прифронтовых линиях НКПС направил работать 17 ОРКП с 426 паровозами. В районе действия 1-го Белорусского фронта работали 6 ОРКП (№№ 5, 13, 20, 34, 35, 111), 2-го Белорусского 4 колонны (ОРКП №№ 15, 22, 33, 43) и 1-го Украинского 7 колонн (ОРКП №№ 10, 11, 21, 31, 44, 47, 110) [Конарев, 1987, с. 397].

На завершающем этапе Великой Отечественной войны одним из важнейших вопросов становится репатриация советских граждан, оказавшихся на территории Германии, Польши и других государств Европы. Транспортировка вышеуказанной категории советских граждан в СССР стала одной из задач железнодорожников в 1945 г. Весной победного года при каждом действовавшем фронте создавались по несколько фронтовых сборно-пересыльных пунктов, на которых происходило первоначальное сосредоточение советских граждан и военнопленных, освобожденных РККА. Также при каждом фронте были созданы территориальные сборно-пересыльные пункты. Например, при 1-м Украинском фронте пункты № 118 (г. Жешув), № 120 (г. Кельце), № 121 (г. Краков) [Долматов, 2015, с. 346]. Так, в марте 1945 г. со станций Польши, где скопилось значительное количество

¹⁰⁸ Там же. ЛЛ. 163, 202–206.

¹⁰⁹ Там же. ЛЛ. 229–230.

эвакуируемого из Польши населения УССР, начальники Ковельской и Львовской железных дорог обеспечивали перевозку этого населения на Украину в попутных порожних грузовых поездах, следующих назначением на Донбасс ¹¹⁰.

С третьей декады августа 1945 г. начался окончательный возврат на территорию Советского Союза специальных формирований Наркомпути, в частности из Польши. 20 августа 1945 г. глава НКПС СССР И.В. Ковалев издал приказ № С-788/Ц «О возвращении из Польши и Германии военно-эксплуатационных отделений и эксплуатационных железнодорожных полков», в соответствии с которым вышеуказанные подразделения возвращались по утвержденному плану на железные дороги Советского Союза. Начальник центрального управления службы движения (ЦД) Наркомпутя Б.П. Бещев по заявке начальника ЦВЭУ Каргина обеспечивал возвращавшиеся ВЭО и полки подвижным составом, продвижение которых обеспечивалось диспетчерским контролем по железнодорожным линиям маршрута следования поездов. По прибытии на дороги формирования (указаны выше по каждому отделению) ВЭО расформировывались, а их сотрудники возвращались к прежней работе на железных дорогах. Материально-техническое имущество рассматриваемых специальных формирований НКПС и специальные вагоны зачислялись в резерв Наркомпутя и надлежащим образом находились на хранении. Эксплуатационные железнодорожные полки использовались на железных дорогах назначения комплексно на выделенных объектах работы ¹¹¹.

Заключение

Таким образом, учитывая то, что польские железные дороги находились на пути стратегического наступления Красной Армии на нацистскую Германию, по железнодорожным линиям Польши проходило основное снабжение наших войск. От слаженности действий военных и железнодорожников во многом зависел успех наступательных операций против вермахта. Данное обстоятельство требовало от советского и польского руководства создания эффективной модели управления железнодорожным хозяйством республики, разработки новых подходов с целью реализации поставленных задач. Ввиду вышесказанного, на территории Польши в 1944 г. была создана во многом уникальная система управления стальными магистралями, одной из ключевых особенностей которой стало создание в октябре 1944 г. института уполномоченных ЦУП ВОСО РККА и НКПС СССР, главной задачей которого изначально было организовать быстрое и беспрепятственное продвижение воинских контингентов и грузов, а после завершения боевых действий – вывоз из Германии грузов для нужд Польской Республики и СССР.

Не менее значимой была работа ВЭУ, а также специальных железнодорожных формирований НКПС СССР. Вместе с польскими железнодорожниками они восстанавливали перегоны и станции, налаживали железнодорожные перевозки в первую очередь для нужд местной экономики и населения, а также советской промышленности (западных районов Советского Союза). В целом отметим, что в конце 1944 – середине 1945 гг. вышеуказанные органы управляли на территории Польши железнодорожными линиями, общая протяженность которых была около 15 000 км. При этом задачи, несмотря на сложность военного времени и масштабные разрушения, в целом были выполнены. Поэтому вышеуказанная система администрирования польским железнодорожным транспортом на завершающем этапе войны заслуживает положительной оценки.

Список источников

Атлас железных дорог России и сопредельных государств. 2002. Под ред. Н.П. Лагутиной. Омск, ФГУП «Омская картографическая фабрика», 253 с.

¹¹⁰ Центральный государственный архив общественных объединений (ЦГАОО) Украины. Ф. 1. Оп. 77. Д. 169. Л. 49.

¹¹¹ Музей железных дорог России. Отчет о мобилизации железных дорог Советского Союза. ЛЛ. 167, 168.

- Долматов В. 2015. Альбом «Главные документы Великой Отечественной войны 1941–1945». М., Изд-во «Комсомольская правда», 400 с.
- Музей железных дорог России. Отчет о мобилизации железных дорог Советского Союза (по мобплану 1941 г) в 4-х томах. Т. 2. 1947–1948. Под общей редакцией директор-полковника движения В.В. Звонарева. ЦВМО МПС СССР, 244 с. Электронная книга. URL: <https://rzd-museum.ru/expositions/archive> (дата обращения: 25.02.2023 г.).
- Освобождение Польши. Министерство обороны РФ. Электронный ресурс. URL: <https://poland1944.mil.ru/> (дата обращения: 25.02.2023 г.).
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1884 Министерство путей сообщения СССР. Оп. 49-с. Д. 1682.
- Сектор архивов ГП «Донецкая железная дорога» (СА ДонЖД). Ф. 32. История Донецкой железной дороги. Оп. 384. Д. 234.
- Схемы железных дорог и водных путей сообщения СССР. 1943. Под ред. Л.И. Шалыта. М., Воениздат НКО, 85 с.
- Центральный государственный архив общественных объединений (ЦГАОО) Украины. Ф. 1. Центральный комитет компартии Украины. Оп. 77. Д. 169.

Список литературы

- Буряк Ю.Ю. 2017. Северо-Донецкая и Южно-Донецкая железные дороги накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1937–1945 гг. Дисс. ... кандидата исторических наук. Белгород, 247 с.
- Вульф А. 2018. История железных дорог Российской империи. М., РИПОЛ классик, 744 с.
- Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945. 2-е изд., доп. 1987. Под ред. министра путей сообщения Н.С. Конарева. М., Транспорт, 591 с.
- История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2: 1917–1945 гг. 1997. Под общ. ред. В.Е. Павлова, М.М. Уздина. СПб., ОАО «Иван Федоров», 416 с.
- История железнодорожного транспорта СССР. Т. 3: 1945–1991 гг. 2004. Под общ. ред. В.Д. Кузьмича, Б.А. Левина. М. – Иваново, ОАО «Ивановская областная типография», 631 с.
- История железнодорожного транспорта России: учебное пособие. 2012. Под ред. А.В. Гайдамакина, В.А. Четвергова. М., ФГБОУ «Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте», 312 с.
- Клименко К.Х., Алдакимов Д.К. 1992. Пам'ятатимемо донбаські перегоні: нариси. Донецьк, «Донбас», 303 с.
- Ковалев И.В. 1981. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М., Наука, 480 с.
- Куманев Г.А. 1976. На службе фронта и тыла: железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945). М., Наука, 455 с.
- Куманев Г.А. 1988. Война и железнодорожный транспорт СССР (1941–1945). М., Наука, 368 с.
- Лиддел Гарт Б.Г. 1999. Вторая мировая война. Сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. М., ООО «Фирма «Издательство АСТ», 944 с.
- Олейник Б.С. 1995. Юго-Западная железная дорога. Вчера. Сегодня. Завтра. 1870–1995 гг. Киев, Транспорт Украины, 243 с.
- Шаповалов В.А., Буряк Ю.Ю. 2023. Организация Советским Союзом эксплуатации зарубежных железных дорог в годы Второй мировой войны. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 185–196. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-185-196

References

- Buryak Yu.Yu. 2017. Severo-Donetskaya i Yuzhno-Donetskaya zheleznye dorogi nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1937–1945 gg. [North-Donetsk and South-Donetsk railways on the eve and during the Great Patriotic War. 1937–1945] Diss. ... kandidata istoricheskikh nauk. Belgorod, 247 s. (in Russian).
- Vul'fov A. 2018. Istoriya zheleznykh dorog Rossiyskoy imperii [History of the Railways of the Russian Empire]. M., RIPOL klassik, 744 s. (in Russian).
- Zheleznodorozhniki v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 [Railway workers in the Great Patriotic War 1941–1945]. 2-e izd., dop. 1987. Pod red. ministra putey soobshcheniya N.S. Konareva. M., Transport, 591 s. (in Russian).

- Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii i Sovetskogo Soyuz. T. 2: 1917–1945 gg. [History of railway transport in Russia and the Soviet Union. Vol. 2: 1917–1945. 1997] 1997. Pod obshch. red. V.E. Pavlova, M.M. Uzdina. SPb., OAO «Ivan Fedorov», 416 s. (in Russian).
- Istoriya zheleznodorozhnogo transporta SSSR. T. 3: 1945–1991 gg. [History of railway transport of the USSR. Vol. 3: 1945–1991] 2004. Pod obshch. red. V.D. Kuz'micha, B.A. Levina. M. – Ivanovo, OAO «Ivanovskaya oblastnaya tipografiya», 631 s. (in Russian).
- Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii: uchebnoe posobie [History of railway transport in Russia: textbook]. 2012. Pod red. A.V. Gaydamakina, V.A. Chetvergova. M., FGBOU «Uchebno-metodicheskiy tsentr po obrazovaniyu na zheleznodorozhnom transporte, 312 s. (in Russian).
- Klimenko K.Kh., Aldakimov D.K. 1992. Pam'yatimemo donbas'ki peregoni: narisi [In memory of the Donbass haul: draw]. Donets'k, «Donbas», 303 s.
- Kovalev I.V. 1981. Transport v Velikoy Otechestvennoy voyne (1941–1945 gg.) [Transport in the Great Patriotic War (1941–1945)]. M., Nauka, 480 s. (in Russian).
- Kumanev G.A. 1976. Na sluzhbe fronta i tyl: zheleznodorozhnyy transport SSSR nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1938–1945) [In the service of the front and rear: railway transport of the USSR on the eve and during the Great Patriotic War (1938–1945)]. M., Nauka, 455 s. (in Russian)
- Kumanev G.A. 1988. Voyna i zheleznodorozhnyy transport SSSR (1941–1945) [War and railway transport of the USSR (1941–1945)]. M., Nauka, 368 s. (in Russian).
- Liddel Gart B.G. 1999. Vtoraya mirovaya voyna. Sost. S. Pereslegin, R. Ismailov [World War II. Comp. S. Pereslegin, R. Ismailov]. M., OOO «Firma «Izdatel'stvo AST», 944 s. (in Russian).
- Oleynik B.S. 1995. Yugo-Zapadnaya zheleznyaya doroga. Vchera. Segodnya. Zavtra. 1870–1995 gg. [Southwestern Railway. Yesterday. Today. Tomorrow. 1870–1995] Kiev, Transport Ukrainy, 243 s.
- Shapovalov V.A., Buryak Yu.Yu. 2023. Organizatsiya Sovetskim Soyuzom ekspluatatsii zarubezhnykh zheleznykh dorog v gody Vtoroy mirovoy voyny [Organization by the Soviet Union of the operation of foreign railways during the Second World War]. Via in tempore. Istoriya. Politologiya. 50 (1): 185–196. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-185-196 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.03.2023

Received 26.03.2023

Поступила после рецензирования 15.05.2023

Revised 15.05.2023

Принята к публикации 16.05.2023

Accepted 16.05.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Буряк Юрий Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия

[ORCID: 0000-0002-7840-4975](https://orcid.org/0000-0002-7840-4975)

Yuri Yu. Buryak, associate professor of the Department of Sociology and management, candidate of historical sciences, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia

Шаповалов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

[ORCID: 0000-0003-1699-1956](https://orcid.org/0000-0003-1699-1956)

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Record Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 327.8

DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-495-502

Оригинальное исследование

Специфика принятия внешнеполитических решений в СССР

Пашковский П.И.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Россия, 295007, Симферополь, просп. Академика Вернадского, 4
E-mail: petr.pash@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности системы принятия внешнеполитических решений в СССР. На основе анализа отечественной и зарубежной историографии проблемы обоснованы степень актуальности и научной разработанности темы исследования. Показано, что внешнеполитический механизм Советского Союза прошёл через несколько этапов эволюции, каждый из которых характеризовался своей спецификой. При этом стабильная система принятия внешнеполитических решений в СССР, которая отличалась коллегиальностью, сформировалась только в 1960-е гг. Раскрыты особенности влияния советских представительных институтов на процесс формирования и реализации государственной внешней политики. Установлено, что субъектность парламента во внешнеполитическом процессе Советского Союза увеличивается только в 1989–1991 гг.

Ключевые слова: СССР, внешнеполитический механизм, внешнеполитический процесс, внешнеполитические решения, внешняя политика, международные отношения

Для цитирования: Пашковский П.И. 2023. Специфика принятия внешнеполитических решений в СССР. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 495–502. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-495-502

The Specifics of Making Foreign Policy Decisions in the USSR

Petr I. Pashkovsky

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
4 Academician Vernadsky Ave., Simferopol 295007, Russia
E-mail: petr.pash@yandex.ru

Abstract. The article considers the features of the system for making foreign policy decisions in the USSR. The methodological basis of the study is the provisions of the paradigm of neorealism, which determines the expediency of using the system and structural-functional approaches. Taking into account the indicated methodological base, the following methods were applied in the study: institutional method, retrospective analysis (historical-genetic method), activity method. Based on the analysis of domestic and foreign historiography of the problem, the degree of relevance and scientific development of the research topic have been substantiated. It is shown that the foreign policy mechanism of the Soviet Union went through several stages of evolution, each of which was characterized by its own specifics. At the same time, a stable system for making foreign policy decisions in the USSR, which was distinguished by collegiality, was formed only in the 1960s. Features of the influence of Soviet representative institutions on the process of formation and

implementation of state foreign policy have been revealed. It has been established that the subjectivity of the parliament in the foreign policy process of the Soviet Union increased only in 1989–1991.

Keywords: USSR, foreign policy mechanism, foreign policy process, foreign policy decisions, foreign policy, international relations

For citation: Pashkovsky P.I. 2023. The Specifics of Making Foreign Policy Decisions in the USSR. *Via in tempore. History and Political Science*, 50 (2): 495–502 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-495-502

Введение

На фоне значительного увеличения вызовов и угроз национальной безопасности России вследствие обострения конфронтации с коллективным Западом, появления очагов нестабильности и вооружённых конфликтов вблизи российских государственных границ, а также общего нарастания международной напряжённости [Баранов, 2022; Жильцов, 2022; Пашковский, 2022] возникает императив повышения эффективности её внешней политики. Опыт международно-политического анализа показывает, что функциональная внешнеполитическая деятельность государства всегда является производной глубинного исследования эволюции и традиционных характеристик его внешнеполитического механизма [Косолапов, 2001; Пашковский, 2016]. В этом смысле изучение особенностей системы принятия внешнеполитических решений в СССР, наследницей которого (в том числе в плане институционального опыта [Аверков, 2012; Тренин, 2015; Пашковский, 2021] и необходимости решения перманентных геополитических проблем) выступает Российская Федерация, может оказать содействие в усовершенствовании её современного механизма формирования и реализации внешней политики [Пашковский, 2023].

В отечественном научном дискурсе [Федоров, 1999; Косолапов, 2001; Салмин, 2001; Борков, 2004; Косачев, 2004; Кортунов, 2007; Аверков, 2012; Никонов, 2014; Тренин, 2015] вопросы, связанные со спецификой выработки и осуществления внешнеполитических решений в Советском Союзе, рассматривались, как правило, ситуативно в контексте описания определённых примеров, оставляя за скобками характеристику данной системы и механизма. Зарубежные авторы [Garthoff, 1994; Matlock, 1995; Noguee, Mitchell, 1996; Legvold, 2001; Donaldson, Noguee, 2005; Cohen, 2007; Blank, 2008; Cohen, 2009; Osipovich, 2010; Kanet, 2011; Kotkin, 2016; Roberts, 2017] изучали преимущественно типичные черты советского внешнеполитического механизма, акцентируя внимание на позициях руководства в каждом конкретном случае, однако не осуществляя глубинного анализа существенных характеристик. Обзор степени разработанности указанной проблемы показывает высокую актуальность исследований в обозначенном направлении.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является механизм формирования и реализации внешней политики СССР. Предметом выступает система принятия внешнеполитических решений в Советском Союзе.

Методологической основой исследования представляются положения парадигмы неореализма, что обуславливает целесообразность использования системного и структурно-функционального подходов. С учётом заявленной методологической базы были применены следующие исследовательские методы. Выявлению роли определённых институтов в процессе принятия внешнеполитических решений способствовал институциональный метод. Ретроспективный анализ (историко-генетический метод) оказал содействие в определении традиционных черт отечественного внешнеполитического механизма в контексте их проявления на разных этапах его эволюции, а также в выделении в этом отношении общих тенденций и закономерностей. Применение деятельностного метода помогло раскрыть харак-

теристики субъектов принятия внешнеполитических решений в ракурсе их восприятия международно-политических проблем и участия во внешнеполитическом процессе.

Результаты и их обсуждение

Принято считать, что действующая система внешнеполитического механизма СССР значительно отличалась от соответствующих норм, прописанных в разных редакциях Конституции [Пашковский, 2023]. В период до Великой Отечественной войны руководство внешней политикой государства осуществляли Политбюро ЦК ВКП(б) – высшая партийная инстанция – и лично И.В. Сталин. Когда возникала необходимость, решения обозначенных субъектов становились постановлениями Верховного Совета СССР, указами его Президиума и постановлениями Совета народных комиссаров, которые реализовывались аппаратом Наркоматов иностранных дел и внешней торговли. При этом нарком иностранных дел был советником по международно-политическим вопросам фактического главы государства, осуществляя руководство профильным исполнительным аппаратом и вместе с тем не играя решающей роли во внешнеполитической сфере [Косолапов, 2001; О механизме координации..., 2002; Кортуннов, 2007].

В середине 1950-х гг. происходит определённая трансформация советского механизма принятия внешнеполитических решений, который начинает характеризоваться коллективным руководством. Впоследствии в 1960-х гг. вопросы, связанные с обеспечением эффективности концептуального контроля, формированием и реализацией внешней политики (учитывая позиции разных государственных институтов и необходимость преодолевать проявляющуюся межведомственную ограниченность), решались в аппарате ЦК КПСС, обладавшем требующимися полномочиями, информацией и экспертами. Реализация концептуального контроля деятельности внешнеполитических ведомств и согласование их подходов происходила через межведомственные комиссии, которые предоставляли Политбюро ЦК КПСС (высшей инстанции, принимавшей итоговые решения), перечень соответствующих предложений [Федоров, 1999].

Исходя из имеющихся данных, в брежневский период процесс принятия внешнеполитических решений в СССР характеризовался коллегиальностью [Аверков, 2012]. При ЦК КПСС существовала Межведомственная комиссия (т. н. «пятёрка»), выступавшая координационным механизмом выработки государственной политики в сфере национальной безопасности. Она занималась подготовкой решений, основывавшихся на материалах Министерства иностранных дел, Министерства обороны, Комитета государственной безопасности, Комиссии Совета министров СССР по военно-промышленным вопросам и Оборонного отдела ЦК КПСС [Кортуннов, 2007].

В свою очередь, прерогативой Политбюро ЦК КПСС – в его узком составе и с учётом прямого рабочего контакта с заведующими некоторыми отделами ЦК – являлась внешняя политика союзных республик. Министр иностранных дел был членом Политбюро, а системный контроль над внешней политикой Советского Союза располагался в рамках круга членов Политбюро и секретарей ЦК. Это означало, что советский механизм принятия и реализации внешнеполитических решений в указанный период фактически целиком замыкался на ЦК КПСС [Косолапов, 2001, с. 14].

Охарактеризованная специфика формирования внешней политики государства в общих чертах существовала и в годы «перестройки», в сущности, вырабатываясь в узком кругу уполномоченных лиц. По свидетельству очевидцев, внешнеполитические позиции (особенно по стратегически важным вопросам) в СССР определялись коллегиально в процессе трудных, иногда затяжных межведомственных согласований. В частности, в этот период советские переговорные подходы по проблемам ограничения вооружений согласовывались в формате т. н. «пятёрки»: представители ЦК, Министерства иностранных дел, Министерства обороны, Комитета государственной безопасности и военно-

промышленной комиссии Совета министров. Так, условно на первом уровне данной системы находилась «большая пятёрка», состоящая из руководителей ведомств или их заместителей и формирующая основу. На втором уровне располагалась «малая пятёрка», в которую входили профильные эксперты, отрабатывавшие технические вопросы. Следствием их взаимодействия становились «директивы» как руководство к планируемым переговорам [Чернозатонская, 2016].

В этом отношении система государственного внешнеполитического механизма в период 1985–1991 гг. выглядела следующим образом. Сначала соответствующая информация попадала и анализировалась в Международном отделе ЦК КПСС. Затем она оказывалась в Политбюро ЦК КПСС, где происходило согласование ведомственных и республиканских интересов. После этого внешнеполитическая информация, обретая форму установок, передавалась в Министерство иностранных дел СССР (глава которого также являлся членом Политбюро), осуществлявшее их реализацию [Салмин, 2001, с. 136].

Что касается роли представительных институтов во внешнеполитическом процессе Советского Союза, то таковые – в частности, Верховный Совет СССР – обладали в этом контексте низкой субъектностью, не располагая действенными возможностями влияния на систему принятия внешнеполитических решений [Ерёменко, 2013]. Только в 1989–1991 гг. значение реформированного парламента во внешней политике Советского Союза возрастает. В эти годы Верховный Совет предпринимает ряд крупных дипломатических и международно-политических акций, охватывавших актуальные вопросы международной политики, в русле реализации курса, который был утверждён Съездом народных депутатов [Моисеенко, 1992]. Однако при увеличении внешнеполитической субъектности представительных институтов сложившаяся советская система принятия внешнеполитических решений – с учётом введения в 1990 г. поста Президента СССР, который имел широкие полномочия в сфере государственной внешней политики – существенно не изменилась [Пашковский, 2023].

Заключение

Исходя из сказанного, можно выделить следующие особенности системы принятия внешнеполитических решений в СССР.

Механизм формирования и реализации внешней политики Советского Союза пережил несколько этапов эволюции. Первоначально, в период до Великой Отечественной войны, руководство государственной внешней политикой осуществляло Политбюро ЦК ВКП(б) и лично И.В. Сталин, чьим советником был нарком иностранных дел. Принимаемые внешнеполитические решения при необходимости были оформлены постановлениями Верховного Совета СССР, указами его Президиума и постановлениями Совета народных комиссаров, реализовываясь аппаратом Наркомата иностранных дел и внешней торговли.

Примерно с середины 1950-х гг. процесс принятия внешнеполитических решений отмечается наличием обсуждения и коллегиальным характером, который оформляется в брежневский период. В этом плане механизмом координации становится Межведомственная комиссия ЦК КПСС, в которую традиционно входило пять высших государственных чиновников – представители ЦК, Министерства иностранных дел, Министерства обороны, Комитета государственной безопасности, Комиссии Совета Министров по военно-промышленным вопросам. Поэтому данная комиссия получила условное название «пятёрка». Роль высшей инстанции, которая принимает итоговые решения, в данной системе отводилась Политбюро ЦК КПСС.

В годы «перестройки» схема функционирования внешнеполитического механизма СССР несколько изменилась. Вопросами, связанными с поступлением информации, её первичной обработкой и выработкой рекомендаций, занимался Международный отдел ЦК КПСС. Согласование ведомственных и республиканских интересов происходило на уровне

Политбюро ЦК КПСС. Реализация полученных установок осуществлялась через Министерство иностранных дел, руководитель которого, что показательно, был членом Политбюро.

После появления в 1990 г. поста Президента СССР происходит, с одной стороны, некоторое увеличение значения главы государства во внешнеполитическом процессе, с другой стороны, сложившаяся система принятия внешнеполитических решений продолжает оставаться функциональной.

Следует отметить, что влияние представительных институтов на механизм формирования и реализации государственной внешней политики в Советском Союзе было незначительным. Субъектность парламента увеличивается только в последние годы существования СССР, когда реформированный Верховный Совет предпринимает заметные шаги, связанные с обеспечением внешнеполитической деятельности. Однако это не оказало существенного воздействия на сложившуюся систему принятия внешнеполитических решений.

Список литературы

- Аверков В. 2012. Принятие внешнеполитических решений в России. Международные процессы, 10: 2 (29). URL: <http://www.intertrends.ru/old/twenty-ninth/11.htm> (дата обращения: 15.03.2023).
- Балуев Д.Г. 2002. Внутренние факторы, влияющие на российскую внешнюю политику. В кн.: Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в 4-х томах / Ред.-сост. Т.А. Шаклеина. Т. I. Исследования. Москва, Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России, Российская ассоциация международных исследований, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование.)»: 351–382.
- Баранов А.В. 2022. Задачи российской геополитики в Черноморском регионе в условиях специальной военной операции на Украине. В кн.: Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: история, политика, культура: Материалы Международной научно-практической конференции / Отв. ред. В.В. Касьянов, А.В. Баранов. Краснодар, Кубанский гос. ун-т: 10–15.
- Борков А.В. 2004. Процесс формирования внешней политики в РФ и российское общество. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Международные отношения. Политология. Регионоведение, 1: 40–44.
- Ерёменко В.И. 2013. Российский парламентаризм: политологические, правовые и социально-культурные аспекты. СПб., Издательство политехнического университета, 166.
- Жильцов С.С. 2022. Политика Запада в отношении Украины: итоги и вызовы для России. Проблемы постсоветского пространства, 9 (2): 138–150. doi: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-2-138-15>
- Кортунов С.В. 2007. Существует ли в России механизм координации внешнеполитических решений? URL: <http://www.wpec.ru/text/200707271137.htm> (дата обращения: 15 марта 2023).
- Косачев К.И. 2004. Внешнеполитическая вертикаль. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vneshnepoliticheskaya-vertikal/> (дата обращения: 15.03.2023).
- Косолапов Н. 2001. Становление субъекта российской внешней политики. Pro et Contra, 6 (1–2): 7–30.
- Моисеенко С.А. 1992. Внешнеполитические аспекты деятельности союзного парламента СССР в 1985–1991 годах: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 15 с.
- Никонов В.А. 2014. Российская матрица. М., ООО «Русское слово-учебник», 992 с.
- О механизме координации принятия и реализации решений в сфере внешней политики и международных отношений Российской Федерации (аналитический доклад) / Авт. колл.: В.М. Соловьёв, А.А. Коробейников, С.В. Кортунов, М.А. Краснов / Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации, Экспертный совет Комитета Совета Федерации по международным делам. Москва: Совет Федерации, 2002. 60 с.
- Пашковский П.И. 2016. Внешнеполитический механизм: проблемные теоретические аспекты исследования. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология, 16 (4): 452–456. doi: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-452-456

- Пашковский П.И. 2021. Особенности внешнеполитического механизма Российской Федерации. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология, 21 (3): 340–346. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-340-346>
- Пашковский П.И. 2022. Опыт и перспективы взаимодействия России и современной мир-системы. Проблемы постсоветского пространства, 9 (3): 327–337. doi: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-327-337>
- Пашковский П.И. 2023. Внешнеполитическая деятельность Государственной Думы Российской Федерации: генезис, эволюция, перспективы. Симферополь, ИП Бровка А.А., 398 с.
- Салмин А.М. 2001. Изнанка внешней политики. В кн.: Российская политика на рубеже веков (избранные статьи). К десятилетию фонда «Российский общественно-политический центр» / Глав. ред., председ. Совета А.М. Салмин. Москва, Летний сад: 102–210.
- Тренин Д.В. 2015. Россия и мир в XXI веке. Москва, Издательство «Эксмо», 384 с.
- Федоров Ю.Е. 1999. Движущие силы внешней политики Российской Федерации. В кн.: Современные международные отношения / Под. ред. А.В. Торкунова. Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 584с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/tork/17.php (дата обращения: 15.03.2023).
- Чернозатонская Е. 2016. Павел Палажченко. Понимание на высшем уровне. URL: <http://hbr-russia.ru/karera/kommunikatsii/a17241/> (дата обращения: 15.03.2023).
- Blank S.J. 2008. Towards a New Russia Policy. Carlisle Barracks, SSI US Army War College, 146 с.
- Cohen A. 2007. Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy. URL: <http://www.heritage.org/Research/Reports/2007/11/Domestic-Factors-Driving-Russias-Foreign-Policy> (accessed: 15.03.2023).
- Cohen S.F. 2009. Soviet Fates and Lost Alternatives: from Stalinism to the New Cold War. N.Y., Columbia University Press, 308 с.
- Donaldson R.H., Noguee J.L. 2005. The Foreign Policy of Russia: Changing Systems, Enduring Interests. N.Y., M.E. Sharpe, 419 с.
- Garthoff R. 1994. The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold war. Washington, Brookings institution, Cop, 814 с.
- Kanet R.E. 2011. Russian Foreign Policy in the 21st Century. N.Y., Palgrave Macmillan, 296 с.
- Kotkin S. 2016. Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern. Foreign Affairs, 95 (3): 2–9.
- Legvold R. 2001. Russia's Unformed Foreign Policy. Foreign Affairs. 80 (5): 62–75.
- Matlock J.F. 1995. Autopsy on an Empire: the American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union. N.Y., Random House, 836 с.
- Noguee J.L., Mitchell R.J. 1996. Russian Politics. The Struggle for a New Order. Boston, London, Allyn and Bacon, 200 с.
- Osipovich A. 2010. Putin, not Medvedev, Remains Master of Russian Foreign Policy. Available at: <https://eurasianet.org/putin-not-medvedev-remains-master-of-russian-foreign-policy> (accessed: 15.03.2023).
- Roberts K. 2017. Understanding Putin: The Politics of Identity and Geopolitics in Russian Foreign Policy. International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. 72 (1): 28–55.

References

- Averkov V. 2012. Prinjatie vneshnepoliticheskikh reshenij v Rossii [Making Foreign Policy Decisions in Russia]. Mezhdunarodnye processy, 10. 2 (29). Available at: <http://www.intertrends.ru/old/twenty-ninth/11.htm> (accessed: 15.03.2023) (in Russian).
- Baluev D.G. 2002. Vnutrennie faktory, vlijajushhie na rossijskiju vneshnjuju politiku [Internal Factors Influencing Russian Foreign Policy]. V kn.: Vneshnjaja politika i bezopasnost' sovremennoj Rossii. 1991–2002. Hrestomatija v 4-h tomah [Foreign Policy and Security of Modern Russia. 1991–2002. Reader in 4 Volumes] / Red.-sost. T.A. Shackleina. T. I. Issledovanija. M., Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnyh otnoshenij (U) MID Rossii, Rossijskaja asociacija mezhdunarodnyh issledovanij, ANO «INO-Centr (Informacija. Nauka. Obrazovanie.)»: 351–382 (in Russian).
- Baranov A.V. 2022. Zadachi rossijskoj geopolitiki v Chernomorskom regione v uslovijah special'noj voennoj operacii na Ukraine [The tasks of Russian Geopolitics in the Black Sea Region in the

- Context of a Special Military Operation in Ukraine]. V kn.: Chernomorsko-Sredizemnomorskij region v kontekste nacional'nyh interesov Rossii: istorija, politika, kul'tura: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [The Black Sea-Mediterranean Region in the Context of Russia's National Interests: History, Politics, Culture: Materials of the International Scientific and Practical Conference] / Otv. red. V.V. Kas'janov, A.V. Baranov. Krasnodar, Kubanskij gos. un-t: 10–15 (in Russian).
- Borkov A.V. 2004. Process formirovanija vneshnej politiki v RF i rossijskoe obshhestvo [The Process of Foreign Policy Formation in the Russian Federation and Russian Society]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija. Politologija. Regionovedenie, 1: 40–44 (in Russian).
- Erjomenko V.I. 2013. Rossijskij parlamentarizm: politologicheskie, pravovye i social'no-kul'turnye aspekty [Russian Parliamentarism: Political Science, Legal and Socio-Cultural Aspects]. SPb., Izdatel'stvo politehnicheskogo universiteta, 166 p. (in Russian).
- Zhil'cov S.S. 2022. Politika Zapada v otnoshenii Ukrainy: itogi i vyzovy dlja Rossii [Western Policy towards Ukraine: Outcomes and Challenges for Russia]. Problemy postsovetskogo prostranstva, 9 (2): 138–150. doi: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-2-138-15> (in Russian).
- Kortunov S.V. 2007. Sushhestvuet li v Rossii mehanizm koordinacii vneshnepoliticheskikh reshenij? [Does Russia have a Mechanism for Coordinating Foreign Policy Decisions?]. Available at: <http://www.wpec.ru/text/200707271137.htm> (accessed: 15.03.2023) (in Russian).
- Kosachev K.I. 2004. Vneshnepoliticheskaja vertikal' [The Foreign Policy Vertical]. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/vneshnepoliticheskaja-vertikal/> (accessed: 15.03.2023) (in Russian).
- Kosolapov N. 2001. Stanovlenie sub#ekta rossijskoj vneshnej politiki [Formation of the Subject of Russian Foreign Policy]. Pro et Contra, 6 (1–2): 7–30 (in Russian).
- Moiseenko S.A. 1992. Vneshnepoliticheskie aspekty dejatel'nosti sojuznogo parlamenta SSSR v 1985–1991 godah [Foreign Policy Aspects of the Activities of the Union Parliament of the USSR in 1985–1991]. Abstract. dis. ... cand. hist. sciences. Moskva, 15 p. (in Russian).
- Nikonov V.A. 2014. Rossijskaja matrica [The Russian Matrix]. M., OOO «Russkoe slovo-uchebnik», 992 p. (in Russian).
- O mehanizme koordinacii prinjatija i realizacii reshenij v sfere vneshnej politiki i mezhdunarodnyh otnoshenij Rossijskoj Federacii (analiticheskij doklad) [On the Mechanism for Coordinating the Adoption and Implementation of Decisions in the Sphere of Foreign Policy and International Relations of the Russian Federation (Analytical Report)]. Avt. koll.: V.M. Solov'jov, A.A. Korobejnikov, S.V. Kortunov, M.A. Krasnov / Analiticheskoe upravlenie Apparata Soveta Federacii, Jekspertnyj sovet Komiteta Soveta Federacii po mezhdunarodnym delam. Moskva, 2002. 60p. (in Russian).
- Pashkovsky P.I. 2016. Vneshnepoliticheskij mehanizm: problemnye teoreticheskie aspekty issledovanija [Foreign Policy Mechanism: Problematic Theoretical Aspects of Research]. Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Sociologija. Politologija, 16 (4): 452–456. doi: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-452-456 (in Russian).
- Pashkovsky P.I. 2021. Osobennosti vneshnepoliticheskogo mehanizma Rossijskoj Federacii [Features of the Foreign Policy Mechanism of the Russian Federation]. Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Sociologija. Politologija, 21 (3): 340–346. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-340-346> (in Russian).
- Pashkovsky P.I. 2022. Opyt i perspektivy vzaimodejstviya Rossii i sovremennoj mir-sistemy [Experience and Prospects of Interaction between Russia and the Modern World System]. Problemy postsovetskogo prostranstva, 9 (3): 327–337. doi: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-327-337> (in Russian).
- Pashkovsky P.I. 2023. Vneshnepoliticheskaja dejatel'nost' Gosudarstvennoj Dumy Rossijskoj Federacii: genezis, jevoljucija, perspektivy [Foreign Policy Activity of the State Duma of the Russian Federation: Genesis, Evolution, Prospects]. Simferopol', IP Brovko A.A., 398 (in Russian).
- Salmin A.M. 2001. Iznanka vneshnej politiki [The Underside of Foreign Policy]. V kn.: Rossijskaja politija na rubezhe vekov (izbrannye stat'i). K desjatiletiju fonda «Rossijskij obshhestvenno-politicheskij centr» [Russian Politia at the Turn of the Century (Selected Articles). On the Occasion of the Tenth Anniversary of the “Russian Socio-Political Center” Foundation]. Glav. red., preds. Soveta A.M. Salmin. Moskva, Letnij sad: 102–210 (in Russian).

- Trenin D. 2015. Rossiya i mir v XXI veke [Russia and the World in the XXI Century]. Moskva, Izdatel'stvo «Jeksmo», 384 p. (in Russian).
- Fedorov Ju.E. 1999. Dvizhushhie sily vneshnej politiki Rossijskoj Federacii [Driving Forces of Foreign Policy of the Russian Federation]. V kn.: Sovremennye mezhdunarodnye otnoshenija [Modern International Relations] / Pod. red. A.V. Torkunova. Moskva, «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN), 584 p. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/tork/17.php (accessed: 15.03.2023) (in Russian).
- Chernozatonskaja E. 2016. Pavel Palazhchenko. Ponimanie na vysshem urovne [Pavel Palazhchenko. Understanding at the Highest Level]. Available at: <http://hbr-russia.ru/karera/kommunikatsii/a17241/> (accessed: 15.03.2023) (in Russian).
- Blank S.J. 2008. Towards a New Russia Policy. Carlisle Barracks, SSI US Army War College, 146 c.
- Cohen A. 2007. Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy. URL: <http://www.heritage.org/Research/Reports/2007/11/Domestic-Factors-Driving-Russias-Foreign-Policy> (accessed: 15.03.2023).
- Cohen S.F. 2009. Soviet Fates and Lost Alternatives: from Stalinism to the New Cold War. N.Y., Columbia University Press, 308 c.
- Donaldson R.H., Noguee J.L. 2005. The Foreign Policy of Russia: Changing Systems, Enduring Interests. N.Y., M.E. Sharpe, 419 c.
- Garthoff R. 1994. The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold war. Washington, Brookings institution, Cop, 814 c.
- Kanet R.E. 2011. Russian Foreign Policy in the 21st Century. N.Y., Palgrave Macmillan, 296 c.
- Kotkin S. 2016. Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern. Foreign Affairs, 95 (3): 2–9.
- Legvold R. 2001. Russia's Unformed Foreign Policy. Foreign Affairs. 80 (5): 62–75.
- Matlock J.F. 1995. Autopsy on an Empire: the American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union. N.Y., Random House, 836 c.
- Nogee J.L., Mitchell R.J. 1996. Russian Politics. The Struggle for a New Order. Boston, London, Allyn and Bacon, 200 c.
- Osipovich A. 2010. Putin, not Medvedev, Remains Master of Russian Foreign Policy. Available at: <https://eurasianet.org/putin-not-medvedev-remains-master-of-russian-foreign-policy> (accessed: 15.03.2023).
- Roberts K. 2017. Understanding Putin: The Politics of Identity and Geopolitics in Russian Foreign Policy. International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. 72 (1): 28–55.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.03.2023

Received 26.03.2023

Поступила после рецензирования 20.04.2023

Revised 20.04.2023

Принята к публикации 12.05.2023

Accepted 12.05.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пашковский Пётр Игоревич, доктор политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, Россия

Petr I. Pashkovsky, Doctor of Political Science, Docent, Associate Professor of the Department of Political Science and International Relations, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Republic of Crimea, Russia

 [ORCID: 0000-0001-5403-3797](https://orcid.org/0000-0001-5403-3797)

УДК 327

DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-503-514

Оригинальное исследование

«Икс-15» против «Спутника»: тема космоса в советской и американской выставочной дипломатии 1959 г.

Фоминых А.Е.

Марийский государственный университет,
Россия, Республика Марий Эл, 424000, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлевская, д. 44
E-mail: alexfom@volgatech.net

Аннотация. Тема покорения космоса неизменно присутствовала в сюжетах пропаганды, которую в годы Холодной войны вели две соперничающие сверхдержавы – Соединенные Штаты Америки и Советский Союз. Удобной площадкой для демонстрации достижений в развитии науки и передовых технологий стали Национальные выставки, проведенные в 1959 году, – советская в Нью-Йорке и американская в Москве. Благодаря запуску первого искусственного спутника Земли в октябре 1957 года СССР на несколько лет обеспечил себе лидирующие позиции в освоении космоса, что в полной мере отразилось в программе советской выставки. В свою очередь, Соединенные Штаты, находясь в положении «догоняющей» стороны на начальном этапе «космической гонки», намеренно отвлекали внимание советских посетителей Американской выставки в Москве от космической темы, хотя и не замалчивали ее полностью. Во многом такой подход объяснялся осторожностью в подходах администрации Д. Эйзенхауэра к форсированию национальной космической программы, а также стремлением Информационного агентства США заместить отставание в космосе демонстрацией преуспевания американского общества потребления.

Ключевые слова: космическая гонка, пропаганда, США, СССР, выставка, холодная война

Для цитирования: Фоминых А.Е. 2023. «Икс-15» против «Спутника»: тема космоса в советской и американской выставочной дипломатии 1959 г. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 503–514. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-503-514

X-15 vs Sputnik: The Space Theme in the U.S. and Soviet Exhibit Diplomacy of 1959

Alexey E. Fominykh

Mari State University,
44 Kremlevskaya St., Yoshkar-Ola 424000, Mari El Republic, Russia
E-mail: alexfom@volgatech.net

Abstract. The two rival superpowers, the United States and the Soviet Union, were both actively using space-related narratives in their propaganda efforts during the Cold War. The exchange of national exhibitions, which took place in 1959 (the Soviet exhibit in New York City and the American one in Moscow), thus became a suitable site for displaying nations' achievements in the space race. Due to the earlier launch of Sputnik in October 1957, the Soviet Union was a step ahead of the United States for years. Nevertheless, the U.S. as a “catching up” nation at the beginning of the space race, deliberately diverted the attention of Soviet visitors to the American exhibition in Moscow from the space theme, albeit did not ignore it. Such behavior can be explained in part by the Eisenhower administration's cautious approach to the national space program. Besides, the U.S. Information Agency was trying to fill the gap in space with a demonstration of the prosperity of the American consumer society.

Keywords: space race, propaganda, USA, USSR, exhibition, Cold War

For citation: Fominykh A.E. 2023. X-15 vs Sputnik: The Space Theme in the U.S. and Soviet Exhibit Diplomacy of 1959. *Via in tempore. History and Political Science*, 50 (2): 503–514 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-503-514

Введение

Гонка за первенство в освоении космоса являлась одним из важнейших театров глобального противостояния двух сверхдержав в холодной войне: каждая из сторон стремилась преподнести свои достижения широкой мировой аудитории. И Советский Союз, и США уделяли огромное внимание освещению своих успехов в космосе, тем более что космонавтика, будучи средоточием самых передовых научно-технологических разработок, могла справедливо считаться «витриной» национальной науки и индустрии. Это превращало космическую отрасль в весьма удобный предмет для пропаганды.

В контексте настоящего исследования термин «пропаганда» не несет негативной коннотации, которой его порой наделяют многие современные авторы, часто следуя западным практикам. В исследованиях международных отношений выставочные обмены рассматриваются как элемент «внешней культурной политики» [Филимонов, 2011], культурной дипломатии [Richmond, 2008; Нагорная, 2017] или же просто «культурных связей» [Иванян, 2007]. Распространенное сегодня клише «публичная дипломатия», которым, как правило, обозначают систему коммуникаций государства с иностранной аудиторией, вошло в политический лексикон Соединенных Штатов не ранее 1965 года [Cull, 2008; Артамонова, 2020]. В советской же политической литературе деятельность по продвижению идеологических и ценностных установок в среде зарубежной общественности, в том числе и посредством культурных связей, относилась к внешнеполитической пропаганде [Арбатов, 1970; Валюженич, 1973].

Методологически исследование построено на контекстуальном и иконографическом анализе текстовых и визуальных источников (советских и американских), отражающих различные аспекты реализации выставочных обменов 1959 года – первого масштабного акта двустороннего культурного сотрудничества СССР и США с момента начала холодной войны. Сравнение подходов сторон к освещению освоения космоса – всего лишь одного из множества сюжетов, демонстрируемых на выставках, – позволяет определить мотивы и устремления организаторов показа. Большой интерес с точки зрения оценки эффективности пропагандистских усилий представляет и обратная связь от аудитории, отраженная, в частности, в публикациях прессы и отзывах посетителей выставок.

Литература, посвященная соперничеству Советского Союза и Соединенных Штатов в космосе, как и по советско-американским выставочным обменам 1959 года достаточно обширна [Колосов, 2014; Назаров, 2020; Nixon, 1996; Reid, 2008; Tolvaisas, 2010]. Однако подавляющее большинство работ посвящено Американской выставке в московском парке Сокольники, в то время как по советской экспозиции в Нью-Йорке доступно лишь несколько публикаций [Фурсенко, 1988; Нагорная, 2017]. При этом тема отражения в пропаганде научно-технологического соперничества двух стран представлена фрагментарно. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

Шок от «Спутника»

Подлинным стартом соперничества СССР и США в космосе стал запуск Советским Союзом первого искусственного спутника Земли (ИСЗ), или «Спутника-1» 4 октября 1957 года. Команда генерального конструктора С.П. Королева удачно подгадала с запуском: он пришелся на время проходившего в Вашингтоне торжественного заседания Национальной академии наук США в рамках Международного геофизического года (отмечался с 1 июля 1957 г. по 31 декабря 1958 г.). Тем самым советская сторона добила сильней-

шего пропагандистского эффекта, вызвав реакцию «подобно грому среди ясного неба». Многие из присутствовавших на том заседании ученых вечером того же дня были приглашены на прием в советском посольстве, где был поднят тост «за успех Советов в запуске первого в мире искусственного спутника» [Хардести, Айсман, 2009, с. 88–89].

Президент США Дуайт Эйзенхауэр в публичных выступлениях старался преуменьшить глобальное значение этого события, упоминая «маленький шарик в воздухе» (“a small ball in the air”)¹¹². Однако доверие населения к властям, заявлявшим о бесспорном превосходстве Америки в развитии космических технологий, было серьезно подорвано. Общественное мнение и военные требовали восстановления паритета в космосе, руководствуясь в том числе соображениями национальной безопасности в свете появления у Советского Союза межконтинентальных баллистических ракет. Президента жестко критиковали за скупость в выделении средств на научные изыскания и непродуманные решения, результатом чего стало явление всему миру технологического отставания США от СССР. Главный редактор журнала *Aviation Week* Роберт Хотц писал: «Мы считаем, что народ этой страны имеет право знать факты об относительных позициях США и Советского Союза в этой технологической гонке, которая является, пожалуй, самым значительным событием нашего времени. Они имеют право выяснить, почему нашу нацию со значительно превосходящим научным, экономическим и военным потенциалом по крайней мере догнала и, возможно, превзошла страна, которая менее двух десятилетий назад даже не могла играть на том же научном поле. Они также имеют право решать вопрос о том, хотят ли они, чтобы их правительство сохранило наше нынешнее лидерство в свободном мире, независимо от стоимости в долларах и трудозатрат. Это не те решения, которые должны приниматься произвольно группой лидеров в башне из слоновой кости или на поле для гольфа»¹¹³. Ему вторил знаменитый репортер Эдвард Марроу: «Нам не удалось осознать, что тоталитарное государство может установить свои приоритеты, определить свои рубежи, ассигновать свои деньги, лишить свой народ автомобилей, телевизоров и всех видов комфортабельных безделушек, чтобы достигнуть национальной цели. Русские сделали это с межконтинентальным носителем и теперь со спутником Земли» [Хардести, Айсман, 2009, с. 93–94].

Одним из главных оппонентов Д. Эйзенхауэра в Конгрессе был сенатор от демократов (и будущий президент) Линдон Джонсон, который намеренно нагнетал алармистские настроения вокруг спутника, требуя от республиканской администрации «адекватной реакции» на действия СССР. Как указывают историки НАСА, самой большой ошибкой Эйзенхауэра в «кризисе спутника» была его неспособность оценить психологическое значение запуска первого ИСЗ. Дело было не только в самом спутнике, сколько в обнаружившемся внезапно факте наличия у Москвы межконтинентальных баллистических ракет, способных поразить цель на Американском континенте. Тем не менее, как отмечает Г.С. Хозин, реакция Д. Эйзенхауэра на старт космической гонки оставалась сдержанной, что уберегло американское общество «от непродуманных поспешных действий, которые могли обернуться весьма печальными последствиями» [Хозин, 2001, с. 176–177].

В этой связи перед Информационным агентством США (ЮСИА – United States Information Agency, USIA) – правительственным пропагандистским ведомством, учрежденным Д. Эйзенхауэром в 1953 году, – ставится важнейшая политическая задача: информировать о достижениях Америки в космосе население зарубежных стран в выгодном для Соединенных Штатов ключе. Наиболее сложным «фронтом работ» в этой связи представлялся Советский Союз – главный конкурент США в космосе, который к тому же сам активно использовал свои космические успехи во внешнеполитической пропаганде [Назаров, 2020, с. 1144–1145].

¹¹² One Small Ball in the Air: October 4, 1957–November 3, 1957. In: NASA’s Origins and the Dawn of the Space Age. Monographs of the Aerospace History # 10. URL: <https://history.nasa.gov/monograph10/onesmlbl.html> (accessed: 01.03.2023).

¹¹³ Ibid.

В действительности американские специалисты по коммуникациям занимались продвижением сюжетов о реализации американской космической программы еще до запуска «Спутника-1». Так, в телевизионном обращении к нации 7 августа 1957 года Д. Эйзенхауэр демонстрировал стоящий в студии носовой обтекатель (конус) баллистической ракеты «Юпитер-С» (Jupiter-C), разработанной под руководством Вернера фон Брауна. На следующий день этот (или точно такой же) конус достиг высоты 285 миль (458,66 км) в рамках испытательного полета, а 31 января 1958 года ракета «Юпитер-С» вывела на орбиту и первый американский ИСЗ «Эксплорер-1» (Explorer-1)¹¹⁴. Именно под влиянием запуска советского спутника при Д. Эйзенхауэре в 1958 году было создано Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) – правительственное космическое агентство Соединенных Штатов. Были запущены гражданские и оборонные проекты создания системы космической навигации, метеорологии, связи, спутниковой разведки и раннего оповещения о пусках ракет [Хозин, 2001, с. 172–176; Logsdon, 2018].

Удобным поводом для демонстрации своих космических достижений для обеих супердержав представлялись обмены национальными тематическими выставками. Такие экспозиции были, пожалуй, самыми затратными, но и наиболее масштабными по охвату зарубежной аудитории двусторонними контактами, предусмотренными Соглашением между СССР и США об обменах в области науки, техники, образования, культуры и других областях, подписанном в Вашингтоне в январе 1958 года¹¹⁵.

Советская выставка в Нью-Йорке

Первой в серии обменов стала «Выставка достижений науки, техники и культуры СССР», работавшая в экспоцентре «Колизеум» в районе Коламбус-сёркл в Нью-Йорке с 30 июня по 10 августа 1959 года. Общая площадь выставочных залов на трех этажах здания в центре Манхэттена составляла около 20 тыс. квадратных метров. Историк этой выставки и ее непосредственный участник А.А. Фурсенко отмечает, что «наша страна участвовала в различных международных выставках в Америке еще с дореволюционных времен, но никогда за всю историю отношений с Соединенными Штатами не было такой грандиозной выставки» [Фурсенко, 1988, с. 203].

Организацией показа занимались Министерство внешней торговли и Торговая палата СССР, незадолго до этого курировавшие участие Советского Союза во Всемирной выставке в Брюсселе (1958). В действительности, как отмечает О.С. Нагорная, в организации выставки присутствовало определенное разделение труда. Так, за транспортировку и монтаж экспозиции, определение расходов действительно отвечал Минвнешторг, однако утверждение тематических планов, подготовка брошюр и раздаточных материалов, обучение гидов являлось прерогативой органов советской культурной дипломатии – Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами, подразделений МИДа, Минкульту, Минпроса, Интуриста и т. д. Именно они «вносили обязательные пропагандистские элементы в концепции, визуальный и текстовый ряд вне зависимости от профиля выставки, т. е. советская экспозиционная деятельность за рубежом рассматривалась как целевой инструмент создания и трансляции внешнеполитических репрезентаций СССР» [Нагорная, 2017, с. 4]. Подготовку экспонатов и консультантов контролировал первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А.И. Микоян. Оформлением советской выставки занимался известный советский архитектор и дизайнер Константин Рождественский, который двадцать лет назад здесь же, в Нью-Йорке, работал над советским павильоном Всемирной выставки 1939 года.

¹¹⁴ Explorer-I and Jupiter-C. The First United States Satellite and Space Launch Vehicle. URL: <https://history.nasa.gov/sputnik/expinfo.html> (accessed: 01.03.2023).

¹¹⁵ Неофициальное название – «Соглашение Лэйси – Зарубина», по именам подписавших документ посла СССР в США Г.Н. Зарубина и специального помощника государственного секретаря США Уильяма С. Лэйси.

Главным экспонатом на советской выставке 1959 года в Нью-Йорке вполне ожидаемо стал первый искусственный спутник Земли («Спутник-1») – вернее, его полномасштабный макет (оригинал сгорел в плотных слоях атмосферы в январе 1958 года после 92 дней полета вокруг планеты). Здесь же показывались и другие символы космических успехов СССР (тоже копии): второй и третий спутники Земли и полуторатонный носовой конус первого искусственного спутника Солнца «Мечта» (рис. 1).

Рис. 1. Вид главного зала советской выставки в Нью-Йорке (1959)
(фото из архива журнала Life)

Fig. 1. View of the main hall of the Soviet exhibition in New York (1959)
(archives of the LIFE magazine)

На обложке официального буклета выставки красовался рисунок летящего в космосе «Спутника-3», а в дизайне раздаваемых там же значков угадывался шлейф взлетающей ввысь ракеты (в подобной стилистике в 1964 году будет выполнен монумент «Покорителям космоса» на ВДНХ) (рис. 2).

Следует отметить, что «Спутник-1», несмотря на свою недолгую практическую службу, уже стал подлинной «звездой» советских экспозиций за рубежом. В условиях обострения международной напряженности в середине 1950-х гг. (Суэцкий кризис, подавление восстания в Венгрии) Москве было чрезвычайно важно склонить международное общественное мнение на свою сторону. За год до показа в Нью-Йорке на Всемирной ЭКСПО в Брюсселе советский павильон привлек более 30 млн посетителей во многом благодаря «Спутнику». Столь же большой успех в том же 1958 году сопутствовал показу реплики первого ИСЗ на ярмарке в болгарском Пловдиве. Поэтому решение выставить реплику Спутника «выглядит успешным культурно-дипломатическим шагом не только с точки зрения позиционирования науки, но и с точки зрения использования эффекта любопытства зрителей для преодоления информационной и культурной блокады к проявлениям советского на международной арене» [Нагорная, 2017, с. 5].

Описывая советскую выставку в Нью-Йорке, Ю. Стэйплс отмечает, что «в выставочном зале повсюду можно было видеть свидетельства советского первенства в освоении космоса» [Стэйплс, 2009, с. 17]. Действительно, даже на кадрах кино- и фотохроники оче-

видно визуальное доминирование космических экспонатов, привлекавших основное внимание зрителей.

Рис. 2. Обложка буклета и официальный сувенирный значок советской выставки в Нью-Йорке (1959) (из коллекции автора)

Fig. 2. Cover of the official pamphlet and original enamel pin badge of the Soviet exhibition in New York (1959) (author's collection)

Советская выставка произвела большое впечатление на американцев. Боб Консидан, один из наиболее популярных журналистов того времени, писал: «Они организовали впечатляющую выставку, спланированную лучше и не так сочающуюся пропагандой, как их огромный ангар с продукцией на Международной выставке в Брюсселе в прошлом году... (К посетителям) со всех сторон обращаются на безупречном английском... Этим летом в Колизеуме будет много замороженных, искусственных улыбок, выражающих изумленное подозрение. И не потому, что там отлично налажены кондиционеры. Красные сделали нам одолжение, стараясь представить свою лучшую сторону. Они говорят, что существует другая великая держава в мире. Лучше об этом знать, чем быть обманутыми и этот факт игнорировать» [Стейплс, 2009, с. 16]. Позитивными были и оценки американской прессы. Так, журнал «Нью-Йоркер» назвал выставку «потрясающей» (terrific), газета «Вашингтон пост» – «впечатляющей» (impressive), а «Нью-Йорк таймс» заявила, что русские привезли в Америку ошеломляющее зрелище» (smash hit) [Фурсенко, 1988, с. 206].

На этом фоне для ЮСИА задача превзойти советскую выставку становилась вопросом государственного престижа. Сделать космическую тему центральной в программе американской экспозиции при отсутствии весомых достижений представлялось невыполнимым, но и исключить ее совсем было нельзя. Поэтому для того, чтобы впечатлить советскую публику, была избрана другая стратегия.

Американская выставка в Москве

В отличие от советской экспозиции в Нью-Йорке, Американская Национальная выставка в московском парке Сокольники, открывшаяся 25 июля 1959 года, в основном делала упор на качество жизни населения Соединенных Штатов и преимущества общества потребления. Будучи пока не в состоянии продемонстрировать равноценные советским

космическим разработкам изделия и технологии, американские устроители показа намеренно сосредоточились на тех отраслях, где лидерство США было на тот момент очевидным. Так, огромным успехом у советских посетителей выставки в Сокольниках пользовались стенды автопроизводителей – «Форд», «Крайслер» и «Дженерал Моторс», а также первые цветные телевизоры и «чудо-кухня» от компании «Уирпул» (Whirlpool), ставшая ареной знаменитых «кухонных дебатов» Н.С. Хрущева и вице-президента США Р. Никсона. Толпы зрителей собирали показы модной одежды, киоски с косметикой, выставка современного искусства и бесплатное угощение «Пепси-колой».

Тем не менее «прорывные» космические технологии НАСА также нашли свое отражение в экспозиции. Им было отведено место в т. н. Геодезическом куполе Кайзера (англ. the Dome) – внушительном (высотой более 20 м) сооружении в виде полусферы, покрытой сверкающими золотистыми панелями из анодированного алюминия. В куполе, возведенном по проекту дизайнера Джорджа Нельсона, экспонировались достижения США в области науки и технологий, а главным аттракционом был показ кинофильма «Кусочки Америки» Чарльза и Рэя Имсов об одном дне из жизни США на семи огромных экранах. Космических экспонатов было сравнительно немного, но среди представленных образцов выделялся макет ракетного самолета (ракетоплана, или «баллистического планирующего самолета») «Икс-15» (X-15), спроектированного компанией North American для ВВС США для экспериментальных высотных полетов на гиперзвуковых скоростях (рис. 3). Примечательно, что старт программы «Икс-15» был дан после полета советского «Спутника-1», и, по утверждениям американских историков, ракетоплан изначально проектировался как противоспутниковый перехватчик [Evans, 2013, p. 15]. «Икс-15» использовался и в подготовке астронавтов: так, одним из пилотов ракетоплана был Нил Армстронг – будущий командир миссии «Аполлон-11» (Apollo 11) и первый человек на Луне.

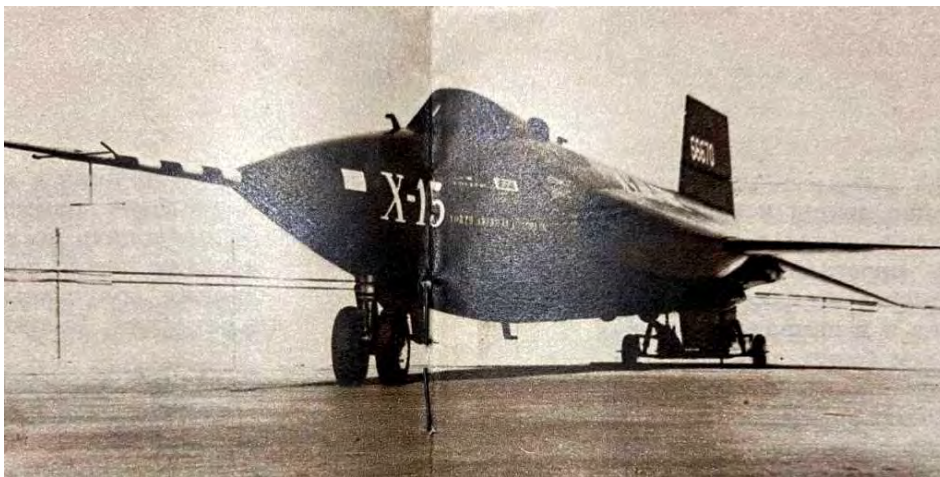

Рис. 3. «Ракетный самолет» X-15. Фото из брошюры «Покорение космоса. Новый этап».

Американская Национальная выставка в Москве (1959) (из коллекции автора)

Fig. 3. North American X-15 “rocket plane”. Picture from the pamphlet “Conquest of space”, American National exhibition in Moscow (1959) (author’s collection)

Помимо основного путеводителя по выставке, советские посетители могли получить от американских гидов небольшие тематические иллюстрированные буклеты. В брошюре «Покорение космоса. Новый этап», подготовленной для ЮСИА экспертами из НАСА, были отражены ключевые достижения США в астрономии и космонавтике. В сопроводительном очерке советским гостям выставки рассказывалось об Атласе неба Паломарской обсерватории, 43-метровом радиотелескопе, ракетном зондировании атмосферы, о собственно ракетах и спутниках, а также упомянутом выше X-15 (рис. 4–5).

Рис. 4. Занимательные факты из буклета-путеводителя Американской национальной выставки в Москве (1959) (из коллекции автора)
Fig. 4. Fun facts from the official pamphlet of American national exhibition in Moscow (1959) (author's collection)

Рис. 5. Американские эксперименты и оборудование в рамках космической программы НАСА. Фото из брошюры «Покорение космоса. Новый этап». Американская национальная выставка в Москве (1959) (из коллекции автора)
Fig. 5. U.S. experiments and equipment developed within the NASA space program. Picture from the pamphlet “Conquest of space”, American National exhibition in Moscow (1959) (author's collection)

При этом, перечисляя успешные запуски ракет и спутников, авторы из НАСА не избегали упоминать неудачи и аварии, связанные с выходом техники из строя, тем самым подчеркивая риски и трудности покорения космоса. О перспективах запуска человека в космос в 1959 году авторы брошюры говорили довольно осторожно: «Пилотируемые полеты предполагается начать не раньше, чем пионерам космоса будет обеспечена относительная безопасность и появится уверенность в их благополучном возвращении на Землю. Поэтому до запуска пилотируемых кораблей будет продолжаться детальное изучение космоса и космонавтики»¹¹⁶.

Таким образом, если в советской выставке в Нью-Йорке 1959 г. тема покорения космоса была одной из основных (если не ведущей), то организаторы Американской выставки в Москве старались отвлечь внимание зрителей на земные, не связанные с космосом сюжеты, освещая программы НАСА по запуску ИСЗ весьма поверхностно. Отчасти этим объясняется довольно невысокая доля посвященных космосу комментариев в книгах отзывов выставки в Сокольниках. Так, один из анонимных посетителей записал 30 июля 1959 г.: «Слабо представлена почему-то наука и изучение космоса, ведь мы считаем вашу страну передовой (после нашей)». Еще более резкий отзыв оставил некто П. Корзинкин: «И это Америка? Страна Эдисона и других великих изобретателей? Какой-то «ширпотреб» – кастрюли, тряпки, клозетная бумага... Это и есть американский уровень жизни? Надо бы подняться выше этого клозетного уровня! Если верить этой выставке, то понятно, почему американцы отстают со спутниками» [Фоминых, 2010, с. 115]. Стоит отметить, что подобная критика на страницах книг отзывов встречается нечасто, большинство записей выполнено в доброжелательном и комплиментарном тоне.

Тем не менее в ЮСИА московскую выставку расценивали как чрезвычайно успешную. Во-первых, она превзошла по своему охвату советскую экспозицию в Нью-Йорке (количество посетителей Американской выставки превысило 2,7 млн человек)¹¹⁷. Во-вторых, следует признать, что американцам удалось впечатлить советскую публику качеством и разнообразием товаров широкого потребления и достижениями массовой культуры. По словам М. Липовецкого, именно на этой выставке «впервые проявило себя самое мощное оружие холодной войны – оружие, против которого весь советский идеологический, политический, экономический и военный арсенал оказался бессилён. Это оружие – обаяние консюмеризма, западный комфорт, “просто жизнь”» [Липовецкий, 2010, с. 171].

Во многом характер информационно-пропагандистского освещения космических программ СССР и США на начальном этапе соперничества определялся и персональными психологическими характеристиками лидеров двух государств. Напористому, склонному к эпатажу Н.С. Хрущеву оппонировал сдержанный и осторожный Д. Эйзенхауэр. Ситуация изменится с приходом к власти Дж. Кеннеди, сделавшего ликвидацию отставания Америки в космосе одним из пунктов своей предвыборной повестки. Запуск космической программы «Аполлон» (1961–1972) будет сопровождаться и кардинальными изменениями в подходах к пропагандистской подаче космической темы. Так, директором ЮСИА будет назначен упоминавшийся выше Э. Марроу, активно критиковавший предыдущую администрацию за провалы в космической гонке. Публикации о проектах НАСА станут регулярно появляться в выпусках журнала «Америка», распространявшегося в СССР, а космические достижения США будут освещаться на передвижных американских тематических выставках, которые ЮСИА показывало в советских городах.

Заключение

Пожалуй, ни в одной другой области лозунг «Догнать и перегнать Америку» не находил в конце 1950-х гг. такого весомого подтверждения, как в деле освоения космиче-

¹¹⁶ Покорение космоса. Новый этап. – Американское управление аэро-и космонавтики, 1959: 7.

¹¹⁷ Chronology: American Exhibits to the U.S.S.R. In: U.S. Department of State. 50th Anniversary of the American Exhibits to the U.S.S.R. 2009. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/eur/ci/rs/c26473.htm> (accessed: 01.03.2023).

ского пространства. Первый пилотируемый полет человека в космос, обессмертивший имя Юрия Гагарина, еще сильнее укрепил уверенность граждан СССР в превосходстве советской космонавтики. Отражением бытовавших тогда представлений можно считать знаменитые строки из песни Юрия Визбора:

«..Зато, говорю, мы делаем ракеты
И перекрыли Енисей,
А также в области балета
Мы впереди, говорю, планеты всей»¹¹⁸.

В период президентства Д. Эйзенхауэра Соединенные Штаты, возможно, и не совершили прорывных достижений в космосе, сравнимых по своему пропагандистскому эффекту с запуском советского спутника. Отсюда и попытки ЮСИА «встроить» космические сюжеты в пропагандистские нарративы об общем превосходстве американской науки и промышленности. В то же время именно в эти годы в США была создана прочная основа будущего развития космических исследований – как гражданских, так и военных. Как указывает Г.С. Хозин, «” космическое наследство”, которое получил от президента-республиканца Д. Эйзенхауэра его молодой преемник на этом посту – демократ Дж. Кеннеди, было надежным и жизнеспособным. На его основе можно было двигаться вперед по многим направлениям, в том числе начинать подготовку к полетам астронавтов на Луну» [Хозин, 2001, с. 178]. Действительно, только высадив астронавтов на Луне в июле 1969 года, спустя десятилетие после первого обмена выставками с СССР, американцы получают повод говорить о сопоставимости своих космических достижений с успехами Советского Союза.

Список литературы

- Арбатов Г.А. 1970. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. Доктрина, методы и организация внешнеполитической пропаганды империализма. М., Политиздат, 351.
- Артамонова У.З. 2020. Механизм выработки стратегии публичной дипломатии во внешней политике США. США & Канада: экономика, политика, культура. 4: 109–119. DOI: 10.31857/S268667300008882-0
- Валюженич А.В. 1973. Внешнеполитическая пропаганда США. М., Международные отношения, 216.
- Иванян Э.А. 2007. Когда говорят музы: история российско-американских культурных связей. М., Международные отношения, 432.
- Колосов Ю.М. 2014. Борьба за мирный космос. М., Статут, 128.
- Липовецкий М. 2010. «Зная лимоны»: американская выставка в мемуарах Хрущева. *Ab Imperio*. 2: 171–186.
- Нагорная О.С. 2017. «Лимон» за худший павильон: выставочная дипломатия послевоенного СССР. *Управление в современных системах*. 4 (15): 3–9.
- Назаров А.Д. 2020. Информационно-пропагандистское сопровождение космического соперничества СССР и США (по материалам отечественных и зарубежных публикаций). *Вопросы политологии*. 10 (4): 1141–1152. DOI 10.35775/PSI.2020.56.4.010
- Стейплс Ю. 2009. Россия открывает Америку: Американская выставка 1959 года в Москве. В: *Шесть недель в Сокольниках. К 50-летию Американской выставки в Москве 1959 г.*, 53: 6–18.
- Филимонов Г.Ю. 2011. К вопросу об истории внешней культурной политики США. *Вестник РУДН, серия Международные отношения*, 4: 89–97.
- Фоминых А.Е. 2010. Книги отзывов Американской национальной выставки в Москве 1959 года. «Запад – Восток». *Научно-практический ежегодник*. 3: 110–120.
- Фурсенко А.А. 1988. Выставка достижений науки, техники и культуры СССР в Нью-Йорке 1959 года. *История СССР*, 1: 203–206.

¹¹⁸ Визбор Ю. Рассказ технолога Петухова. 1964. URL: <https://www.culture.ru/poems/47691/rasskaz-tekhnologa-petukhova> (дата обращения: 01.03.2023).

- Хардести В., Айсман Дж. 2009. История космического соперничества СССР и США / Пер. с англ. СПб, Питер, 288.
- Хозин Г.С. 2001. Великое противостояние в космосе (СССР – США). Свидетельства очевидца. Серия: Военные тайны XX века. М., Вече, 416.
- Cull N. 2008. Public Diplomacy' Before Gullion: The Evolution of a Phrase. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. Snow N., Taylor P.M., eds. New York: Routledge. 404: 19–23.
- Evans M.L. 2013. *The X-15 Rocket Plane: Flying the First Wings Into Space*. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 488.
- Hixson W. 1996. *Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War, 1945–1961*. New York: St. Martin's Press, 304.
- Logsdon J.M. 2018. Ten Presidents and NASA. *NASA 50th Magazine*. URL: https://www.nasa.gov/50th/50th_magazine/10presidents.html (accessed: 17.02.2023).
- Reid S. 2008. Who Will Beat Whom? Soviet Popular Reception of the American National Exhibition in Moscow, 1959. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 9 (46): 855–904.
- Richmond Y. 2008. *Practicing Public Diplomacy: A Cold War Odyssey (Explorations in Culture and International History)*. Berghahn Books, 192.
- Tolvaisas T. 2010. “Cold War “Bridge-Building”: U.S. Exchange Exhibits and Their Reception in the Soviet Union, 1959–1967. *Journal of Cold War Studies*, 12 (4): 3–31.

References

- Arbatov G.A. 1970. Ideologicheskaya borba v sovremennyh mezhdunarodnyh otnosheniyah. Doktrina, metody i organizatsiya vneshnepoliticheskoi propagandy imperializma [Ideological struggle in modern international relations. Doctrine, methods and organization of foreign policy propaganda of imperialism]. Moscow, Politizdat, 351 (in Russian).
- Artamonova U.Z. 2020. Formation Mechanism of the American Public Diplomacy's Strategy. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 50 (4): 110–119. DOI: 10.31857/S268667300008882-0 (in Russian).
- Valyuzhenich A.V. 1973. *Vneshnepoliticheskaya propaganda SShA [The U.S. Foreign Propaganda]*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 216 (in Russian).
- Ivanyan E.A. 2007. *Kogda govoryat muzy: istoriya rossiisko-amerikanskih kulturnuh svyazei [When the muse speaks. The history of Russian-American cultural ties]*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 432 (in Russian).
- Kolosov Yu.M. 2014. *Borba za mirnyi kosmos [Struggle for peaceful space]*. Moscow, Statut, 128 (in Russian).
- Lipovetsky M. 2010. «Znaya limony»: amerikanskaya vystavka v memuarah Khrushcheva [“Knowing Lemons:” The American Exhibition in Khrushchev's Memoirs]. *Ab Imperio*, 2: 171–186 (in Russian).
- Nagornaya O.S. “A lemon for the worst pavilion: exhibition diplomacy of the post-war USSR. *Upravlenie v sovremennyh sistemah*, 4 (15): 3–9 (in Russian).
- Nazarov A.D. 2020. Information and propaganda support of the space rivalry between the USSR and the USA (based on the materials of domestic and foreign publications). *Voprosy politologii*, 10 (4): 1141–1152. DOI 10.35775/PSI.2020.56.4.010 (in Russian).
- Staples E. 2009. *Russia Goes to the Fair: American National Exhibition in Moscow*. In: *Six Weeks in Sokolniki Park. Celebrating the 50th Anniversary of the American National Exhibition in Moscow 1959*, 53: 6–18.
- Filimonov G.Y. 2011. Observing the history of U.S. foreign cultural policy formation. *Vestnik RUDN. Series: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 4: 89–97 (in Russian).
- Fominykh A.E. 2010. *Knigi otzyvov Amerikanskoj natsionalnoj vystavki v Moskve 1959 goda [Visitors' comment books of the American National Exhibition in Moscow, 1959]*. West-East. Scientific Journal, 3: 110–120 (in Russian).
- Fursenko A.A. 1988. *Vystavka dostizhenii nauki, tehniki i kultury SSSR v Niu-Yorke 1959 goda [The exhibition of achievements in science, technology and culture of the USSR in New York City of 1959]*. *Istoriya SSR*, 1: 203–206 (in Russian).
- Hardesty V., Eisman G. 2009. *Istoriya kosmicheskogo sopernichestva SSSR i SShA [The Inside Story of the Soviet and American Space Race]* (Russian translation). Saint Petersburg, Piter, 288 (in Russian).

- Khozin G.S. 2001. Velikoe protivostoyanie v kosmose (SSSR – SShA). Svidetelstva ochevidtza. Seriya: Voennye tainy XX veka. [The great standoff in space (USSR – USA). An eyewitness account. Series: The Greatest Secrets of the 20th Century]. Moscow, Veche, 416 (in Russian).
- Cull N. 2008. Public Diplomacy' Before Gullion: The Evolution of a Phrase. Routledge Handbook of Public Diplomacy. Snow N., Taylor P.M., eds. New York: Routledge. 404: 19–23.
- Evans M.L. 2013. The X-15 Rocket Plane: Flying the First Wings Into Space. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 488.
- Hixson W. 1996. Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War, 1945–1961. New York: St. Martin's Press, 304.
- Logsdon J.M. 2018. Ten Presidents and NASA. NASA 50th Magazine. URL: https://www.nasa.gov/50th/50th_magazine/10presidents.html (accessed: 17.02.2023).
- Reid S. 2008. Who Will Beat Whom? Soviet Popular Reception of the American National Exhibition in Moscow, 1959. Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 9 (46): 855–904.
- Richmond Y. 2008. Practicing Public Diplomacy: A Cold War Odyssey (Explorations in Culture and International History). Berghahn Books, 192.
- Tolvaisas T. 2010. “Cold War “Bridge-Building”: U.S. Exchange Exhibits and Their Reception in the Soviet Union, 1959–1967. Journal of Cold War Studies, 12 (4): 3–31.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.02.2023

Received 26.02.2023

Поступила после рецензирования 20.03.2023

Revised 20.03.2023

Принята к публикации 22.03.2023

Accepted 22.03.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Фоминых Алексей Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия

Alexey E. Fominykh, PhD in Political Science, Associate Professor at the Department of Intercultural Communication, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

 [ORCID: 0000-0003-4459-6320](https://orcid.org/0000-0003-4459-6320)

УДК 327.3

Оригинальное исследование

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-515-525

Изоляционизм в современной внешнеполитической мысли США: коалиция Куинси

Старкин С.В.^{1,2}, Приписнова Е.С.¹, Гнездова Е.В.¹

¹⁾ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23;

²⁾ Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А

E-mail: starkinserge@mail.ru, e.s.pripisnova@yandex.ru, e.v.sidorova.fmo@yandex.ru

Аннотация. Целью настоящей статьи является изучение основных постулатов так называемой коалиции Куинси, выражающей взгляды современного американского изоляционизма и сдерживания во внешней политике. Авторы, основываясь на методе компаративного анализа, проводят разбор подходов современного либертарианства, реализма и леволиберальных прогрессивистов и приходят к выводам, что американский экспертно-академический дискурс отличается дискуссионностью, полифоничностью и неоднозначностью оценок, методов и подходов. Результаты исследования позволят российским ведомствам, осуществляющим проведение внешней политики России, проводить более эффективное взаимодействие с американскими визави при решении сложнейших проблем современного мира.

Ключевые слова: внешняя политика США, интервенционизм, реализм, либертарианство, либерализм

Для цитирования: Старкин С.В., Приписнова Е.С., Гнездова Е.В. 2023. Изоляционизм в современной внешнеполитической мысли США: коалиция Куинси. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 515–525. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-515-525

Isolationism in Contemporary US Foreign Policy Thought: The Quincy Coalition

Sergey V. Starkin^{1,2}, Elena S. Pripisnova¹, Elena V. Gnezdova¹

¹⁾ Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Gagarin St., Nizhny Novgorod 603022, Russia;

²⁾ Linguistics University of Nizhny Novgorod, 31A Minin St., Nizhny Novgorod 603155, Russia

E-mail: starkinserge@mail.ru, e.s.pripisnova@yandex.ru, e.v.sidorova.fmo@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to study the main postulates of the so-called Quincy coalition, which expresses the views of modern American isolationism and containment in foreign policy. The authors, based on the method of comparative analysis, analyze the approaches of modern libertarianism, realism and left-liberal progressives, and come to the conclusion that the American expert-academic discourse is debatable, polyphonic and ambiguous in assessments, methods and approaches. The results of the study will allow Russian departments that carry out Russia's foreign policy to conduct more effective interaction with American counterparts in solving the most complex problems of the modern world.

Keywords: US foreign policy, interventionism, realism, libertarianism, liberalism

For citation: Starkin S.V., Pripisnova E.S., Gnezdova E.V. 2023. Isolationism in Contemporary US Foreign Policy Thought: The Quincy Coalition. *Via in tempore. History and Political Science*, 50 (2): 515–525 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-515-525

Введение

Общеизвестно, что процесс формирования американской внешней политики во многом обусловлен соответствующим интеллектуальным дискурсом и попытками идеологических обоснований. Философские, идеологические и интеллектуальные движения играют значительную роль в данном процессе, особенно в переломные периоды, когда доминирует неопределенность в отношении приоритетов. В независимости от конкретной эпохи, будь то прогрессивизм начала двадцатого века, породивший вильсонский интернационализм, или реализм Р. Нибура и Г. Моргентау на начальном этапе холодной войны, интеллектуалы и теоретики давали интерпретационные формулировки современного мира, его реалий, их связи с американскими национальными интересами и программами действий.

В последние десятилетия конкурирующие школы мысли, рефлексии на тему «большой стратегии», как правило, институционализируются в think tanks – аналитических центрах политических исследований. Они неплохо финансируются, отличаются постоянной продуктивностью и вовлеченностью в актуальный внешнеполитический контекст. Подобная концентрация интеллектуальных ресурсов способствует интеграции идеологических и политических размышлений с внешнеполитическим видением и повесткой дня. В свою очередь, эволюция внешнеполитических проектов также во многом определяется значимыми событиями, которые внезапно меняют характер угроз, интересов и возможностей. Такие «черные лебеди», как террористические атаки 11 сентября 2001 г., пандемия COVID-19 и ряд других, мгновенно трансформируют геополитический ландшафт, превращая одни программы в устаревшие, а другие в более жизнеспособные.

Дискурсивное поле противостояния различных идеологий и внешнеполитических нарративов также включает в себя истории о провалах американской политики, таких как войны во Вьетнаме, в Ираке, в Афганистане. В той мере, в какой внешнеполитические школы связаны с конкретными неудачами, они дискредитированы. С другой стороны, интеллектуалы, предлагающие убедительные диагнозы источников неудач и прогнозы, направленные на их предотвращение, приобретают соответствующее политическое влияние. Так, Карибский кризис нарушил господствовавшие в начале холодной войны представления о ядерных рисках, повысив необходимость взаимного сдерживания сверхдержав и институционализированного контроля над оружием массового поражения. Фиаско американского вторжения и оккупации Ирака после 2003 года породило в американской интеллектуальной среде сомнения в желательности глобальных обязательств Америки и широкомасштабном силовом проецировании силы против предполагаемых угроз.

Объект и методы исследования

Объектом настоящей работы являются различные аспекты одного из интеллектуальных течений, получившего в США название школы Куинси и непосредственно связанного с американской концепцией изоляционизма.

Методологическую основу исследования составили институциональный, системный и сравнительные подходы. Социально-политическое отражение предмета исследования продиктовало своеобразие избранной методологии. Основываясь на необходимости рассмотрения основных постулатов так называемой коалиции Куинси, выражающей взгляды современного американского изоляционизма и сдерживания во внешней политике, мы использовали в качестве основных следующие методы. 1. Метод компаративного анализа, на основании которого проводился разбор подходов современного либертарианства, реализма и леволиберальных прогрессивистов. 2. Метод ретроспективного анализа. 3. Формально-логический метод определения понятий. 4. Культурно-исторический метод, который позволил исследовать изменения социальных слоев внутри государства в целом. Итогом использования этих методов стал анализ и синтез полученных данных.

Результаты и их обсуждение

В 2010-х годах, когда в американских СМИ иракская компания открыто была названа неудачной и превратилась в психологическую травму внешнеполитического руководства США, возникла так называемая коалиция Куинси – новая школа мысли, акцентирующая внимание на концепции «сдержанности» и быстро ставшая влиятельным течением современной американской внешнеполитической теории [Lieven, 2021, p. 7–34]. У истоков этой коалиции стоял не совсем, на первый взгляд, очевидный альянс представителей либертарианского движения; реалистов, выступающих за приоритетность соблюдения баланса сил; сторонников антиимпериалистического леволиберального блока. Несмотря на совпадение внешнеполитических концептов перечисленных движений, все они имеют оригинальное мировоззрение.

Либертарианство стремится к минимизации размера, стоимости и полномочий федерального правительства США, которое квалифицируется как постоянный источник угроз для свободы. Заграничные войны, союзы и международные институты либертарианцы оценивают как усиление и расширение американского Левиафана.

Реализм существует во многих разновидностях, но особенно заметным среди американских реалистов является взгляд на мир, подчеркивающий баланс сил как необходимую и достаточную основу для международного порядка, наряду с антипатией к военному вмешательству, чрезмерному растягиванию внешней политики США за счет союзнических обязательств и проекту сдерживания глобального хаоса с помощью международных институтов.

В свою очередь, прогрессивно-левые партнеры по новой коалиции Куинси настроены решительно антиимпериалистически и считают Pax Americana принудительным, эксплуататорским и разрушительным для внутренней демократии, поскольку он укрепляет тотальности государства безопасности (носящего также наименование «глубинного государства»).

Каждый из партнеров по новой школе «сдерживания» имеет давнюю историю и интеллектуальную основу. До настоящего союза они были противниками. Объединяющая их цель – избежать очередной войны в условном «Ираке» и ограничить американское военное вмешательство. В более общем плане они едины в противодействии проекту американского либерального интернационализма, проявляющегося в системе правил, институтов и партнерств, которые Соединенные Штаты построили и возглавили за последние 70 лет. В целом новая коалиция сдерживания бросает радикальный вызов базовому курсу американской внешней политики в послевоенную глобалистскую эпоху.

Новая интеллектуальная школа приобрела влияние благодаря щедрому финансированию со стороны таких видных филантропов, как Чарльз и Дэвид Кохи, а также Джордж Сорос. Структурно она объединена вокруг «мозгового центра» – Института ответственного государственного управления Куинси, возглавляемого Эндрю Басевичем [Mazarr, 2020, p. 6–29].

Институту Куинси удалось собрать представительный круг ученых, аналитиков и экспертов, специализирующихся в сфере внешней политики. Среди либертарианцев, в основном представленных Институтом Катона, долгое время получавших гранты от уже упомянутых братьев Кохов, были Кристофер Пребл и Тед Карпентер. Ведущими неореалистами являются Джон Миршеймер, Стивен Уолт, Барри Позен, Патрик Портер и Майкл Деш. Из прогрессивных левых в школе сдерживания участвуют Сэмюэл Мойн, Джин Морфилд, Стивен Вертхейм и Гордон Адамс [Deudney, Ikenberry, 2021, p. 7–32]. Учитывая внушительные идеологические, экспертные и финансовые ресурсы, а также обещание предотвратить новую войну в Ираке, коалиция Куинси создала благоприятные условия, чтобы продвинуть собственную повестку и принять участие в интеллектуальном формировании внешней политики США, в том числе в глобальной проекции. Например, решение Администрации Джо Байдена о выходе из Афганистана, как и аналогичный план Дональда Трампа, похоже, следуют в фарватере сценариев школы Куинси [Quincy Institute for Responsible Statecraft, 2021].

Во многих отношениях избрание Д. Трампа на пост президента казалось прорывным моментом для школы сдерживания. Во-первых, Трамп осудил войну в Ираке и американское

вмешательство во внутреннюю политику других стран. Во-вторых, он отверг союзнические обязательства США, поставив под сомнение дальнейшее существование НАТО и пакты о безопасности с Японией и Южной Кореей. В-третьих, Трамп подверг сомнению существование международных институтов, выйдя из ряда соглашений о контроле над вооружениями и соглашений о свободной торговле и даже из Всемирной организации здравоохранения. Администрация Трампа денонсировала Парижское соглашение об изменении климата, посчитав его угрозой американскому суверенитету. В целом внешняя политика Трампа была чисто коммерческой и противостояла постулатам институционализированной сдержанности и международного сотрудничества под эгидой США [Wright, 2016]. Хотя эксперты Куинси не одобряли экстравагантную деятельность Трампа и его административную некомпетентность, трудно избежать вывода о том, что основная направленность его внешней политики «Америка прежде всего» была смелой, хотя и грубой реализацией основного видения коалиции Куинси.

Как указывалось выше, на первый взгляд три подхода в коалиции Куинси кажутся маловероятными партнерами по альянсу. Американские внешнеполитические реалисты всех оттенков всегда были резкими критиками либерализма, оценивая его как неземное и идеалистическое видение либо как крестоносное и имперское. Реализм подразумевает глубокую приверженность государству как жизненно важному источнику порядка и приветствует священную традицию построения и укрепления государства. Либертарианство – крайняя версия бытового либерализма и радикальная форма индивидуализма, враждебная притязаниям общества, общности и национальности. Реалисты не только принимают этатизм, они культивируют национальную общность как источник внутреннего порядка и силы для обороны и ведения войны. Либертарианцы настроены враждебно по отношению к государству, стремясь свести его к минимуму в максимально возможной степени, совместимой с общественным порядком. Они хотят полностью уменьшить притязания правительства и общества на человека, в то время как реалисты настаивают, чтобы человек жертвовал собой ради государства и нации. Во время холодной войны либертарианцы были изгоем внутри страны, ставя под сомнение союзы НАТО и Америки, являвшиеся ключевыми во внешнеполитической повестке реалистов.

Еще более широкая пропасть отделяет либертарианцев от прогрессивных левых, которые находятся на противоположном конце политического спектра либерализма. Прогрессивистская повестка направлена на уменьшение экономического неравенства, регулирование рыночной деятельности для общего блага и обеспечение демократической подотчетности институтов на всех уровнях. Либертарианцы равнодушны к концепциям неравенства, враждебно относятся к регулированию капитала и рынков государством и не имеют фундаментальной приверженности демократии, за исключением возможного ограничения государственной власти. В американском контексте либертарианское движение, поддерживаемое Кохом, решительно выступает против экономического и экологического регулирования, прогрессивного налогообложения и расширенной государственной политики в области здравоохранения, продвижение которой было на первом месте в прогрессивистской повестке дня. Либертарианская внутренняя программа состоит в том, чтобы демонтировать институты Нового курса, в то время как американские прогрессисты стремятся сохранить и расширить их. Таким образом, коалиция Куинси сформирована полными идеологическими противниками, видение которых политического порядка и общества диаметрально противоположны.

Однако для достижения задач настоящего исследования необходимо более пристально рассмотреть основные идеи и планы каждого из трех партнеров по альянсу. Полагаем, что детальное изучение программ партнеров по коалиции покажет точки, связывающие либертарианцев, реалистов и прогрессивных левых, фактическое сходство леволиберальных внешнеполитических мыслителей с либеральным интернационализмом.

За несколько столетий своего развития западный либерализм разработал обширное разнообразие вариаций, и большая часть внутренней кухни либеральных демократий была сформирована диалектикой их противостояния и союзов. Акцент на правах личности был

определяющей чертой западного либерализма с самого его зарождения, но в девятнадцатом и двадцатом веках либертарианство кристаллизовалось как в высшей степени осознанный интеллектуальный и политический проект. Оно было направлено на противодействие подъему народной демократии и развитию способности правительства служить общественным интересам в индустриальных обществах. Либертарианство также тесно связано с концепциями частной собственности и свободного рыночного обмена, что делает его идеологией собственности и капитала. И перед лицом тоталитарных, антилиберальных движений, как левых, так и правых, либертарианцы стали рассматривать либерально-демократическое государство всеобщего благосостояния как скользкий путь к тоталитаризму. Согласно классическому утверждению Фридриха Хайека, демократическое государство всеобщего благосостояния находится на «дороге к рабству» – зловещий возврат к долиберальным и докапиталистическим формациям, а не реализация демократических интересов [Хайек, 2021].

В англосаксонской традиции Ф. Хайек и экономист Чикагского университета Милтон Фридман предприняли многосторонние атаки на «Новый курс» и британскую социал-демократию. В кейнсианской программе государственной власти, направленной на макроэкономическую стабилизацию и экономический рост, неолибералы, как они стали себя называть, увидели неэффективность, застой и ползучую смерть индивидуальной свободы [Slobodian, 2018]. В свою очередь, романы Айн Рэнд сформировали либертарианское мировоззрение с подозрительностью к правительству, вдохновляющими героическими примерами, новой мифологией предпринимательской элиты и принципом «победитель получает все» [Boaz, 2015].

Под руководством Р. Рейгана и М. Тэтчер либертарианство и неолиберальное движение, парадоксальным образом изображаемые в обеих странах как консервативное, начали разрушать влияние профсоюзов, отменять прогрессивное налогообложение, дерегулировать рыночную деятельность и сокращать социально-бытовые услуги. На фоне растущей озабоченности по поводу ухудшения состояния окружающей среды либертарианцы возглавили сопротивление экологическому регулированию, представив его как нарушение частной собственности и свободы личности [Reid-Henry, 2019].

Либертарианская программа международного порядка скромна и почти полностью негативна. Классическая теория свободного рынка, изложенная А. Смитом в «Богатстве народов» в 1776 году, стремилась разрушить меркантилизм и тарифы для поощрения рыночных сделок через международные границы. Вместо государственной власти, утверждали неолибералы, работает «скрытая рука» рынка, и порядок возникнет спонтанно. К середине девятнадцатого века представление о мировом порядке, основанном на рыночном обмене, получило широкое распространение. Осознание политической взаимозависимости побудило либералов создать международно-правовые системы, чтобы ограничить государства и международные организации в предоставлении глобальных общественных услуг. Либертарианцы полагали, что точно так же, как индивидуум во внутреннем обществе должен быть защищен от регулирования и ограничений, государство в международной системе не должно ограничиваться или обременяться.

Такое мышление привело американских либертарианцев к противодействию активности Лиги Наций и ООН. По мере того как деколонизация продолжалась, они сопротивлялись международным усилиям по развитию того, что стало называться «третьим миром», и возражали против помощи в целях развития и усилий по созданию нового международного экономического порядка, который регулировал бы международную торговлю, чтобы помочь становлению развивающихся стран. Во время холодной войны и после нее американские либертарианцы выступали против обязывающих международных соглашений о контроле над вооружениями, считая их ненужными и опасными. Хотя антикоммунистические убеждения заставили либертарианцев неохотно поддерживать американскую систему альянсов и НАТО во время холодной войны, они считали, что НАТО стал избыточным инсти-

тутом, после того как угроза глобального коммунизма была устранена. Следующей мишенью стал Европейский союз, продвигаемый либеральными интернационалистами [Preble, 2009]. К концу двадцатого века американское либертарианство превратилось в массовую оппозицию любым нормам международного права и международных организаций.

Следует признать, что, несмотря на определенную маргинальность в политическом мейнстриме, либертарианство сформировало мировоззрение американского общества и оказало влияние на подходы американского правительства к решению внутри- и внешнеполитических проблем. Как правило, либертарианцы игнорируют реальность внутренней и международной взаимозависимости. За пределами рефлексии либертарианцев остается то, что многие проблемы мировой политики, начиная с распространения ОМП и изменения климата и заканчивая транснациональными пограничными потоками и управлением пандемиями, выходят за пределы национальных границ.

Либертарианское мировоззрение также не признает проблемой диспропорцию в распределении доходов. Действительно, хотя стремление к полному равенству было бы удручающим и принудительным, крайнее имущественное неравенство ограничивает свободу, предоставляя богатой элите чрезмерную политическую и экономическую власть. Оставаясь нерегулируемыми, капиталистические общества расслаиваются, при этом привилегии достаются немногим, а сужающиеся обстоятельства и возможности затрагивают большинство [Пикетти, 2015]. На международном уровне пропасть неравенства между самыми богатыми и самыми бедными государствами порождает международную иерархию, а не пространство свободы. Способность решать коллективные проблемы, такие как изменение климата, сильно ограничена, поскольку бедным странам не хватает ресурсов для решения собственных проблем. Таким образом, перераспределение национального дохода от имени большинства не представляет угрозы для свободных обществ, но необходимо для их поддержания.

Реалисты осознают себя как традицию мышления о международной политике, древнейшую по своему происхождению и разработанную светилами западного теоретического канона, включая Фукидида, Н. Макиавелли, Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо. Реалисты считают, что их подход к политике и международному порядку подтвержден многолетним практическим опытом военного и дипломатического противостояния [Haslam, 2002]. Одна группа реалистов настаивает, что порядок возникает только в результате концентрации власти. Другие проповедуют, по сути, противоположный тезис: порядок проистекает из распределенных и сбалансированных конфигураций власти в равновесии [Wohlforth, 2011, p. 499–511.]. Взгляды так называемой гегемонистской школы разделяют такие исследователи, как Э.Х. Карр, Р. Гилпин, У. Уолфорд [Wohlforth, 1999, p. 5–41]. К другой группе, условно названной «школой баланса сил», принадлежат К. Вальц, Р. Позен, С. Уолт. Еще один выдающийся американский реалист – Джон Дж. Миршеймер – разделяет обе позиции [Mearsheimer, 2001].

Концепт «сдержанности» занимает центральное место в представлениях реалистов о мировом порядке. Однако для реалистов – «гегемонистов» подчиненные силы и динамика анархии купируются самым могущественным государством. Для сторонников теории баланса появление гегемонов сдерживается равновесием сил, также смягчающим анархию. Реалисты существенно расходятся во мнениях относительно международных институтов, которые сторонники теории гегемонии оценивают как выражение господства, а их оппоненты из школы теории баланса рассматривают как ограничение свободы действий государства. Большинство реалистов не придают особого значения дифференциации в типах внутренних режимов, вместо этого сосредотачиваясь на динамике анархии, которая налагает ограничения на государства независимо от политической формы.

Американские реалисты сетуют на свою маргинализацию во внешней политике США. Однако общеизвестно, что во время холодной войны реалисты Дж. Кеннан, В. Моргентау, Р. Такер и Г. Киссинджер оказали существенное влияние на внешнеполитическое руководство. Наиболее важные идеи реализма сконцентрированы на ведении длительного противостояния

великих держав. Они разделяли глубокий скептицизм по поводу либеральных крестовых походов, направленных на преобразование мира, и американского вмешательства с целью демократизации иностранных правительств [Mearsheimer, 2018]. Казалось, что после завершения холодной войны и распада Советского Союза реализм как стратегический мейнстрим устарел. Американское внешнеполитическое мышление тяготело к неолиберальным программам. Однако американские реалисты вскоре нашли новую ипостась в качестве критиков реализуемой политики. Когда Соединенные Штаты масштабировали структуры НАТО на постсоветском пространстве и развернули силы для гуманитарных и миротворческих операций на Балканах, в Сомали, Гаити и Западной Африке, американские реалисты решительно возражали против подобного проецирования американской мощи. После терактов 11 сентября и сосредоточения американской внешней политики на борьбе с терроризмом многие американские реалисты предостерегали от «перегибов». После вторжения в Ирак в 2003 г. критика со стороны реалистов – сторонников сдержанности вновь обрела силу. Соединенные Штаты оказались втянуты в длительное противостояние, связанное с потерями всех видов, при этом не сумев достичь поставленных целей. Для критиков-реалистов война в Ираке стала хрестоматийным случаем катастрофы, вызванной неконтролируемой властью и экспансионистскими неолиберальными планами [Vacevich, 2002].

Администрация Буша сформулировала демократизацию Ирака как цель. Однако это не было главным мотивом войны, а было представлено в качестве обоснования для внутреннего идеологического потребления США. Ключевые архитекторы войны – Р. Чейни, Д. Рамсфелд и П. Вулфовиц – были не либералами или либеральными интернационалистами, а реалистами-«гегемонистами», стремившимися сохранить и расширить американское доминирование на Ближнем Востоке перед лицом ревизионистского вызова [Deudney, Ikenberry, 2017, p. 7–26].

По мере того как дебаты об истинных мотивах войны в Ираке утихли, сторонники сдержанности обобщили свои аргументы и призвали к комплексному сокращению американского военного присутствия. Уход с Ближнего Востока и прекращение войны с терроризмом – их главные цели. Также они предлагают Соединенным Штатам ликвидировать большую часть глобальной сети военных союзов и баз. Реалисты утверждают, что НАТО изжила себя и Соединенным Штатам следует планомерно вывести свои силы на позиции, называемой «оффшорным балансированием». Данная аргументация строится на том, что европейцы, японцы и южнокорейцы достаточно богаты, чтобы защищать себя самостоятельно [Posen, 2020, p. 7–34]. Кроме того, глобальное американское военное присутствие непомерно дорого обходится в плане ресурсов, которые лучше потратить на внутренние цели, и вовлекает США в конфликты, имеющие мало общего с фундаментальными американскими национальными интересами [Posen, 2014].

Как только сущностная логика либертарианства и реализма становится очевидна, они представляются не столько странными попутчиками, сколько естественными союзниками. Оба теоретических направления считают политику и общество атомистическими. Для либертарианцев индивидуум или корпорация является единственным легитимным актором, и все то, что сдерживает их – общество и государство, – вызывает отторжение. Аналогично в сфере международных отношений сторонники реалистического равновесия превозносят автономное суверенное государство и рассматривают обязательные международные обязательства, право и политические институты как нарушающие надлежащий порядок и угрожающие суверенитету, а в конечном итоге как неэффективные. Таким образом, в своей основе реализм – это государственное либертарианство, а либертарианство – это реализм для внутреннего потребления. Оба течения полагаются на спонтанное возникновение порядка – реализм через «баланс сил», либертарианство через «скрытую руку». Либертарианцы рассматривают внутреннее правительство сверх минимума как потенциально деспотического Левиафана, а любую государственную власть или способность удовлетворять общественные потребности –

как совокупность сил, угрожающих свободе. На международном уровне сторонники равновесия также опасаются любого увеличения власти, будь то империя или международная организация, как внутренне угрожающего свободе государств [Deudney], стремясь при этом минимизировать деятельность НАТО, ЕС и других международных институтов.

В качестве третьего члена коалиция Куинси включает прогрессивных демократов, выступающих против американского империализма и военного интервенционизма [Morefield, 2018]. Корни прогрессивистской традиции также уходят глубоко в республиканскую и демократическую мысль. Противостояние империи и империализму было определяющей целью республиканцев и либеральных демократов раннего Нового времени. Корифеи Просвещения осуждали господство одного народа над другим [Pitts, 2005]. В то время как Н. Макиавелли и Дж. Локк приветствовали имперскую экспансию, Ш. Монтескье заложил основы антиимпериализма, сопровождавшегося критикой милитаризма и рабства. Политическая теория, лежавшая в основе американской революции, была глубоко антиимперской. Революция была антиколониальным движением за независимость, и ее основатели отвергли любые имперские проекты как разрушительные для ограниченного правительства и конституционализма. В девятнадцатом и начале двадцатого веков эти темы подхватили противники мексиканской войны, аннексии Кубы и оккупации Филиппин. В свете американского экономического господства и неравенства «позолоченного века» Чарльз Бирд и другие прогрессисты определили торговый капитализм как ключевую силу, стоящую за развитием американского государства и территориальной и имперской экспансией [Gardner, 1984]. Эти направления мысли совпадали с воззрениями правых либертарианцев и социалистов, что усиливало изоляционистские тенденции в руководстве Соединенных Штатов и его нежелание максимизировать территориальную экспансию в той мере, в какой их относительная мощь в начале двадцатого века позволила бы.

Когда Соединенные Штаты стали «оплотом демократии» сначала против держав Оси во Второй мировой войне, а затем против Советского Союза, критики американского милитаризма и империализма поначалу были оттеснены на обочину. Но к 1960-м годам, когда началась война во Вьетнаме и другие американские военные интервенции против коммунистических и антиколониальных революций, прежние направления критики возродились и расширились. Некоторые рассматривали Pax Americana как империю нового типа, движимую американскими корпорациями, расширяющими доступ к ресурсам и глобальным рынкам [Kolko G., Kolko J., 1972]. Другие видели, что Соединенные Штаты возглавили оппозицию аграрным популистским движениям и демократизации в глубоко стратифицированных сообществах, ставших на путь деколонизации [Chomsky, 1969]. С ростом глобальной зависимости от ближневосточной нефти и расширением американских военных союзов обновленные версии критики Берда сформировали основу для противодействия американским обязательствам [Vacevich, 2002].

Заключение

За последние 50 лет историки-ревизионисты левого толка создали убедительные нарративы о траектории роста и перемен в Америке, своего рода зеркальное отражение основной либеральной сюжетной линии продвижения свободы. С леворевизионистской точки зрения Соединенные Штаты были построены за счет эксплуатации и экспроприации коренных народов, африканских рабов и мигрантов [Zinn, 2017]. Согласно этой оптике, американский либеральный порядок представляет собой идеологический фиговый листок для самой успешной из глобальных империй, которая становится более сильной и менее ограниченной именно благодаря своей невидимой и неразрывной связи с глобальным капиталом, прежде всего финансовым [Immerwahr, 2020].

После холодной войны левые критики американского порядка перенаправили свою энергию, ставя под сомнение неоколониальные действия США по поддержанию мира, гума-

нитарному интервенционизму и продвижению демократии. Они также обновили оценку американской мощи как агента мирового капитала. Эти интеллектуалы возглавили транснациональные коалиции против неолиберальной глобализации, которую они считали крайне вредной для локальной экономики, коренных народов и окружающей среды. Для таких фигур, как Ноам Хомский, Соединенные Штаты представляли собой гнетущую и жестокую глобальную проблему. Из лидера и защитника либеральной демократии США превратились в планетарно масштабированного и сверхмилитаризованного гаранта статус-кво. Америка стала империей. Гигантское государство национальной безопасности в целях обслуживания интересов этой империи создало угрозу демократии и республиканским институтам [Хомский, 2017].

Многие обвинения левых ревизионистов в адрес США и американской внешней политики носят либерально-демократический характер. Современный либерализм и левый ревизионизм разделяют враждебность к империализму, милитаризму и вооруженной интервенции. Левые ревизионисты используют либерально-демократическую риторику, чтобы судить о недостатках реальных американских институтов и паттернов поведения. Но сторонники данного течения, кроме того, питают решительную враждебность к капитализму и рыночной экономике, которая отделяет их от современных либеральных обьятий модифицированного рыночного капитализма, рассматриваемого не только как необходимое зло для создания богатства, но и как неотъемлемую часть свободы.

Таким образом, мы рассмотрели идеи, которые вносят в современный внешнеполитический дискурс интеллектуалы из школы Куинси. Важным остается вопрос о том, какой интерес, кроме чисто познавательного, несет в себе информация о таких различных участниках Куинси со столь различными идеологическими подходами. Во-первых, хотелось бы акцентировать внимание на том, что, несмотря на сформированное отечественными СМИ мнение в отношении внешнеполитической повестки США как некоего враждебного России монолита, это не совсем так. Настоящая работа доказывает, что американский экспертно-академический дискурс отличается дискуссионностью, полифоничностью и неоднозначностью оценок, методов и подходов. Во-вторых, с прагматичной точки зрения, знание различных спектров позиций американских интеллектуалов позволит российским ведомствам, осуществляющим проведение внешней политики России, проводить более эффективное взаимодействие с американскими визави при решении сложнейших проблем современного мира.

Список литературы

- Пикетти Т. 2016. Капитализм в XXI веке. М., Ад Маргинем, 592 с.
- Хайек Ф. 2021. Дорога к рабству. М., АСТ, 352 с.
- Хомский Н. 2018. Оптимизм вопреки отчаянию. М., Рипол-Классик, 485 с.
- Boaz D. 2015. *The Libertarian Mind: A Manifesto for Freedom*. New York: Simon & Schuster. 432 p.
- Chomsky N. 2002. *American Power and the New Mandarins*. New York., The New Press. 432 p.
- Deudney D., Ikenberry G.J. 2021. *Misplaced Restraint: The Quincy Coalition Versus Liberal Internationalism* // *Survival*, 63 (4): 7–32.
- Kolko G., Kolko J. 1972. *The Limits of Power: The World and United States Foreign Policy, 1945–1954*. New York., Harper & Row, 820 p.
- Mearsheimer J. 2014. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York., WW Norton & Company, 592 p.
- Pitts J. 2006. *A Turn to Empire: The Rise of Imperial Liberalism in Britain and France*. Princeton, Princeton University Press, 400 p.
- Posen B. 2020. *Europe Can Defend Itself* // *Survival*, 62 (6): 7–34.
- Zinn H. 2015. *A People's History of the United States*. New York, Harper Perennial Modern Classics, 784 p.
- Bacevich A. 2002. *American Empire: The Realities and Consequences of US Diplomacy*. Cambridge, Harvard University Press, 312 p.
- Deudney D., Ikenberry J. 2017. *Realism, Liberalism, and the Iraq War*. *Survival*, 59 (4): 7–26.
- Deudney D., *Bounding Power*. Princeton, Princeton University Press, 384 p.
- Gardner L.C. 1987. *Safe for Democracy: The Anglo-American Response to Revolution, 1813–1923*. Oxford, Oxford University Press, 400 p.

- Haslam J. 2013. *No Virtue Like Necessity: Realist Thought in International Relations Since Machiavelli*. New Haven, Yale University Press, 272 p.
- Immerwahr D. 2019. *How to Hide an Empire: A History of the Greater United States*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 528 p.
- Lieven A. 2021. Vindicating Realist Internationalism. *Survival*, 63 (5): 7–34.
- Mazarr M.J. 2020. Rethinking Restraint: Why It Fails in Practice. *Washington Quarterly*, 42 (2): 7–32.
- Mearsheimer J. 2019. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven, Yale University Press, 328 p.
- Posen B. 2015. *Restraint: A New Foundation for US Grand Strategy*. New York, Cornell University Press, 256 p.
- Preble C. 2009. *The Power Problem: How American Military Dominance Makes Us Less Safe, Less Prosperous, and Less Free*. New York, Cornell University Press, 232 p.
- Quincy Institute for Responsible Statecraft. Quincy Institute Experts Applaud Biden for Ending America’s “Forever” War in Afghanistan?. 21 April 2021, <https://quincyinst.org/press/quincy-institute-experts-applaud-biden-for-ending-mericas-forever-war-in-afghanistan/>. (accessed: 22.01.2023).
- Reid-Henry S. 2019. *Empire of Democracy: The Remaking of the West Since the Cold War, 1971–2015*. New York, Simon & Schuster, 880 p.
- Slobodian Q. 2018. *Globalists: The End of Empire and the Birth of Neoliberalism*. Cambridge, Harvard University Press, 400 p.
- Wohlforth W.C. 2011. Gilpinian Realism and International Relations. *International Relations*, 24 (1): 499–511.
- Wohlforth W. C. 1999. The Stability of a Unipolar World. *International Security*, 24 (1): 5–41.
- Wright T. 2016. Trump’s 19th Century Foreign Policy. *Politico*, 20 January 2016. <https://www.politico.com/magazine/story/2016/01/donald-trump-foreign-policy-213546/>. (accessed: 22.01.2023).

References

- Piketti T. 2015. *Kapitalizm v XXI v. [Capitalism in the 21st century]*. Moscow, Ad Marginem, 592 p. (in Russian).
- Hajek F. 2021. *Doroga k rabstvu [Road to slavery]*. M., AST, 375 p. (in Russian).
- Homskij N. *Optimizm vopreki otchajaniju [Optimism over despair]*. M., Ripol-Classic, 485 p. (in Russian).
- Boaz D. 2015. *The Libertarian Mind: A Manifesto for Freedom*. New York: Simon & Schuster. 432 p.
- Chomsky N. 2002. *American Power and the New Mandarins*. New York., The New Press. 432 p.
- Deudney D., Ikenberry G.J. 2021. Misplaced Restraint: The Quincy Coalition Versus Liberal Internationalism // *Survival*, 63 (4): 7–32.
- Kolko G., Kolko J. 1972. *The Limits of Power: The World and United States Foreign Policy, 1945–1954*. New York., Harper & Row, 820 p.
- Mearsheimer J. 2014. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York., WW Norton & Company, 592 p.
- Pitts J. 2006. *A Turn to Empire: The Rise of Imperial Liberalism in Britain and France*. Princeton, Princeton University Press, 400 p.
- Posen B. 2020. Europe Can Defend Itself // *Survival*, 62 (6): 7–34.
- Zinn H. 2015. *A People’s History of the United States*. New York, Harper Perennial Modern Classics, 784 p.
- Bacevich A. 2002. *American Empire: The Realities and Consequences of US Diplomacy*. Cambridge, Harvard University Press, 312 p.
- Deudney D., Ikenberry J. 2017. Realism, Liberalism, and the Iraq War. *Survival*, 59 (4): 7–26.
- Deudney D., *Bounding Power*. Princeton, Princeton University Press, 384 p.
- Gardner L.C. 1987. *Safe for Democracy: The Anglo-American Response to Revolution, 1813–1923*. Oxford, Oxford University Press, 400 p.
- Haslam J. 2013. *No Virtue Like Necessity: Realist Thought in International Relations Since Machiavelli*. New Haven, Yale University Press, 272 p.
- Immerwahr D. 2019. *How to Hide an Empire: A History of the Greater United States*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 528 p.
- Lieven A. 2021. Vindicating Realist Internationalism. *Survival*, 63 (5): 7–34.
- Mazarr M.J. 2020. Rethinking Restraint: Why It Fails in Practice. *Washington Quarterly*, 42 (2): 7–32.

- Mearsheimer J. 2019. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven, Yale University Press, 328 p.
- Posen B. 2015. *Restraint: A New Foundation for US Grand Strategy*. New York, Cornell University Press, 256 p.
- Preble C. 2009. *The Power Problem: How American Military Dominance Makes Us Less Safe, Less Prosperous, and Less Free*. New York, Cornell University Press, 232 p.
- Quincy Institute for Responsible Statecraft. Quincy Institute Experts Applaud Biden for Ending America's "Forever" War in Afghanistan'. 21 April 2021, <https://quincyinst.org/press/quincy-institute-experts-applaud-biden-for-ending-mericas-forever-war-in-afghanistan/>. (accessed: 22.01.2023).
- Reid-Henry S. 2019. *Empire of Democracy: The Remaking of the West Since the Cold War, 1971–2015*. New York, Simon & Schuster, 880 p.
- Slobodian Q. 2018. *Globalists: The End of Empire and the Birth of Neoliberalism*. Cambridge, Harvard University Press, 400 p.
- Wohlforth W.C. 2011. Gilpinian Realism and International Relations. *International Relations*, 24 (1): 499–511.
- Wohlforth W.C. 1999. The Stability of a Unipolar World. *International Security*, 24 (1): 5–41.
- Wright T. 2016. Trump's 19th Century Foreign Policy. *Politico*, 20 January 2016. <https://www.politico.com/magazine/story/2016/01/donald-trump-foreign-policy-213546/>. (accessed: 22.01.2023).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.03.2023

Received 20.03.2023

Поступила после рецензирования 21.04.2023

Revised 21.04.2023

Принята к публикации 25.04.2023

Accepted 25.04.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Старкин Сергей Валерьевич, профессор, зав. кафедрой политологии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; старший научный сотрудник Международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов», Нижегородский государственный университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0009-0002-9730-482X](https://orcid.org/0009-0002-9730-482X)

Sergey V. Starkin, Professor, Head of the Department of Political Science, Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky; Senior Research Fellow, International Interdisciplinary Research Laboratory "Study of World and Regional Socio-Political Processes", Nizhny Novgorod State University N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia

Приписнова Елена Сергеевна, доцент кафедры политологии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0009-0004-6386-3425](https://orcid.org/0009-0004-6386-3425)

Elena S. Pripisnova, Associate Professor, Department of Political Science, Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Гнездова Елена Владимировна, доцент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0009-0003-4981-2050](https://orcid.org/0009-0003-4981-2050)

Elena V. Gnezdova, Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Local History, Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 32

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-526-536

Оригинальное исследование

Технократизм как политическая технология мифотворчества в государственном управлении России

Прасов А.А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
119571, г. Москва, проспект Вернадского, дом 82, строение 1
E-mail: prasovana@gmail.com

Аннотация. Исследуется технократизм как политическая технология в государственном управлении России и его роль в формировании политического мифотворчества. Указываются теоретические основания технократизма для раскрытия содержания и сущности концепции. Определяется технологическая роль и значение медийной среды при реализации технократизма как политической технологии в государственном управлении России. В качестве примеров рассматриваются конкретные государственные политические деятели и чиновники, зарекомендовавшие себя как успешные технократические менеджеры и управленцы. Обосновывается вывод о перспективах и значимости продвижения государственных деятелей – технократов, изучаются особенности политического мифотворчества эффективности технократов. Обозначается ряд проблем, свойственных при реализации практики продвижения технократических лидеров, а также прогнозируется возможный исход кадровой политики по отношению к технократическим менеджерам в руководящих должностях. Сформулированные выводы по данной статье будут полезны для исследований в области политических и социальных исследований.

Ключевые слова: Технократизм, губернаторы новой волны, политический миф, мифотворчество, ротация управленческого состава, медийный образ, политические технологии

Для цитирования: Прасов А.А. 2023. Технократизм как политическая технология мифотворчества в государственном управлении России. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 526–536. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-526-536

Technocracy as a Political Technology of Myth-Making in the State Administration of Russia

Anton A. Prasov

Russian Academy of National Economy and Public Administration,
82 Vernadsky Avenue, building 1, Moscow, 119571
E-mail: prasovana@gmail.com

Abstract. This article examines technocracy as a political technology in Russia's government management and its role in shaping political mythology. The theoretical foundations of technocracy are identified to reveal the concept's essence and content. The article determines the technological role and importance of the media environment in implementing technocracy as a political technology in Russia's government management. Specific government politicians and officials who have demonstrated themselves as successful technocratic managers and executives are examined as examples. The article concludes that promoting technocratic leaders has promising prospects and significance and studies the peculiarities of creating political mythology around the effectiveness of technocrats. The article identifies several issues inherent in the implementation of the practice of promoting technocratic leaders and predicts the potential outcome of the personnel policy towards technocratic managers in leadership

positions. The conclusions made in this article will be useful for research in the field of political and social studies. The conclusions formulated in this article may be useful for research in the field of political and social studies.

Key words: Technocracy, new wave governors, political myth, myth-making, rotation of management staff, media image, political technologies

For citation: Prasov A.A. 2023. Technocratism as a Political Technology of Myth-Making in the State Administration of Russia. *Via in tempore. History and political science*, 50 (2): 526–536 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-526-536

Введение

Технократизм является одной из важнейших политических технологий современности, которая активно используется в государственном управлении многих стран, включая Россию. Эта концепция подразумевает управление государством и обществом на основе научного и технического знания, а не политических убеждений или личных качеств лидера. В контексте России технократизм часто ассоциируется с прошлым, в частности советским периодом, когда научно-технический прогресс был приоритетом государства. Ко всему прочему, новый курс правительства по продвижению губернаторов и госслужащих, придерживающихся технократического подхода, становится все больше, отчего мы можем судить также и о нарастающей потребности в данной стратегии.

Однако перед тем как приступить к основной части исследования, разберем происхождение технократии и путь ее становления в России.

Истоки технократического мифа в России берут начало еще с прошлого века, когда в рамках становления советской «большой науки» ученые активно переходили в политическую элиту 1930–1950 гг. [Костерев, 2019, с. 43]. Немного позже, в 70–80 гг. XX века, тенденция на использование технократического мифа в качестве политической технологии и активного внедрения ученых в политическую сферу продолжает сохраняться, однако, по мнению исследователей, выстраиваемая технократическая структура так и не смогла обособиться от советской бюрократии, став ее частью. Влияние советского технократического наследия, сформированного в период с 1930–1980 гг., на формирование позитивного общественного мнения в рамках административного управления было значительным [Костерев, 2019, с. 44]. В то время, когда технократия стала важной политической технологией, создавались условия для роста числа государственных служащих с высшим техническим образованием и повышения важности управленческой компетенции в государственном управлении.

Сегодня, когда Россия переживает новый этап своего развития, технократические идеи, развитые в советский период, продолжают оказывать влияние на формирование положительного общественного мнения в рамках административного управления.

Основная часть

Для начала кратко ответим на вопрос о том, что такое технократия. Рассматривая идеологические предпосылки возникновения технократической идеи, следует выделить несколько мыслителей. В первую очередь стоит рассмотреть идеи технократии в классическом понимании, которые восходят к XX в., к воззрениям и идеям первых теоретиков в лице Т. Веблена и Уильяма Г. Смита. Несмотря на различное понимание в способах и средствах достижения власти будущей технократической элитой, общее понимание технократии характеризовалось через систему государственного управления, реализуемую посредством вовлечения в управленческий процесс служащих, ученых и инженеров [Jones, 1995]. Исследователи также отмечали, что подобная новая политическая элита была вне идеологических рамок, а ее существование обеспечивалось рациональными и прак-

тичными принципами сосуществования в рамках некапиталистических экономических отношений. Подобного рода элитная структура базировалась бы на экспертных советах, включающих ученых и государственных служащих как грамотных и квалифицированных профессионалов, способных выстраивать эффективные государственные стратегии и рационализировать процесс управления.

Другая трактовка понимания технократии принадлежит более поздним исследователям 60–70 гг. второй половины XX в. Так, по мнению Д. Белла, под технократией понимается особая форма управления, в основе которой лежат профессиональные знания, экспертиза, а также уровень технологического прогресса.

Данное определение созвучно с классическим пониманием роли технократии в обществе. Тем не менее важен контекст приведенной выше характеристике термина технократия. В первую очередь стоит отметить, что Д. Белл сохраняет преемственность утверждений о том, что технократия не является идеологией, а скорее руководством и принципами рационального управления. Сама по себе подобного рода характеристика неувидительна, учитывая, что на период исследовательских изысканий политологической среды второй половины XX в. приходится тренд «конца идеологий». Разумеется, эти прогнозы оказались далеки от реальности, но тем не менее важны в рамках контекста данного исследования, о чем мы скажем несколько позже.

Другое важное уточнение и дополнение понимания явления технократии – это неразрывность с демократией. Белл подчеркивает, что технократия не должна заменять демократические процессы и политическую власть, но должна дополнять их, обеспечивая необходимую экспертизу и знания для принятия важных решений. Иными словами, технократия становится одной из составных частей политического процесса демократического государства, где технократия принимает участие в государственных делах для эффективного процесса управления.

Анализируя теории «конца идеологии», стоит выделить несколько отдельных характеристик, связываемых с концепцией деидеологизации и технократизации. В первую очередь, у ряда исследователей под понятием «конца идеологии» понимается процесс гомогенизации общества и вытеснение политических противоречий из сферы дискуссий о фундаментальных ценностях общества в сферу решения конкретных технических и административных задач. В частности, именно так рассматривал данную идею в своих работах С. Липсет [Lipset, 2016, с. 478, 482–485]. Дополнительным тезисом, связанным как с технократией, так и с концепцией «конца идеологии», является критика современной системы представительной демократии. В частности, П. Розанваллон в своей работе «Демократическая легитимность: беспристрастность, рефлексивность, смежность», критикуя современные парламентские системы, выделяет как одну из альтернатив «легитимность беспристрастности», подразумевая под ней распространение и повышение влияния независимых и неизбираемых структур, самым ярким примером которых являются центральные банки [Rosanvallon, 2011].

Особо стоит выделить такой специфический случай теории технократического правления, как теория авторитарной модернизации. Данная теория строится на нескольких предпосылках, первой из которых является во многом подходящая и классической технократии идея о том, что политика представляет собой процесс поиска некой заранее существующей истины, ведущей к правильному пути развития. Второй ключевой предпосылкой является то, что для наиболее эффективного продвижения прогрессивных идей их носителям во власти должны быть даны особые полномочия, позволяющие не зависеть от мнения населения [Huntington, 2004, с. 155–157]. Так, У. Истерли связывает рождение и развитие такого комплекса идей Г. Мюрдалем, считавшим, что для высоких темпов развития жителям стран третьего мира с «преимущественно неграмотным и апатичным населением» необходимы сильные национальные правительства [Easterly, 2016, с. 67–69].

Особенно стоит отметить, что данные признаки являются в значительной мере взаимодополняющими и взаимоусиливающими друг друга, что позволяет через популяризацию и усиление каждого отдельного признака способствовать развитию и прочих элементов технократии.

При рассмотрении политтехнологической стороны технократии стоит выделить несколько ее аспектов. В первую очередь, подобным аспектом является то, что технократия является одним из наиболее предпочтительных вариантов для населения в случае дискредитации системы публичной политики. В частности, ряд проведенных исследований в США показывает, что наиболее ценными качествами для политиков граждане считают минимизацию политической составляющей государственного управления в приоритет компетентности и неангажированности управленцев. Данный феномен получил название «Невидимой демократии» [Hibbing, Theiss-Morse, 2002, с. 3, 129]. Кроме того, серьезным фактором, влияющим на популярность технократической идеи, является определенная схожесть с идеями популизма. У популизма и у технократии в современной ситуации схожий враг в лице системы современной представительной демократии и её процедур, что позволяет им сближаться в общественном пространстве по принципу «теории подковы» [Bickerton, Invernizzi, 2017, с. 187–190]. В частности, при анализе общественных настроений в странах Европы исследователи Д. Кармани и Э. Бертсу выяснили, что при серьезных различиях в устремлениях у сторонников технократии и популизма их объединяет и ряд важных вещей, таких как одинаковое отношение к существующей политической системе [Bertsou, Caramani, 2022, с. 6].

Становление и развитие технократизма не обошло и современную Россию. Прежде всего, это связано с растущей потребностью в формировании новых технократических кадров ввиду того, что с начала 2010-х годов российское правительство столкнулось с необходимостью реформирования экономики и управления сложными системами, такими как здравоохранение, транспорт и промышленность, а также развивающимся кризисом доверия к власти и неэффективностью региональных администраций.

Так, в выступлении 2013 г. В.В. Путин уделил первостепенное внимание тематике государственного и муниципального управления, где в числе неразрешенных проблем отметил неэффективное управление в региональных и муниципальных центрах и коррупцию [Послание Президента..., 2013]. В рамках задач по преодолению этих проблем, озвученных президентом, были сделаны акценты на создание такого образа власти, где «любой гражданин способен дотянуться до нее рукой», а в качестве идеального образа политика стоял «профессионал, с душой, с полной самоотдачей» [Послание Президента..., 2014]. В качестве одной из причин запуска данного процесса является недоверие граждан к политическим элитам и их способности решать проблемы в стране.

В некотором роде подобная установка сверху дополнительно указывает на выработку политтехнологического курса по формированию у населения нового образа и восприятия российского управления.

Активной фазой данного начала процесса можно выделить этап с 2012 по 2016 годы, когда в России началась масштабная ротация губернаторов и были заменены около половины всех глав регионов. Этот процесс был связан с целым рядом факторов, включая низкую эффективность текущих руководителей, устаревшие методы управления, отсутствие инвестиций и развития в регионах и, возможно, политические факторы [Слатинов, Меркулова, 2015, с. 38–39]. Главной целью этой ротации было улучшение управления регионами и повышение эффективности их работы, а сами новоявленные губернаторы стали именоваться «губернаторами новой волны» [Губернаторы новой волны..., 2020].

«Губернаторы новой волны» – это термин, который используется для обозначения новых глав регионов, назначенных на должности с 2012 года. Одной из главных задач для них было приведение регионов к новым целям и программам, установленным на федеральном

уровне. Это включало в себя решение социально-экономических проблем и преобразования в других отраслях жизни общества. При этом акцентировалось внимание на том, что новые губернаторы будут тесно связаны с федеральным центром, а также смогут продвигать в условиях ограниченных ресурсов оптимизационные для регионов политики.

Разумеется, не все новые губернаторы относятся к технократам. Так, в рамках исследования ЦПК, изучающих перестановки в губернаторских креслах с 2012 по 2020 гг., выделяют несколько основных типажей («политическая номенклатура», «политический карьерист», «представитель титульной нации», «чистый силовик», «представитель ФПГ»), где в контексте статьи важен типаж «чистого технократа». К данному типуажу относят «управленцев, которые делали карьеру, прежде всего, в органах исполнительной власти на федеральном и региональном уровне на позициях, которые предполагали решение управленческих задач». Из всех новоизбранных на тот период времени губернаторов, по мнению исследовательской группы, к типуажу «чистого технократа» можно отнести 11 губернаторов: Антон Алиханов (Калининградская область), Дмитрий Овсянников (Севастополь), Максим Решетников (Пермский край) и др. [Губернаторы новой волны..., 2020].

Для того чтобы понять сущность явления «губернаторов новой волны», рассмотрим его на конкретном примере. В качестве такого примера рассмотрим М.Г. Решетникова, который был назначен губернатором Пермского края в 2017 году. Ранее он занимал высокие должности в крупных компаниях, таких как «Роснано» и «Росатом». Он также работал в Правительстве России, где занимался экономическими вопросами. После его назначения в Пермский край он начал проводить реформы, направленные на увеличение инвестиций и развитие экономики региона. Их можно свести к реализации двух масштабных проектов – это «IT-кластер» и «Городская среда».

Опираясь М.Г. Решетников на собственные кадры так называемых «московских пермяков» – специалистов с пермскими корнями, успевших поработать в столице. Среди них руководитель аппарата краевого правительства Е. Лопаева, министр строительства М. Сюткин и глава минфина Е. Чугарина [С технократическим приветом, 2017]. Наиболее заметными результатами его деятельности считаются развитие инфраструктурных проектов, равно как и первое за 10 лет профицитное исполнение бюджета. При этом нередко региональные СМИ в качестве инновационного шага губернатора рассматривают активное пользование социальными сетями [Максим Решетников..., 2020]. Особо необходимо отметить, что после работы в должности губернатора он был назначен министром экономического развития РФ, что является дополнительным интересным обстоятельством, ведь ранее министерство возглавлял М.С. Орешкин, также считающийся технократом в публичном поле, что позволяет рассматривать данное министерство как одно из более релевантных технократических учреждений [Экзекуция министра, 2019].

Таким образом, под ранее указанные признаки технократии можно отнести акцент на особых экспертных знаниях управленцев, а не на их политическую популярность и народную поддержку (М.Г. Решетников до губернаторства не состоял в партиях). В той же степени к этому можно отнести и деидеологизацию процесса принятия решений. Также, несмотря на выигранные выборы, показатель в 82 % позволяет косвенно подтвердить как тезис о идеологической унификации общества, так и об отсутствии альтернатив, позволяющий существующей власти иметь мандат на управление, независимое от населения.

Как было отмечено ранее, «губернаторы новой волны» были выбраны среди представителей различных профессиональных областей, таких как бизнес, наука и государственная служба. Такие губернаторы, как правило, имеют большой опыт работы в частном секторе и привыкли работать с цифрами и результатами. Тем не менее, как отмечают авторы исследований, доля «чистых технократов» сравнительно невелика. Из 55 всех назначений на пост губернатора с 2012 по 2020 к «чистым технократам» относят 11 губернаторов. Но при этом необходимо выделить несколько основных решений, сим-

волизирующих переход к новой технократической системе управления. В первую очередь это создание ряда новых моделей рекрутирования людей в систему управления. Самым заметным из них является проект «Лидеры России», позиционирующий себя как способы выдвижения новых лидеров во власть. Критерий по отбору, указанный на сайте, предполагает наличие управленческого опыта без какой-либо сепарации на политический или неполитический опыт [О конкурсе «Лидеры России», 2017].

Похожие тенденции показывает список победителей конкурсов, подавляющее большинство которых не связано с политическими должностями. Данные факты характеризуют конкурс «Лидеры России» как элемент построения технократического формата управления по критерию востребованности именно лидерских компетенций. Несмотря на то, что данные критерии не являются строго техническими, именно обладание ими и определяет, по мнению авторов конкурса, лидерские компетенции [Опарина, Панова, 2019, с. 21]. Кроме того, исследования показывают, что именно сеть конкурсов и олимпиад, организованных АНО «Россия – страна возможностей», частью которой и является конкурс «Лидеры России», становится новой и наиболее динамично развивающейся сетью рекрутирования политических лидеров [Палитай и др., 2020, с. 70]. Отдельно стоит выделить такую инициативу, как создание программы повышения квалификации при университете Сбербанка, созданной именно с целью приобщения чиновников высокого ранга к современным технологиям [Греф научит..., 2016].

Важным элементом, на который необходимо обратить внимание, является расширение системы КРП на губернаторском уровне с расширением числа анализируемых пунктов. Таким образом, губернаторы ставятся в большей степени под контроль именно от центральной власти, а не от населения, что периодически подтверждается высказываниями провластных спикеров [Песков назвал КРП..., 2021]. Также губернаторские КРП указываются и как элемент выполнения непосредственных указаний и проектов из центра, и наиболее ярко это проявляется в национальных проектах [КРП – экзамен..., 2021].

К другому примеру генерации технократического образа политиками в рамках политических технологий можно отнести М.В. Мишустина как второго по значению политического лица в государстве и, соответственно, ролевую модель политика в Российской Федерации.

Особый интерес в контексте персоналий вызывает анализ деятельности человека, занимающего должность Председателя Правительства Российской Федерации, так как именно она считается второй по значимости политической должностью в Российской Федерации и, соответственно, может считаться неким эталоном успешной политической карьеры. М.В. Мишустин был назначен Председателем Правительства Российской Федерации в январе 2020 года и с тех пор получил значительную медийную поддержку как в России, так и за ее пределами. В частности, его успешное руководство Федеральной налоговой службой и внедрение цифровых технологий в работу государственных служб вызывают уважение у многих [Михаил Мишустин..., 2020].

Назначение М.В. Мишустина на должность было произведено по инициативе Президента России В.В. Путина, что подтверждает его поддержку технократических кадров.

После назначения на должность Председателя Правительства Российской Федерации М.В. Мишустин получил широкую медийную поддержку со стороны российских СМИ. Он часто появляется в новостях, где говорит о своих приоритетах и планах на будущее. Его успехи и достижения, в том числе в области цифровизации государственного управления, широко освещаются в СМИ [Технократ, удививший мир..., 2020]. Интервью эксперта Московского отделения «Опоры России» А. Петропольского способствовало формированию образа «супермегаэффективного технократа». В основе этого образа лежит бэкграунд политика, который можно интерпретировать как технократа. В классическом понимании технократ – это человек с техническим образованием и профессиональными

компетенциями в соответствующей области, который использует технологические достижения при решении социальных проблем. М.В. Мишустин окончил Московский государственный технологический университет «Станкин» в 1989 году по специальности «системы автоматизированного проектирования», получив квалификацию инженера-системотехника, и окончил аспирантуру в этом же учебном заведении в 1992 году. Биографические данные укрепляют политический миф о М.В. Мишустине как о технократе.

Особо следует отметить тот факт, что М.В. Мишустин был первым за 13 лет министром, не связанным с какой-либо партией, что выражает тенденцию к деидеологизации государственного управления.

Также М.В. Мишустин активно использует социальные сети, а международные СМИ интересуются им как перспективным лидером, способным продолжить реформы в России и улучшить экономическое положение страны [Who is Mikhail Mishustin..., 2021]. Все это позволяет М.В. Мишустину держать свой имидж в социальных медиа на высоком уровне, контролировать информационное поле и обеспечивать информационную поддержку своей деятельности. Благодаря этому он остается одним из наиболее популярных и узнаваемых государственных деятелей в России.

Таким образом, в М.В. Мишустине можно увидеть ряд черт, характеризующих его именно как эталон технократа. Неприсоединение его к какой-либо партии, позиционирование как человека с особыми экспертными знаниями, декларируемая выраженная независимость от различных групп интересов показывают в нем эталонный образ технократа во власти.

Рассмотрев ряд примеров, стоит вновь обратиться к структурным особенностям распределения обязанностей технократических госслужащих, чтобы понимать особенности их рабочей деятельности. Несмотря на статус и позиции, ресурсы и структурные ограничения для этих технократов достаточно четко определены. Их участие в процессе принятия реальных политических решений – в области геополитики, внутренней и внешней политики – существенно ограничено [Палитай, Данилова, 2020, с. 255]. Основная задача «технократической» части государственной машины – поддерживать приемлемый для политической системы уровень потребительского оптимизма и помогать системе избегать чрезмерного социального напряжения. Также важно эффективно решать бытовые проблемы. Иными словами, обеспечить высший политический класс нормальным социальным фоном для продолжения своего обычного существования в рамках государственного капитализма. Важно отметить, что акцент политики «технократизации» кадров приходится на региональный уровень управления (хотя в январе 2020 г. процесс затронул российское правительство) [Политика губернаторов-«технократов»..., 2019].

Стоит также отметить, что текущая политика по продвижению госслужащих технократического толка несет в себе ряд проблем, с которыми придется столкнуться российскому правительству. Одной из таких проблем являются сложности, связанные с ограниченностью политического опыта и недостаточной готовностью к работе в условиях политических игр и борьбы за власть. Также могут возникнуть проблемы с недостаточной поддержкой со стороны главы государства или внутри государственных структур. Кроме того, могут возникнуть проблемы с недостаточной компетенцией в некоторых областях, что может привести к ошибкам и неэффективности работы [Понаморёв, 2022, с. 76].

Другой возможной проблемой является ограниченность кругозора и связей в некоторых технократических кругах. Это может привести к тому, что некоторые технократы будут действовать в интересах своих корпораций или групп интересов, а не в интересах государства и общества. В 2006 году в России был введен закон о персональных данных. Однако в ходе его реализации было выявлено, что технократические структуры, которые занимались реализацией закона, не имели достаточного набора данных, чтобы понимать реальные потребности бизнеса и общества. В результате закон стал препятствием для развития многих инновационных проектов и стал причиной массовых штрафов для компаний.

Однако при наличии поддержки высшего руководства и при правильном позиционировании в СМИ технократы могут добиться успеха в своей работе и реализовать эффективные реформы, которые повысят эффективность государственного управления и улучшат жизнь граждан. Кроме того, молодые технократы могут стать «лицом» нового поколения государственных служащих, которые будут ориентированы на инновации и модернизацию.

Заключение

В заключение можно сделать вывод о том, что технократизм является важной политической технологией в государственном управлении России. Так, назначение технократов на руководящие должности позволяет привлекать как высококвалифицированных специалистов с опытом работы в частном секторе, так и представителей из государственных структур, не имеющих четкой политической окраски или находящихся вне политических рамок, имеющих знания и навыки в области экономики, финансов и науки. Генерируемый образ современного, эффективного и динамичного чиновника, готового к принятию новаторских решений и реформ, создаётся в медийном пространстве и получает поддержку главы государства. Вместе с тем такой имидж помогает формировать положительное отношение общественности к технократам, их инициативам и реформам и способствует повышению эффективности государственного управления. Но вместе с тем это политический инструмент, способный повысить популярность правящей элиты в глазах общественности за счет перестановок различных государственных фигур во власти.

Помимо этого, существуют риски того, что технократический подход может привести к усилению бюрократии и отдалению от принципов демократии. Кроме того, медийная поддержка технократов может создавать искажённое представление об их профессиональных качествах и достижениях, а также вести к обезличиванию государственных органов власти, что может дополнительно усиливать отчужденность населения к политике.

Тем не менее технократизм продолжает развиваться и занимает важное место в российском общественном сознании. В будущем, мы полагаем, можно ожидать дальнейшего укрепления роли технократов в государственном управлении и их влияния на политические решения и реформы в России.

Список литературы

- Греф научит заместителей министров управлять страной. 2016. URL: <https://www.rbc.ru/finances/21/04/2016/57175dc19a79472d9aeb14aa> (дата обращения: 17.04.2023).
- Губернаторы новой волны (2017–2020). 2020. // Центр политической конъюнктуры. URL: <https://cpkr.ru/issledovaniya/gubernatory-novoy-volny/gubernatory-novoy-volny-2017-2020/> (дата обращения: 17.04.2023).
- Костерев А.Г. 2019. Феномен советского технократизма: к постановке проблемы (политико-идеологическое и социально-культурное измерения). Вестн. Том. гос. ун-та. История. 58. С. 41–47.
- Липсет С. 2016. Политический человек: социальные основания политики / М. Липсет ; пер. с англ. Е.Е. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. Москва: Мысль. 612 с
- Максим Решетников: итоги губернаторства. 2020. URL: <https://vesti-perm.ru/archive/b0485336c9f54bfe939a03f2b8524a3c> (дата обращения: 17.04.2023).
- Михаил Мишустин: успехи в налоговой сфере и задачи на новом посту. 2020. // Федеральное информационное агентство ТАСС URL: <https://tass.ru/ekonomika/7412501> (дата обращения: 17.04.2023).
- О конкурсе «Лидеры России». Часто задаваемые вопросы URL: <https://xn--d1achcanypala0j.xn--p1ai/faq23> (дата обращения: 17.04.2023).
- Опарина Н.Н., Панова Е.А. 2019. «Лидеры России» как инструмент рекрутирования государственных менеджеров нового поколения. УПИРР, 1. С. 19–24.

- Палитай И.В., Данилова А.С. 2020. Региональные руководители нового поколения: результаты политико-психологического анализа. Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 54. 68–77.
- Палитай И.С., Попова С.Ю., Селезнева А.В. 2020. Рекрутирование молодых политических лидеров в современной России: каналы, формы, технологии. Вестн. Том. гос. ун-та. 455. С. 70–80.
- Песков назвал КРІ для губернаторов естественным ограничением для несменяемости власти. 2021. URL: <https://tass.ru/politika/10860801> (дата обращения: 17.04.2023).
- Политика губернаторов-«технократов»: от инфраструктуры к социальному развитию // Агентство политических и экономических публикаций. 2019. URL: http://apcom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=5505&sphrase_id=28233 (дата обращения: 17.04.2023).
- Понаморёв А.Б. 2022. Технократизм в государственном и муниципальном управлении: опыт реализации и перспективы применения в России // *Caucasian Science Bridge*. 2 (16). С. 37–45.
- Послание Президента Федеральному Собранию от 04.12.2014 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39443> (дата обращения: 17.04.2023).
- Послание Президента Федеральному Собранию от 12.12.2013. - URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 17.04.2023).
- С технократическим приветом. Политические итоги 2017-го в Guide. 2017. «Пермский край. Итоги года» URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3508920> (дата обращения: 17.04.2023).
- Слатинов В.Б., Меркулова К.Г. 2015. Современный этап российской муниципальной реформы: содержание и ожидаемые эффекты. *Среднерусский вестник общественных наук*. 3. С. 37–45.
- Технократ, удививший мир // Новостное агентство Пятый канал. 2020. URL: <https://www.5-tv.ru/news/280131/tehnokrat-udivivsiy-mir-kto-takoj-mihail-misustin/> (дата обращения: 17.04.2023).
- Истерли У. 2016. Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных [Текст] / пер. с англ. О. Левченко; научный редактор перевода Д. Шестаков. М.: Изд-во Института Гайдара. 496 с.
- Хантингтон С. 2004. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 480 с.
- Экзекуция министра. Почему Володин атаковал Орешкина. 2019. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/373103-ekzekuciya-ministra-pochemu-volodin-atakoval-oreshkina> (дата обращения: 17.04.2023).
- КРІ – экзамен для губернаторов или фикция URL: <https://regnum.ru/news/polit/3250221.html> (дата обращения: 17.04.2023).
- Bertsou E. and Caramani D. 2022. People Haven't Had Enough of Experts: Technocratic Attitudes among Citizens in Nine European Democracies. *American Journal of Political Science*, 66: 5–23.
- Bickerton C. and Invernizzi, C. 2017. Populism and technocracy: opposites or complements?, *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, 20: 2, 186–206.
- Hibbing J., Theiss-Morse E. 2002. *Stealth Democracy: Americans Beliefs About How Government Should Work*, 2002. 284.
- Jones B. 1995. *Sleepers, Wake! Technology and the Future of Work*. Oxford, New York: Oxford University Press. 292.
- Rosanvallon P. 2011. *Democratic Legitimacy. Impartiality. Reflexivity. Proximity*. Princeton: Princeton University Press. 248.
- Who is Mikhail Mishustin – Russia's next prime minister? 2021. Deutsche Welle URL: <https://www.dw.com/en/who-is-mikhail-mishustin-russias-next-prime-minister/a-52021268> (дата обращения: 17.04.2023).

References

- Gref nauchit zamestitelej ministrov upravljat' stranoj. 2016. URL: <https://www.rbc.ru/finances/21/04/2016/57175dc19a79472d9aeb14aa> (accessed: 17.04.2023).
- Gubernatory novoj volny (2017–2020). 2020. Centr politicheskoy kon#junkturny. URL: <https://cpkr.ru/issledovaniya/gubernatory-novoy-volny/gubernatory-novoy-volny-2017-2020/> (accessed: 17.04.2023).

- Kosterev A.G. 2019. Fenomen sovetskogo tehokratizma: k postanovke problemy (politiko-ideologicheskoe i social'no-kul'turnoe izmerenija). *Vestn. Tom. gos. un-ta. Istorija*. 58. S. 41–47.
- Lipset C. 2016. *Politicheskij chelovek: social'nye osnovanija politiki* / M. Lipset ; per. s angl. E.E. Gendelja, V.P. Gajdamaka, A.V. Mateshuk. Moskva: Mysl'. 612 s.
- Maksim Reshetnikov: itogi gubernatorstva. 2020. URL: <https://vesti-perm.ru/archive/b0485336c9f54bfe939a03f2b8524a3c> (accessed: 17.04.2023).
- Mihail Mishustin: uspehi v nalogovoj sfere i zadachi na novom postu. 2020. // Federal'noe informacionnoe agentstvo TASS URL: <https://tass.ru/ekonomika/7412501> (accessed: 17.04.2023).
- O konkurse «Lidery Rossii». Chasto zadavaemye voprosy URL: <https://xn--dlachcanyala0j.xn--plai/faq23> (accessed: 17.04.2023).
- Oparina N.N., Panova E.A. 2019. «Lidery Rossii» kak instrument rekrutirovanija gosudarstvennyh menedzherov novogo pokolenija. *UPIRR*. 1. S. 19–24.
- Palitaj I.V., Danilova A.S. 2020. Regional'nye rukovoditeli novogo pokolenija: rezul'taty politiko-psihologicheskogo analiza. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filosofija. Sociologija. Politologija*. 54. S. 68–77.
- Palitaj I.S., Popova S.Ju., Selezneva A.V. 2020. Rekrutirovanie molodyh politicheskikh liderov v sovremennoj rossii: kanaly, formy, tehnologii. *Vestn. Tom. gos. un-ta*. 455. – S. 70–80.
- Peskov nazval KPI dlja gubernatorov estestvennym ogranicheniem dlja nesmenjaemosti vlasti. 2021. URL: <https://tass.ru/politika/10860801> (accessed: 17.04.2023).
- Politika gubernatorov-«tehokratov»: ot infrastruktury k social'nomu razvitiju. Agenstvo politicheskikh i jekonomicheskikh publikacij. 2019. URL: http://apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=5505&sphrase_id=28233 (accessed: 17.04.2023).
- Ponamorjov A.B. 2022. Tehokratizm v gosudarstvennom i municipal'nom upravlenii: opyt realizacii i perspektivy primenenija v Rossii. *Caucasian Science Bridge*. 2 (16). S. 37–45.
- Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju ot 04.12.2014 g. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39443> (accessed: 17.04.2023).
- Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju ot 12.12.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825> (accessed: 17.04.2023).
- S tehokraticheskim privetom. Politicheskie itogi 2017-go v Guide. 2017. «Permskij kraj. Itogi goda» URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3508920> (accessed: 17.04.2023).
- Slatinov V.B., Merkulova K.G. 2015. Sovremennij jetap rossijskoj municipal'noj reformy: sodержanie i ozhidaemye jeffekty. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*. 3. S. 37–45.
- Tehokrat, udivivshij mir. 2020. Novostnoe agentstvo Pjatyj kanal. URL: <https://www.5-tv.ru/news/280131/tehokrat-udivivshij-mir-kto-takoj-mihail-misustin/> (accessed: 17.04.2023).
- Isterli U. 2016. *Tiranija jekspertov. Jekonomisty, diktatory i zabytye prava bednyh* [Tekst] / per. s angl. O. Levchenko; nauchnyj redaktor perevoda D. Shestakov. M.: Izd-vo Instituta Gajdara. 496 s.
- Hantington S. *Politicheskij porjadok v menjajushhihsja obshhestvah*. M.: Progress-Tradicija, 2004. 480 s.
- Jekzekucija ministra. Pochemu Volodin atakoval Oreshkina. 2019. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/373103-ekzekuciya-ministra-pochemu-volodin-atakoval-oreshkina> (accessed: 17.04.2023).
- KPI – jekzamen dlja gubernatorov ili fikcija URL: <https://regnum.ru/news/polit/3250221.html> (accessed 17.04.2023).
- Bertsou E. and Caramani D. 2022. People Haven't Had Enough of Experts: Technocratic Attitudes among Citizens in Nine European Democracies. *American Journal of Political Science*, 66: 5–23.
- Bickerton C. and Invernizzi C. 2017. Populism and technocracy: opposites or complements?, *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, 20: 2, 186–206.
- Hibbing J., Theiss-Morse E. 2002. *Stealth Democracy: Americans Beliefs About How Government Should Work*, 284.
- Jones B. 1995. *Sleepers, Wake! Technology and the Future of Work*. Oxford, New York: Oxford University Press. 292.
- Rosanvallon P. 2011. *Democratic Legitimacy. Impartiality. Reflexivity. Proximity*. Princeton: Princeton University Press. 248.
- Who is Mikhail Mishustin – Russia's next prime minister? 2021. Deutsche Welle URL: <https://www.dw.com/en/who-is-mikhail-mishustin-russias-next-prime-minister/a-52021268> (accessed: 17.04.2023).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.03.2023
Поступила после рецензирования 24.04.2023
Принята к публикации 12.05.2023

Received 26.03.2023
Revised 24.04.2023
Accepted 12.05.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Прасов Антон Антонович, аспирант, кафедра политологии и политического управления Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

 [ORCID: 0009-0004-4530-4136](https://orcid.org/0009-0004-4530-4136)

Anton A. Prasov, a PhD candidate, Department of Political Science and Political Management at the Institute of Social Sciences, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

УДК 323.21

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-537-546

Оригинальное исследование

Взаимодействие государства и бизнеса как стратегия региональной интеграции в Южной Америке

Хенес В.А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Россия, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82
mail: victor.genes@mail.ru

Аннотация. Цель публикации – выявить особенности взаимодействия государства и бизнеса как элемента стратегии региональной интеграции в Южной Америке. Применяются общенаучные методы, историческое описание, структурный и системный анализы, позволяющие изучить развитие взаимодействия государства и бизнеса в Южной Америке. Статья охватывает ретроспективный анализ отношений между государством и бизнесом в Южной Америке и механизмы взаимодействия между государствами и бизнесом в перспективе региональной интеграции. Среди основных результатов было выявлено, что взаимодействие между государством и бизнесом в Южной Америке строится в формате прагматичного альянса, основанного на конъюнктурных интересах между деловым и политическим секторами, независимо от политического проекта и частных интересов, которые есть у субъектов в странах Южной Америки. С другой стороны, среди стран, которые больше выиграли от взаимодействия между государством и компаниями, была Бразилия за счет консолидации ее компаний в регионе и в мире.

Ключевые слова: государство – бизнес, взаимодействие, участие, стратегия интеграции, Южная Америка

Для цитирования: Хенес В.А. 2023. Взаимодействие государства и бизнеса как стратегия региональной интеграции в Южной Америке. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 537–546. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-537-546

The Interaction Between Government and Business as a Strategy for Regional Integration in South America

Genes Aguero Victor Ariel

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
82 Vernadskiy Ave., Moscow 119571, Russia
mail: victor.genes@mail.ru

Abstract. The purpose of the publication is to identify the characteristics of the interaction between the state and companies as a regional integration strategy in South America. The general scientific methods, historical description, structural and systemic analysis that allow to examine the development of interaction between the state and business in South America are applied. The article covers: a retrospective analysis of the relations between the state and companies in South America, and the mechanisms of interaction between states and companies in the perspective of regional integration. Among the main results, it was found that the interaction between the state and companies in South America develops a pragmatic alliance based on conjunctural interests between the business and political sectors, regardless of the political project and the private interests that the actors have in the countries of South America. On the other hand, among the countries that benefited the most from the interaction between the state and companies is Brazil, since it was determined that it had consolidated its companies in the region and in the world.

Keywords: State – enterprises, interaction, participation, integration strategy, South America

For citation: Genes V.A. 2023. The Interaction Between Government and Business as a Strategy for Regional Integration in South America. *Via in tempore. History and political science*, 50 (2): 537–546 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-537-546

Введение

В Южной Америке существует долгая история региональных интеграционных процессов, не всегда имевших значительный успех, поэтому для достижения более эффективной интеграции было разработано несколько стратегий, одной из которых является взаимодействие между государством и бизнесом. Но для эффективного применения этой стратегии в процессах региональной и международной интеграции важно учитывать различные факторы, такие как внешнеполитические интересы как корпораций, так и государства, а также политика в области инфраструктуры и развития.

С другой стороны, в основе отношений между государством и бизнесом в Южной Америке лежит принцип прагматизма, поскольку каждый из субъектов взаимодействия представляет и защищает различные интересы, особенно в проектах инфраструктурных работ в указанном регионе (прежде всего в Парагвае, Аргентине и Бразилии). В то же время имеется ряд механизмов и инструментов, позволяющих консолидировать несопадающие интересы государственного и частного секторов, их цели в ходе заключения соглашений об интеграции, финансировании работ, кредитовании, предоставлении услуг и т. д.

Результаты и их обсуждение

Отношения между государством и бизнесом в условиях неолиберальных циклов в Южной Америке

Во время неолиберальных циклов в Южной Америке стратегии взаимодействия между государством и национальным бизнесом были разрушены. В процессе реформирования государства и в результате приватизации и открытости торговли государственные предприятия пострадали от последствий политики денационализации и деиндустриализации [Sanahuja, 2019, p. 108]. К последствиям указанных процессов, повлиявших не только на отношения по линии «власть – бизнес», но и на социально-экономическую обстановку региона, относятся новое территориальное разделение труда и повышенная гибкость занятости населения, существенно увеличившие уровень безработицы (и способствовавшие росту неформальной занятости населения); стагнация доходов, низкий экономический рост и экономическая реструктуризация, а также приватизация, управление и регулирование которой взяло на себя государство. Все это также сопровождалось притоком иностранных инвестиций в рамках политики открытости и финансового дерегулирования, что, в свою очередь, привело к увеличению зависимости региона от мировых центров власти.

Описываемый период начался с решения вопросов и задач, стоящих перед государством, которые стали очень актуальными в 1980-х и 1990-х годах. С одной стороны, имело место отрицательное вмешательство государства в различные сферы общественной жизни, а с другой – усиливавшийся запрос на государственное вмешательство в экономику как возможный наилучший принцип социально-экономического регулирования [Lechner, 2014]. В этих условиях структурная трансформация государства стала ответом на налоговый кризис и ослабевающие позиции регулирующей функции государственного сектора, а политика либерализации, дерегулирования и приватизации, вдохновленная так называемым «Вашингтонским консенсусом», – ключевым вектором развития региона [Castañeda, 2017; Bresser, 2019].

Начатые преобразования стали выражением более общего подъема неолиберализма, определяемого Д. Харви как «теория политико-экономических практик, основанная на

принципе, согласно которому благосостояние человека достигается за счет неограниченности возможностей и предпринимательских свобод» [Harvey, 2007]. В контексте преобладания свободного рынка, свободы торговли и консолидации прав собственности взаимодействие государства с предприятиями осуществляется с ограничением государственного вмешательства при сохранении за государством функций институционализации процессов, способствующих формированию и развитию деловой практики, в первую очередь направленной на создание свободных рынков в тех областях, где такой свободы не было: в области социального обеспечения, образования, землепользования. Здесь стоит вспомнить, что как раз «неолиберализм ставит во главу угла косвенные методы регулирования, ослабление роли государства, максимальную свободу торговли и движения капитала» [Кондратьев, 2020, с. 38]. Именно поэтому политика неолиберализма была взята на вооружение при проведении государственных преобразований в исследуемом регионе.

Период «неолиберального расцвета» [Ezcurra, 1998] в Южной Америке сопровождался государственными реформами, направленными на перераспределение функций между государством и бизнесом, поскольку стала очевидна необходимость повышения эффективности институтов с целью совершенствования функционирования рынков [Fleury, 1999; Prats, 1999; Vilas, 2000]. В этих рамках акцент был сделан на административных трансформациях государственного аппарата с целью повышения его эффективности и результативности, что усилило ориентацию реформ на основные направления парадигмы «Нового государственного управления» (НПУ) – New public management [López, 2002; Zurbriggen, 2007].

По словам Омара Герреро, в то время как первый этап процесса реформ предполагал «экзоприватизацию», понимаемую как процесс, посредством которого государственное управление передает производство товаров и услуг частным компаниям и организациям, второй этап в значительной степени отождествляется с New public management, что соответствует «эндоприватизации». Последняя предполагает замену управления государственными делами идеями, методологиями и методами, характерными для частного предпринимательства [Guerrero, 2004].

На протяжении 1990-х годов неолиберализм был окончательно принят в подавляющем большинстве стран мира в качестве фундаментального ориентира государственной политики [Ibañez, 2022, p. 69]. Падение Берлинской стены и распад Советского Союза заложили основу для окончательной интронизации рыночной экономики и либеральной демократии, а распад СССР положил еще и начало двадцатилетнему периоду безудержного господства США в мире [Крастев и др., 2021]; в то время как неолиберальный прогресс не только уничтожил «многие материальные завоевания, которых добились народные классы в послевоенные годы, но и негативно повлиял на формы политического и идеологического строительства низших слоев» [Thwaites, 2017, p. 52].

В экономическом плане неолиберализм в Южной Америке прошел два этапа. На первом проводились реформы антиинфляционной корректировки. На втором на основе «Вашингтонского консенсуса» были проведены преобразования в области торговли, приватизации и либерализации условий труда [Katz, 2015]. Способность государства определять приоритеты инвестиционных решений была сильно ослаблена [Vidal, 2007]. Два неолиберальных этапа перестройки и открытости привели к снижению доходов, а также к распаду старой местной промышленности, сформировавшейся во время импортозамещения. Возросла уязвимость всех экономик региона перед лицом неконтролируемого притока или оттока внешнего капитала. Также усилилась зависимость цен от колебания международных цен на сырьевые товары [Katz, 2015]. Латиноамериканские экономики вновь столкнулись со структурной нехваткой иностранной валюты. Они не могли поддерживать резервы или контролировать обменный курс, процентную ставку или уровень инфляции. Когда возник этот дисбаланс, поддерживающие рынок министры отказались от своих доктрин и прибегли к тому же заимствованию, что и их предшественники [Katz, 2019]. Все

это напрямую сказалось на локальных предпринимателях и компаниях Южной Америки – их прибыль и возможность продолжать свой бизнес резко сократились. На государства напрямую повлияла их способность принимать решения в различных аспектах, поскольку неолиберализм «сводит на нет множество социально необходимых функций, которые должно реализовывать государство» [Ильин, 2020, с. 12].

Стратегии стран Южной Америки по защите от неолиберализма

Столкнувшись с углублением неолиберализма на всем континенте, локальные предприниматели Южной Америки изменили свою ориентацию: стремясь защитить свои территории и накопления, они начали активно вступать в союз с политическими деятелями. Кроме того, поиск альтернативных инструментов на основе механизмов государственной поддержки стал новым ответом на углубление неолиберальных повесток дня.

На уровне государств в области внешней политики их целью было стремление к некоторой относительной автономии по отношению к Соединенным Штатам [Sanahuja, 2019], в основном за счет присутствия президентских лидеров в новой организации региональной интеграции в Южной Америке. Это, в свою очередь, привело к усилению государственного управления бизнес-процессами в регионе, способствовало привлечению новых игроков из правящих классов, которые вышли за рамки государственных границ. Частью региональной повестки дня стали позиции корпоративных секторов и компаний, которые были участниками интеграционных процессов в своих сферах деятельности [Barrenegro, 2020, p. 188].

В период с 1995 по 1998 год вступил в силу и был институционализирован таможенный союз МЕРКОСУР (Общий рынок стран Южного Конуса, в который первоначально входили Парагвай, Бразилия, Аргентина и Уругвай). Это стало благоприятным условием для сближения различных институциональных и экономических субъектов южноамериканского региона. Для промышленных секторов МЕРКОСУР имел «стратегическое значение «в рамках» реализации новой модели интеграции стран региона в международный рынок» [Ardissonne, 1999]. Помимо экономических аспектов, политический компонент МЕРКОСУР был ключевым для региональной интеграции – «изначально интеграция рассматривалась как возможность и средство для консолидации демократических режимов» [Жужгин, Хейфец, 2020, с. 118].

Во многих отношениях МЕРКОСУР сыграл ключевую роль в укреплении торговой интеграции и установлении прочных отношений между местными предприятиями и государственными учреждениями. В некотором смысле ряд представителей правительства продолжил продвигать экономическую повестку дня Соединенных Штатов в регионе, что создало определенные ограничения для МЕРКОСУР. Однако развивались и тенденции совместного участия, взаимодействия предпринимателей и правительства, которые ставили под сомнение большую открытость для торговли с США, стремясь изменить баланс в пользу региональной экономической политики, благоприятной для стран-членов из Южной Америки.

В 2005 году со странами Латинской Америки должна была вступить в силу ALCA (Зона свободной торговли стран Северной и Южной Америки – торговое соглашение, продвигаемое Соединенными Штатами). Переговоры по этому вопросу велись с представителями различных стран, но позже проект торгового соглашения был отклонен во многом благодаря консолидации усилий предпринимателей аграрного и промышленного секторов и представителей государственного сектора во главе с президентами стран-членов МЕРКОСУР Нестором Киршнером из Аргентины, Лулой да Силвой из Бразилии, Никанором Дуарте Фрутосом из Парагвая, Табаре Васкесом из Уругвая, Уго Чавесом из Венесуэлы. В качестве альтернативы в регионе была создана модель стратегического партнерства делового и государственного секторов. Кроме того, после перезапуска МЕРКОСУР совместно с другими субъектами Южной Америки и начала переговоров между Меркосур и Европейским союзом механизмы защиты южноамериканских компаний и государств были усилены [Barrenegro, 2020].

Таким образом, в результате консолидации интересов промышленной и сельскохозяйственной групп интересов регион отказался от ALCA в 2005 году. Можно говорить, что в Южной Америке сформировался новый блок интересов [Berringer, 2015], состоящий из различных представителей правящих классов, бизнес-элит и государственных структур, объединенных общей целью – защиты экономических и политических интересов региона.

Механизмы сотрудничества между государствами Южной Америки и национальные компании в контексте региональной интеграции

Механизмы защиты экономических и политических интересов в регионе предоставили возможность для реализации совместных проектов государствами Южной Америки и национальными компаниями. В первую очередь, речь идет об инфраструктурных проектах, которые стали базисом для экономической интеграции: от повышения конкурентоспособности, возможности реализации национальных продуктов и услуг на рынках Южной Америки [Wegner, 2018].

Аспекты, связанные с развитием инфраструктуры в регионе, являются ключевыми для интеграции: «уникальной подсистемой региона, способной обеспечить так необходимую на современном этапе экономическую интеграцию, является инфраструктура, носящая межотраслевой характер и выполняющая объединяющую функцию не только между отраслями производства, но и регионами и государствами» [Кельбах, 2016, с. 72].

Бразилия стала основной страной-получателем инфраструктурных проектов, а вместе с ней и бразильские компании, ставшие поставщиками ресурсов, необходимых для реализации этих проектов, что поставило их в привилегированное положение с точки зрения конкуренции и размещения их продуктов и услуг. В первую очередь это связано с решением Бразилии создать инициативу по интеграции региональной инфраструктуры Южной Америки (IRSA), которая официально фигурирует в декларациях Союза Наций Юга (УНАСУР) как один из результатов первой встречи президентов Южной Америки, состоявшейся в городе Бразилиа в 2000 году, организованной президентом принимающей страны Энрике Кардозу, и в которой приняли участие его коллеги из Аргентины, Боливии, Венесуэлы, Гайаны, Колумбии, Парагвая, Перу, Суринама, Уругвая, Чили и Эквадора. IRSA создавалась для содействия интеграции южноамериканского пространства за счет модернизации физической инфраструктуры [De Lisio, 2013], затем IRSA была передана в полное ведение Союза южноамериканских наций (УНАСУР) через Южноамериканский совет по инфраструктуре и планированию (КОСИПЛАН) [Féliz, Melón, 2020]. В настоящее время она продолжает осуществлять инфраструктурные и коммуникационные проекты во многих странах.

IRSA структурирована по следующим направлениям интеграции и развития (EIDs): там, где существуют проекты по развитию двух основных транспортных коридоров север – юг – Панамериканское шоссе, вдоль Андских Кордильер в Венесуэле, Колумбии и Эквадоре и вдоль побережья в Венесуэле, Перу; другая – это Маргинальная дорога в Сельве, огибающая Андский хребет на уровне Лос-Льянос в Венесуэле и тропических лесов Амазонки в Колумбии, Эквадоре и Перу. Таким образом, они становятся товарными брокерами [De Lisio, 2013].

Водная магистраль Парагвай – Парана задумана как проект соединения Сан-Паулу и Буэнос-Айреса путем объединения двух систем водной магистрали, преодолевающих перепад высот в 120 метров, создаваемый плотиной Игуасу. Амазонка считается мультимодальной транспортной системой, соединяющей Андско-Тихоокеанские порты с бразильскими портами Манаус, Вифлеем и Макапа. Особое внимание уделяется строительству автомагистрали Бразилиа – Лима, известной также как Южная Трансамазоника в рамках Центрального межконтинентального коридора.

Практически во всех реализованных и планируемых к воплощению в жизнь инфраструктурных проектах участвует бразильский бизнес из числа основных строительных компаний Odebrecht, Camargo Corrêa, Andrade Gutiérrez и Queiroz Galvão, которые следуют по

пути интернационализации, становясь глобальными игроками благодаря экспансии в Латинскую Америку. Но также важно отметить, что бразильские компании являются частью консорциумов с компаниями из других стран, что способствует интеграции бизнеса в инфраструктурные проекты. Например, в Парагвае бизнес-консорциумы в основном создаются строительными компаниями. Таким примером может служить строительство Биокеанского коридора, где проект реализуется через консорциум «Биокеанский коридор», состоящий из бразильской компании Queiroz Galvão SA и парагвайской компании Ocho A. Биокеанский коридор – самый важный проект, реализуемый в парагвайском Чако Министерством общественных работ и коммуникаций (МОРС) в соответствии с Законом 5074 «под ключ», с инвестициями в размере 445 миллионов долларов США [МОРС, 2022]. Биокеанский коридор соединится с морским портом Бразилии, пройдет через Парагвай и достигнет морского порта Чили, превратив Парагвай в потенциальный логистический центр.

Еще одним механизмом, который способствовал расширению взаимодействия между южноамериканскими государствами и компаниями в рамках региональной интеграции, является государственно-частное партнерство. Большая часть инвестиций в рамках указанного механизма была вложена в крупные страны, особенно в Бразилию, значительное количество небольших государств заявляет о готовности к государственно-частному партнерству – они создают новые управляющие агентства и приобретают специализированный опыт внедрения инструмента государственно-частного партнерства.

За последние 3 года Парагвай и Уругвай сформировали новые агентства и подразделения по государственно-частному партнерству, передали проекты на аутсорсинг структурам, в активе которых имеется подтвержденный успешный опыт реализации проектов в области государственно-частного партнерства. Уругвай предпринял важные шаги по структурированию 8 проектов на общую сумму более миллиарда долларов в области возобновляемых источников энергии, а также двух других пилотных проектов. И все это в рамках нового национального закона о государственно-частном партнерстве. Парагвай быстро добился прогресса в создании новой правовой базы и специализированной рабочей группы, а также в структурировании двух первоначальных проектов: аэропорта для своей столицы Асунсьона и дорожной сети [Bloomgarden, 2020]. В настоящее время в Парагвае одним из проектов строительства дорог является проект маршрутов 2 и 7, который является первым контрактом в рамках государственно-частного партнерства. Аналогичные проекты реализуются в рамках заключенного правительством Парагвая соглашения с консорциумами Sacug-Mota Engil-Ocho A для расширения маршрутов 2 и 7, от города Асунсьон до Сьюдад-дель-Эсте. Подписание контракта включает проектирование, финансирование, строительство, техническое обслуживание и эксплуатацию в течение 30 лет в соответствии с законом 5102/2013 о государственно-частном партнерстве [AIP, 2022].

Таким образом, очевидно, что государства стран Южной Америки поощряют политику экономического развития и региональной интеграции, при которой компании участвуют в региональной динамике во взаимодействии с правительствами. Несмотря на то, что они начали заниматься гражданским строительством, они диверсифицировались и расширились, пока не превратились в компании, предоставляющие инженерные услуги и материалы для строительства среди прочего в производственной деятельности [Pedreira, 2017]. Представители правительства, компании, промышленные группы и банки участвуют в процессе южноамериканской интеграции с различными параметрами, интересами и целями.

Заключение

Взаимодействие между государством и бизнесом в Южной Америке понимается как прагматичный союз, основанный на конъюнктурных интересах, которые позволили утвердиться и сохраниться с течением времени при благоприятных условиях.

Государства в Южной Америке предоставили определенным компаниям государственное финансирование. Тем самым был достигнут ряд целей, ключевой среди которых является поддержка национальных компаний с помощью преференций. Это позволяет снизить влияние иностранного капитала, избегая его влияния на процессы управления ресурсами и распределения прибыли, полученной от их добычи и/или обработки, направляемой за пределы региона.

Взаимодействие между государством и бизнесом в Южной Америке является примером интересной успешной региональной интеграции, но мы не должны забывать, что регион прошел процесс трансформации в глобальную платформу, который сопровождался конфликтами на некоторых территориях. Сегодня наблюдается тенденция активизации выстраивания странами Южной Америки взаимоотношений не только с ближайшими соседями из Северной Америки, но и с демонстрирующим рост как политического, так и экономического влияния Китаем, что в перспективе скажется на трансформации ориентиров и во внешней экономической политике региона. А это, в свою очередь, может породить ряд противоречий, выходящих за рамки национальных границ, учитывая транснациональный масштаб капитала. Этот аспект, пронизывающий связи между государством и национальными компаниями в странах Южной Америки, уже четко проявился в случае Бразилии. Парадоксально, но среди стран региона именно эта страна консолидировала свои компании по отношению к своему внутреннему рынку, региону и миру.

Список литературы

- Жужгин И.М., Хейфец Л.С. 2020. Теории региональной интеграции и опыт Меркосур. Актуальные проблемы экономики и управления. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. 2 (26): 116–121.
- Ильин А.Н. 2020. Идеология неолиберализм: Сущность и социальные последствия. Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2 (13): 9–20.
- Кельбах С.В. 2016. Роль инфраструктуры в процессе пространственной интеграции экономики региона. Научный журнал на тему: Экономика и бизнес, Социологические науки, Языкознание и литературоведение. СПбГЭУ. 3 (93): 71–78.
- Кондратьев В.Б. 2020. Перспективы неолиберализм. Перспективы. Электронный журнал. 2: 38–54. doi: 10.32726/2411-3417-2020-2-38-54.
- Крастев И., Легвольд Р., Магун А., Манн М., Мауль Х., Махбубани К., Нардин Т., Тойе А., Туран И., Фриман Ч., Чжан Ш. 2021. Советский Союз уничтожил Запад, добровольно уничтожив себя. Россия в глобальной политике. 6 (19): 154–178.
- Ardissone C.M. P. 1999. Percepções e o empresariado industrial brasileiro no contexto do Mercosul. Instituto de Pesquisa em Relações Internacionais, PUC-RJ, Rio de Janeiro. 3. 75–88.
- AIP Agencia de Información Paraguaya. URL: <https://www.ip.gov.py/ip/se-realizo-la-firma-de-app-para-la-ampliacion-de-las-rutas-2-y-7/> (accessed: 22.09.2022).
- Barrenengoa A. 2020. Desbordar lo nacional: la multiplicidad de actores en la política exterior brasilera, en tiempos de lulismo. Relaciones Internacionales- Universidad Nacional de La Plata, Argentina. 29 (58): 97–112.
- Berringer T.A. 2015. Burguesia brasileira e a política externa nos governos FHC e Lula. URL: https://www.ifch.unicamp.br/criticamarxista/arquivos_biblioteca/resen%20a2017_06_09_18_44_2_2.pdf (accessed: 16.10.2022).
- Bloomgarden D. 2020. La «latinización» de las asociaciones público-privadas: lo que el mundo puede aprender de América Latina y el Caribe. BID Invest. URL: <https://idbinvest.org/es/blog/latinizacion-de-las-asociaciones-publico-privadas-lo-que-el-mundo-puede-aprender-de-america> (accessed: 17.10.2022).
- Bresser L. C. 2019. Estado y mercado en el Nuevo Desarrollismo. Nueva Sociedad. 210: 110–125.
- Castañeda V.M.; Díaz B.O. 2017. El Consenso de Washington: algunas implicaciones para América Latina. Apuntes del CENES, 36 (63): 15–45.
- De Lisio A. 2013. La IIRSA o la integración física suramericana como dilema eco-sociopolítico. CLACSO. URL:

- <http://biblioteca.clacso.edu.ar/gsdll/collect/clacso/index/assoc/D8925.dir/clacso.pdf> (accessed: 17.10.2022).
- Ezcurra A.M. 1998. ¿Qué es el neoliberalismo? Evolución y límites de un modelo excluyente. IDEAS Instituto de Estudios y Acción Social. URL: <https://www.studocu.com/es-ar/document/universidad-de-buenos-aires/politica-educacional/ezcurra-1998-que-es-el-neoliberalismo/18074562> (accessed: 19.10.2022).
- Féliz M. y Melón D. 2020. IIRSA, subimperialismo brasileño y resistencias populares. Los conflictos en torno a la represa de Inambari (Perú) y de la carretera sobre el TIPNIS (Bolivia). Estudios Socioterritoriales. Revista de Geografía. 28(56): 1–17. doi: <https://doi.org/10.37838/unicen/est.28-056>
- Fleury S. 1999. Reforma del Estado en América Latina. ¿Hacia dónde? Nueva Sociedad. 160: 58–80.
- Guerrero O. 2004. El mito del nuevo management público. In: Guerrero, O. (Ed.). Gerencia pública: una aproximación plural. UNAM, Dirección General de Publicaciones y Fomento Editorial. 4: 67–137.
- Harvey D. 2007. Breve historia del neoliberalismo. Akal. URL: <http://www.economia.unam.mx/academia/inae/pdf/inae4/u114.pdf> (accessed: 22.10.2022).
- Ibañez M. 2022. De la privatización a la corporatización neoliberal: tendencias recientes de las políticas para las empresas públicas en el caso argentino (2015-2018). REAd. Rev. electrôn. adm. Porto Alegre. URL: <https://doi.org/10.1590/1413-2311.236.86414> (accessed: 22.10.2022).
- Katz C. 2015. «Peculiaridades del neoliberalismo en América Latina», Pacarina del Sur [En línea], año 7, núm. 25, octubre-diciembre, 2015. ISSN: 2007-2309. URL: <http://pacarinadelsur.com/home/abordajes-y-contiendas/1211-peculiaridades-del-neoliberalismo-en-america-latina> (accessed: 22.08.2022).
- Katz C. 2019. Neoliberales en América Latina In: Neoliberalismo, Neodesarrollismo y Socialismo bolivariano: Modelos de desarrollo y Políticas públicas en América Latina [en línea]. Ariadna Ediciones. Santiago. URL: <http://books.openedition.org/ariadnaediciones/4197> (accessed: 22.09.2022).
- MOPC. 2022. Corredor vial bioceánico. Ministerio de Obras Públicas y comunicaciones de la República de Paraguay. URL: <https://www.mopc.gov.py/index.php/obras-emblematicas/corredor-vial-bioceanico> (accessed: 16.10.2022).
- Lechner N. 2014. El debate sobre Estado y mercado. Estud. - Cent. Estud. Av., Universidad Nacional de Córdoba. 31: 237–248. DOI: <https://doi.org/10.31050/re.v0i31.9417>.
- López A. 2002. La Nueva Gestión Pública: algunas precisiones para su abordaje conceptual: Serie I: Desarrollo Institucional y Reforma del Estado: Instituto Nacional de la Administración Pública - Dirección de Estudios e Información. URL: <http://www.gestionjudicial.com.ar/index.php/home-page/lista-completa/item/6-administracion/20-la-nueva-gestion-publica-algunas-precisiones-para-su-abordaje-conceptual#.ZBi9X3bP1RY> (accessed: 18.10.2022).
- Pedreira K.H.K.X. 2017. A construção civil brasileira nos tempos da Operação Lava Jato. Jornal dos Economistas. URL: https://www.academia.edu/36414166/A_constru%C3%A7%C3%A3o_civil_brasileira_nos_tempos_da_Oper%C3%A7%C3%A3o_Lava_Jato (accessed: 23.10.2022).
- Prats I.J. 1999. Reforma del Estado y Cooperación para la Reforma del Estado en América Latina. Nueva Sociedad. 160: 110–125.
- Sanahuja J.A. 2019. La crisis de la integración y el regionalismo en América Latina: giro liberal-conservador y contestación normativa/ En: Mesa, Manuela (coord.). Ascenso del nacionalismo y el autoritarismo en el sistema internacional. Anuario 2018-2019. CEIPAZ. 2: 107–127.
- Thwaites R.M. 2017. Encrucijadas del Estado y las empresas públicas en una América Latina en disputa. Estado Abierto. Revista Sobre El Estado, La Administración Y Las Políticas Públicas. 1(3): 41–104.
- Vidal G., Guillen A. 2007. La necesidad de construir el desarrollo en América Latina, Repensar la teoría del desarrollo en un contexto de globalización. CLACSO. URL: https://bibliotecavirtual.clacso.org.ar/ar/libros/edicion/vidal_guillen/ (accessed: 27.10.2022).
- VILAS C.M. 2000. ¿Más allá del «Consenso de Washington»? Un enfoque desde la política de algunas propuestas del Banco Mundial. América Latina Hoy. 26: 21–39. doi: <https://doi.org/10.14201/alh.2690>
- Wegner R.C. 2018. Integração e desenvolvimento econômico: estratégias de financiamento do investimento de infraestrutura sul-americana. Economia y Sociedad. 27(3): 909–938.
- Zurbriggen C. 2007. La «falacia tecnocrática» y la reforma del Estado. A 10 años del Informe del Banco Mundial. Nueva Sociedad. 210: 156–172.

References

- Zhuzhgin I.M., Kheifets L.S. 2020. Teorii regional'noi integratsii i opyt Merkosur. Aktual'nye problemy ehkonomiki i upravleniya [The Mercosur experience within the framework of some theories of regional integration]. Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet aehrokosmicheskogo priborostroeniya. 2 (26): 116–121 (in Russian).
- Il'in A.N. 2020. Ideologiya neoliberalizm: Sushchnost' i sotsial'nye posledstviya. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii [The Ideology of Neo-Liberalism: The Nature and Social Consequences]. Sotsiologiya. Ehkonomika. Politika. 2 (13): 9–20 (in Russian).
- Kel'bakh S.V. 2016. Rol' infrastruktury v protsesse prostranstvennoi integratsii ehkonomiki regiona [Infrastructure role in the course of spatial integration of the regional economy]. Nauchnyi zhurnal na temu: Ehkonomika i biznes, Sotsiologicheskie nauki, Yazykoznanie i literaturovedenie. SPBGEHU. 3 (93): 71–78 (in Russian).
- Kondrat'ev V.B. 2020. Perspektivy neoliberalizm. Perspektivy [Perspectives on neoliberalism]. Ehlektronnyi zhurnal. 2: 38–54. doi: 10.32726/2411-3417-2020-2-38-54 (in Russian).
- Krastev I., Legvol'd R., Magun A., Mann M., Maul' Kh., Makhbubani K., Nardin T., e A., Turan I., Friman Ch., Chzhan Sh. 2021. Sovetski Soyuz unichtozhil Zapad, dobrovol'no unichtozhiv sebya. [The Soviet Union destroyed the West by voluntarily destroying itself]. Rossiya v global'noi politike. 6(19): 154–178 (in Russian).
- Ardissone C.M. P. 1999. Perce s e a s do empresariado industrial brasileiro no contexto do Mercosul. Instituto de Pesquisa em Rel oes Internacionais, PUC-RJ, Río de Janeiro. 3. 75–88.
- AIP Agencia de Información Paraguaya. URL: <https://www.ip.gov.py/ip/se-realizo-la-firma-de-app-para-la-ampliacion-de-las-rutas-2-y-7/> (accessed: 22.09.2022).
- Barrenengoa A. 2020. Desbordar lo nacional: la multiplicidad de actores en la política exterior brasilera, en tiempos de lulismo. Relaciones Internacionales- Universidad Nacional de La Plata, Argentina. 29 (58): 97–112.
- Berringer T.A. 2015. Burguesia brasileira e a política externa nos governos FHC e Lula. URL: https://www.ifch.unicamp.br/criticamarxista/arquivos_biblioteca/resen%20a2017_06_09_18_44_2_2.pdf (accessed: 16.10.2022).
- Bloomgarden D. 2020. La «latinización» de las asociaciones público-privadas: lo que el mundo puede aprender de América Latina y el Caribe. BID Invest. URL: <https://idbinvest.org/es/blog/la-latinizacion-de-las-asociaciones-publico-privadas-lo-que-el-mundo-puede-aprender-de-america> (accessed: 17.10.2022).
- Bresser L. C. 2019. Estado y mercado en el Nuevo Desarrollismo. Nueva Sociedad. 210: 110–125.
- Castañeda V.M.; Díaz B.O. 2017. El Consenso de Washington: algunas implicaciones para América Latina. Apuntes del CENES, 36 (63): 15–45.
- De Lisio A. 2013. La IIRSA o la integración física suramericana como dilema eco-sociopolítico. CLACSO. URL: <http://biblioteca.clacso.edu.ar/gsd/collect/clacso/index/assoc/D8925.dir/clacso.pdf> (accessed: 17.10.2022).
- Ezcurra A.M. 1998. ¿Qué es el neoliberalismo? Evolución y límites de un modelo excluyente. IDEAS Instituto de Estudios y Acción Social. URL: <https://www.studocu.com/es-ar/document/universidad-de-buenos-aires/politica-educacional/ezcurra-1998-que-es-el-neoliberalismo/18074562> (accessed: 19.10.2022).
- Félix M. y Melón D. 2020. IIRSA, subimperialismo brasileño y resistencias populares. Los conflictos en torno a la represa de Inambari (Perú) y de la carretera sobre el TIPNIS (Bolivia). Estudios Socioterritoriales. Revista de Geografía. 28(56): 1–17. doi: <https://doi.org/10.37838/unicen/est.28-056>
- Fleury S. 1999. Reforma del Estado en América Latina. ¿Hacia dónde? Nueva Sociedad. 160: 58–80.
- Guerrero O. 2004. El mito del nuevo management público. In: Guerrero, O. (Ed.). Gerencia pública: una aproximación plural. UNAM, Dirección General de Publicaciones y Fomento Editorial. 4: 67–137.
- Harvey D. 2007. Breve historia del neoliberalismo. Akal. URL: <http://www.economia.unam.mx/academia/inae/pdf/inae4/u114.pdf> (accessed: 22.10.2022).
- Ibañez M. 2022. De la privatización a la corporatización neoliberal: tendencias recientes de las políticas para las empresas públicas en el caso argentino (2015-2018). REAd. Rev. eletrôn. adm. Porto Alegre. URL: <https://doi.org/10.1590/1413-2311.236.86414> (accessed: 22.10.2022).
- Katz C. 2015. «Peculiaridades del neoliberalismo en América Latina», Pacarina del Sur [En línea], año 7, núm. 25, octubre-diciembre, 2015. ISSN: 2007-2309. URL:

- <http://pacarinadelsur.com/home/abordajes-y-contiendas/1211-peculiaridades-del-neoliberalismo-en-america-latina> (accessed: 22.08.2022).
- Katz C. 2019. Neoliberales en América Latina In: Neoliberalismo, Neodesarrollismo y Socialismo bolivariano: Modelos de desarrollo y Políticas públicas en América Latina [en línea]. Ariadna Ediciones. Santiago. URL: <http://books.openedition.org/ariadnaediciones/4197> (accessed: 22.09.2022).
- MOPC. 2022. Corredor vial bioceánico. Ministerio de Obras Públicas y comunicaciones de la República de Paraguay. URL: <https://www.mopc.gov.py/index.php/obras-emblematicas/corredor-vial-bioceanico> (accessed: 16.10.2022).
- Lechner N. 2014. El debate sobre Estado y mercado. *Estud. - Cent. Estud. Av.*, Universidad Nacional de Córdoba. 31: 237–248. DOI: <https://doi.org/10.31050/re.v0i31.9417>.
- López A. 2002. La Nueva Gestión Pública: algunas precisiones para su abordaje conceptual: Serie I: Desarrollo Institucional y Reforma del Estado: Instituto Nacional de la Administración Pública - Dirección de Estudios e Información. URL: <http://www.gestionjudicial.com.ar/index.php/homepage/lista-completa/item/6-administracion/20-la-nueva-gestion-publica-algunas-precisiones-para-su-abordaje-conceptual#.ZBi9X3bP1RY> (accessed: 18.10.2022).
- Pedreira K.H.K.X. 2017. A construção civil brasileira nos tempos da Operação Lava Jato. *Jornal dos Economistas*. URL: https://www.academia.edu/36414166/A_constru%C3%A7%C3%A3o_civil_brasileira_nos_tempos_da_Oper%C3%A7%C3%A3o_Lava_Jato (accessed: 23.10.2022).
- Prats I.J. 1999. Reforma del Estado y Cooperación para la Reforma del Estado en América Latina. *Nueva Sociedad*. 160: 110–125.
- Sanahuja J.A. 2019. La crisis de la integración y el regionalismo en América Latina: giro liberal-conservador y contestación normativa/ En: Mesa, Manuela (coord.). *Ascenso del nacionalismo y el autoritarismo en el sistema internacional*. Anuario 2018-2019. CEIPAZ. 2: 107–127.
- Thwaites R.M. 2017. Encrucijadas del Estado y las empresas públicas en una América Latina en disputa. *Estado Abierto. Revista Sobre El Estado, La Administración Y Las Políticas Públicas*. 1(3): 41–104.
- Vidal G., Guillen A. 2007. La necesidad de construir el desarrollo en América Latina, Repensar la teoría del desarrollo en un contexto de globalización. CLACSO. URL: https://bibliotecavirtual.clacso.org.ar/ar/libros/edicion/vidal_guillen/ (accessed: 27.10.2022).
- VILAS C.M. 2000. ¿Más allá del «Consenso de Washington»? Un enfoque desde la política de algunas propuestas del Banco Mundial. *América Latina Hoy*. 26: 21–39. doi: <https://doi.org/10.14201/alh.2690>
- Wegner R.C. 2018. Integração e desenvolvimento econômico: estratégias de financiamento do investimento de infraestrutura sul-americana. *Economía y Sociedad*. 27(3): 909–938.
- Zurbriggen C. 2007. La «falacia tecnocrática» y la reforma del Estado. A 10 años del Informe del Banco Mundial. *Nueva Sociedad*. 210: 156–172.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.01.2023

Received 26.01.2023

Поступила после рецензирования 20.02.2023

Revised 20.02.2023

Принята к публикации 22.03.2023

Accepted 22.03.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Хенес Агуэро Виктор Ариэль, аспирант кафедры политологии и политического управления института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия

Genes Aguero Victor Ariel, PhD student department of political science and political management of the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

 [ORCID 0009-0004-4688-3619](https://orcid.org/0009-0004-4688-3619)

УДК 323+327

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-547-556

Оригинальное исследование

Эволюция экономической элиты Гондураса и особенности её взаимодействия с государством

Усачев С.В.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (ННГУ),
Россия, 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2
E-mail: usach.ser@gmail.com

Аннотация: В статье исследуются на примере экономической элиты Гондураса особенности властно-политических отношений в государствах догоняющего развития. В рамках исследования гондурасский бизнес рассматривается в исторической перспективе, а также оценивается степень его влияния на политическую систему страны. Анализируется социально-экономическая эволюция национального капитала, в особенности его трансформация из аграрного в аграрно-индустриальный статус. Особое внимание в исследовании уделено фактору внешнего влияния: корпораций США и ближневосточной иммиграции в Центральную Америку. Отдельно рассматриваются особенности взаимодействия гондурасской элиты с госаппаратом и взаимоотношения с американским капиталом, доминирующим в экономической жизни страны. В результате анализа выявлена высокая адаптивность и гибкость бизнес-групп к внутривластным и глобальным изменениям. Также стоит отметить их замкнутость и сосредоточенность на внутреннем развитии в связи с невозможностью внешней экспансии. В завершение делается вывод о соответствии деловой элиты Гондураса органической модели развития бизнеса в зависимых странах мировой экономики.

Ключевые слова: Гондурас, экономическая элита, крупный бизнес, американский капитал, ТНК, слаборазвитые страны

Для цитирования: Усачев С.В. 2023. Эволюция экономической элиты Гондураса и особенности её взаимодействия с государством. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 547–556. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-547-556

The Evolution of Economic Elite in Honduras and Characteristics of its Interaction with the State

Sergey V. Usachev

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
2 Ulyanova St., Nizhny Novgorod 603005, Russia
E-mail: usach.ser@gmail.com

Abstract: The article examines the economic elite of Honduras as an example of a less developed country in historical perspective as well as its influence on the political system of the country. The author analyses the evolution of national business, especially its transformation from agrarian to agrarian-industrial economic model. The study pays special attention to the factor of external influence: US corporations and Middle Eastern immigration to Central America. Also the article considers specific traits of interaction of the Honduran elite with the state apparatus and the relationship with American capital, which dominates the economic life of the country. Throughout the history Honduran elite competed with international companies over state control. Due to social and economic limitations local business depends on the US economy and finances which restrains the development of national economic groups. The analysis

concludes that the capital of Honduras is highly adaptive and flexible under constantly changing domestic and global context. At the same time local entrepreneurs concentrate on internal development due to the inability to carry out external economic expansion. Therefore the Honduran business elite follows the organic model of business development in the less developed countries within the world economy.

Keywords: Honduras, economic elite, big business, US capital, TNC, less developed countries

For citation: Usachev S.V. 2023. The Evolution of Economic Elite in Honduras and Characteristics of its Interaction with the State. *Via in tempore. History and Political Science*, 50 (2): 547–556 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-547-556

Введение

Исследование структуры власти в общественных системах – один из способов объяснить социально-экономическую и политическую сущность развития человеческого общества. В зависимости от теоретического подхода исследователи могут по-разному определять иерархию властных отношений. Одна из самых распространённых точек зрения – обществом управляют лица, занимающие высшие руководящие должности в государственных органах и наделенные узаконенными властными полномочиями. Без сомнения, контроль над госаппаратом выступает важным инструментом управления конкретным социумом. Однако данный метод исследования оставляет за рамками целый пласт влиятельных групп, которые прямо и опосредованно влияют на общественное развитие рассматриваемой системы [Ашин, 2010]. В этом смысле необходимо отметить роль экономических групп, которые нередко выпадают из анализа властно-политической структуры. Их влияние на общественную жизнь велико, и экономическая элита заинтересована в том, чтобы политика способствовала осуществлению их коренных интересов.

Цель этой статьи – проанализировать становление гондурасской элиты и пределы её влияния на политику государства. Выбор предмета изучения обусловлен масштабом объекта исследования. Гондурас – небольшая страна Центральной Америки, развивающаяся по модели догоняющего развития. Её аграрный характер, маленький рынок и зависимость от главного торгового партнёра США определили особенности развития местной элиты. Структура экономических групп Гондураса и их относительная замкнутость облегчает общественно-политический анализ феномена и позволяет чётко определить границы исследования. Другим важным фактором, повлиявшим на выбор объекта изучения, стала сравнительная стабильность внутривластной ситуации. В отличие от многих латиноамериканских стран после обретения независимости в Гондурасе не произошло крупных общественных потрясений, в частности революций по типу мексиканской, кубинской или никарагуанской [Ларин, 2004]. Тем самым развитие гондурасской элиты имело органический и последовательный характер.

Объект и методы исследования

В качестве объекта исследования рассматривается экономическая элита Гондураса как динамичная общественная группа с уникальными характеристиками и исторически обусловленной спецификой. Методологической основой исследования выступает неоэлитаристская теория Т. Дая и У. Домхоффа. Согласно данной концепции, власть над обществом принадлежит элите – группе влиятельных лиц, контролирующим государственные органы, крупнейшие национальные финансовые структуры и возглавляющих ведущие бизнес-компании страны. Структурные особенности строения элиты не исключают внутренней дифференциации и борьбы определённых лиц за общественную власть. Несмотря на это, представители элиты имеют схожие ценности и в случае необходимости готовы объединяться ради поддержания существующего общественного порядка [Ашин, 2010]. В дополнение для достижения цели исследования используется исторический подход, который позволяет выявить

особенности развития исследуемого объекта. Также автор применяет в работе общенаучные методы: анализ, синтез, обобщение, систематизацию, индукцию и дедукцию.

Результаты и их обсуждение

По меркам Латинской Америки Гондурас считается одним из беднейших государств региона со слабо развитой экономикой и неглубоким рынком. Картину дополняют регулярные коррупционные скандалы, а также разгул уличного насилия и преступности. Ситуацию в стране до сих пор можно ёмко описать выражением «банановая республика», которое, казалось бы, уже давно потеряло актуальность и превратилось в журналистский штамп. Главным ресурсом в Никарагуа продолжает оставаться земля, и это обстоятельство всегда влияло и будет влиять на развитие центральноамериканской державы.

История формирования экономической элиты Гондураса напрямую связана с хозяйственной отсталостью страны и постоянным внешним давлением. Начиная с конца XIX в. развитие государства почти целиком определялось двумя сельскохозяйственными гигантами США – United Fruit и Standard Fruit. Эти компании владели крупными банановыми плантациями, финансировали инфраструктурные проекты национального значения и контролировали экспорт продукции при помощи гондурасских военных. В руках американского капитала также была сосредоточена добыча полезных ископаемых, транспортная система и порты [Euraque, 2019]. Местная элита контролировала небольшие территории, где выращивали кофе и бананы. Однако эти плантации были слишком разрозненными и не могли конкурировать с американским бизнесом. Поэтому вскоре гондурасская элита переориентировалась на разведение крупного рогатого скота и экспорт мяса. Однако латифундисты финансово зависели от иностранного бизнеса, который организовал в Гондурасе первые банки – Banco Atlántida и Banco del Comercio (оба принадлежали тогда братьям Ваккаро из Standard Fruit) [Euraque, 2019].

Интервенционистская политика Соединённых Штатов, а также агрессивная конкурентная борьба между банановыми корпорациями сделали политическую систему Гондураса крайне неустойчивой. Иностранцы традиционно опирались на военные круги, а их собственность имела статус частичной экстерриториальности и защищалась отрядами наёмников. Слабость общественных институтов страны отвечала интересам американского капитала. Перед национальной элитой стояла задача стабилизации общества и защиты своей земли от регулярных опустошений со стороны военизированных отрядов и бунтующих против американских монополистов крестьян [Romano, 2018]. В этих условиях в начале XX в. произошло формирование системы двоевластия Либеральной партии (PLH) и Национальной партии (PNH). Это сделало политическую систему более предсказуемой и создало новые инструменты влияния на власть. Одним из действенных способов воздействия на госаппарат были взяточничество и подкуп партийных деятелей. Укоренению системы клиентелизма способствовал как американский капитал, так и местные латифундисты. Участие в политической жизни и широкая практика взяток позволили гондурасской элите расширить свои возможности влиять на обстановку в стране [Bull et al., 2014].

Таким образом, на начальном этапе доминантой развития экономики Гондураса было преобладание американских корпораций в самой прибыльной отрасли страны – производстве и экспорте бананов. Вокруг этой культуры развивалась транспортная и портовая инфраструктура, финансовый сектор и внешняя торговля. Местная элита не имела доступа к достаточным земельным, финансовым и политическим ресурсам, чтобы конкурировать с банановыми магнатами и при этом независимо от них развивать свой бизнес. В этой обстановке она заняла зависимое положение и почти не влияла на экономическое развитие страны. Стабилизация политической системы и установление клиентелизма в госаппарате открыли для гондурасской элиты новые способы воздействия на властные структуры и иностранный капитал.

В начале XX в. в Центральную Америку стали массово переселяться обеспеченные выходцы с Ближнего Востока, в первую очередь палестинские арабы и евреи. Изначально они не пытались встроиться в гондурасскую элиту и использовали свои финансы для ведения ростовщической деятельности. Местные землевладельцы активно обращались к ним за капиталом, поскольку нуждались в ресурсах для совершенствования производства. Ближневосточные коммерсанты не были конкурентами для латифундистов, так как не покупали землю и не участвовали в политической жизни страны. Для них Гондурас был временным убежищем на период колониальных войн [Williams, 1986]. Однако со временем ситуация изменилась. Сохраняющаяся напряженность на Ближнем Востоке поставила под вопрос возвращение иммигрантов на родину. Кроме того, они наладили связи с местной элитой и заработали капитал на финансовом посредничестве. Начиная с 1930-х гг. еврейские и палестинские предприниматели в поисках приложения накопленных средств стали развивать нетрадиционный для национальной экономики экспорт: сахара, табака и хлопка. Такой выбор обусловлен тем, что эти отрасли не требовали больших инвестиций и быстро начинали приносить прибыль [Bull et al., 2014].

Успеху их деятельности отчасти способствовала Великая депрессия, которая сильно ударила по американскому капиталу. Из Гондураса стали уходить американские предприниматели средней руки. Они стали продавать землю вместе с технологичным производством, чем пользовались местные семьи финансистов и землевладельцев. Расширяясь в новые секторы экономики, они диверсифицировали бизнес и тем самым защищали себя перед глобальным экономическим кризисом. Также бизнесмены, используя влияние на политические партии, добились от правительства небольших концессий на добычу полезных ископаемых и начали открывать собственные банки для эффективного управления активами в разных отраслях [Martí i Puig, Sánchez-Ancochea, 2018]. При этом в условиях нестабильности глобальной экономики гондурасская элита часто объединяла ресурсы. Например, в создание одной из крупнейших сегодня гондурасской сахарной компании CAHSA вложились около 30 предпринимателей, среди которых были представители палестинских семей Ларач, Сивади, Бархум и Факуссе [Euraque, 2019].

Изменения в структуре элиты и устройстве национальной экономики начали трансформировать политическую систему Гондураса. Усиление национального бизнеса позволило ему наладить более тесный контакт с правительством, которое с конца XIX в. было под влиянием посольства США и лоббистов корпорации United Fruit. Стремясь больше влиять на политику государства, представители гондурасской элиты, например, финансисты Факуссе, Гольдштейн и Розенталь, стали активно участвовать в деятельности основных партий страны. Примерно с середины XX в., кроме иностранного капитала и военных, партия консерваторов PNH акцентированно представляла интересы гондурасских латифундистов и банкиров. На либералов из PLH делали ставку средние и мелкие предприниматели, в первую очередь из производственной сферы [Cannon, 2016]. Большое значение придавалось формированию общественного мнения и продвижению предпринимательской повестки среди населения. Важнейшие печатные издания Гондураса – La Prensa и El Tiempo – были созданы на деньги семей Ларач и Розенталь соответственно [Meza et al., 2008].

Тем самым период первой половины XX в. характеризовался для гондурасской элиты важной трансформацией. В её состав постепенно интегрировались группы мигрантов из Ближнего Востока, которые обладали финансовыми ресурсами. Взаимодействие с палестинскими предпринимателями способствовало экономическому усилению части элиты, все еще привязанной к земле. Появление дополнительного капитала расширило сферу влияния коммерческих кругов на экономику Гондураса. В то же время страна оставалась в статусе полукolonии США, где доминировала банановая компания United Fruit. В этих условиях экономическая элита активнее включалась в политику, используя двухпартийную систему и информационное воздействие на население для противодействия американскому капиталу.

1960-е гг. ознаменовались для Гондураса двумя важными событиями. Во-первых, в 1961 г. президент Соединённых Штатов объявил для Латинской Америки программу «Союз ради прогресса», которая была своеобразным ответом на Кубинскую революцию. В рамках этого проекта правительство США продвигало идею модернизации экономики латиноамериканских стран, в которых по-прежнему преобладали полуфеодалские экономические отношения. Государства Центральной Америки были важной частью программы президента Дж. Кеннеди [Ларин, 2004]. Во-вторых, палестинские иммигранты окончательно интегрировались в гондурасскую элиту и стали её неотъемлемой частью. Первое поколение «турков», как их называют в Гондурасе, держалось обособленно от землевладельцев и даже не имело гондурасского гражданства. Иммигранты второго поколения уже были натурализованы, понимали национальную специфику и даже породнились с местной креольской элитой [Sosa, 2017].

Оба события тесно взаимосвязаны, поскольку «Союз ради прогресса» создал условия для экономического возвышения гондурасцев палестинского происхождения, которые следом за собой потянули остальную часть элиты. Центром индустриализации Гондураса стал крупный город на севере – Сан-Педро-Сула. Концентрация рабочей силы и близость к главному порту страны (Пуэрто-Кортес), откуда экспортная продукция отправлялась в США, предопределили развитие этого района. Промышленники получили доступ к значительным финансовым ресурсам для развертывания фабричного производства. В приоритете была легкая промышленность: текстиль, бытовая химия, переработка пищевых продуктов. Вокруг этого сектора экономики сформировались бизнес-группы семей Каттан, Кафати (Grupo Lovable), Кафие и Атала-Фарадж [Bull et al., 2014]. Взрывной рост экспортных доходов промышленников способствовал укреплению позиций гондурасской элиты в банковском секторе. Один из ведущих банков Гондураса сегодня – Banco de Occidente – был создан новым поколением элиты из индустриальной столицы страны (семьи Буэсо и Медина) [Bull et al., 2014].

В политической сфере к этому моменту накопилось огромное социальное недовольство из-за аграрного вопроса, решению которого препятствовали крупные латифундисты. Мощные крестьянские волнения ослабили «старую» элиту и открыли окно возможностей для «новой» индустриальной элитной группы. В результате при поддержке промышленников в 1970-е гг. к власти пришла левоориентированная военная хунта во главе с генералом Освальдо Лопесом Арельяно [Bruneau, 2013]. Его реформистская политика отвечала интересам промышленников. Во-первых, правительство провело ограниченную аграрную реформу, которая была компромиссом между интересами землевладельцев и крестьян. Это позволило ослабить протестный потенциал и ввести в оборот прежде незадействованную в производстве землю. Во-вторых, на фоне снижения финансовой поддержки от США хунта инвестировала в развитие промышленности (через CONADI) и создала госкомпании в новых отраслях. Местные бизнесмены были напрямую вовлечены в этот процесс в качестве советников и миноритарных инвесторов. После свержения хунты компании в рамках приватизации целиком перешли под контроль гондурасской элиты [Eugene, 2004].

В 1980-х гг. Центральную Америку охватил острый экономический кризис. В Гондурасе это привело к закрытию ряда предприятий, резкому росту безработицы и преступности, а также политической нестабильности. Новым социальным фактором стала организованная преступность («марас»), которая использовала взятки для прикрытия нелегальной деятельности [Мартынов и др., 2017]. Вместе с тем после Сандинистской революции США обратили особое внимание на обстановку в регионе. Гондурас стал плацдармом для подготовки никарагуанских «контрас» и операций против сальвадорских партизан. Американское правительство предоставило стране огромную военную помощь, что способствовало её милитаризации, росту насилия и террора [Ларин, 2004]. Усиление давления США вызвало неоднозначную реакцию гондурасской элиты. Американский бизнес стал

действовать агрессивнее и активно конкурировал с местными компаниями. Западный капитал имел больше финансовых возможностей воздействовать на подверженный коррупции госаппарат. В этих условиях перед национальной элитой стояла дилемма: либо тратить огромные ресурсы на экономическое соперничество с иностранными корпорациями, либо согласиться на роль их младшего партнёра и занимать ниши рынка, в которых заграничный бизнес был менее заинтересован. Исходя из поведения национального бизнеса, можно сделать вывод, что предприниматели пошли по второму пути, хотя в отдельных случаях проявляется готовность к внутренней консолидации и конкуренции с иностранным капиталом. Тем самым гондурасская элита отказалась от региональной экспансии и сконцентрировалась на контроле внутренних рынков и тесном сотрудничестве с ТНК [Bull et al., 2014].

В результате структурных трансформаций экономической элиты и ограниченной индустриализации при поддержке США национальный бизнес эволюционировал в совокупность финансово-промышленных групп. Значение ближневосточной диаспоры в экономике увеличилось, и для укрепления позиций они связывали себя экономическими и семейными узами с представителями «традиционной» олигархии. Тем не менее контроль над землей оставался у иностранных корпораций, что провоцировало протестное движение рабочих и крестьян. Бизнес получил шанс на пересмотр политической расстановки сил. Но события 1980-х гг. поставили его перед сложным выбором. Суммарных ресурсов национальной элиты было недостаточно ни для открытого конфликта с иностранным капиталом, ни для выхода на другие экономические рынки. Кроме того, появились новые факторы, сдерживающие развитие местных компаний. Прежде всего, речь идёт об организованной преступности и милитаризации общественной жизни. В этих условиях разные группы элиты оказались менее заинтересованы в объединении друг с другом, и на первое место встали частные бизнес-интересы.

В 1990-е гг. в условиях демократизации и ослабления военных пост президента Гондураса стал инструментом влияния экономических групп. Основным политическим принципом стало умение главы государства находить баланс между интересами предпринимателей и распределять бюджетное финансирование и госконтракты [Barahona, 2018]. Гондурасская элита действовала прагматично, используя формальные и неформальные средства для отстаивания своих интересов. Так как влияние иностранных корпораций было велико, предприниматели активнее участвовали в деятельности партий и отраслевых корпоративных ассоциаций, чтобы гарантировать соблюдение своих интересов. В отдельных случаях представители бизнеса занимали государственные должности: глава Grupo Atlántida Г. Буэсо был экономическим советником президента в 1994–1998 гг., торговый магнат Р. Мадуро был главой Центробанка, а в 2002–2006 гг. – президентом страны [Bull et al., 2014].

В тот же период в Гондурасе происходило переустройство банковской структуры и её либерализация. Большое значение в этом процессе играл приток денежных средств, который обеспечили гондурасские мигранты. Поскольку многие граждане покинули страну в поисках заработка, для оставшихся на родине родственников переводы из-за границы были фактически единственным источником дохода [Igrías, 2012]. От трансграничного финансового потока извлекли выгоду многие местные банки – Banco Continental (Розенталь), FICOHSA (Атала-Фарадж), Banco Atlántida (Буэсо и Гольдштейн). За счёт денежных переводов выросло присутствие и других центральноамериканских банков, например, ВАС Credomatic (Никарагуа) и Banistmo (Панама). При этом, несмотря на то что половина финансового рынка распределена между многочисленными иностранными банками, ключевые гондурасские банки принадлежат национальной элите. Следовательно, капитал Гондураса в целом контролирует банковский сектор [Bull et al., 2014].

Парадоксальным образом высокая преступность и уровень насилия тоже приносят выгоду гондурасской элите. Социальная напряженность отталкивает иностранный бизнес

от рискованных вложений, поэтому он нередко продает местным бизнесменам лицензии и права на использование франшизы. Это позволяет национальным экономическим группам сократить издержки и быстро получить прибыль за счёт узнаваемого международного бренда. В настоящий момент по такой бизнес-модели работают Grupo Ferrari (медиамагнат Феррари), Corporación Dinant (Факуссе), Grupo Larach (Ларач), Grupo Terra (Нассер) [Bull et al., 2014]. В то же время благодаря дешёвой рабочей силе в 1990-е гг. активно развивались промышленные парки и «макиладорас», в которые ТНК вкладывали для обеспечения недорогого производства товаров широкого потребления. При этом такие предприятия не приносили налоговых доходов государству и слабо были интегрированы в экономику Гондураса. Работая в кооперации с корпорациями, возвысились бизнесмены из семей Кафати (Grupo Lovable) и Каримс [Martí i Puig, Sánchez-Ancochea, 2018].

Политическая система, в которой экономическая элита безраздельно управляла государством, со временем начала терять устойчивость. Растущее недовольство крестьян, рабочих, госслужащих и студенчества выливалось в острые общественные конфликты, которые политизировали население. В этих условиях народную поддержку получил крупный землевладелец Мануэль Селайя, обещавший принять широкую программу поддержки социально уязвимых слоёв. Благодаря популистской риторике в 2006 г. он выиграл выборы, избравшись от Либеральной партии [Калашников, 2015]. Изначально новый президент был принят деловыми кругами, поскольку его избрание снизило уровень социальной напряженности. Однако невыгодные для бизнеса государственные решения и сближение с левыми правительствами Латинской Америки пошли вразрез с интересами элиты. Увеличение расходов бюджета на социальную сферу создало угрозу финансовой нестабильности. Присоединение Гондураса к антиамериканской АЛБА угрожало торговле с США, от которой зависело большинство предпринимателей. Наконец, попытка пересмотреть основы политической системы через отмену запрета на избрание президента на второй срок предопределила сценарий государственного переворота, поддержанный большинством элиты [Bull et al., 2014].

Относительно бескровная смена власти указывает на внутриэлитный характер конфликта. Однако его последствия оказались переломными для политики Гондураса. Двухпартийная система испытала сильный удар и начала постепенно разрушаться. Дискуссия о приемлемости госпереворота расколола Либеральную партию, в частности, от неё отделилась Партия свободы и возрождения (Partido Libertad y Refundación; Libre) [Todd, Webber, 2013]. Новая левая партия объединила противников неолиберализма и не поддержавших отстранение главы государства бизнесменов (в особенности, семью Розенталь) и стала влиятельной силой в стране. В то же время международная реакция на свержение президента стала неожиданностью для гондурасской элиты. Большинство стран региона, в том числе США, осудили произошедшее и объявили бойкот местному бизнесу. Поддержание прежней политической системы силовыми методами становилось невозможным [Bull et al., 2014].

Выборы 2013 г. показали неизбежность распада двухпартийной системы, несмотря на победу кандидата от Национальной партии Хуана Орландо Эрнандеса. В этой обстановке деловым кругам требовалось изменить стратегию, чтобы сохранить рычаги влияния на власть и эффективно отстаивать свои бизнес-интересы. В 2015 г. запрет на переизбрание президента был отменён Конституционным судом, что уже не вызвало острого кризиса. В данном случае гондурасская элита поддержала это решение, поскольку рассчитывала на победу Х.О. Эрнандеса, чтобы не допустить успеха левого фронта [Пятаков, 2022]. В ходе бурного предвыборного периода действующий президент сумел переизбраться, но напряжение в обществе сохранилось. Не считая периода чрезвычайного положения в коронавирусный 2020 г., после выборов в Гондурасе постоянно проходили общественные протесты и бунты. Фактически весь второй срок Эрнандеса представлял собой подготовку к следующим выборам и переустройство системы в соответствии с новыми запросами элиты [Cáliz, 2018]. В частности, были приняты законы, защищающие монополию мест-

ных экономических групп (в энергетической отрасли, торговле, туризме, пищевой отрасли, рынке медиа) от иностранного капитала [Пятаков, 2022].

В политическом отношении Гондурас ожидают перемены в связи с разрушением двухпартийной системы (Либеральная и Национальная партии). В то же время коррупция в бюрократическом аппарате может усугубиться, поскольку властная структура становится более раздробленной и менее предсказуемой. Поэтому вместо работы с партийными структурами экономическая элита с высокой вероятностью будет воздействовать на руководящие лица [Sosa, 2018]. Победа левых сил во главе с Сиомарой Кастро ставит перед деловым сообществом необходимость идти на уступки. Опасения радикализации политики могут сделать гондурасскую элиту более открытой к увеличению затрат на социально значимые проекты. Важной для бизнеса будет фигура вице-президента центриста Сальвадора Насраллы, который может сбалансировать наиболее невыгодные с точки зрения бизнеса инициативы правительства и правящей партии [Пятаков, 2022].

Заключение

В настоящий момент структурно гондурасская элита занимает подчиненный статус и в силу ограниченности ресурсов не стремится к экспансии за пределы национальных границ в отличие от никарагуанских или панамских предпринимателей [Martí i Puig, Sánchez-Ancoshea, 2018]. Наиболее прибыльные отрасли экономики контролируются иностранными корпорациями, а местная элита выступает их младшим партнёром либо занимает нишевые позиции, на которые не претендуют международные корпорации. Нехватку ресурсов для реализации перспективных и выгодных проектов элита компенсирует государственной поддержкой или же объединением капиталов между собой.

История развития экономической элиты Гондураса служит показательным примером эволюции деловых кругов в слаборазвитых государствах. В результате колониальной политики ведущих стран и контроля международных компаний над прибыльными секторами местных экономик бизнесмены оказываются в невыгодном положении и попадают в подчинение к более сильным и влиятельным экономическим конкурентам. В Гондурасе внешнее влияние сыграло двоякую роль. С одной стороны, американский капитал отрезал национальную элиту от востребованных на мировом рынке отраслей экономики. С другой стороны, появление ближневосточных предпринимателей и их интеграция в элитарную структуру обеспечили приток финансов в национальную экономику, а также обновление и «современивание» гондурасской элиты. В этих обстоятельствах только серьёзные общественные потрясения (по типу Сандинистской революции 1979 г.) могли изменить баланс сил в стране и способствовать, например, транснационализации местного бизнеса. В Гондурасе социально-экономические и политические условия для такого сценария не сложились. Такая структура и модель развития национальной бизнес-элиты наиболее распространены в зависимых государствах третьего мира.

Список литературы

- Ашин Г.К. 2010. Элитология: история, теория, современность. М., МГИМО МИД России, 600.
- Калашников Н.В., Ивановский З.В., Морозов Д.В., Пятаков А.Н., Вершинина И.М., Константинова Н.С., Харламенко А.В. 2015. Гондурас: инерция на пути перемен. М., ИЛА РАН, 120.
- Ларин Е.А. 2004. История Латинской Америки: Вторая половина XX века. М., Наука, 607.
- Мартынов Б.Ф., Ивановский З.В., Воротникова Т.А., Дьякова Л.В., Лунин В.Н., Проценко А.Е., Пятаков А.Н., Шинкаренко А.А., Щербакова А.Д., Зинкер Х., Николаев А.К. 2017. Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна. М., Весь Мир, 272.
- Пятаков А.Н. 2022. Правый режим в Гондурасе: от стабилизации к краху (2017–2021). Латиноамериканский исторический альманах, 35: 181–214.

- Barahona M. Del pacto bipartidista al pacto de impunidad: ingobernabilidad, corrupción y crisis general en Honduras. In: Golpe electoral y crisis política en Honduras. Editado por C.E. Villacorta, E. De Gori. Buenos Aires, CLACSO: 37–46.
- Bruneau T.C. 2013. Civilians and the military in Latin America: the absence of incentives. *Latin American Politics and Society*, 55 (4): 143–160.
- Bull B., Castellacci F., Kasahara Y. 2014. Business groups and transnational capitalism in Central America: economic and political strategies. London, Palgrave Macmillan, 225.
- Cálix Á. 2018. Honduras: entre el recurso del método y el dramático despertar de un pueblo. In: Golpe electoral y crisis política en Honduras. Editado por C.E. Villacorta, E. De Gori. Buenos Aires, CLACSO: 55–72.
- Cannon B. 2016. The right in Latin America: elite power, hegemony and the struggle for the state. New York, Routledge, 179.
- Euraque D. 2004. Conversaciones históricas con el mestizaje en Honduras y su identidad nacional. San Pedro Sula, Centro Editorial, 279.
- Euraque D. 2019. La configuración histórica de las élites de Honduras ante el golpe de Estado del 2009. *Anuario De Estudios Centroamericanos*, 45: 19–48.
- Todd G., Webber J.R. 2013. Post-Coup Honduras: Latin America's corridor of reaction. *Historical Materialism*, 21 (3): 16–56.
- Irías G. 2012. Honduras: ¿Ruptura o persistencia del bipartidismo tradicional? Escenarios Posibles 2013–2014. Tegucigalpa: Centro de Estudios para la Democracia, 45.
- Martí i Puig S., Sánchez-Ancochea D. 2018. Democracia elitista y mercado excluyente en Centroamérica. In: *Élites en las Américas: diferentes perspectivas*. Compilado por A. Codato, F. Espinoza. Curitiba, UFPR: 115–144.
- Meza V. et al. 2008. Honduras: poderes facticos y sistema político. Tegucigalpa, CEDOH, 352.
- Romano S. 2018. Estados Unidos y las elecciones en Honduras. Espiral de dependencia y subordinación. In: Golpe electoral y crisis política en Honduras. Editado por C.E. Villacorta, E. De Gori. Buenos Aires, CLACSO: 105–112.
- Sosa E. 2018. Honduras: del golpe de Estado de 2009 al golpe electoral de 2017. In: Golpe electoral y crisis política en Honduras. Editado por C.E. Villacorta, E. De Gori. Buenos Aires, CLACSO: 113–118.
- Sosa E. 2017. Transformaciones en las elites económicas, Estado y el proceso de democratización: el caso de Honduras, 1990–2017. *Anuario de Estudios Centroamericanos*, 43: 125–148.
- Williams R.G. 1986. Export agriculture and the crisis in Central America. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 273.

References

- Ashin G.K. 2010. Elitologiya: istoriya, teoriya, sovremennost' [Elitology: history, theory and modernity]. M., MGIMO MID Rossii, 600 (in Russian).
- Kalashnikov N.V., Ivanovskiy Z.V., Morozov D.V., Pyatakov A.N., Vershinina I.M., Konstantinova N.S., Kharlamenko A.V. 2015. Gonduras: inertsiya na puti peremen [Honduras: the momentum on the road to change]. M., ILA RAN, 120 (in Russian).
- Larin E.A. 2004. Istoriya Latinskoy Ameriki: Vtoraya polovina XX veka [The history of Latin America: second half of 20th century]. M., Nauka, 607 (in Russian).
- Martynov B.F., Ivanovskiy Z.V., Vorotnikova T.A., D'yakova L.V., Lunin V.N., Protsenko A.E., Pyatakov A.N., Shinkarenko A.A., Shcherbakova A.D., Zineker Kh., Nikolaev A.K. 2017. Sovremennaya organizovannaya prestupnost' v Latinskoy Amerike i stranakh Karibskogo basseyna [Contemporary organized crime in Latin America and the Caribbean]. M., Ves' Mir, 272 (in Russian).
- Pyatakov A.N. 2022. Pravyy rezhim v Gondurase: ot stabilizatsii k krakhu (2017–2021) [The right-wing regime in Honduras: from stabilization to collapse (2017–2021)]. *Latinoamerikanskiy istoricheskiy al'manakh*, 35: 181–214 (in Russian).
- Barahona M. Del pacto bipartidista al pacto de impunidad: ingobernabilidad, corrupción y crisis general en Honduras. In: Golpe electoral y crisis política en Honduras. Editado por C.E. Villacorta, E. De Gori. Buenos Aires, CLACSO: 37–46.
- Bruneau T.C. 2013. Civilians and the military in Latin America: the absence of incentives. *Latin American Politics and Society*, 55 (4): 143–160.

- Bull B., Castellacci F., Kasahara Y. 2014. Business groups and transnational capitalism in Central America: economic and political strategies. London, Palgrave Macmillan, 225.
- Cálix Á. 2018. Honduras: entre el recurso del método y el dramático despertar de un pueblo. In: Golpe electoral y crisis política en Honduras. Editado por C.E. Villacorta, E. De Gori. Buenos Aires, CLACSO: 55–72.
- Cannon B. 2016. The right in Latin America: elite power, hegemony and the struggle for the state. New York, Routledge, 179.
- Euraque D. 2004. Conversaciones históricas con el mestizaje en Honduras y su identidad nacional. San Pedro Sula, Centro Editorial, 279.
- Euraque D. 2019. La configuración histórica de las élites de Honduras ante el golpe de Estado del 2009. Anuario De Estudios Centroamericanos, 45: 19–48.
- Todd G., Webber J.R. 2013. Post-Coup Honduras: Latin America's corridor of reaction. Historical Materialism, 21 (3): 16–56.
- Irías G. 2012. Honduras: ¿Ruptura o persistencia del bipartidismo tradicional? Escenarios Posibles 2013–2014. Tegucigalpa: Centro de Estudios para la Democracia, 45.
- Martí i Puig S., Sánchez-Ancochea D. 2018. Democracia elitista y mercado excluyente en Centroamérica. In: Élités en las Américas: diferentes perspectivas. Compilado por A. Codato, F. Espinoza. Curitiba, UFPR: 115–144.
- Meza V. et al. 2008. Honduras: poderes facticos y sistema político. Tegucigalpa, CEDOH, 352.
- Romano S. 2018. Estados Unidos y las elecciones en Honduras. Espiral de dependencia y subordinación. In: Golpe electoral y crisis política en Honduras. Editado por C.E. Villacorta, E. De Gori. Buenos Aires, CLACSO: 105–112.
- Sosa E. 2018. Honduras: del golpe de Estado de 2009 al golpe electoral de 2017. In: Golpe electoral y crisis política en Honduras. Editado por C.E. Villacorta, E. De Gori. Buenos Aires, CLACSO: 113–118.
- Sosa E. 2017. Transformaciones en las élites económicas, Estado y el proceso de democratización: el caso de Honduras, 1990–2017. Anuario de Estudios Centroamericanos, 43: 125–148.
- Williams R.G. 1986. Export agriculture and the crisis in Central America. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 273.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.03.2023

Received 20.03.2023

Поступила после рецензирования 21.04.2023

Revised 21.04.2023

Принята к публикации 15.05.2023

Accepted 15.05.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Усачев Сергей Владимирович, младший научный сотрудник АНИИ «Лобачевский», аспирант Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Sergey V. Usachev, Junior Researcher, Scientific Research and Information Agency «Lobachevsky», PhD student of the Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0000-3277-4615](https://orcid.org/0009-0000-3277-4615)